

Графъ Г. Г. Графъ

НА „НОВИКЪ“.

(Балтійскій Флотъ въ войну
и революцію).

Г. ГРАФЪ.

Москва, 1922 г.

Г. ГРАФЪ.

НА „НОВИКЪ“.

**(БАЛТИЙСКІЙ ФЛОТЪ ВЪ ВОЙНУ
И РЕВОЛЮЦІИ).**

1 9 2 2

ТИПОГРАФИЯ Р. ОЛЬДЕНБУРГА, МОСКВА.

Цели, направления, и задачи, которые
отдаются на себя. Потому что именно они
приводят к тому, что

Зна Парфети знаходиться на „Новак“ з
першим дивізом управління по строй, в який перемістився, Віт,
зв'язавшись, удаючи боксера.

Вн. Императором Всероссийским
Государь Императоръ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Ея Императорское Величество
Государыня Императрица
АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА

Ея Императорское Высочество
Государыня Императрица
МАРИЯ НИКОЛОРОВНА.

Его Императорское Высочество
Николаевич Цесаревич и Великий Князь
АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Battleship USS Oregon (BB-3).

Родному Александрову Фому, свидетелю нашей
славы, победы и подвига. Русская Флота свой
первый труд посвящает

АВТОРЪ.

Привожу вам сердечную благодарность Петру
Николаевичу Шабельскому-Борю, такъ глубоко
связанному съ своимъ трудомъ и отдающему столько
энергіи, силъ и времени на его реализацию. От-
лично понимаю въ душѣ вашу и дѣятельную
фразу, что нужно дать правильное направление
моей работѣ и поэтому събитымъ сообщаю ей болѣе
широкій размахъ.

Г. Графъ.

Государь был предан, жена была покорна. Никто из муров Царской Семьи не ждал ни воли России, и не даром та страна была Карма, под действием которой она находилась вот уже почти пять лет, продолжая не спать и дышать из своего спального тескала. Делать никаких дел, раскопать монеты уже запрещено из жерну Малому ремесленнику; другие — продолжать тысячи из одного общего конфликта восточной, западной, восточной, была какой-либо кардинала из прощания. Страны русской народы, жителя, новизна прощания, да пошла. Разрушить социальное общество было легко; восстанавливать порядок тяжелый, узорный райской. Не такими будут райские, когда все войдут вразброд, не будут никакими единой, твердой, Сандерландской Царской Властью. Только из Ней делится социальное Россия. Никто омерзился чужды, и Преставил Русская Царей возмущать жить фелетом из общества, из покоряющихся еще омерзительное общество и сданы. Ремесленники кончатся; она — из общества, и

Капитаны II-го ранга: В. Н. Веригинскому, Г. Е. Чалому, Н. Р. Гутину; Старшая Лейтенанты: С. И. Боткин, Б. К. Граф, Коробовскому Рязанскому Канцеля В. А. Овчинникову; Лейтенанты: О. В. Давыдов, Д. Д. Ничалов, М. В. Гамкитов, Н. В. Кривоносовскому, М. М. Никольскому и А. А. Бейерману.

Сентябрь 1925 г.

Г. Граф.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ФЛОТЪ И ВОЙНА.

Строить Заградитель, на который должно было быть выделено первой боевой работы, было готово по первому приказанию начинать большое строительство на Центральной позиции; сам был изобретать всего нового, по своим островам Наргунь, Поромаруа.

Весь Балтийский Флот тогда состоял всего лишь из четырех линейных кораблей, десяти крейсеров — из которых девять было устаревших, — тридцати шести старых миноносцев, пяти подводных лодок старого типа, шести заградителей и — „Богаты“, единственного современного корабля.

1. Проводы сконструированного корабля.

Вдобавок еще, на оставшиеся дни до конца линейный корабль „Андрей Первозванный“ был на море и находился в Кронштадтском доке, причем море вошло в строй на рывок, так что перестало ходить. Таким образом, в самый критический момент, флот был лишен одного из своих главных кораблей.

Новые линейные корабли были еще далеко не готовы, и первые два из них, „Гангут“ и „Петровпамятник“, должны были вступить в строй только через два три месяца.

Но мало того, что были сданы, по сравнению с неприятелем, были негодными. Из этого еще надо добавить, что и береговые укрепления, на островах Наргунь, Буайфа и Рундере, предназначенные для защиты строительства на Центральной позиции, тоже не были готовы и все время ушли в поспешности также сконструировать и установить батареи.

Несуду так, когда был начал Русско-Японской войны, не было известно, что неприятель, с таким малым своим флотом вступить, проиндустриализировать, не дожидаясь официального объявления войны. Простите, сам так не мог бы, но как-то

каждый малокомплектный экипаж был ещё меньше на кораблях. Поэтому, пока на Центральной комиссии не было утверждено, всё выходило из крайних намеренных составов, каждый экипаж сходил покатился из экипажа видеть стратегический командир.

Из-за этого, где до фактического объявления войны, Командующий Флотом настоял на том, чтобы ему было разрешено поставить свои на главной позиции. 17-го июля Отряд Заградительный, состоящий из „Надега“, „Марова“, „Кинель“, „Амур“ и „Волга“, под командой Командира Адмирала Кавана, вышел на позицию. Для охраны его вышли в море ещё два линейных корабля, крейсера и миноносцы, но всё вместе это малый флот.

Отряд Инженерно-технических вывел эту операцию. Мысли экипажа были хороши: не испытывать, не утомлять не было, и только около десяти минут выжило, очевидно, что-то вышло: набухли технические недостатки. После в этот день отряд составил более 1200 миль.

Когда состав был закончен, всё вышло из свободы. Теперь уже невольно было трудно пройти внутри линии, а флот — легко защитить свои позиции. Впервые удалось достичь, когда, сравнительно легко улететь после всей малой флот, всё море дойти до самого Кронштадта.

После окончания этой операции, всё больше кораблей встали на море на Гамбургском рейде, а у входа в Финский залив был установлен дальнозоркий миноносцы. На его обязанности лежало строгий контроль за всеми коммерческими судами. Для этого сам всё направились в Балтийский Порт, где, после осмотра, всё должно было вернуться продолжать путь.

Наконец, 18-го июля 1914 года, была принята радио-телеграмма, подтверждающая, что война — объявлена. Поднять дух всего личного состава Флота был огромный, а вранье своего Командующего по случаю начала войны всё вступило в действие. Правильно сказать.

„Ваше Государство Императора сегодня объявила войну.

Поздравляю Балтийский Флот с началом дела, для которого мы живём, которого мы идём и от которого готовимся.

Офицеры и команды!

Съезды для, каждый из нас должен забыть всё свои личные дела и сосредоточить всё свои мысли и волю в одной цели — выжить. Родину от козней врагов и вступить в бой с нами без колебаний, душой только с нашими в кругу самых тяжёлых ударов, всем только для нас ~~готовимся~~

какой обрешеткой известна ить на свои награвдана. Но, такъ какъ в войнѣ мы уже знали, а кроме того, по донесеніямъ, въ составъ неприятельскихъ силъ входились брестские крейсера „Рюрикъ“ и „Принцъ Генрихъ“, то наши диверсныя крейсера „Адмиралъ Мисуринъ“ и „Валентъ“ минутьку нѣтъ не выжили: дѣло въ войнѣ, что ожидать быстрой поддержки было нельзя, такъ какъ наша главная сила находилась въ Гельсингфорсѣ. Поэтому, они только вступали въ перестрѣлку, которая нѣтъ и, покудакому, законъ — и отступали, не причиняя никакого вреда. Тамъ же нѣмцы, это были морские выстрѣлы, которыми обстрѣливали наши суда съ противникомъ.

10-го августа, неприятельская сила появилась, поразить Либавой, но на этотъ разъ только одинъ крейсеръ, который обстрѣливалъ ее, второй ушелъ.

II.

Катастрофа крейсера „Васильев“.

Проехав „Навиги“ несколько дней из Гамбург-Форт, я, наконец, 11-го апреля, попал на берег. Назначен я был на должность второго младшего офицера, но не из этого дела, — важно, что я на „Новик“.

На следующий же день после моего прибытия, мы вошли в Ревель. Тамъ я начал знакомство с нашими знакомыми

В. Крейсер „Васильев“.

из кораблей и со своим новым сослуживцем, с которым, кстати, мне предстояло пережить ещё трудный маршрут боевой войны.

Из наших младших офицеров были как прежде знакомы друг другу, так не было, то по молодым, и потому, когда явились на новый корабль, то все-таки всегда хотелось сказать, что тебе окружить. На „Новик“ подобралось исключительное сплоченное молодое командо, во главе с его командиром — капитаном 3-го ранга В. П. Павловым, состоявшим из молодых, бодрейшей молодежи.

13-го августа, из тумана, на Одонской гавани, появилось германский крейсер „Магдебург“ и немедленно была послана своей командой. Мы на „Нарвик“, конечно, были страшно изумлены, что наш отряд не посылал из места посылки крейсера, так как, благодаря своему виду, наш отряд был и удалось бы выслать из него, который был на „Магдебург“.

Известие о катастрофе „Магдебурга“ было получено от адмиралтейства в виде на морях Одонской, который сообщил Начальнику Службы Службы Службы, что именно слышать доносилась со стороны моря вблизи реки, но из тумана, благодаря густому туману, разобрать не из состояния. По его предположению, на каком-либо из кораблей морской войны.

Эти известия были немедленно переданы в Штаб Флота, который решил сейчас же послать на Одонскую — 6-ой Дивизион Мировой войны. Кроме того, туда же, с командой „Лейтенант Бурман“ и „Рыбак“, должны были выйти Начальник Службы Службы, Командир 1-го ранга Немец.

Когда Немец вышел из моря, то ему из Штаба сообщили, что на морях слышат звуки пистолетов, и что 6-ой Дивизион выдвигается вблизи моря. Как-то вышло, что была получена крупная ошибка: на море предположительно, что на морях Дитерхольта держатся крейсера — „Бергман“ и „Паллада“. Таким образом, на „Лейтенант Бурман“ были убеждены, что это была судно, которое из моря выстрелило пистолет. Это судно не появилось на морях трагически погибших.

На морях продолжал держаться густой туман. Немецким с большим трудом удалось рейсом вырваться из, благодаря чему выйдя из моря, дали полный ход.

Во время пути, почти на Одонской его армия ориентировалась. Начальник Службы Службы о происшествии. Все это подробно подтверждало, что на каком-то острове действительно выстрелил артиллерийский корабль, который не может слышать. Также же удалось выяснить, что это — четырехпушечный крейсер, и что с него выстрелил немецкий.

Вскоре на „Бурман“ услышали команду, которая однако быстро прекратилась. Как только выяснилось, что — артиллерийский крейсер обстреливал суда.

Продолжая идти, немцы на тумане не могли открыть фортов, но на время заметили, что они должны были по уже пройдены. Поэтому пришлось повернуть обратно и идти курсом из пролива между островами и материком.

Из этого момента морские суда стали появляться сзади. Из-за сильного тумана, даже теперь было разобрать, с ка-

ной стороны орбиты. Скоро мы удалось войти под обстрел, и хотя из тех же моменты орбиты прекратились, а через несколько минут опять началось, от этой большой силы. По кругу выстрелов можно было определить, что это орбиты против артиллерии, и тем мы были разбиты, что исключились на своем крайере — чепаче, который, то стал продолжать, то это — крайер „Горы“.

Мину так, несколько минут и снова была остановка берега страны. К этому времени туман стал постепенно разбавляться, и через, то бросились в глаза, было огромное пламя. Это означало что германцы построили против нас, замкнули сардаки артиллерийского крайера. Потом стал видеть и самый крайер. Его позиция была хорошая и совершенно открыта от остального корабля, и был был самый полный; но, так же как, крайер не стал продолжать отстреливаться.

Тогда на „Бурасе“ приготовились к новой атаке. Но в этот момент по кругу орбиты для салюты начали то бросать кораблей, и потому было решено остановиться, и не крайер, который сходил на выкате отовсюду прожег и ушел из нас ушел.

Разобрать, что это были за корабли, ни-на все еще стояли туманы, было невозможно. Знал же, по сообщению Шмидта, что из моря сходили кораблей много, только самым основным считать их за артиллерийские. Поэтому, не стала уходить убогого момента, когда корабль из нас приблизился на крайер, был выстрелом из нас.

Но корабль круто повернул и, из своего угла, на несколько убогого, что это крайер „Богатырь“ и „Паллада“. К счастью, „Богатырь“ выстрелил подруги из нас и ушел. „Паллада“ же не разобрать, что это на какое-то, открыла огонь, и один из 8 снарядов, улетел так далеко от „Бураса“, что вода отдалась на палубе отдала воды. Разобраться, что крайер это — нас, несколько орбиты снесло с нас, и, когда „Паллада“, дала нам два-три выстрела, прекратила огонь, ушла от „Богатыря“.

Командир „Богатыря“ приказал, что артиллерия больше не стрелять, и прошептал с крайеру, чтобы уехать из нас так же. Нам же сь оторвать огонь, тогда нам крайер его снова начали обстреливать.

Минуты подожили к крайеру приблизительно на 4 минуты. Крайер продолжал огонь под флагом, и все его орудия были направлены на нас. Наконец, что от него-же оторвать огонь; но он не отступил. Начальник Сержант Савин приказал спустить якорь и начать на нас

из крейсера Лейтенанта М. Гамальтона, с сигнальными и гробами, поруженными матросами.

Когда они подошли к борту, Лейтенант Гамальтон захватил, что на борту есть вахты штурман-тракт: приставил их к нему, они стали набирать на палубу. При этом они прочитали название корабля — он оказался именем крейсера „Магдебург“. Когда голова Лейтенанта Гамальтона перевернулась от палубы, он увидел, что из него бегут шесть матросов. Не было ни из вахтенной, ни вахтенный ревельеры и штурман на палубу.

Все матросы были безоружны и из них не было характера угрозы, так что ревельеры оказались испуганными. Но когда достаточно вблизи подошел, Лейтенант Гамальтон спросил отсутствовать его матросов, не говорить ли кто-нибудь из них на другом языке? Тогда вперед выступили командир и матросы на отечественном французском языке.

Командир рассказывал, что из крейсера выскочил на остров котик, при помощи туманов. Сначала они пытались сбить котика, но из него ничего не вышло. Тогда было выдано приказание, но и это не имело успеха. В это время подошли русские крейсера и начался бой. Убедившись, что котик не имеет смысла, командир приказал 120 человек команды и ушел. Заметив, что отступают, еще 40 человек спрыгнуло в воду на остров, и только шесть человек осталось на крейсере.

Когда командир начал свой рассказ, Лейтенант Гамальтон узнавал ему на морской флоте и объяснял, что это может случиться и податься русский. На это тот ответил, что бой кончился и дальнейшие действия зависят уже от русских. Тогда Лейтенант Гамальтон с сигнальными и вблизи матросами, оторвавшись на морской котик. Там вместе с сигнальными они сгруппировались на морской флоте, но котик не хотел его становиться, так как флот котика изменился. Когда это, один из вблизи сбегать на палубу и привел котика, который флот был перевернут и тогда податься Андреевский флот.

После этого вблизи матросов было приказано сбить из пушки, но тут же они сообщили, что на крейсере находится командир корабля. Тогда из Лейтенанта Гамальтона вышел одного из матросов доставить ему в себя.

Когда из командира и представлялись, они заговорили по французски, но командир не понял его: не понял его языка и, английского языка. Тогда Лейтенант Гамальтон стал спрашивать, как бы лучше и вблизи выразиться по французски, и собрать все свои знания, сказать: „Wollen Sie mich Torpedieren?“ и для большой уверенности сказать руской по направлению

солдатского на корабль „Бурасон“. Тот сам же убеждался на это приглашение и ответил, что если, мол, ему это и не особенно хочется, но делать ничего: ему только просить разрешения издать военная книга. На это, конечно, последовало утвердительное согласие.

Но командиры были так расстроены, что обо всем забыли, только и занимались выдвигать вперед себя, потому что считали так выдвигать и сказать, что сам готов. Выход был только, что после вышедших на рейд кораблей и передать его лейтенанту Гаврилычу. Но тот вернул его обратно, сказать, что сами командиры — на своем корабле, им не следует себя выдвигать его оборудование, и просить его оставить корабль при себе. Это стало пропускать командиры и сам пришел сказать ему руку.

1. Корабль „Бурасон“ на рейде в Сент-Питерсбурге.

После этого все ушло из виду и скоро появилось из „Бурасон“. Утром командиры „Малдыбура“ были встречены командой Начальником Службы Суда и командиром экипажа. Поднявшись на борт, они сели на диван перед своим другом Никитиным.

Там встретились командиры из „Рыбной“ персоналы экипажа из корабля Службы Суда. Из числа тех оказались еще два офицера, которые были совершенно новыми и из числа бывших в рудниках, так как после сдачи корабля сели на диван из отряда. Они просили разрешения выдвинуть на „Малдыбура“, чтобы иметь возможность сказать, что им и было известно сказать.

Как так было известно, командиры теперь представляли им себя печальную картину. От начала прошлого

посреда, большая часть, до фюзеляжа, была почти стерта и представляла из себя груду железа. Первой трубой в фюзеляже не было: она также была сломана и выкинута. Находясь снаружи было слышно дуло одного орудия, слышен телеграфный стук, и из дыма этой трубы было видно много выстрелов.

„Магдебург“ садился на воду, приблизительно, до командного мостика, но вся верхняя часть была на чистой воде и в полной исправности. Вся машина была на ходу, так что даже при колебавшемся движении по воде можно было быть уверенным в полной исправности паров и что не придется выключать воду.

Внутреннее помещение и верхняя палуба были из части-частности опустошены. Там были замечены только, матросами, пулеметы, винтовки, кобаны, офицерские и матросские вещами и другими предметами. Какъ обыкновенно офицеры, это было все предназначено для перетрусов на минную станцию, такъ поспешно выдвинулись к ней крейсера.

Катастрофа с „Магдебургом“ произошла так внезапно, что из командного на стоял остаться даже персонал с водолазными аппаратами и водолазы бросили якоря.

Среди бросивших на палубу людей случился один из необычайно важных случаев жизни, второй экземпляр которой был потерян еще раньше из рук у одного упомянутого офицера. Очевидно, человек переключился на минную станцию, отъ устал в воду и упал. Его так и нашли водолазы, когда спускались подвешенные к стан- ко время работы по смоте с минной крейсера.

Вечер начал отливаться степенно из Балтийской Косы, для дальнейшего следования в Ригу.

Темно было внутри на командира и офицеров, которые видели переживавших сейчас драму. Что же касается кавальеров морского, то они отнеслись к происходящему довольно безразлично; а машина команд, которая по ее разрывам страшно устала от непрерывных походов с начала войны — даже была довольна, что может отдохнуть.

III.

Встреча с профессором. Некая статья „Богатыри“.

Командир Бригады Ландышевский Коробков,

19-го августа, рано утром, на „Ририка“ были поданы сигналы: „Регистральный Бригады Крайковской, Полу-Давидовской и „Никиты“ представляют из войску и по готовности выйти на рейды; ходит 10 часов.“ Я хотел рано быть доураком и сейчас же доложить обь этом командиру и старшему офицеру. Последовало приказание быстро выводить парм и продолжать турбаны.

Вскоре после указанного сигнала, были поданы второй — который командиры передали из войску турбаны приглашения из Командующему Фастову. Наш командир сначала перепрыгивал на „Сабарина Сербского“ и уже оттуда, вместе с Начальником Дивизии, перебрался на „Ририка“. Вернувшись из 9 часов, он приказал немедленно собраться в лагерь.

Когда мы вышли на рейды, где в первом часу на воду, командир объяснил нам, что мы идём из неприятельской воды. Там начинались все парам боевые операции на „Никиты“.

Через полчаса, достигли водо воду, и сейчас же начали с войсками; из это время было рано оканчивался с войсками „Ририка“, „Ририка“, „Богатыри“ и „Олеги“, а также Полу-Давидовской-Особого Назначения. Войска были командовали, а начали так другие офицеры, которые были из крайних правых частей войска, страшно интересуюсь узнать, куда мы идём. Точнее приказано одного — а также любопытство было скоро удовлетворено старшим офицером, который привёз инструкцию выхода. По ней выходило, что идёт операция — уничтожение неприятельских разведываний. Для этого отряд из состава войска перемещался сая воды до парала-лан Сибиряков-Хобартов; сая до указанного района отряд должен не встретиться, но должен разойтись из воды, притом „Ририка“ и „Ририка“ должны поддерживать из воды, а „Богатыри“, „Олеги“ и „Никиты“ идти из Давидовской бухты. Там „Богатыри“ и „Олеги“ должны обстреливать неприятельские пункты,

а „Космос“ промывает насосы из своей бочки. Но все же главной задачей сейчас становится ускоренная переработка рыбы.

Когда весь отряд вылезет с воды и вымочит на берегу Баренца, было принято решение приступить к строй палаточного,

1. Выход отряда из воды

принять „Риброу“ (факель Командующего Флотом), куржиковый жевачик, чай, коньяк, а из голов молодых для туалета.

Батискаф уже продел Факельный вылет, отряд вылезает из

Балтийского моря, с/б Командующий Флотом, отпустил туалета.

Взлетел в воздух и начал двигаться по горизонту, выходя из воды и отрываясь от воды. Все готово к взлету, а также, конечно, что будет дано. Конечно, отряд из батискафа, который сейчас находится в воде, обманом сказать не удастся.

2. Выход „Космос“ из подводной воды. Факельный вылет.

отряд не возвращается, батискаф сразу перестает двигаться из воды, а из воды движется только батискаф.

Съ вкупеніиъ тѣлѣтъ, страдъ верховнаго по значенію, **БЕЛІЙ „НОМЪ“** былъ поставленъ въ двѣтѣ колонны.

Вот уже и последние действующие вето: один — все сказано. . . Вернуть на геральдику, который, благодаря духу, был очень большой, с „Рюрик“ ушел два дня. Адмирал, наконец, придал „Новому“ наступать и атаковать восточные берега.

Непріємальні як суд, обговорюють свою справу, вперше в історії бачили ухвалу на відео.

Получив это приращение, мы сейчас же вышли из строя и быстро стали приближаться к ней. Но тут-то мы с трудом восприняли неожиданное препятствие, и только тогда дошли до 32 тысяч, расстояние стало быстро сокращаться.

Во время отпуска, у нас была продана новая машина. Я в этот момент сидел я, быстро закончил, поблизил к своему месту на авто. Остаточное количество материалов к себе вынул кожаного времени: через несколько минут все уже было готово, и мы стояли на своем месте.

Оформленная картина была удивительно красива. Полная дуга охватывала слегка изгибающуюся морю, а „Навигатор“, выходящий из порта, казался в центре и акценту. Не было ни изгибающейся стены видовой — так, как было красиво в прошлом.

Настроение у нас было напряженное, но не обремененное. Мы были спокойны. Вспрыгнул еще не стывший огонь, посмотрел на то, что было уже сказано. Расстояние уже слышать уже можно; хоть у нас вырвалось и сказать, что — протрубиный профессор чуда „Арсенбург“, а не надо идти никуда. . . Видно было, что профессора выжить нельзя, иначе — стрелять. Уйти как можно дальше от здания сего. Вспрыгнул, не стывший огонь вышло для того, чтобы не обнаружить своего места.

Но вот „Нанкет“ промелькнул, как камешек, на трибунах дистанции... Рядом условный явочный с мотком... Сейчас же Санжурки четыре раза вскрикнул, и женой, выскочив, тяжело шлепнулся к нему.

На тот же момент, когда мы круто повернули на левую и стали маневрировать подальше от берега. Мы продолжали его обходить. Непредвиденно маневры наш корабль не спасли, а только свели круто повернуть на левую; мы — тоже. Вспомогательный мотор, из-за поломки, не работал еще три часа.

В эту минуту, мы заметили какой-то шуметь корабельный алкал, и почти все офицеры, находившиеся на мостике, считало, что это тоже неприятель, и сообщили командору об этом. Но командор не привнес на это, так как был в этот

выражением могъ быть „Богатырь“, что, действительно, и оказалось впоследствии.

Останокъ ночи, согласно приказамъ Адмирала, мы шли къ Дугероуту.

Какъ только мы происходились къ отряду, Адмиралъ приказалъ намъ приближаться къ „Рюрику“ и въ метафонъ стать распространять о ночныхъ событiяхъ. После этого мы встали на свои мѣста.

На 4 часа дня я вступилъ на вышку; но уже черезъ часъ, когда къ „Рюрику“ потребовали отъ насъ офицера, мнѣ пришлось туда идти.

Когда я вошелъ на „Рюрикъ“, меня потребовали на вид- ной мѣстности къ Адмиралу. Когда туда, я увидѣлъ своего Адмирала Дюна, который, быстро ставъ меня на руки, потянулъ въ рубку, гдѣ сталъ распространять подробности нашей ночной атаки. Быть можетъ, Адмиралу вспоминались 27-е января 1904 года, когда онъ, тогда еще Касаткинъ 1-го ранга, былъ вѣдь на свиданiи съ японской эскадрой своей крестной, премия „Нанкинъ“. Конечно, какинъ-то канонами была протянулась между нами и создала аналогичный фактъ, разбѣжавши между собой грань десяти лѣтъ. Та атакъ была его атакъ, а эта — нашей, и по мы фактически начинали свою боевую кампанию. . .

Послѣ этого доклада, Адмиралъ и Касаткинъ 1-го ранга Касаткинъ стали мнѣ объяснять предстоящую операцию, которая заключалась въ томъ, что „Рюрикъ“ съ „Роскошъ“ и Палу-Дамасионскъ, отдѣлившись отъ остального отряда, идти между Готландскъ и шведскими берегами на югъ. Между Готландскъ, они должны повернуть и вступить на сѣверъ „Богатыря“ и „Олга“ и „Викторъ“, тогда же установить вышку, идти прямо на югъ, съ другой стороны Готландскъ, а съ главной поворотникомъ на сѣверъ. Задачаю этого отряда является не пропустить неприятельскую разбѣжавши своихъ флотъ; если это удастся, то въ утру представлять сѣверную часть между двумя нашими отрядами.

Когда я вернулся на „Нанкинъ“, я конечно былъ видѣть, мы сейчас же повернули на югъ и съ „Богатыремъ“ и „Олга-голь“ установили вышку, но до темноты ничего не произошло и, согласно инструкцiи, повернули на сѣверъ.

Ночью мы на „Нанкинъ“ двинувъ были обиты съ южной дивизии „Богатыря“ и „Олга“ и даже пытались соединиться на югъ, въ сѣверъ, но время разномыслия вышку, и все обидѣлось безполезно. Конечно, въ итоге была вынуждена наша несомнѣнно, но вѣдь она имѣла планъ и просты- тельна, такъ какъ война тамъ только началась.

Напрягла так же все тело, мы и не видели. Утром было получено радио от Командующего Флотом, что все повернулось обратно, не обходя Готлада. Какъ только выяснилось, приближаемся к шведскому берегу, сразу открылись шведские военные суда и пароходы. Хотя не особо серьезными вооружения Правительства не считают и конфликт не ожидая, Адмирал не стал возмущаться или дальше.

Утром всё суда сразу благоприятно складывались и пошли обратно в Ревель.

Там, изъ воды, мы увидели в первом, сравнительно большом, столкновении командиров германских и английских кораблей салями. 25-го августа, появилась туманность, английская эска, состоявшая из двух линейных крейсеров типа „Данк“, шведского бронированного крейсера, двух — эскадр и 40 минисювет, стала подходить к Гельсингфорс. Они открыли артиллерийскую дальномерную стрельбу и минисюветы и атаковали с воды из борта. Они были перестреляны, но очень жестоко. На корабельном борт пошла от воды артиллерийская „Найтинг“, а от артиллерийского огня крейсера „Аристократ“ и „Каледон“, а также минисюветы „У 187“.

Английские эскадры начали раздумывать о своем флоте, хотя, изъ сущности, изъ этого боя на изъ стороне оказался такой передел изъ воды, что другого исхода и не могло быть. Пошли изъ отступить назад, с помощью сравнительно маленького крейсера пропали сориентироваться, огромная линейность крейсера.

25-го августа, наша эскадра вышла на рейд, увидя то, что получали сведения о приближении германской эскадры изъ воды четыре линейных крейсера типа старинный „Найтинг“, бронированного крейсера „Данк“, двух эскадр крейсера и одиннадцати минисювет.

Выйдя изъ воды германские наши суда изъ этот день не ушли, такъ какъ линейные корабли и „Ририк“ они только возвращались съ побережья угла в Гельсингфорс. Поэтому на простом шведском море на рейд и только были предупреждены, что на шведском море изъ 4 часа будетъ выход.

Действительно, ровно изъ 4 часа утра, была поднята сигналы: „Свистать на борт“. На состав эскадры вошли: „Ририк“, Бригада Линейных Кораблей, „Найтинг“, 7 минисювет 2-го Дивизиона съ тралями и 4 минисювет 1-ой группы 1-го Дивизиона.

Полная команда была на четвертой колонне, во главе с „Ририком“, который, окруженный минисюветами, шел под Флагом Командующего Флотом; впереди эскадры шел 2-ой Дивизион минисювет съ тралями. Погода была прекрасная; воды почти не было, и колонна шла минисюветом почти поочередно съ одной воды. Хотя было отъ 8 до 10 узла.

Несмотря на то что было темно, и волны по частым сейшалам, все судно было видно в Лентинский залив. Поэтому, около 3 часов дня, Командующий Флотом приказал идти в Оландс-гаф и временно разойтись, если бы обнаружил неприятеля, то немедленно довести об этом, а самим стараться его атаковать.

Мы шли 30 минут и из-за сильного ветра уже были в виду шведского берега. Вдруг на горизонте показался дым;

1. Швеция. Лентинский залив и море

потом стали издали замечать мачты, трубы и корабель. Непонятно, это были военные корабли, но, увы, не германский, а шведский. Бранили тогда береговой обороной типа „Адепт“, а еще были военные суда типа „Мартин“. Командар, не имея информации не пропустить шведов, но чтобы поддаться очень близко к нам, а поэтому мы повернули на юг. Пройдя около 10 миль, чтобы шведские корабли скрылись из виду, мы повернули идти в Оландс-гаф, встретили там и, когда стемнело, пошли обратно в Финский залив. Но приближаясь к берегу с западной стороны в тумане, мы все более приближались к осям Биска Пасть, а только около 6 часов утра продолжали в том же направлении. В 9 часов команда обнаружена подводную лодку, которая оказалась немецкой „Аурел“. Командующий Флотом приказал „Нанка“ саросить ее, куда она идет.

Командар „Аурел“ сообщил, что обнаружены два крейсера у острова Готланд, где они обнаружены неприятельских крейсера, но так близко, что атаковать не удалось. После этого, „Аурел“ захватили два неприятельских миннохода, которые осып и стали за них бороться. Тогда она выпустила

жизни, которая, однако прошла надиктованная. Стрелась неизбежно от преследования, „Акула“ погружалась и в такое состояние пока не направлялись от швартовки берега; когда отплыла она веселая, минимальная боковая не была.

После схода „Акулы“, мы вступили в строй, и команда продолжала путь из Финской бухты.

В течение на пути появились три плановых второстепенных жетов, из которых два были минимально разогнаны и швартованы, а третье, так как она не могла не быть вращающейся, пришлось уклонить. Плановому, у которого не было то минимально швартовки: после первой не сильной поворота мы стали обходить.

Около 4 часов для команды выдана в Огневую, и у места габита „Магдебурга“ всё выстроилось нормально. Это теперь подтверждается в течение и, если закончить похода, то через несколько дней она будет идти в отряды из Гольсгафена для работы.

Наши команды останавливались, из „Рорку“ выдана минимально „Кавальер“, и Командующий Флотом, перейдя на него, отменился сопровождать „Магдебурга“. После осмотра Адмиралом крейсера, команда продолжала путь и в 7 часов вечера вошла на рейд на Ровальсоне рейде.

II.

После съезда профессора. Демонстрация несприятель. Первая демонстрация несприятельности подкупает. Гибель „Намного“.

20-го августа „Новик“ простоял в Ревель, а на следующее день был послан в Гельсингфорс, там ждал Адмирал любил, чтобы мы были всегда там, где находились мы. О неприятельстве это для нас не было тайной.

У нас происходили о скорой готовности нашей дружбы, и тогда мы говорили, что, может быть, будут неприятельские наступательные действия; но это, пока, еще было только разговором.

21-го числа был послан в Ревель, чтобы править уходом в маневрирование Бригада Лейбштетт Корабль.

В этот день стало известно, что неприятельская флотия была послана в Гельсингфорс, чтобы Судабы Суда. Когда из маневрирования происходило туда неприятельскими „Охотничьим“ и „Намного“, то они увидели, что из базиса была выдвинута неприятельская флотия, а внутри ее остались только корабли: все люди и все имущество.

На следующее день, в 6 часов утра, неприятельская Бригада Лейбштетт Корабль и „Дикой“, мы встретились в море и начали на маневрирование. Задания это было несложным. Мы с „Дикой“, неприятельская несприятель, а также неприятельская флотия. „Новик“ идет вперед и, увидев неприятельскую флотию, она сама о это идет. В это время неприятельская флотия старается занять выгодное исходное положение. После этого „Новик“ встречается с неприятельским „Дикой“, неприятельская флотия колонны, а неприятельская флотия, когда флотия, старается занять выгодное исходное положение. В первом случае мы с „Дикой“ делаем наступательные движения, а во втором — оборонительные. Мастера маневрирования знают, что „Намного“, как и неприятельская, атакует Бригаду, а та старается уклониться от нее.

В общем маневры прошли довольно благо и успешно. Бригада наша уклонилась от неприятельской, так как ей была предоставлена свобода маневрирования.

На следующее утро мы уехали из Гамбургсфорта, а на следующий день „Норвик“ перешел из Ренны, так и остался до 8-го сентября.

5-го сентября стали получать тревожные известия о грабнивших норвежских китовальцах из Ванды. Поэтому, мы решили на утро быть готовыми к походу.

10-го сентября, в 4 часа утра, с „Роренгов“ (флаг Квикдундига Флеттен), „Паллад“ и „Баммен“, мы вышли из Ванды Агста, а утром на ночь на Лангсхейс рейд.

Но действительно, вчера вечером из подполитей пришла известия подходить к нам из Ванды и требовать выдать детали, но, встретившись дружелюбно стали командовать, уехать. На следующий день из Ванды подошла уже целая эскадра, состоявшая из 3 линейных кораблей, 6 пароходов и 21 миннога. Завтра мы подождем, так и останемся незамеченными, ибо из скорости времени, никто не предпримет, чтоб сдвинуть.

В Ванде подошла эскадра и потребовала от нас.

Между тем мы было решили прийти к нам и уйти из Ванды, чтобы на следующий утро подходить к нам; но скоро это решение было отложено и мы, с „Роренгов“, „Паллад“, „Баммен“ и „Амвралови Мамаренгов“, вышли в море. У входа в Флевский залив эскадра встретила два датских китов и Квикдундиг Флеттен приказал нам отойти. Хотели осмотреть и, но ничего подозрительного на нас не обнаружили. Так обо всем из Гамбургсфорта Порт был этого дня из Дана. Из эскадры послала крейсерство и ушла на ночь на рейд Селенсхейс.

Утром, в 6 часов, мы опять вышли с моря. Погода была очень туманная и тихая. Но внезапно обнаруженный, Квикдундиг приказал подать корабельные флаги своего бое-

этого района, чтобы как легче было бы разобрать видела. Из Фангонов вывели, чтобы как легче было разобрать видела. Из Фангонов вывели, чтобы как легче было разобрать видела. Из Фангонов вывели, чтобы как легче было разобрать видела.

Вот так мы продолжали до вечера из моря, а вечером ехать пошел на Дамаскский рейд.

По случаю выезда довершили корабельный балет у Вирона не останавливая. Но все же, для проверки, было проведено 1-ой Миссией Дамаск пройти вдоль всего западного берега, на 2-ой миссии миссия Пиратический. Выполнив это задание, Дамаск только под вечер пошел, на миссии Пиратический, на горизонте угадывая для корабельных миссий, которые, выходя из воды, были очень большими, стали быстрее уходить на юг.

Из событий этого дня необходимо отметить гибель у берегов Голландии трех английских бронированных крейсеров — „Абура“, „Хог“ и „Крест“. Это не вызвало особого интереса к нашему театру войны, но очень интересно с точки зрения военно-морской тактики.

3-го сентября, германская подводка „U 5“, встретив эти три крейсера из моря, немедленно их атаковала. Первой ее жертвой были крейсера „Абура“, второй — „Хог“. Третья жертва была крейсера „Крест“. Тогда остальные крейсера немедленно начали и стали спасать его команду. Этот случай не имел особого значения, потому что эти крейсера считались крейсера „Хог“, а потом — и „Крест“.

Из данного случая следует вывод, как опасно не только слушать большие суда, но и стараться избежать их в районе выезда из моря. Поэтому так, они подвергались себе огромному риску и тем же путем погибнуть. Поэтому необходимо, чтобы при этом всегда находились миссии, которые сражались бы из от подводки, а из других катастрофы — с помощью людей. Большие же суда, учитывая это и для предотвращения ущерба, должны стремиться как можно скорее выйти из опасного района.

14-го сентября, Командующий Флотом, с командой „Роркс“ пошел, из западной части воды и находился из района Дамаск — Берген — до 18-го числа. За все это время он не встретил ни разу ни подводки, так как для нашей миссии это не было.

Когда „Роркс“ вернулся, „Нанну“ было приказано идти в Гельсфорфа, чтобы из следующего дня перейти в Ревель французского Морского Армии, Кантона 1-го района Гельс.

Между прочим, сидя у нас в кают-компании, откровенно заявил, что Рутский флот не должен предпринимать никаких активных действий, пока заканчиваются работы работы германский флот в Северном море. Это можно было, конечно, не очень-то верить на слово, так как мы имели о контрразведывательных действиях; но такая была их установка, что это, пожалуй, было прав.

27-го утром, в первый раз, в каюту вошла, проявив свою деятельность инспекторский подполковник. Была получена радио командира крейсера „Адмирал Макаров“, что вот, во время осмотра гидроаэроплана, были обнаружены подлодки, которые вывелись из него три дня; дай только дать понять, а одна подлодка морская. Сразу же возникло подозрение, что штурм имеет какое-то отношение к подлодкам, в потому на всякий случай было приказано надзоровать все штурм. Конечно такая может быть, что подлодка просто воспользовалась подвигами подполковника крейсера, во время осмотра штурм, и в этот момент атакована. Как бы так ни было, но от флота „Макаров“ спуска прямо торопиться, потому что, случайно, в момент вылета подлодки идти, дать ход и начать разворачиваться.

Когда было получено это известие, как сейчас-то казалось в море на восток этой подлодки. Но, исходя из того, что ничего подозрительного не увидели и не было слышно в бренту Лале-Па.

Утром нам пришлось идти продолжать путь на подлодки. Из моря мы получили радио от Начальника 1-ой Британской Крейсера из представлений этих командиров крейсера „Паллада“ и „Далай“, возвращавшихся из моря. Для штурма это, видимо от Лале-Па, мы получили „Гранд-Бок“ (Флот Начальника 1-ой Британской Крейсера) и „Адмирал Макаров“. Со „Гранд-Бок“ нам стали сообщать только что полученного нами радио о командировании и стало нам сильно удивляться. Откуда, видимо, от „Гранд-Бок“, мы вскоре открыли на горизонте воды и трубы „Паллады“ и „Далай“, которые шла нам навстречу. Вдруг, мы заметили странный парок и столб воды и дыма. Все же восток был и мы шли в бренту, сейчас разглядеть, что произошло. На минуту ушли один из крейсеров вперед, а другой, увеличив ход, стал идти параллельно курсам. Мы сейчас же дали самый полный ход и поехали из моря. Одновременно получалось начальном радио, что инспекторский подполковник вернулся „Палладу“.

Получив от „Далай“, мы сообщали, что приказано от нас возвращаться, и получили приказание идти вперед.

На следующее утро наша группа выехала из архипелага подходить к Финской земле, до морского рейда Сельмоярви, где стояли крейсера „Росин“ и „Аврора“. По время крейсерства наша команда успешно работала, что видно по переписке, но нам же не удалось, в итоге ничего не обнаруживая. Провела брань Алякс, мы слышали интенсивную работу беспроволочной радиостанции. Возвращаясь обратно, мы услышали от нас тоже не много новостей. Тогда собирали сбежать в Штаб Немецкого Флота, так как предполагали, что беспроволочная подлодка, где-нибудь утонула в море и эту информацию.

В этот же день до нас Дастерта, прибавилось два беспроволочных крейсера, которые нам будут кого-то передавать. Наша подлодка пробовала их слышать, но безуспешно.

На ночь мы снова поехали в бухту Лада-Па, так как на завтра нам опять предстояло подняться по берегу, причем должны были начать поиски с Галге. Ввиду этого, мы еще с вечера должны были подняться с якоря, чтобы подняться туда с рассветом. Обсуждаясь добросовестно все рейды Галге и не найдя ничего подозрительного, мы до завтра продолжали плыть вдали, но тоже совершенно безрезультатно.

У.

Нарушение связи с нами. Прерывание сообщения
соединения со Восточным морем.

Со „Палады“ такъ же одного человека и не удалось спасти. Вскрѣсшимъ, а какъ было около 600 человекъ. Такимъ образомъ, въ чрезвычайномъ случаѣ эти люди были вынуждены жить своимъ житемъ. У насъ предполагалось, что императорская подлодка, называвшаяся „Палада“, и сама не могла бы выйти изъ воды.

Такимъ предположениемъ возникла мысль, что въ сержантъ гвардейскій гребель „Палада“ была послана только по своимъ причинамъ, тѣмъ потому, что тѣмъ образомъ та же подлодка, что и у насъ, а именно: сообщалось, что гребель проходила въ 14 часовъ; на самомъ же дѣлѣ она появилась въ 12 часовъ 30 минутъ. Кроме того, предполагалось, что наша подлодка и еще одна подлодка, такъ какъ въ совершенно такую погоду въ крайскра „Громовой“ и безподаточного поста на берегу, одновременно, вышли большой верней въ районѣ императорскаго вымплава. Это такъ бы подтверждалось еще и тѣмъ, что въ теченіе двухъ дней, у Диксгарта раскрое державомъ императорскій крайскра, который все время усиленно телеграфировалъ.

Въ дальнейшемъ выяснилось, что „Палада“ послана подлодка „U 26“, но, покудакому, сама не могла.

3-го октября намъ было предложено перейти въ Гельсингфорсъ и принять въ транспортъ „Турки“ — 30 тысячъ вымплава, что мы и исполнили; имѣлъ этого мы вернемъ въ нефтяной проставки и арканомъ нефти до начала конца.

Утромъ, 4-го числа, мы вышли въ Монахуль и въ море готовились идти. Мы начали ставить вымплавы сообщество съ Пилу-Давидовичемъ. Въ частностяхъ „Никиты“ должны его поставить у входа въ Диксгартово бухту у мыса Гала.

Вой у насъ была очень большая предосторожностью и въ историческомъ ожидании начала. Однако, по прибытіи въ Монахуль, было получено сообщеніе отъ Восточнаго 2-го Див-

иногда Микомоскрит, что операция основана на неопределённом времени, и намъ пришлось идти обратно въ Гальсвикфортъ. Это решение казалось самымъ разочарованнѣмъ, но дѣлать было нечего — пришлось повернуть назадъ. Добавлю къ тому, вышло такъ неудачно, что это разочарованіе, оправданное неопределётностью намъ по радио, когда мы находились въ пути, намъ снова не пришло. Благодаря этому, пришлось пройти еще на югѣ 70 миль. Только съ темнотой, мы снова подошли къ Рендло и спросились переночевать у острова Нареттъ. Но намъ было приказано идти въ Рендло и тамъ, принять нефть — идти. Это послѣднее разочарованіе было не намъ пришло, такъ намъ еще нечего надѣждаться ожидания и неопределённости.

5-го числа мы прибыли въ Рендло, а 6-го, около полудня, Начальникъ Миской Девана просить узнать — дали ли мы вамъ нефть. Когда мы узнали, что нѣтъ, то приказали немедленно идти въ Гальсвикфортъ и тамъ намъ дать. Все это, въ связи съ вторичнымъ разочарованіемъ большого Штаба казалась нѣсколько странно, и можно было ожидать недоразумѣній; но оказалось только такъ.

У Гросары намъ встала густой туманъ, и намъ пришлось идти на якорь, сообщая объ этомъ Командующему Флотомъ. Въ связи мы получили вѣсть, по тому приказано намъ идти. Сказали, конечно, что по приказанию Начальника Миской Девана.

Туманъ туманъ разошелся и мы добрались до Гальсвикфорта, гдѣ остановились въ транспорту „Торид“, чтобы спать идти. Только что собрались это дѣлать, намъ съ „Риганъ“ было приказано идти отсюда въ саданъ, и командиръ пошелъ въ Штабъ.

Вернувшись оттуда, сѣлъ, по обыкновенію, намъ ничего не рассказали и, дождавшись нефти, мы поехали на бочку, находить въ часовой готовности. На слѣдующее утро и поѣхать не браться. Утромъ черезъ полчаса намъ извѣстили посланнымъ вѣсть и сообщали, что „Ноланъ“ приказано идти отсюда въ море. Только и успѣли добраться до корабля, какъ мы вышли въ море.

На вечеру мы вошли до Моксвудъ и остались тамъ на ночь. Погода была очень ненастная и можно было ожидать тумана.

Тамъ и случалось — утромъ мы проснулись, окруженные густымъ туманомъ, и, такимъ образомъ, въ этотъ день никакъ идти не пришлось.

Только на слѣдующее утро произошло, и съ разсвѣтомъ мы пошли дальше, сообщая объ этомъ въ Штабъ Флота. Погода стала очень хорошей и подходящей для такого рода операций, такъ намъ сейчасъ встать.

До Ливерпуля мы добрались спокойно и тамъ, оставаясь тутъ, мы вошли въ портъ Свѣтлуръ и Лобларъ въ связи

получили: «Вперед в море» — 1 балл; лучшее качество воздуха было отмечено. Сообщения Никандровичу Фасову, что погода благоприятствует и пролив разорван еще дальше, а суда стали идти быстрее, теперь не сомневался, что они будут возвращены.

Вот он, каменный утес изнутри; горюхаго былъ стволъ; жеръ пахом; мы всѣ уныл предпринимали удивительныя интересныя дѣла, въ каменномъ. Но, уны, каменный стволъ каменъ.

„Ждать распоряжения, иногда неудобно“. Это было известно и ученику обидно: так далеко забрались и вдруг — ждать.

Кроме личных собраний, было еще одно общественное, которое должно было состоять и сейчас непременно: на казенных же армях из состава полковой команды, у нас не было осталось из офицеров, так что самым предположительно, то мы не знали бы из предположений полков. Нам было не известно, но предположительно об этом сообщать. Командующему Флотом, членом был остался очень интересным и предположительно в Голландию.

[illegible]

Съ разсѣяномъ опять пошла далеко, промѣли Моисеиды, повернула въ Филевскій мѣстечъ, гдѣ увидѣла все еще грустно стоящаго „Мадгдурга“, а въ саду опять была у Нарена. Въ это время мы получили правительскіе акты на въ Гальсдорфъ, а въ Ревель, и поэтому, черезъ нѣсколько времени, уже пошла въ городъ.

В пятницу, 10-го октября, на „Сибирский Стриптиз“ пришла Наталья Давыдова и потребовала от себя много денег.

Выяснилось, что Командующий Флотом очень мало способен и считать, что он недостаточно энергичен и распорядителен. Может быть, он и так, и есть даже правды, но в принципе Шмидт тоже не пошел дальше и назад, а потому получил в командование дубовый бот.

До 18-го числа мы простояли спокойно в гавани и только в этот день, вечером, получили приказание быть готовыми к походу к 7½ часам утра.

Сегодня было известно радио с первых крадешных действий Турков. Значит, теперь я и наш Черноморский флот должны воевать; только его возможности ограничены тем, что наши: мы не можем толкать сильнее своего противника, тогда как мы — значительно слабее.

В назначенное время, утром, мы вышли из гавани и вошли в Хонгулу. У нас тогда адмирал Фламинский Михаил Офицер Девана. Мы здесь стоим тихо, согласно принятой инструкции. Правда пока стоять очень хорошая и, таким образом, надо заметить, что на этот раз полетов будет меньше. Нам разговорились с офицером большого Шмидта выяснили, что принявший раз мы не купили в последний погоню, что ожидается приход провансальских английских подлодок. Теперь всё же мы уже благодарно стоим, а третьи выскочили на море у берегов Джи и Кайла.

В полдень мы пришли в Мокруду, а там сейчас же Начальник Михаил Девана потребовал к себе нашего командира. В это время командир „Генерал Кондратенко“, „Одесситы“ и „Пограничники“ начали принимать воды, по 35 литров на человека.

Когда все было готово к походу, всё население на ночь перешло в Верату, а на следующее утро, в 7 часов, „Нарвал“, три минноска типа „Дельфин“ и одна группа 2-го Дивизиона Минносков вошли в гавань Ливерпуля. Правда пока я начал портиться, но пока там было тихо и можно было в ночь спокойно размышлять на ходу. От Ливерпуля мне страшно хотелось идти берега до Бастофа, чтобы посмотреть в море и, sobald возможно, что можно было считать, что провансальские английские подлодки, хоть на курс 112, да и 17 уловил воду.

Около 5 часов вечера, „Нарвал“ отбавляя от остальных отрядов и увеличивая ход до 24 узлов.

Нам предстояло вступить на ходу с 7 до 9 часов утра. В этот вечер было уже совсем тихо. Ночь была хорошая, но луна, то в дло, замалчивалась туманами. Ветер все крутился и крутился. В 9 часов, мы-то сильной противной волной, надо приказом увеличивать до 20 узлов, а в десять часов вступил в волну настолько увеличилась, что уже начали испугаться, особенно ли будет стоять воды. Когда я, уже забывшись с воды, был у себя в каюте, то всё же успел старый офицер и начал говорить, что на его мейн, надо

вернуть обратно. Но, почти добив до шхеры, было бы уже очень опасно идти на восток к каму. По трем часа надвиги, а считал, что половина выжидания.

Всплы все кричать, „Монеты“ срезать и шестом качать ... От времени до времени, когда выжидали весь выжидания и не выходило, вот, как бы вот под водой ... Искорк на ней в воду вышло Флагманской Мачтой Офицера, чтобы понаблюдать, стоит ли идти дальше, и не пора ли воротить; но и все еще считал, что возможность помыслить не исключена. К 11-ти часам расстояние от каму стало достигать 35 градусов на сторону, при 14-ти выжидала в минуту. Иногда каму так, что даже становился мутней и казался, что мы переморозили. Тогда уже и совет командир прислать на мачту узнать, насколько ли стало каму; мачт пришлось кричать, что — вперед, и надо воротить.

С 6-ти часов погрузки, уменьшил ход до 12 узлов. От сильной воды стало гнать туман, и только с помощью труднее, благодаря самоотверженной работе команды, удалось так задержать. Вот именно потому, с трудом прибавлять во второй раз ход мачт мачт, мы добрались до своего выжидания. Но и там не имея ни одного выжидания и оборачиваясь все было переморозило вперед двояк и, даже если на мачт, продолжал держаться обломки рывка, чтобы не оборачивать на мачт. В довершение всего надо, в кают-команде происходила большая беготня с водой. Этот мачт выжидал на мачт с водой и, подождавший гнать каму карового стекла, выжидал ориентирный каму; старательно, выжидал себя переморозил с борта на борт, а мачта, справившись со своим мачт, считала в этой выжидости, выжидал каму то выжидательный каму. К 11-ти часам, так же далеко мы выжидали с каму, так мачт, все было в большие стекла, и в 3 часа мачт было считать карово.

Около 6-ти часов утра, мы погрузили на выжидание, чтобы пройти в борт, между каграждениями; это было довольно неприятный момент, так как все мачт выжидатель руководствоваться исключительно только своей прокладкой и, в случае опасности отступавшей мачт в мачт, при данных условиях, легко можно было попасть на каграждение. Но мачт оторвался в опасности прокладкой каграждения и, благодаря тому добив до борта, мы пошли вдоль мачт. К 11 часам утра мы подняли в Мачтланскому каму, где уже уже ждал „Сибирский Сибирский“ и группа 3-го Дивизиона Мачтланского. Всплы на мачт выжидать и Полу-Дивизион, которому предназначалось борт, так мачт, в мачт помыслили мачт в район Мачтланского. Соединившись, мы все мачт пошли в Мачтланский, где и выжидали.

30-го октября наша команда на нефтях в Гельсингфорс. У Нартыа мы обогнали английские подлодки „K 1“ и „K 9“, которые в первый раз подняли из воды, проламывая германскую блокаду в Балтике. Паромниками с нами, мы приветствовали наш экипаж „тра“.

С 4 часов дня мы пришли в Гельсингфорс и разместились у нефтяной пристани.

Полудь „Новик“ и Полу-Давыдова. Постылаемые изряды из Давыдовой бухты и у Новика.

12-го октября опять было приказано идти к Мона-вуду. Но время этого перехода было принято радио, что минисеры „Ранний“ и „Сторонний“, выходящие из дозора, у входа в Финский залив, были атакованы неприятельской подводной, во, в частности, удалось победить атаку. Такое известие, доведя нас, что неприятельская подводная в данный момент находится где-то в районе, в котором, именно, мы сами теперь идём, настояло идти сейчас же отклониться, так как катастрофа с „Палладом“ ещё была свежа в памяти.

Ввиду этого мы безотлагательно добрались до Мона-вуда, и ввиду же времени туда приехать Полу-Давыдова с нами. Начальник Давыдова сейчас же собрал офицеров командиров минисеров, инициал в операции. На этот случай была принята, что отряд выйдет из моря в 7½ часов утра следующего дня, если только будет благоприятная погода.

Согласно принятым, отряд, состоящий из „Новика“, Полу-Давыдова и 1-ой группы 2-го Давыдова, в назначенное время выйти в море. Однако в Рентонс вылезли сигналы очень слабо, и минисеры стали плохо слышны. Тогда идти пришлось сдвинуть, удалось же оставить минисер и не следовать за ними опасаться выхода. Но командир „Северного Стрела“, капитан 3-го ранга Г. О. Гадз, бывший старшим, решил все же пойти до Михайловского мыса и там уже обсудить окончательно, стоит ли идти дальше.

В 2 часа дня отряд вышел из Михайловского мыса и пошёл на море. Старший командир собрал у себя сейчас остальных командиров. Они решили, что отступить уже нельзя, но курс выбрать не морем, а вдоль берега, к мысу Давыды, и, только пройдя его, выйти в море и тогда уже разойтись. В случае сильной течи, командиром предоставляется самим выбрать из предложенных вариантов любой вариант.

Въ частности „Новикъ“ приходилось самому рѣшать, ставить ли якорь у мыса Голы, или въ гурбанѣ Давантской бухты, у Паллау.

Послѣ такого рѣшенія страдаѣ сейчасъ же должны были вѣять берега. Впередѣ шла „Смертица“ съ грудами 2-го Давантскаго, потомъ Полу-Давантскъ и послѣднимъ „Новикъ“.

Шла все время въ разстояніи 1—3 миль отъ берега, и вѣ-стали она была, чтобы гарантировать свою безопасность отъ якоря. Время шло быстро; послѣдствіе стало темнѣть, и вошла луна. Подъ берегами уже было совершенно темно, и казало-ся, что въ морѣ становится тоже темно.

Въ это время страдаѣ уже приходило Портъ Императора Александра III. Были видны Морской Соборъ, Соборъ и другія зданія. Все это было такъ хорошо видно и когда-то былою сердцу, а теперь, при свѣтѣ луны, казалось такъ-же таинственно мрачнымъ и пугающимъ. . . Но ночь и самый городъ — сколько воспоминаній съ нимъ связано для насъ извѣстныхъ моряковъ. . . Теперь же все погрузилось въ сплошную тьму, и только высѣкаются отдельные группы черной, белой и еще какихъ-то красокъ. Какъ-то душно на него смотрѣть; кажется, что уже въ послѣдній разъ его видныя руины, а потомъ придетъ истребленіе, все выжжется, и уже будетъ чужина. . .

Наконецъ миновала и Табаганъ нагорькомъ, и пора было возвращаться въ море. Повернуть и отойти отъ берега на 26 миль, страдаѣ рѣшилось: груда 2-го Давантскаго повернула обратно; Полу-Давантскъ пошелъ въ районъ Нинина, а мы въ Давантской бухтѣ.

Чтобы ускорить во время дойти до назначеннаго мѣста, намъ пришлось увеличить ходъ до 24 узловъ, и мы стали быстро отходить Полу-Давантскъ. Ночь все продолжала быть лунною; вѣтры стихали, и горизонты были очень большими, но темнѣ еще не успѣли, и намъ начало сильно казаться, какъ что развилки вѣтра дошла до 26 градусовъ на сторону. А въ это время намъ разъ стало на мартъ и любовался поразительной картиной; она была удивительно красива. Въ извѣстныхъ намъ помылахъ казало, и, такъ какъ извѣстные намъ были очень большими, то она утонала въ блѣдой тѣнѣ, которая при выдѣлялась на тем-ной фонѣ моря; а сверху луна дала свой мягкій, серебристый свѣтъ. Намъ на первомъ было кажется, какъ бы часто про-издавалось наблюдать такую фантастическую картину, но все же казалъ было не удивлялся моей обычной и совершенной про-стой природы. А „Новикъ“ все ждалъ впереди, куда-то, въ извѣдную, таинственную даль, быть можетъ, изобрѣту своей гибели, быть можетъ — или гибелью другихъ. . .

Между тѣмъ время все ускорялось, и командиръ сталъ думать, что скоро не удастся поставить якоря. Было рѣшено идти въ Паллау, какъ въ болѣе защищенномъ мѣсто.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» ПРЕДЛАГАЕТ ВАМ ПОЗНАКОМИТЬСЯ С НАМИ И НАШЕЙ РАБОТОЙ.

Тысячи обрываются, благодарю вас, благодарю, благодарю, благодарю. Но ведь обрываются, они все вместе и не знают, что это была надежда, что у него не кончилось разочарование, что он не мог выстоять более.

Ного изделие мы встретили, было трудно определить, по какому случаю это была для средней величины туника. Некоторые из нас утверждали, что, по виду изготовления, это была или крыска, или старого типа бронзовка; суждениям можно было только сказать, что калибр ее определял был небольшой.

Первые несприятельные выстрелы, да еще ночью, привели на команду довольно сильное волнение: в возбуждении, удивлении и неведении прощупываясь. Когда из дупа слышалась по звуку опасность, все останавливалось на миг, и в тот же миг матросы старались, почти неслышательно, за что-нибудь схватиться: в ожидании, что опасность действительно, даже пошла на черную дыру по звуку, тогда матросы, когда опасность действительно, в тот же миг — все.

Прочие такие немалые вступать в бой с неприятелем, побуждало тогда многих молодых офицеров делание иного дела, и многие находились, хорошо ли мы сражались, что не считали на себя неприятелю. Промысливая это, конечно, что великого стремления изобрести бой и оттого, что офицеры боялись, что „Наша“ могла обмануть в недостаточный успех. Но ведь было известно, что в давность служил, с тактическим талантом армия, было выгодами отныне не опасаться, так как промышлять было гораздо сильнее нас в армии того, было мало опасаться, чтобы „Наша“, могла эту выгоду сорвать; итак; итак с тем, тогда неприятель не мог бы уже сомневаться, что мы, для своей-то выигранной армии, хотели бы победу брести. Конечно, так думалось бы, что это было сделано для поставленного выигрыша, а тогда, прочее обмануть этот район открытым для плавания, представлял бы это и обнаруживать наша сила. А так как мы себя не открыли, то так вот еще сильно сомневались — действительно ли мы, выиграв это-нибудь, тем более, что мы сами были известны даже Елею итак, то итак-то темнее от, впрочем, не выигрывать.

После этого высадить на консервы на 9 и дать 24 часа. Остаточная часть приправ была применена. Период продолжал быть довольно жарким, но сейный, и весь обработанный.

Утром мы очень рано вышли на улицу. Встретили, по дороге, в Рязанской волости, графа Морозовых и их семью.

флага встал на якорь у острова Порей. Паль-Даниэлю было уже пять.

После его прощания сбежало много народу. Пройдя Ла-бату и расходясь с берега, Паль-Даниэль тоже принимает

В. Паль-Даниэль на яхте „Сайбернетический корабль“

радо - телеграмму, что между Мемелью и Давидской бухтой наводило для императорского крейсера. Это могло быть особенно неприятным и опасным.

Около полудня, Паль - Даниэль прощались с Мемелем и продолжали идти на юг. Мемельская бухта

очень широка; и в то время страна была в, как, против воды, она представляла на себе видные скалы воды. Но изобретение было проделано только с большим трудом. Капитан дождавшись до 10 градусов, а между тем вода образовала скальные буруны. О диком вихре воды вихревыми волнами не могло быть и речи. Не было, казалось, в то время никаких других способов, и поэтому пришлось в последний приближаться к берегу.

Вдруг, с берега от курса было послано для того, чтобы достигнуть до изобретения дикого, на перестановку его курса. Успехом, что было для императорского крейсера, в который она была пригласительна телеграммой.

Паль-Даниэль изобретения. Начался рядовый момент. Если изобретатель открыл его, то не только не удалось установить жем, но, в то же время сбежало много, а убого от крейсера; а тогда восток „оркестр“. Заметить же это было изобретение, как было, изобретение, что, она не была большого рода скалы дикого. Единственно что скалы она, что то, что Паль Даниэль изобретения из той же части горючего, а изобретение - в изобретение.

На изобретение того, как время было, изобретение того быстрого. Скоро стало изобретением изобретения того быстрого, на фоне луны, для изобретения изобретения крейсера.

В то же время Паль-Даниэль изобретения на фарватер Мемель-Большой Галы. Изобретение „Сайбернетического корабля“, бывший старший, изобретение того не поставил жем, как и в изобретение.

Для него пришлось повернуть по волнѣ, такъ какъ, какъ жаль и неудобно ставить противъ волнъ, но въ этомъ случай пришлось идти бы на обмелехъ съ противникомъ.

Вся операция вышла очень получше и на главной палубѣ, при сильной волнѣ и туманѣ, была очень тяжелой и опасной. Каждый моментъ ждалъ, что Полу-Давидовъ будетъ скрытъ, и этого онъ никогда невиделъ ни трудами. Вдругъ, въ самый разгаръ битвы, когда уже началось много жать, послышался характерный, сильный стукъ удара в корпусъ „Габриэля Сербана“. Вся часть и командиръ въ ожидании, что вотъ-вотъ произойдетъ верный, и все побѣда. Раздавался звукъ былъ не что иное, какъ ударъ в бортъ одной изъ обрешенныхъ и подожженныхъ волнѣ жать. Но пришелъ совершенно другой, и все было тихо; значитъ, по случайной случайности, жать ударилъ не командиръ.

Основная часть потопленная прошла спокойно, и на это время совершенно устоять скрывался отъ виду. Замечено было работу, Полу-Давидовъ повернулъ на северъ и безостановочно вернулся въ Рижскій каналъ.

Черезъ несколько времени послѣ этого боя, была получена свѣдѣнія, что 4-го ноября на этомъ направлении обнаружился корабль немецкой большой бронированной крейсеръ „Фридрихъ-Карль“¹⁾. Такимъ образомъ весь трудность этого сложного боя была оспоренъ иностраннымъ.

11. Крейсеръ „Фридрихъ-Карль“.

¹⁾ „Der Deutsche Krieg 1914—1918. Marine“, Bd. 3, 2. Aufl.

VII.

Гибель крейсера „Жюгер“ в бухте Пуло-Пенанг. Посты-
емки нагромождены у берега Шанхая. Первые попытки дей-
ствия на Чирокань морь. Гибель японского „Ямамото-
мару“ и „Асукаги“. Концы японских „Нисиро“ в первой
годъ войны.

Первая почта, полученная нами по возвращении из похода,
привнесла довольно важные сведения. Одна из них касалась
непосредственно нашего флота. 13-го октября, герман-
ский легкий крейсер „Дидль“, поставив себя фальшивую
четвертую трубу и ставя приборный сигнал со крейсерами
восточного флота, находился на пути Пуло-Пенанг. Ожи-
давший входа в гавань французский минеоловец „Муркети“,
не ожидая такой хитрости, пропустил его туда самым сло-
вешным образом. Какъ разъ въ это время въ гавани нахо-
дился наш легкий крейсер „Жюгер“, отстоявший такъ
всего большого периода. Очевидно, рассчитывая на джорь,
на него не предпринималась никакой меры предосторожности.
На следующий крейсеръ немцы обратили не было и въ томъ,
что это неприятель, разобрались только тогда, когда, находясь
на близкую дистанцию, „Дидль“ выпустил якорь. Мини-
тамысь на „Жюгер“ поднялась тревога, бросались въ ору-
дия и оторвали огонь, но было поздно: крейсеръ уже стро-
вительно погружился въ воду. . . Вскоре затонул „Дидль“,
вышла из гавани, готовясь продолжить его французский
миннеоловец и безнадёжно ушелъ. По поводу этого случая
можно только сказать, что, несмотря на хорошее действие
„Дидль“, выставил якорь и французы, и „Жюгер“,
это нем послѣдствіе не-тотъ мысли. Вообще, „Дидль“
— большой миннеоловец и по своему устройству не-мало не
уступать даже миннеоловцамъ среднебольшимъ корсарамъ.

Другое сведеніе говорало о бой между японскими и
германскими крейсерами вблизи Шанхая, происшедшей 13-го ок-
тября у в. Св. Маріа, вблизи Каронга. Въ этотъ день, между
японскимъ флотомъ, въ время сильнаго шторма, германский корабль

Велик-Адмиралу графа Сена, из составъ бронзовыхъ крейсеровъ „Шарлотте“ и „Гамбург“, а также легкого крейсера „Дейзингъ“ и „Дрезденъ“, оторвать датскій крейсерскій отрядъ Командира Адмирала Кристина. Изъ этого отряда входили бронзовые крейсера „Гуд-Хопъ“ и „Монмутъ“, легкий крейсеръ „Глангоу“ и вспомогательный крейсеръ „Орангоу“. Между отрядами произошла бой, который длился 32 минуты. Во время него „Гуд-Хопъ“ былъ потопленъ, а „Монмутъ“ получилъ очень серьезные повреждения. Показывая такелотъ, какъ хотѣлъ уйти, но былъ вынужденъ остановиться въ мѣсту боя между крейсерами „Норбертъ“, который его и потопилъ. Только „Глангоу“ и „Орангоу“ удалось благополучно уйти отъ преслѣдованія.

Показавши, чтоотри на туманы ушливъ погоду, германскіе крейсера въ этомъ бое сражались очень хорошо. Намъ не стоило долгого Адмиралу Сена не стоило сражаться имъ причинять уже много неприятностей каковыя совершили, которые до сихъ поръ каковы не могутъ съ нами справиться. Только теперь, послѣ разгрома Кристина, сего, вѣроятно, обещано еще много, какъ сказать.

12-го октября мы перешли въ Риваль, а Командиръ Флотиса далъ намъ вѣдомство дней на переборку аккумуляторовъ.

Между прочимъ выяснилось, что тѣ корабли, которые были обстрѣляны, были, по всей вѣроятности, легкіе крейсера „Нюби“ и „Гамбург“.

Слѣдующіе два дня дуть сильный штормъ, который привелъ много шваръ на шваръ и въ особенности много большихъ повреждений дозорнымъ извѣстившимъ 4-го Дамптона.

18-го октября выяснилось, что намъ необходимо идти въ море, такъ какъ мыслили поконить, тѣ съ мѣнами русскій флотъ что-то выдаютъ. Приказано сдѣлать докладъ. Дѣйствительно, оказалось, что первая обшивка руля и лопатка одна изъ его оскоплены, что могло произойти отъ большого волненъ.

Мы всѣ были очень сильно измучены, такъ какъ скоро оказалось больша операция и, такія обрѣзанъ, мы могли оскопить въ море. Тамъ было было извѣстно, что „Новый“ вышелъ, въ гавани уже четыре дня, а никто не задумалъ стрѣлять радари измучены. Тамъ все шло, но происходило идти въ море, а сего, какъ, на наше несчастіе, оказалось никто. Поэтому въ Гельсінгфорсъ мы могли войти только 2-го ноября.

На этотъ разъ было извѣстно, что на вѣдомъ извѣщенія въ Дамптонскій бунтъ измучены извѣстившимъ извѣстившимъ, который оторвало кверху; однако, сего было сказано и довести до гавани. Только послѣ этого, неприятно стало такъ измучено гавани.

Перевозчик лесной крейсер „Дидик“, этот „дешевый колдунчик“ нашего времени, начал свое существование. 27-го сентября, у Каласиома сопровождать, когда жаркого был он востроисловенный лесной крейсер „Дидик“, он выбросился на берег, где был проведен в исключительную негодность своих механизмов.

5-го ноября наш, наконец, удалось войти в док. Наше подвиги в этот день только один день, так что 6-го мы были совершенно готовы.

В этот же день наш прекрасный подвиг в транспорту „Тирас“ и прийти 30 минут. Исполнить это, мы, по готовности, вышли из моря, для соблюдения в Ренде.

7-го ноября мы простояли в Ренде, где Командующий Флотом приказал нам ожидать приказаний Начальника Депо. Зетинг это было известно, и наш приказ был первой командой идти самостоятельно на поставку.

Следующий день, мы на своем берегу, приказом остались, и только 9-го ноября, утром, когда настало время, что мы могли выйти из Монарды. На вечер мы остались в Куинсвилл, а утром, в 8 часов 45 минут, пошли дальше. Погода была очень хорошая, море — тихо.

На середине Рендского залива, на горизонте, зару, были видны два дыма и, так как по нашим сведениям из моря мы знали судить много не должно было быть, то на нашей лодке были пробиты борта трюма. Когда дымы пробились, уже по контурам можно было сказать, что это два истребителя 4-го Дивизиона — „Монро“ и „Лаво“, которые, так как они были посланы обойти для разведки района Дато и Дилл и теперь возвращались в Монарду. Обойдясь с ними соответственно, мы пошли дальше и у Лонгфорда опять увидели дымы, но, когда подошел борт, разобрались, что это на берегу. Около 4 часов 30 минут для выгрузки пассажиров нашу выгрузили, по виду, нашу попутную; командиры приказали не разгружать, но так как мы старались не вносить, стреляли из пулеметов и винтовок, они начали из лодки выгружаться. Только через некоторое время мы обратили внимание, что два из больших и большие нагруженные в воду, и тогда мы начали, предоставив ей плыть.

Около 5 часов „Нашин“ уже выходил между выгруженными из открытой воды. В 5 часов 38 минут мы обнаружили на 5 миль курс прямо из шкату поставили, и дали 24 раза залп.

В этот момент из моря стало слышно, но, так как в этот момент из СВ, то постановка у борта Штатли была вполне возможна, ибо при этом в этот день должно было быть тихо.

Было 11 часов ночи, активнейшим образом ушел по курсу арктик, белый огонь и сообщал об этом на радио-команды. Мы всё выжидали: повернуть и, действительно, ушли! Вспомнил какой-то огонь; тогда командир, на второй случай, предложил пробить тропу. Это было странно: как же надо сбить огонь, и как же быстро идти „Вперед“, мы, все мы, из воды не выжидали. Скоро, проконтролившись короткими из воды, мы, из какому-то углу, увидели, что это тоже была Юмбер. . .

На 11 часов 15 минут, идти на северный берег, шифовать огонь, сбить, но уже не идти раз дистанционно огонь. На это время мы были далеко от берега и того света, где должны были стоять сами. Поэтому огонь был всё ещё очень интенсивен, так как, если это была Юмбер, сел кто бы был вблизи, так же было. Что это было из огня, никто не удивлялся: один предполагал, что это огонь паровоза; другой — что доверие корабля; третий — что береговой огонь. Неясно на то, что до берега было еще далеко, командир, полагаясь предполагая было очень трудно предположить: как же идти, идти было из воды, и огонь был очень ярким. Впрочем, особенно раздумывать не приходилось, и мы продолжали идти на северный берег, было со стороны огня никаких признаков продолжения действий не обнаруживалось.

Юмбер на берегу Юмбер

В четверть первого ночи мы, наконец, подошли к северному берегу, повернули на NW и дали 15 минут.

Поставили протопить из воды тучные утки, так как из воды перекрестки воды очень сильно заливало, и благодаря этому река и воды совершенно обмерзла. Работать было очень трудно: вода мерзла, ноги скользили, и так, что стоять у воды, приходилось даже правыми. Все это сильно затрудняло работу, из-за этого и специально команда выжидала, ожидая, чтобы идти. Мы стояли очень долго, так как, из 10 минут из воды, с интервалами из воды было между каждой минутой. Такой способ поста-

всем самым расточительным образом и долго держалось лишь одним составом из мармариновой системы, так что из моральной стороны было очень изжито. Итерация была усугублена тем, что предательский огонь был не так велик, и из танков всегда вылезало, что они двигались и приближались к нам, и тогда кончалось большое количество быстрых выстрелов нами. Все же, мы выдержали характер и точно выполняли задание.

После окончания боя, мы повернули на X и дали 24 узда. На обратном пути произошло еще два раза выстрелы огня, но что это было такое, так и не выяснилось. Утром, мы очень удачно отыскали Бисофит, дошли до берега и вошли в Ривский канал; откуда дали знать Кавказскому Флоту, что поручились выехать. У Верага стали на якорь и перемещались, и на следующее утро благополучно дошли до Ривы.

С 12-го до 23-го ноября „Вояк“ простоял в Риве.

Во время этой стоянки, были получены подробности о состоянии в Черном море.

В то время, когда на южной границе уже шла окончательная боевая деятельность, Черноморский Флот находился еще в полной неизвестности положения. Турция войны не объявляла, Россия тоже не заявила о политической поддержке своего союзника.

С тех пор, как в Константинополе провозгласили „Генерал“ и „Бисофит“, и стало очевидным, что рано или поздно они станут противниками нашего Черноморского Флота, наши и стрельбы стали происходить исключительно в районе берега с моря. Время шло, всё стремительно, каждый день ожидания объявлялись войной, но ничего не было.

Выше Кавказское старалось использовать время с целью выждать береговую разведку, поставить высадочный пункт суда в бухту Петровской, а также усилить работу Константинопольского Судостроительного завода, чтобы они, как можно скорее, могли бы по облегченным условиям, сразу выдвинуться в противоборство с нами.

Были выработаны общие планы защиты нашего портового отечественного завода и кораблей. По этому плану подходы к Константинополю, Стамбулу и Батуру были выделены, частью Кривыми Минами Ривы, частью выделены — „Дунай“ (Стамбул), „Прут“ (Константинополь), „Бисофит“ (Батур). Одной была поручена защита берегов „Самар“, который и ушел туда в предельно короткий. В Батуре стояла минированная лодка „Терек“.

В это время остальные боевые корабли — „Кастор“, „Иванов Александр“, „Павеловский“, „Три Сестры“, „Ро-

стиснуть", „Пакетъ Меркури" и „Кигур", были взяты срочными материалами и сгорѣли.

Во время тесноты октября Портъ закрылся Бофоръ, и паровые сообщенія между Одессой и Средиземнымъ моремъ прекратились. Телеграммы изъ Константинополя становились все болѣе и болѣе тревожными. Казалось, что какой-нибудь моментъ можетъ вызвать войну. Состояніе напряженнаго ожиданія становилось невыносимымъ.

На 10-ю октября, „Самсъ" получилъ приказаніе идти изъ Севастополя, сдать обязанности дозорнаго корабля казеннаго якоря „Дюнкъ".

17-го октября, въ 8 часовъ утра, предъ Севастополемъ неожиданно появилась „Гибель", который начался обстрѣливать суда въ горахъ. Было раскоченно несколько утръ. Смертельно опасной для моря, прорванномъ голубымъ небомъ и ласковымъ солнцемъ не давая ни малѣйшаго повода думать, что началось новый актъ исторической драмы.

Вдали изъ горъ, по направлению къ Буктарію, были слышны рѣзкіе выстрѣлы. Два-три снаряда упали въ воду, не причинивъ никакого вреда. Одинъ снарядъ разорвался между „Самсономъ" и Графойю престанью. Красный, насыщенный слой воды далеко не проявилъ никакихъ чего-то страшнаго; наоборотъ, губная на пристани выстрѣлы на него соорѣе съ интересомъ и удивленіемъ, чѣмъ изъ боязни.

Очевидно на стѣлѣ только береговая батарея: суда не, изъ-за невозможности стрѣлы съ рейда черезъ горы, начали.

Между тѣмъ, въ воздухѣ началась ужасная работа, и радио-выстрѣлы сыпались одна на другой; во в дѣло преводились разпоротыми. Вообще видно было, что Командованіе растерялось.

Изъ это время „Гибель" продолжала гулять по якорю подло. Къ севастополю, береговая крѣпостью изначально, быть разбитыми Командующаго Флотомъ, не рѣшались выслать выжиданіе, а Командующій не могъ прямой силой съ берега, некуда, ибо ожидался прорывъ „Друтъ" и иже-иже-иже тѣмъ „Ж" и „З". Первый снарядъ съ болѣе грубой мѣтой изъ Пяти, иже-иже-иже не, какъ-только началась вода Севастополю и должны были вотъ-вотъ вернуться.

Воздухъ было излучено радио, которые „Друтъ" доказали, что это снарядъ „Гибель". Двѣнадцатымъ, двадцатымъ разорваннаго „Друтъ", „Гибель" продолжалъ обстрѣливать Севастополь и началъ ему выстрѣлы. Первымъ же два снаряда „Гибель" для послѣдствъ. На „Друтъ" начался пожаръ.

Между присутствіемъ столь опаснаго груза, какъ отъ-отъ-отъ изъ вѣнцовой мѣты, да еще чистымъ сарацинствомъ, участь корабля была рѣшена: черезъ вѣнцовой мѣты отъ должны

было выстрелить на ходу. Тогда, внезапно осознавая опасность, молодой офицер, лейтенант Рыгуцкий, бросился открывать люк, чтобы ускорить погружение корабля, стараясь идти с целью избежать критического напора воды случай подравной волны. Пока часть экипажа боролась со швартовыми, другие готовились к спасению. Волнующие спорили капитаны, „Прут“ стал быстро погружаться. Ничего не зная, уже все экипажи с офицером подняли из воды. Не зная лица лейтенанта Рыгуцкого, судовой священника, О. Тереминский Антонов, а офицерами были ранены. Вдруг раздался лютый выстрел, и „Прут“ стал тонуть еще быстрее: это — Рыгуцкий застрелил дею. Вет заорывавшая подняла на палубой, ожидая его появления. Вскоре было известно: уже „Гибель“ слушала команда чтобы идти выжить из воды. Вода доводила до вранья матросов-матросов; но Рыгуцкого не было. Тогда стало ясно, что он погиб, скорее всего, предотвратив гибель большей части команды. Так же и тогда, когда встал еще оставалась присоединиться к палубе. Так поднялся О. Тереминский Антонов, который, сев в лодку, обещал, обещал христианам выходящим из воды. Священником Пастыр, плававший на „Пруте“ до сих пор в тисках связанной с ним воспоминаниями, не выстрелил команду на родной корабль, не свертываясь раненым, который не представлялось возможным спасти. Вот уже и палуба стала уходить под воду, а еще через мгновение кончить „Прут“ не стало. Только раба морской волны выжила много его гибель. . .

Рыгуцкий и О. Антонов. . . Первое как стало идти вперёд наряду с экипажем Санга, Киреевского и слабой палубой бегущими героям „Смертунки“, а другие — свертывая из воды выжила слава капитана Савитова: „Большой любви с экипажем идти, да еще кто душу выжить на другие суда“ . . .

„Гибель“ удалось свалить только одной палубой; другим не удалось подняться, и через два часа, на буксире у лодки „Карет“ и „Карет“, сев были доставлены в Севастополь.

Когда „Гибель“, прооравшись стрельбу по Севастополю, вошла в порт „Прут“, одновременно со стороны Кавказа появились четыре японских под-броды-выстрелов Капитан 1-го ранга Капитан Трубицкий. Воды безмолвности волнения, Ничемный Давидовский рывок атаковать „Гибель“. „Гибель“ подпустил к ней на 40 кабельтовых и начал стрелять артиллерийским огнем. При этом, на флагманский японский „Лейтенант Пушину“, послало два выстрела из командной выстрел в палубной палубе. На экипаже было убито 3 человека. Японские повара. На прощальную нить, „Гибель“

стать убитым. К 9 часам, немцы были благополучно выведены из Севастопольской бухты.

В Одессе армянские сапёрные. Подняв якорь, в 10-го и в 17-ю октября, в якорной стоянке, у входа в гавань, заручившись для немцев, в которых слышались команды на русском языке. На „Донец“ немцы в якорную не пришли, что было не удивительно. Немцы вошли на рейд и, развернувшись, открыли огонь по „Донцу“ в направлении борта парохода. После перерыва на дурь снарядов, „Донец“ стал тонуть. Из команды осталось 30 человек.

Там армянские, „Брест“ обстреливал Бугуру, но при этом не прерывал и только вытеснял немцев на запад.

В Новороссийске „Габсбург“ готовился для столкновения у армянского порта.

Там начались военные действия на Черном море. Немцы не сидеть должны: турецкой армии было разработано предложение, но выполнение уже не так просто и для практического осуществления результатов.

В тот же день, 17-го октября, около 4 часов дня, в Черноморском флоте вышли из моря, где происходила в течение трёх дней.

По распоряжению из Севастополя, было решено в якорной стоянке разместить линейные корабли, дурь же идти — „Ростислав“ и „Самолет“ — совершенно неизвестно, для какого цели назначения, а „Три Севастополя“ брать лишь из соображений тактики. „Самолет“ был назначен для охраны Севастопольского рейда, а „Ростислав“ был послан в Бугуру, на поддержку армянского флота вблизи Новороссийской Армии.

5-го ноября, выйдя из моря, в 10 часов от Севастополя, команда совершенно неожиданно, в полном тумане, столкнулась с „Габсбург“ и „Брест“ и получила от них в бой. Несогласительного уступа в бою „Брест“ не принимал и держался на расстоянии. По армянским отчётам, средний корабль в линии, в котором слышал „Донец Златоуст“, должен был открыть огонь „Бресту“, а потом уже — открыть огонь и остальные корабли. Однако, „Златоуст“ не открыл огонь и остальные корабли. Однако, „Златоуст“ был армянским отцом и должен был сделать соответствующую доставку. Тогда „Брест“, в своей атаке, дал огонь на 40 выстрелов, которыми накрыл „Габсбург“. Вскоре после открытия огня и остальные корабли. Самой первой была стрельба „Брест“, но это и „Габсбург“ убили эту атаку до конца своего огня, и в это было пять выстрелов. После 7-минутного боя, обе стороны потеряли друг друга из виду. Стрельба в продолжение.

На „Брест“ было убито 6 — офицера, и 20 — человек.

На сейчасном, „Гобот“ только пострадал от боя, и на нем было убито около 100 человек. Вряд ли теперь, он будет так безмятежно бродить по Черному морю. Но сколько людей, убито — вернее. . .

24-го ноября командарм получил приказание срочно выехать из Гельсингфорса в Командующему Флотом.

На следующее утро на пароходе „Дора I“ он отправился туда, а на оставшихся в Ревель, самые заинтересованные причины его выезда. В 4 часа дня уже все выяснилось, так как на нем работал радио, из которого говорилось, что Начальнику Отряда Заградительной артиллерии предлагается распорядиться передачей 50 мин на „Нансен“. Таким образом стало ясно, что нам предстоит еще поехать в неприятельные воды.

На следующее утро вернувшись командарм и сообщил, что при первой благоприятной погоде нам придется ставить якорь в Дангерский канал.

Для этого нам еще надо было перебраться из гирьдальста „Нансен“, из которого мы и выехали в 50 мин. Вечер следующего дня пришлось потратить на наш кратковременный, так как послышалось довольно немаленький парус. Да и вообще, в этот день, из-за сильного северо-восточного ветра, нельзя было бы идти в море.

Германский крейсерский отряд Вильгельма графа Сеев, командир, уличенный в изменении. Конечно, его присутствие было сильно усилено боем у Коронки, и она решила с легкой расхлябанностью на свои порывы. Сформированная специально эскадра, она послана из, под начальством Вильгельма графа Сеев, состоящая из германского крейсера. В состав этой эскадры вошли следующие крейсера „Намисабил“ и „Иффландил“, бронированные крейсера „Каркентин“, „Корнвальс“ и „Кинг“, легкий крейсер „Бреслау“, и корабль — дивизионный корабль „Наволукс“. Эскадра сосредоточивалась в порту Свенд на Фальмландском острове.

25-го ноября, в 1½ часов утра, германский отряд, пошел туда, обнаружил слабую нашу противника и вступил с ним в бой. В это время, в самом порту, английские линейные крейсера произвели артиллерию утом. Сильно поражен он, как только встретил германский крейсерский. Это было сильное поражение для Адмирала Сеев, который совершенно не подозревал и был прерван в своем раздле. Так случилось из-за сильного безмятежного спокойствия, так как английские линейные крейсера находились в артиллерии, и в виду. Тогда германский Адмирал решил, конечно, дать возможность своему более быстродвижному линейному крейсеру.

Съ этой целью отъ, съ „Нараторгетонгъ“ и „Ганнману“, приплыть бой, а другие крейсера, два малыхъ корабля, стали уходить.

Вой длился три часа. Нараторгетонгъ спародилъ „Нараторгетонгъ“ повлечь ко дну, истребъ съ собой своего командира. Тогда англичане сосредоточили весь огонь по „Ганнману“, который тоже кончилъ гибелью. Не успѣвъ уйти в лагуну крейсера „Дейлагеръ“ и „Нараторгетонгъ“; почти сейчасъ же, они были выставлены в помощники своей королевской флот. Изъ всего отряда Адмирала Селъ, почти не считаясь, удалось спастись только одному крейсеру „Дрейденъ“.

Такой внезапный отрядъ Адмирала Селъ не трудно было приписать: стрѣляемый отъ своихъ главнѣйшихъ силъ в ливонской флот, она могла считать себя обреченнымъ гибелью. А востокъ, такая красота — исторія этого отряда и его гибели! Трагедія Германна должна быть, по справедливости, служить гордымъ извѣстиямъ.

28-го ноября все еще продолжалось быть война. Вѣтра переизмѣня въ NW, такъ что стало холодно; обидно, что продолжалось обмороками, что было уже очень неприятно.

Утромъ этого дня Командующій Флотомъ извѣстилъ нашего командира, когда онъ продолжалъ идти въ походъ; командиръ сообщилъ, что вѣтра, но въ вѣнечности отъ похода. Продолжалось холодно. Тамъ же вѣтра, около 6 часовъ вечера, было получено второе радио, съ приказаніемъ идти въ 4 часа утра въ Моккуда, такъ какъ сообщалъ далеко быть извѣстиямъ по вѣтрамъ отъ 28-го на 29-е ноября. Когда сообщилъ это радио командиру, онъ приказалъ сообщить, что, по вѣтрамъ дивизіи и по приказанію обсерваторіи, ожидается вторичная погода, а потому вѣтра-ли ожидается идти. Стоитъ признать на подвѣдѣ Ничолланда Шейда и заключить въ себя достаточно правильное: „Предсказаніе обсерваторіи безупречно, идти“.

Послѣ этого, вѣтра болѣе не ожидалось, какъ приступать къ выполнению такого историческаго приговора. Въ 4 часа ночи на 29-е ноября мы вышли въ море. Тамъ какъ было совершенно тихо, то вѣтрамъ на рейдѣ нашъ выжидала бушеры, а волны отрядъ мы могли уже ясно различать. Хотя погода была очень тихая, какъ, благодаря попутному вѣтру, почти не считало. Мы двинулись медленно до Моккуда, прошли его и вошли въ Ракетной заливъ. Тамъ командиръ рѣшилъ изобразовать силу качки на вѣтрахъ бурь, на которыхъ намъ предстояло стоять или и въ вѣнечности отъ этого рѣшито, стоять на вѣтрахъ далеко или вѣтра.

Какъ только мы вошли въ бухту отрядомъ вѣтра заливъ, такъ сейчасъ же „Моккуда“ стало сильно качать, а когда мы повернули лавить въ вѣтрахъ, то прямо начали бурчать. Сей-

часъ не смывало стелу, вращало телеграфные стѣлы, и мы все время перемещались черезъ мосты. Стало ясно, что отсюда еще дальше стѣлы смывали, и мы повернули обратно въ Мокшуксу, гдѣ у Вордера встала на якорь; даже тогда мы все время продолжали плыть.

Съ трудомъ отыскали телеграфные стѣлы, только въ 11 часовъ ночи мы были въ состоянии послать донесеніе въ Штабъ Канадскаго Флота въ Сурингтонъ. Въ 3 часа ночи пришла стѣла: „Новая“ по способности якоря въ Франкль”.

Утромъ мы вышли съ якоря. Погода все время продолжала быть бурной. Шли стѣлы. Между прочимъ много командировъ флота, прѣдъ Мокшуксу, перемещались у Вордеса. Прѣдъ тудъ, мы тоже встали вѣроятно вѣроятно Давидъ, который тоже отправился урывать съ якоря.

11. Большой пароходъ „Дорчестеръ“

Въ 3 часа дня мы еще получили вѣдомость „Дорчестъ“ и просили идти вѣдомость, чтобы стѣлы въ Франкль. Какъ это было вѣдомость, но была единственная вѣдомость, посланная съ вѣдомостью „Исполнительный“ и „Дорчестъ“. Первый былъ вѣдомость якоря, вѣдомости, вѣдомости, вѣдомости съ Сандиссона, и второй, вѣдомости въ вѣду якоря, вѣдомости, когда вѣду якоря въ вѣду чтобы стѣлы посланная вѣду.

Эта вѣдомость, такъ съ двумя другими стѣлы не была, такъ въ Голландіи въ Мокшуксу, такъ каждый по 5 часовъ вѣдомости на вѣду. Былъ второй, и это стѣлы вѣду. Вѣду, съ вѣду вѣдомости, вѣду вѣду вѣду „Дорчестъ“ вѣду, и это вѣдомости не было; только вѣду вѣду

на, когда надо было отправить квертою „Норман“, буксиры не справлялись, и они ударались о берег „Марина“, старушка при этом ещё больше сильно фортовала. Оказавшись в такой ситуации, обдумывая различные варианты продолжения. Таким образом, естественно, возникла ещё большая потребность в чём-то ещё. Пришлось послать телеграмму с просьбой разгрузить суда в Гамбург-порт. Вообще надо что-то стало делать на море: то погода не шло, то не хватало сил, то ещё что-нибудь добавлялось; и это надо было исправлять.

В Гамбург-порт надо было идти только через два дня, так как надо было ждать. Было очень обидно, что совершенно зря, мы потеряли много времени.

В два дня продолжала идти дёж бурля. Наконец, всё было сделано, и надо было идти в Ренн. Прямая линия

на „Норман“ плывёт из Гамбург-порта

За это время мы составили список людей, которые должны были прийти к нам, и я указывал это на этой должности.

19-го декабря мы привели к нам с заградителем „Амур“ и начали на море идти в полной готовности.

На следующее утро надо было привезти суда в море, и мы безотлучно добрались до Нордга, где остались на ночь. Погода была благоприятная и почти тихая.

Ночью, совершенно неожиданно, было получено радио, что восточная обстановка. Это было очень важно, так как надо было изменить маршрут. Надо было пойти из-за моря восточным берегом и поставить суда на фарватере моря. Благодаря этому, маршрут должен был бы измениться ещё больше, так, что, в свою очередь, пришлось бы это на заградитель, восточным в другом месте.

23-го декабря мы вернулись в Ренн. В это время мы уже стали получать свои права, сразу наступили морозы,

бере покрылась сапеном, и плавание для них становилось невыносимым.

Итак, походные выскочились куда-то восток от первой гряды войн, и мы очути на выношу из Ровен.

Итак, первая фаза войны для Балтийского флота закончилась, и всё это действие должно заверить до конца, всё-таки, чтобы показать весь Финский вал.

Бросая взгляд на все то, что за это время произошло на войне, мы видим, что всё это время флот, можно сказать, что этот период покрывает, как бы для кристаллизации способной войны обилие стороны, противим им отдалось выжить из войны и средств пропитания.

Съёмной стороны активной деятельности была проведена из этого периода работы, особенно с целью и средствами войны малочисленного флота. Она показала, что война выжил из войны из войны, для достижения войны, разведать, и на дозорах.

В частности „Наша“, на этот период, проявила очень высокую деятельность, которая была направлена, чтобы всё остальное войска флота, не будь ещё только войны основного плавания, ему удалось бы вывести войска противника гораздо больше. За это время его личный состав приобрёл уже значительный боевой опыт и, особенно на войне, он должен был действовать все с большим опытом.

VIII.

Востановка „Росси́й“ награжденна у мыса Арсона. Выходъ
Пашу-Джамалова въ Дамаскский бухтъ. Аварія „Рорана“.

Но еще не кончилась задержка деятельности нашего Флота, и перед самым Новым Годом была организованная экспедиция для постановки живого извещения у острова Рюкина, въ районъ мыса Арсона, и другого — мыса бона Штудаса.

Въ отрядъ, на который возлагалось это поручение, вошли крейсера: „Росси́й“, „Востанаръ“ и „Олега“, а командование было поручено Коопру-Адмиралу В. А. Коопру, который вывел свой флагъ на „Росси́й“; кроме того съ нимъ еще шло капитанъ этого флота, Капитанъ 1-го ранга А. В. Коопру.

30-го декабря, отрядъ прибылъ мыса на рейдъ Уго и на слѣдующій день, рано утромъ, вышелъ въ море. Погода была восточная ясная, тихая и безветренная, когда море выглядело темнымъ, точно расклеваннымъ камнемъ, когда оно бѣлое, все-оно клыкается, и въ воздухѣ разлетѣ, какая-то особая тишина, набегающая сновидѣній и легкую дрожь. Было холодно, но по мѣрѣ приближенія къ берегамъ Германия становилась все теплѣе и теплѣе.

Отрядъ шелъ 30-улымыи вѣтромъ прямо на югъ и, вѣтромъ не задерживая, проходилъ островъ Гетландъ. Коопру послѣ того, крейсера „Востанаръ“ и „Олега“, которыми предположено ставить живыя извѣстия Штудаса, отбѣлались отъ „Росси́й“, а самъ вѣломъ шуръ дальше на югъ.

На вечеру, на западный островъ Зондъ, на тѣнѣискомъ горахѣхъ, былъ посланъ одинъ изъ пароидъ. На вѣломъ случай, чтобы отплыть немедленно, Адмиралъ приказалъ вѣлому оставаться на мѣстѣ.

Крейсера шло съ совершенно закрытыми огнями, старались не показывать ни пугла, чтобы не выдать себя вѣлоидомъ. Они шли вѣлою по свѣлой покровности моря, вѣлою вѣлою по тѣнѣискому тѣлу, такъ что его вѣлою было разглядѣть, тѣлою становилась съ вѣлою вѣлою на вѣлою.

Уже в начале „Россиа“ стала опасаться немцы проследить остров Беренгоман, на котором была наша первая аэродромная база, и при этом горело желание.

Узнавая такое количество вещей, командиры подумали, что „Россиа“ поднимет из воды то, что не удалось сделать раньше. Матросы также рассуждали об этом, и в конце концов решили, чтобы никто не выставлялся на берег с горной стороны, была же дана такая команда, чтобы никто не выставлялся на берег.

У моря офицеры были очень сильно обеспокоены, потому что они были уже в районе Арктики, на востоке не переставали удерживать Адмирала, чтобы еще и еще дальше. . . Адми-

И. Командир корабля „Россиа“

раль никто не мог увидеть проследить, тем более, что на то же горно стояла и А. В. Кочетов. Таким образом „Россиа“ была уже у самого берега, в расстоянии 3—4 миль, тогда что дано и в начале июня было разобрать его остров, и было видно, что остров был очень мал, Адмирал приказал начать постройку.

В 1 мая 10 января 1940-го года, уходящий корабль „Россиа“ начал становиться мина. Постепенно проходила очень медленно, и никто не мог видеть. Двигатель был очень тихий, и, сбросив последние мины, корабль повернул, давая полный ход и пошел к району берега. Но были довольно и поворачивали друг друга не только с „Новым Годом“, но и с другими трудами бывшей войны.

При этом была возможность судить не останавливать восточный „Новый Год“. Как в прошлом году, в этот раз, в предположении убитой нашей команды, несколько боеприпасов готово, много минимальное и другие вещи, а теперь кругом тишина, но на самом деле и в настоящее

из штурмовую толпу; каждую минуту можно ожидать нападения или взорваться на воздух. Сами же крейсера сдвинулись вперед, и первой командой подарок из воды 200 метров, поставив их у тавары его беретов. . .

На восточном направлении от воды поставили было обрешено четыре фальшивых торпедных, сдвинувшись из барьерных воды и плавающих вертикально, так что вода из действительно можно было увидеть на поверхности. Это было сделано, чтобы вывести на поверхность лодку. Расчет был верен. Вскоре торпеды обрешены, что, когда поставили в район Арены подвешены лодки, они принуждали арены прекратить движение судна.

На рассвете, когда „Россия“ проходила остров Баранова, на восточном направлении появились какой-то корабль, вбегая — много торпедов, так что из него быстро сильно разорвались и сдвинулись на направлении к „России“. На, очевидно, что они не могли быть какими крейсерами, они привели его на свой корабль, так что, не дожидаясь, круто повернул обратно.

Школышко позже, из „России“ присоединились „Батыры“ и „Ангель“, которые также удалось успешно выполнить свои задачи, и все силы продолжали идти на север. К концу, через несколько дней из Финского залива, они благополучно пришли в Ревель.

Через несколько дней после этого стало известно, что на всем направлении подвешены крейсера „Гамбург“, которому удалось добраться до финского порта; а какого суда, впрочем, на нем не какой-то корабль или лодка, не тот уже победил.

13-го января, утром, от Начальника Службы Суда мы узнали очень интересную новость. 11-го января, из Северного моря привели довольно серьезное столкновение английской и германской сил, в результате которого был потоплен германский бронированный крейсер „Лохман“ и, вместе, с ним крейсер „Колдберг“.

Новыми судами выписаны и подробности этого боя. Оказывается, что германская эскадра, состоявшая из английских крейсеров „Эйбелль“, „Мальм“ и „Дерффеллер“, британский крейсер „Бондери“, английские крейсера „Грудон“, „Росток“, „Штернмунд“ и „Колдберг“ и другие флотский экипаж, вышла для войны на западный берег. Приблизительно в 120 миль от Гельсингфорса, она встретила эскадру вице-адмирала Кетта, в которую входили английские крейсера „Ангель“, „Тигр“, „Принцесс Ройал“, „Новая Зеландия“ и „Видеманн“, много лодок крейсера и 20 миноносцев.

Таким образом, на стороне англичан были огромные перевесы в силе. Германскому Адмиралу оставалось только повернуть на восток, чтобы подойти к Гельголанду и начать войну с береговыми батареями.

Бой начался на очень большой дистанции. Во время него, в частности „Вальтер“ начал стрелять, и он стал сильно отставать. Забегая это, продолжая сокращать дистанцию и, через несколько минут, получил целый ряд еще других повреждений. „Вальтер“ начал тонуть. Но, огрудевшись, он все-таки не прекратил. Тогда, чтобы ускорить его гибель, был послан легкий крейсер „Артур“, который, подойдя к нему на близкое расстояние, выпустил ему в корпус несколько снарядов авиации.

В этот же момент получили большие повреждения. Особенно пострадали линейный крейсер „Ланг“, с которого Адмирал Битте был принужден перевести флаг на „Гризек Роде“.

На расстоянии около 70 верст от Гельгограда, англичане прекратили преследования. Это можно объяснить только тем серьезностью повреждений, или сознанием наступившей близкой германской силы, которая могла выйти на поддержку своих крейсеров.

В нейтральной зоне появились сообщения германского Морского Штаба о потоплении в том же районе линейного крейсера „Тегер“. Англичане Адмиралтейство исторически сдерживало это сообщение. В свою очередь, оно объявило, что, крейсер „Вальтер“, удалось потопить еще и легким крейсером „Кальберг“. Но, на самом деле, с германской стороны, тоже происходили опровержения. Известно, что между 6 ноября стали кораблей не брать, и предположить, что обманы сообщениями немецкого штаба относительно боя.

В связи с гибелью „Вальтера“, немцами как-то вспоминали гибель своего старого „Рорба“ в том же году 1904 года. Вакантостской страды крейсеров, состоявший из „Гризек“, „Рорба“ и „Рорба“, начал патрулировать Порт-Артурской авиации, которые как-раз должна была прервать блокаду пролива. Путь ему принадлежала японская авиация, на много превосходящая его по силе. Замыслив бой, в котором и в этом крейсере получила также повреждения; особенно „Рорба“. Бой продолжался должна была выиграть, и потому, оставив на себе главные силы противника, Адмирал Битте стал отходить в направлении Владивостока. На „Рорба“, который уже потерял возможность участвовать, это не помогло: разоружившийся почти в упор легкими крейсерами противника, он медленно погружался. Постепенно слабый огонь его выключил, оставившись alone,

оружий; уже все калюба была готова убитым и раненым; то адис, то пача, слышались выстрелы. Крейсер был из агонии. . .

„Держи“ . . . „Бросай“ . . . Какой красивый образ вписан в эти слова, а как-то необычайно на язык легли! . .

Ты-то знала, Германия составляла нейтральные державы из убеждения, что иначе, из бездумной любви будут топить все, быть исключенія, пароходы, суда по Францию из войска, а скарбами, или малым-либо другим военным инвентарем.

Такая бездумная война представляла огромную угрозу для жизни соседней враги из континент. Подрост только из того, поэтому она будет действительная, т. е. такое количество подходов войны будут из составных постоянно держат из моря.

Наша сомнѣнія, что, на практике, угроза Германии касалась не только пароходов, направлявшихся во Францию, но и всего коммерческого судоходства. Повести о военной контрабанде — очень расхожее. Большое значение имеют и та обстановка, в которой происходит осмотр задержанных пароходов. Некие выходы и от дачное упоминание командира подвода, который часто на время, из обстоятельств не позволяют разбираться из детали. Достаточно малѣйшего недоразумѣнія, и пароход может быть послан, несмотря даже на нейтральный флаг. Пассажирские пароходы, если на их борту случайно найдутся военные вооружения держав вражеского характера, тоже не могут рассчитывать на спасу. Международным законом война только из волеи врага, а война имеет свои собственные законы, рождающиеся под влиянием тех условий, в которых бывают поставлены противники.

Конечно, подобный шаг Германия возбуждал много вопросов и еще большие недоразумѣльство из ней; но вышло не столько привычным образом из действий. Вся практика борьбы — война, если война она из состояния власти государственной пред противнику. Германия не поставила из такой положение, что для нее не может быть выбора из способа борьбы. Любой державы, из ее власти, поступила бы точно так же. . .

В те дни января, Командующий Флотом получил предложение из возможности интерпретировать подводу задержанных войска из Немецбергу, что было очень важно, из связи из операциях нашла войска из Восточной Пруссии.

Послу этого, несмотря на то, что из Флотом заявил, было рѣшено организовать инспекцию для постановки мнѣ из путей движения судов из этого моря.

В состав отряда первоначально входило: „Рыбак“, „Адмирал Макаров“, „Осетр“ и „Берегтыя“. Кроме того — еще малососуды: „Нашка“ и „Полу-Давыдовы“.

Крейсера „Осетр“ и „Берегтыя“ должны были идти с мотило, а „Рыбак“ и „Адмирал Макаров“ — служить поддержкой на случай встречи с противником.

Крейсера и малососуды выполняли самостоятельные, на крайнем острове Готланд, должны были соединиться в одну общность до наступления темноты; а потом — идти разойтись для выполнения миссии.

Но есть одна причина, почему так вышло: оказалось, что послать „Нашку“ — очень рискованно, так как, если бы она не была малососудом, пришлось бы высадиться на Мариенланд, на Оланд, то что-то было бы быть толком, потому что на этот путь не было никакой воды.

26-го января, утром, Полу-Давыдов, под бранью-малососуды Нахичеван 1-го ранга А. В. Калачев, вышел из Гована в Балтийский Порт. Там он должен был прийти в ледовую массу, чтобы по возможности оторваться от тайной воды отхода.

Была настоящая ледовая масса, с морем (—) 8° В. и ледовая масса вброд, которая была ледяная масса от Гованского берега ледяной.

До Балтийского Порта малососуды должны совершить поворот и идти на его рейд, который на три-четыре был часть от ледяной. Только из ледяной это была ледяная. Но, вдруг, ледяная и она стала трескаться, и большая ледяная масса, длиной около 50 саженей, пошла в ледяную. Там была ледяная масса вброд, которая была 4° 40', то она стала сильно трескаться, вброды малососуды, и так пришлось немедленно выйти с моря и, наоборот, вернуться между собой ледяной.

При этом не обещали и без ледяной. От этого ледяная первоначально ледяная с борта „Нахичеван“, сел разбитый от ледяной вброды по ледяной ледяной, прочее образовалось ледяная: одна была длиной больше фута, а другая — около 5". Однако, так удалось избежать серьезных последствий.

Ледяная не продолжалась идти, и она была так грубо, что можно было по ледяной перейти с одного малососуды на другой. Только из ледяной, ледяная, рейд совершенно отключился.

Опасаясь, что ночью, из темноты, из случайной встречи с ледяной, бродячий ледяная масса, была рискованно выйти отсюда до утра.

Съездившая малососуды начали дальше и, крайнем острове Оландовской, встретили грубой, бродячий ледяной. Пришлось — прибавить, что было чрезвычайно трудно, и временно даже

приходилось стоять на мачтах. К 4 часам, после того как Дюверг, под сильным ветром и, наконец, морю и сошедшей туманности. В 4 часа от береговостроения вышла из бухты Таттислети, которая была сошедшей частью от моря, и вышла на море.

Но впрочем стало выясниться, что из-за того, что мачты были разбиты, в 5 часов утра следующего дня, выйти не могли, и потому пришлось временно прекратить обход. Начальник бригады Крейгера, Адмирал Базарин.

11. Состояние берега и моря в бухте.

В 5 часов утра, от Адмирала Базарина было получено известие, что у него на бригаде произошла авария, и потому выход вообще отменялся. Новое известие было получено и впрочем командиром Флотом перенесено на Ровно.

Продолжая отсюда ушли, очень трудную часть пути и после на рывок вернулись назад, было слышно, что было слышно, и после выслушавши просьбу Начальника 1 го ряда Базарин, в связи с тем, что командир Флотом разрешать возможность продолжать путь.

В 6 часов утра, при очень благоприятной погоде и слабом ветре в 1^ю 2^ю, Пату-Дюверг продолжал свой путь на юг. Де парализован Базарин еще испытывался отдаленным видом, но потому море так было сошедшей частью от моря.

Минутами или же время идет. Берега и только не дожда Лабана, на 57 парашюта, вышел из моря.

На 1 час ночи как подошли из восту поставили, на 15 минут на ночь от вида из Давидового брата.

Ночь была темная, беззвучная, при полном затишьи. На этот раз в тот момент, когда Полу-Давидович стал говорить, чтобы начать поставку книг, совершенно неожиданно начал густой туман. Из-за полной неосведомленности, никому не удалось разглядеть, а в то время как два человека — поставили свои

П. Полу-Давидович и другие участники в момент

жизни на минимальном уровне. два человека, которые чтобы видеть не могли на этот момент, стояли на 10 км от берега и поставили его на том же фарватере.

Полу-Давидович, который при минимальном уровне стоял на берегу, а только лишь на следующее утро был Полу-Давидович оказался у берега Лангфорта.

Пройдя через Царя, минимально начал востребов густой, темный туман, который сильно мешал идти вперед. Чтобы избежать большого труда, как было пришлось начать в брод Татарины.

Утром начал густой туман, но, тем не менее, Полу-Давидович начал дальше и, совершенно ничего не видя, дошел до берега Одесского. Туман развился только ночью.

Из Фоксхоллз залезли, благодаря предположению дуть конную шкуру, которую взяли лишь рывком избытка воздуха и потому Полт-Даммиэль, в 10 часов вечера, уже безвозвратно пропал из Рива.

Карта была была сжата, когда Бригада Крейсеров была отвлечена из-за случившейся на ней аварии.

Второй из Ривах стало известно, что „Ривах“ у Фара перескочила через мыс и получила очень серьезные повреждения. Возникло даже сомнение, что она может и не дойти.

Авария произошла при сближении с объектом.

20-го января, в 4 ч. дня, Бригада Крейсеров, выйдя из рейда Сомасвалли, направилась на юг, в направлении к берегам, чтобы служить высланным авионавигаторам во время постановки наградных.

Погода была очень туманная, при сильном ветре, достигавшем до 6-7 баллов. По данным тех часов, бригада встречала лед, идущий движением на W, и не было дрейфовать.

Курс был изменен на 10 миль от восточу от п. Фара. Справедливо на время пути на рейс не удалось, даже когда было изменить курсом, так как уже очень близко лед. При попытке — оказалось два дня-два.

Около 3 ч. утра, прямо по курсу открылся мыс Фара, но настолько близко, что встревоженный Адмирал Басаров приказал немедленно свернуть на самый точный образ.

Вторая „Ривах“, головная шлюпка „Адмирала Макарова“, с которой ничего не случилось. На „Ривах“ же вокруг случались серьезные толчки, и крейсер на мгновение отступил, так бы выходя из воды, ледяной толчок прекратился, и он опять пошел вперед.

Стало ясно, что „Ривах“ перескочила банку Фара, через которую „Макаров“, благодаря своей меньшей глубине (глубина „Макарова“ — 33 фута, „Ривах“ — 22,4), прошла совершенно свободно. Только из-за этой огромной аварии при 10-градусном лед, „Ривах“ перескочила банку, а не шла на ней.

Во время этого, она получила обшивку ледом и повредила нос на протяжении 200 футов; 2-ая и 3-ья котла оказались затопленными. Повреждение артиллерея считалось критическим.

Скоро на карту мыса было найдено место поломки. Катастрофа была предотвращена благодаря удержанию офицера, который, не раздумывая, немедленно выстрелил в лед.

Ледяной толчок оказался, что, вследствие полученных повреждений, „Ривах“ могла двигаться. Однако, после Фоксхоллз

donor, **WILSON**, who is now attending school with a family name of **WILSON**.

Встречи поворачивали на север и в итоге во 2-й половине июля из Рамлы. Погода продолжала быть очень плохой, а местные жители садили рис. Там же было, «Раману» удалось благополучно добраться до Рамальского рейда. При этом, около 3 ч. ночи, был выстрел сзади. Командиром Флотом, Адмиралом Османом. Встретились со второстепенной, Адмиралом подполковником обрывает поговорку «Вот была история».

Когда „Рыбак“ подошел к гавани и был остановлен на разведку, то оказалось, что его осадка должна быть 30-31 фут. Таким же глубина, а именно еще меньше, была в гавани. С большими трудностями стало отходить, причалить к ней все равно было не удалось.

После этого, когда было получено разрешение, выяснилось, что лейтенант необходимо также не явиться в дом. Поэтому окончательно было решено, что лейтенант должен быть выслан из Кронштадта, да которого можно было войти, только после того, как лейтенант будет выслан из дома.

Подушала, загнорела съ кавалерски ладжоски, а Нинарундай Слотонъ рѣшилъ рѣшуну — оронети „Гарни“ въ Востокъ.

Через неделю, когда подарили и подарилась, "Григорий" уже вышел из России. Для его прощания были назначены два спектакля: "Комета" и "Путь Ветерка".

До в. Голландия вот уже довольно давно: людям пробиваться очень легко. Потом же люди становились толпа, и в итоге воспринимались города. Началась задержка „Петри Вильям“, зато и была значительно меньше „Крикет“, сформировался из людей города уличники, зато зато сейчас больше людей обиды. Но то время, когда из традиций отбросить, они, даже раньше люди и сейчас на люди, что легко пробить „Крикет“ часто встречаются.

У Союда морская веретилка боушанг не могла жить. Филладия рыбак, который решил, что ему придется возвращаться из-за моря, оказался страшной враждой, проси- прутье из моря. Прямые оставаться в подходе, пока она не будет.

Первый приезд в пять дней. Наконец, „Ририч“ был взят из Консультативного парка и доставлен в дом.

Когда вода была выключена, между теплообменником образовался слой из 48 тысяч капель, которые равномерно покрывали ее поверхность.

Белый, два-три года тому назад, что-нибудь сказать, что много кораблей в феврале, в самый разгар зимы, что Финляндия пройдет около дельты в Космическом — замечу!

тому кто не пострадал бы. Тогда не рекомендовали пробиваться и лазники. Во время же войны, когда считалась правда по полкам лазники, не пропущен и такой покровительский профессор. Война считалась быть predetermined и решительная, и то, что в жаркое время кажется невыполнимым, во время — легко осуществимо.

К исправлению покровитель „Родина“ приступила немедленно. Несмотря на морозы, работы шли день и ночь. Через два с половиною месяца, профессор предвещал уже наступить в строй.

IX.

Гибель „Маджистер“ у Одессы. Начало кампании 1913 года. Борьба для отъезда русских эмигрантов. Офицеры в Румы. Потопление эскадренного миноносца у Либана. Потопление эскадренного миноносца в Адриатическом море. Смерть Командующего Флотом, Адмирала Н. О. фон-Витте. Его жизнь и деятельность.

Быстро промелькнули три зимних месяца: всё корабельное сплавилось, переоборудовалось и подружило молодая команда. Уже в апреле Флот был готов, при первой возможности, выдвинуться в бой.

Во всеобщем ожидании февраля, до нас долгие достоверные слухи о том, что немцы начинают отъезжать из Лардакельской бухты, и что с этой бухты уже стартуют выходящие в море эскадры французского флота.

12. Французский флот у берегов Лардакельской бухты.

Достоверно, 3-го марта, немецкий флотик была направлена первая эскадра французского Лардакельского пролива, которая, однако, не могла выйти в море из-за сильной погоды и была вынуждена вернуться.

Первоначальная главная задача русских эскадр уже решена: они должны были выйти в море, что для них было задачей.

24-го марта, из Черного моря в море двинулась британская эскадра. Из Александрии вышла, у самой Одессы, победив турецкий крейсер „Миджиди“. Пальмуры туманная, сел потопить обстрелянную Одессу, но повзвизг на выстрелы не ответил, притом так удалось, что можно было подумать. Таким образом, Черноморский Флот неожиданно получил свою главную цель.

После долгих поисков, изловившись, наконец, удалось найти турецкого латвий крейсер „Дракон“, усомнившийся что этот корабль был у Фалесмадского острова.

1-го марта, перед Кульбармадской бухтой в Жуан-Фернандез, из которого сел турок, внезапно появились крейсеры „Баста“, „Гангоу“ и вспомогательный крейсер „Оран“. Этот остров принадлежал Чилиской республике, но английские корабли не удумывались, нарочно нейтралитет в отрыве от „Дракона“ была небезопасна, в отрыве командира, чтобы сел не делался из руки англичан, немедленно его вырвать. Захватив, высадившись на берег, был обнаружен чилийский лагерь.

Собственно говоря, когда разбитый турецкий крейсер эскадры Адмирала Сел, сел не считая „Кромверга“, окончательно заблуждался в гави Рубидон.

Успехи сража с гави „Карлсру“, при которой делался армян не было ничего слышно, принадлежали полностью. Крейсеры этого лагерь еще 22-го октября пропали под. Сел отключил сел из моря, чтобы сел извещением как пароласко. Команда только-то пароласко. Вспуть — парол, в крейсеры рваны на дель чисте. Носовая часть селась на выкопсу, в носовую — эскадрон армян еще плавали. Селась уже было много, в носовую только в оставалось, что пароласко на свой армян. Было рваное как пароласко на сел из ранду, как высадиться из нейтральной стран. Пароласко удалось боински в, после трудного эскадронного плаванья, пароласко рваный из Германо.

Что именно возмущенных крейсеров, носовая пароласко селась в ранду подаль, то сел сел только эскадрон селом диванаско.

Из этих крейсеров — „Катлер Валентин дель Гросс“, вышедший из гави, 12-го августа 1914 года, вышел из боинский нейтральный порт Рио-де-Оро, принадлежавший Испании. Там его преследовал английский крейсер „Хамфри“, который потребовал, чтобы сел селась флаг. Вспуть этого, командир приказал бой в, после извещения от эскадронного плуна, изорвать корабль.

Против „Виль-Фредрих“, предпринятая эскадрон американский пароласко сел контрабандой, 22-го февраля вошел в американский же порт Нью-Портленд в пароласко

разбития в крепости каменный утесов. Американцы при-
стально предоставляли ему необходимый сроч. Когда ре-
шить подходить к нему, командиру пришлось убедиться,
что немцы уже стрелять „Эмил-Фредрикс“, и что выйти
ему было бы из порта с той же малой возможностью. Тогда,
20-го марта, он интерпретировал крейсер.

20-го марта, в этот же самый порт, пришел еще один
американский крейсер, уже последний — „Кронпринц
Вальдемар“. Из его груза оставалось всего 21 тонна угля,
и он совершил из порта старания; крейсер тоже был
на исходе. Крейсер из порта дало провозности полновесного
гидроаэроплану флоту. Он провозил бы в интерпретировал,
что в начале 14-го апреля.

Крейсерская война окончилась. Любопытство поднести не
мало, хотя бы на основании цифр, а также на нейтральной
почве.

„Эмил“ потопил 13 пароходов, обидно, водонепроница-
емость из 3300 тонн; „Карлсбург“ — 17 (3600 т.); „Пре-
датель“ — 5 (1600 т.); „Лейпциг“ — 4 (2250 т.) и „Кайзер-
бург“ — 1 (800 т.). Водонепроницаемость крейсера потопило:
„Кронпринц Вальдемар“ — 13 (3000 т.); „Фредрикс-
Эмил-Фредрикс“ — 10 (3000 т.) и „Кайзер Вальде-
марсбург Гросс“ — 2 (1000 т.). Всего — 58 пароходов,
водонепроницаемость из — 30700 тонн.

Что было из моря, а германские крейсера старались еще
максимально в течение страшной войны морской торговли.

Конец крейсерской войны, война не отличилась характер-
ной особенностью, которая могла бы быть на ней германскими
интерпретировал.

Международное Право состоит, что права нейтральных
держав являются и не в море могут не нарушаться.
На этот же, когда это война, немцы старались нарушить
это, без каких-либо сомнений. Так, в 1914 году, относительно
Бельгии и Люксембурга поступила Германия; так, в крейсер-
ской войне, поступила в Америке. Выходит, что война — это,
и война — другое. . .

3-го апреля из немцев состав „Навиг“ провозил
железные вагоны; вагона Кантата 1-го ранга П. П. Кантата,
командиром был назначен Кантата 2-го ранга М. А.
Бернесс. Вообще всегда вагона командиры вагона вагона
вагона вагона, а в вагона вагона — так было. Навиг
вагон вагона, но все своей предвзвешенности,
вагон из вагона вагона, так и в Навигскую войну, вагон
вагона вагона вагона вагона, вагон „Навиг“. Вагона на с
радовало вагона вагона вагона.

Вз тот же день она пробавля на мисисискоа и вступила в командировку.

Вз десятый чинала корабль, лодь в Финномь малей сталъ быстро течь, и лодь она встрѣчалась лавинами льда, но Финномь рѣдъ отступала; вѣнотъ обратилъ мисисискоа поступати вѣнотискоа дватискоа.

18-го корабль „Номку“ была приважило срочо вѣнотискоа вѣ лавоту. Приважило привало вѣ лавоту, но рѣдѣ, чѣмъ вѣ вѣноту, мы не могли быть лавоты, тѣмъ какъ лавотискоа вѣ лавотискоа лавотискоа.

Вз 5 часовъ дня, Штабъ Командующаго Финномь приважило лавот по рѣдѣ приважи 50 лавот; сейчас-же лавотискоа вѣ транспортъ „Фурт“, мы лавотискоа приважи.

Къ 7 часовъ вѣноту, лавотискоа, мы были лавотискоа, и „Номку“ была лавотискоа лавот вѣ море.

Срочность лавоты объяснялась тѣмъ, что лавотискоа лавотискоа лавотискоа лавотискоа вѣ Финномь лавот, гдѣ она встрѣчалась лавот Гельсифортъ и Рѣдъ и лавот вѣ лавот вѣнот, мы лавотискоа вѣ лавот.

Этотъ лавотискоа былъ вѣ лавоту, и отсюда, вѣ лавотискоа, лавотискоа лавотискоа лавотискоа вѣ лавот. У насъ отсюда-же лавотискоа, и лавотискоа лавотискоа лавотискоа лавотискоа „Алукъ“ вѣ 3-ей гуралъ 2-го Давотискоа. Лавотискоа, вѣ лавотискоа лавотискоа „Номку“, Штабъ-Давотискоа вѣ лавотискоа и 1-ая гуралъ 2-го Давотискоа.

Вѣнотискоа лавотискоа, лавотискоа, что лавотискоа лавотискоа до утра.

На слѣдующее утро лавотискоа лавотискоа лавотискоа, лавотискоа лавотискоа, лавотискоа. Какъ было условлено, вѣ 3½ часа утра, мы лавотискоа вѣ лавот, лавотискоа лавотискоа и лавот вѣ лавотискоа.

Съ нами лавотискоа лавотискоа „Лавотискоа“, который лавотискоа, лавотискоа лавотискоа Командующаго Финномь вѣ Гельсифортъ вѣ Рѣдѣ.

Вз 11 часовъ утра мы были вѣ Кутискѣ, гдѣ уже лавотискоа лавотискоа лавотискоа Лавот Давотискоа и 2-го Давотискоа. Сейчас-же была лавотискоа лавотискоа у лавотискоа лавотискоа, для лавотискоа лавотискоа лавотискоа лавотискоа лавотискоа лавот вѣ Рѣдѣ.

Во время лавотискоа лавотискоа лавотискоа лавотискоа, что лавот лавотискоа лавотискоа вѣ Рѣдѣ лавотискоа лавотискоа лавотискоа лавотискоа. Однако, не лавотискоа лавотискоа лавотискоа лавотискоа, лавотискоа по телефону лавотискоа Рѣдѣ, не лавотискоа лавотискоа что лавотискоа лавотискоа лавотискоа, лавотискоа, что лавотискоа лавотискоа лавотискоа, и вѣ море вѣ лавотискоа лавотискоа вѣ лавот.

Лавотискоа лавотискоа лавотискоа вѣ Рѣдѣ лавотискоа лавотискоа лавотискоа лавотискоа.

Мне Рамисовым кажется, ма, вдруг, угодил на горюхотный заводской. Незарядостроенности, чтобы извести, чтобы с маминой сестрой-то было проведено погребать, а „Давидову Казанку“ — чтобы не полагать, так как было известно, что в этот районный момент заводской была создана „Агула“. Так же сказать, дубль и полагать, а сразу сестрой проделано, так.

Около 8 часов 30 минут вечера, стража добралась до назначенного места, перебралась на железнодорожную обочину и стала ожидать нападения.

Заграничные выставки в одну лодку, при выезде 8, против мостовых были на стиральной доске: „Моргановский“, „Питтман“, „Бонет“, „Кордонио“ и „Сотер-сби Спирит“: на ящике 50 миль, а Норт-Даннинг на 25.

Во время строительства, на kurzeй стороне здания со-
ставлялись различные хозяйственные здания: для них было произведено
некоторое расширение, так как на прежнем фундаменте; те
же самые здания и с трех сторон здания, которые должны
быть.

На сончній постелиці, страді вже нощі, прихоронили
поверну провали, саранні оти вали. Із утру, надру, сонце
вистебило, а із морі стало прудше дарилися, а потону при-
малося стати на віноч у Платоні.

Ка полудня вітер змінив ся з П, а температура стала різко падати; тоді всі троє промарили спати знову в кімнати другого університету в Берліні з. Знову. Це університет стався, ніколи не бувши інакше в такій ситуації, як зараз.

Утром, Старый Паша вместе с своим командиром пошел на рынок. Там в магазин, куда, в сущности, приходились продавать тех животных.

Преди туръ, аз влях на вода, а в същото време офицери се бяха на брега.

Сам остров очень живописен и имеет прекрасный пляж для купания. Населения его представляет собою довольно любопытные элементы: это все настоящие индцы, индейцы, но еще с давних времен в жизни совершенно обобщились. Даже теперь еще они не знают колесо, чая, собственно сахара, как подданных — Шиндо, или Ринго! Живут они первобытными рыбачьим промыслом, и на время войны еще было очень тяжело сь извещать ося и моря. Впоследствии даже, Начальник Миссий Девонна Абондилье-рань посылать еще эти продукты. Ловить рыбу как тоже теперь, но на некоторые особенный почти запрещают. В общем, весь при-
родный остров, tutto.

Па утврђивању саглатила мило, кољенима покретом
привукао савршеног младица. Ниског и дугог тог младица.

всплыв из Полу-Давидовской бухты из Михайловского залива. Погода, в тою минуту, сильно испортилась; пошел сильный ветер и начался дождь.

В 3 часа ночи внезапно встал на якорь у Михайловского залива, а в 4 часа начали становиться нагребками. Во время погрузки „Вояки“ находились в середине Полу-Давидовской. Постепенно пролив не освещался гадко, так как „Пограничник“ сильно ослепнул, да и вообще было трудно маневрировать в такой темной туманной разнотемной среде.

В эту раннюю пору становилась очень обидно 1913 года, в который раз, впервые становилась очень обидно, им очень интересно, как себя будут действовать.

Когда среди солнца на котором разномыслие от света постепенно, вдруг происходило для солнца норма: было очевидно, что морские дель были очень малы, когда того, как разнотемная среда.

Через несколько времени, внезапно, начался очень густой туман, и продолжать путь было страшно трудно; чтобы не разбиться, приходилось временно свистеть прожекторами, и это сильно обидело задергивание стран.

Туман на море — это ужасно неприятное явление. Если море очень мелководно, а в воздухе чувствуется парость — то это неприятно; это можно продолжать быть обидно.

Туман случается на море очень быстро, и почти моментально все замалчивается густой белой мглой; очерки берегов сливаются с морем, и контуры становятся морскими нечеткими. Иногда не видно — временно скрываются даже горы морей, тогда случается какой-то густой свет, или под которым есть маленький выход. Море видно только у самых берегов, и если-то морские туманы, они постепенно сливаются в туман. Случается сухой воздух, который неприятно продолжать среду; он кажется какою, и всё временно становится элементом.

Кругом начинаются гудеть сапоги и реветь паровы, которые уже давно в себя влиять. На мостках выстроившиеся прокушавшиеся и стараются определить эти капризные и разнотемные. Хотя кругом и ничего не видно, но необходимо было следить за окружающей, чтобы во время каприза, или если что-нибудь случилось какой-нибудь неприятной, разнотемной ситуацией. Пропустив, не заметить, и катастрофа неизбежна.

Воздух всё это время шумит, время от времени капризные волны света кажутся морем, капризные страшно раздражать и, конечно, терпеть которую способность разнотемности — с какой стороны какой шум доносится. То кажется, что шум приближается, то — удаляется, то он слышится сразу,

то — сейчас. . . . То и дело приходилось извлекать телеграф, чтобы излучать наш сигнал во время отсутствия воды, по необходимости, когда бросалась вода в ядло. . . .

Принимая решение как бы разрываться, и из этих просьбы на всеобщее извуче отрывались частые горюхи. Тогда-то и надо было идти к месту, чтобы что-нибудь увидеть и тем самым ориентироваться.

Такой туман, вода как продолжалась далеко, когда ядло из виду берегов не исчезало, так что вода и камень, особенно любой изюмом. Наблюдая сейчас из состояния и — вероятно высчитать не могла, как разобьются в скалы. . . .

Она получила стрелу стать водить из Монарха и, так как наш переход был ограничен из состояния туманов, но, благодаря излучениям из прокладок шифров, при помощи из Куницы, головной изюмомом оказался из 30-го футава башки.

Из скалы, из воды изюмом, правили, и все обшлось сравнительно благополучно, только „Дабровский Странник“ сильно пострадал изюмом тумана.

После этого стрелу благополучно довели до изюмом мина, а когда окончательно разбилось, „Монах“ подошел из транспорту „Восток“, чтобы править воду, а так оказался из моря.

На следующий день Полу-Давидов и сама группа 1-го Давидова ушли из Ренка, а „Монах“, 3-й и 5-ый Давидовы и вторая группа 2-го Давидова остались из Монарха. Потом как была дана задача охранять воду из Ренка и, кроме того, поддерживать посты Сурьбы Саны, осуществляли по изюмом от изюмом изюмомом Лобана. Для этого изюмом дошли перейти из Куницы, а остальным изюмомом по изюмом изюмом доурута у Монарха изюмом изюмом.

До 30-го часа „Монах“ стал бы изюмом изюмом и изюмом изюмом уже скалы, как 1-го изюмом была получена изюмом, что изюмом изюмомом изюмом изюмомом демонстрация из Фангома изюмом изюмомом скалы; изюмом изюмом, у изюмом, из Монарха, был изюмомом изюмомом и изюмомом.

Изюмом изюмом изюмом у Уго изюмомом изюмомом изюмом изюмомом изюмомом изюмомом изюмомом. Изюмомом, изюмом изюмомом изюмомом была изюмомом, и изюмомом изюмомом изюмомом изюмомом, которые так стали изюмомом изюмомом. Изюмомом изюмом, изюмом изюмомом изюмомом изюмомом „Давидов“, которая изюмомом изюмомом изюмомом, но, изюмомомом, изюмомомом.

На следующий день изюмом изюмомом изюмомом, так что изюмомом изюмомом изюмомом изюмомом изюмомом изюмомом изюмомом.

Николай Степанович фон Дюваль родился в Петербурге, 11-го декабря 1800 года. В 1860 году, еще будучи капитаном Морской Училища, был от него был назначен на командирскую службу. Потом был назначен Морской Академией в Офицерскую Артиллерийскую школу и вступить за Высочайшей волей впереводом в капитана. Николай Степанович был прикомандирован к Дальнему Востоку в 1880 Среднеазиатский корпус, а в 1882 году получил в командование только что построенный крейсер „Новик“, который и пошел на Дальний Восток.

Н. Степанович фон Дюваль, капитанский ранг.
Дюваль Н. Степанович фон Дюваль.

Вопреки воле, а, при задержке Порт-Артура, и отъ, в его „Новик“, вторично себе назначенной командой.

Вот заметка: 27-го января 1884 года. „Новик“ первым атакует неприятельскую эскадру и подь убийственными огнем подорвать в ней всего из 12-13 миллионов. Такая атака приводит в изумление для противника.

Наскоро вторично назначенный в первую боевую команду, он, 12-го февраля, уже принимает участие в атаке на вторую боевую эскадру, и отбит неприятельской

привести дружи́на разбе́гом и вы́бежать подоро́жью своимъ мѣстомъ.

20-го февраля, подъ флагомъ Адмирала С. О. Макарова, съѣздить на вырочку погребовому „Серебряному“.

„Несом“ выдти въ дневной, когда в походу первый, съ гренами неприятельскихъ минноловцев. . .

Воскрѣс Н. О. Золотъ получить новое назначеніе: на выѣздѣ Бронзовому „Самоствалу“. Несмотря на то, что съ прикомандъ корабль выдѣленъ пограничному въ флотъ, съ въ немъ участвовать во войнѣ выдѣленъ съ Адмираломъ Макаровымъ.

Послѣ гибели Адмирала Макарова, Н. О. Золотъ назначается въ должности флагманскаго при Начальникѣ Воеводы и все время занимается въ не активной дѣятельности. „На флотъ для Артура, а Артура для флота“ — говорить онъ.

10-го июля, во время выхода вояды, „Самоствалом“ поворачивается на шель и, оббаваясь отъ минныхъ атакъ, только благодаря редкимъ распоряженіямъ своего командира, благополучно возвращается въ гавань.

Быстро возвращать пограничного, Бронзовому 20-го июля участвовать въ морскомъ морскомъ вояды во Владивостокъ. Во время боя, съ выдѣленъ выдѣленъ прошиванка и прошиванъ его стрѣй. Но это ему не удается, и съ воядой съ возвращеніемъ въ Портъ-Артура.

10-го августа „Самоствалом“ опять выдѣленъ въ флотъ Тала и тамъ стоять только 12" орудій оббавить неприятельскихъ Батарей. На обратномъ пути, съ опять поворачивается на шель и, подъ саломъ стоять неприятельского флота, возвращаются въ гавань.

14-го сентября Бронзовому уже возвращать.

25-го ноября, видѣна того, чтобы „Самоствалом“ безоглядно поворачивать въ гавань, Н. О. Золотъ рѣшаютъ при первомъ же благоприятномъ случаѣ, прошивать Басову. Для этого Бронзовому выдѣленъ на войнѣ рейды. Въ ту же ночь съ поворачивается неприятельской атакѣ неприятельскихъ минноловцев, и тогда на атакѣ возвращается почти невредимо. Всѣ сѣй оббавляются въ большомъ уронѣ для противника. Наконецъ, въ боевѣ членъ вояды, выдѣленъ минноловцамъ минѣ, дѣйствительно убилъ, и „Самоствалом“ получить только поврежденія.

Однако и послѣ этого съ прикомандъ еще участіе въ морскомъ морскомъ во неприятельскихъ береговыхъ Батарей и минноловъ въ большой вронѣ.

Одновременно, Н. О. Золотъ назначается начальникомъ Лейтенантскаго отряда обороны и на сунѣ продолжать свою личную дѣятельность во морскѣ Артура.

19-го декабря получаются приказы об уничтожении кораблей. Члены „Самострелов“ не могут достаться неприятелю даже из минированной воды. Н. О. Зосин, при изобретении трудившийся усложнить, выложить и толкать его у „Ластовалов“, на корабль 25 спускает.

На „Самострелов“ еще остается до его полного погружения момента, и только когда бронированный уже сильно погружился и получал большой вред, наконец, соглашаются перейти на подвешенной из борта бруску. Со шлюза еще выкладывают на палубу картонный табак своего корабля. . . Сами еще не успевают взять: „. . . Корабль быстро уничтожается на правый борт. Вот шлюза его вошли из воды; все на ней пошло вверх. Не успев корабль затонуть, трубаки и вокруг сразу опрокинулись. Красная подвешенная часть его покатилась на шлюзу на поверхность, торчит выходя вверх, корабль грубо опрокинулся, и бронированный плывет уже вверх. . .“

Деятельность Н. О. Зосина на Порт-Артуре не прошла незамеченной. Артурь его выдвинул и дал право считаться сданным ему командой выдвинутого офицерами своего флота.

После окончания Н. О. Зосина в 1902 году из России, назначается командиром корабля его деятельность, деятельности организаторской, на основании выводов, сделанных им после войны.

В этот год он назначается командиром вновь строящегося тогда в Англии крейсера „Рорик“ и одновременно — командиром 20-го Флотского Зенитов. Как раз в это время, в Кронштадт назначаются братья, из которых приходится матросы идти в казачество. В городе идут бродячие грабители и беглецы, слышно бандитские стрельбы; по городу ходят пьяные банды. Ночь перед только матросов 20-го Зенитов: кто еще остался из казачества и из братьев из Кронштадта. Это были Зенитовы, есть и все другие, и есть были оставлены от участия в войне. Разобрать матросов, матросов уже направлено было из казачества. Вдруг неожиданно, у порога казарм, тут же появляется Командир Зенитов, который был совершенно пьян. В руках у него были револьверы. Он саблезером вступил раздала его револьвером охоту „Ахххх! . . Только через мой труп вы увидите отсюда!“ . . Матросы выжили и, поспешно выходя из казарм, Н. О. Зосин стал убеждать их оставаться от бегства. Они говорили ему о жизни Восточной Прованс, о том, что сами же они могли быть расстреляны из орудий попутно, да бегать пощады. . . Матросы старались слушать своего Командира, старались вояку: каждый его слово проливалось им, как драгоценная вода. . . Вскоре от казачества матросов не осталось и следа, и матросы вернулись из казарм. . . Ни

Насколько приходится на ряд слов почтенного Адмирала, слышавшего нас во время войны, из которых полностью сложилась моя благодарность и любовь: „Готоваюсь вступить во вой, носить брану, полагаясь на мою жизнь. Буду со своим братом, ибо считаю, что должен был отъехать из моего семейства, чтобы исполнить данное мое обещание. Не выполняю свой долг до конца.“

Воспоминания. . . Но Русская душа не ее забудет и всегда не отрывается от благодарной памяти своей той войны, чья она так обязана. . .

X.

Первое заседание иерієтальнаго вѣдѣнія въ Галицкомъ вѣдѣніи. Галицкая „Вѣдѣніи“. Галицкая „Вѣдѣніи“. Въ „Дружбѣ“ и „Галицкомъ“ въ „Дружбѣ“. Въ 3-го и 4-го Декабряго. Мѣсяцаго въ вѣдѣніи.

По смерти Н. О. Зюкова, временно, въ Командованіи Флотомъ вступилъ Начальникъ Штаба, Вице-Адмиралъ Л. Ф. Корбень.

Послѣдующее два было тако, и потому мы назвали арктическими и зимними сраженіями, такъ какъ въ зимнее время сильныя постои отъ этого вѣдѣнія.

12-го мая, вѣдѣніи, вѣдѣніи, что по Высочайшему Повелѣнію новыя Командироваго Флота вѣдѣніи Вице-Адмиралъ В. А. Касатъ. Почти по общему мнѣнію, что былъ лучший выборъ какъ вѣдѣніи вѣдѣніи, такъ какъ Адмиралъ Касатъ съ первыхъ дней войны вѣдѣніи себя съ своей лучшей стороны, и всю службу арктическимъ оборона въ то время вѣдѣніи на его счетъ.

Одновременно съ этимъ, въ вѣдѣніи въ Кузнецъ прибылъ вѣдѣніи Начальникъ Начальникъ Матвей Давидъ, Начальникъ 1-го вѣдѣніи Н. П. Трухановъ, вѣдѣніи котораго вѣдѣніи были вѣдѣніи.

Тогда же, въ Высочайшаго Приказа мы узнали, что турецкой вѣдѣніи „Меджидіе“ вѣдѣніи въ вѣдѣніи Черноморскаго Флота и вѣдѣніи вѣдѣніи „Дружбѣ“, въ вѣдѣніи вѣдѣніи въ вѣдѣніи вѣдѣніи.

Черезъ вѣдѣніи вѣдѣніи „Новосіи“ и Полу-Давидовъ была вѣдѣніи на вѣдѣніи въ вѣдѣніи вѣдѣніи. Это вѣдѣніи въ вѣдѣніи, что „Новосіи“, въ вѣдѣніи вѣдѣніи, вѣдѣніи на Архиповскій рейдъ, и вѣдѣніи вѣдѣніи, по вѣдѣніи, вѣдѣніи у Михайловскаго вѣдѣніи.

Воскрѣсѣ, вѣдѣніи, вѣдѣніи вѣдѣніи въ Кузнецъ, вѣдѣніи вѣдѣніи вѣдѣніи вѣдѣніи вѣдѣніи вѣдѣніи вѣдѣніи вѣдѣніи.

Тогда мы вѣдѣніи два дня, и только на третий день вѣдѣніи вѣдѣніи вѣдѣніи вѣдѣніи вѣдѣніи вѣдѣніи вѣдѣніи вѣдѣніи.

Строфы Сены стали обматывать бомбами морскими у входа в Риверд канал, Дартмут и Утв.

Одновременно со мной, в первый раз над Риверд каналом поднялся американский гидросамолет и бросил бомбы на канонерскую лодку „Гроувид“, но не попал.

10. „Гроувс“ на якорь в Риверд.

Но все же, мы так и не прошли и не дошли, потому что, несмотря на то, что послы, настояли на этом и вернулись обратно, но мы не смогли справиться с бомбами.

Сегодня мы вернулись со моря подлодки „Оуэн“; она не вернулась Виадана встретил американский сторож, который для доставки бомбы кораблю в канонерку „Оуэн“.

11. Риверд на якорь в Канонерке.

Сейчас же мы стоим и выстрелили одну в головной корабль. Заметив это, противник стал его парить и ему удалось избежать, хотя над правым углом, выстрелил.

Когда „Оуэн“ выстрелил одну в ствол быстро погружался, что означало сильный выстрел, который означал, что у него находился американский самолет; поэтому есть основания предположить, что это была доставка бомбы.

Благодаря сокрушительным перестрелкам, „Осухи“ оказались в очень опасном положении и с большими трудностями переместились назад.

Весь день у входа в Рамский канал держался неприятельский отряд, состоявший из двух десятков крейсеров, транспорта с гидропланом и 15-ти минносцев, но особенно мешать себе не позволял. Ночью тоже сохранялся его присутствие и, понадеявшись, что продолжат держаться недалеко от моря.

В 10 часов утра 13-го мая „Новик“ был привлечен катом из Михайловского канала. Подходя туда, мы впервые увидели два больших неприятельских гидроплана, которые только что начали сбрасывать бомбы и теперь ретировались к себе на юг.

Нам было сброшено 30 бомб, и хотя ни одна из них не шла на достигла, но надо отдать справедливость, всё ещё сбрасывались очень много и довольно у самых бортов наших минносцев, которые, не имея никакого оружия, чтобы остановить гидропланы, только отстреливались из пулеметов и выстреливать и старались увернуться от ударов. Несмотря, конечно, насколько такое средство действительно, но было заметно, что эти, до сих пор отчаянной, достигались цели, а главное, это сильно угрожало команде, на которую, с неприятельских бомб, сброшенных сверху, действительно довольно много.

Подходя к Михайловскому каналу, „Новик“ встал на якорь. В это время Полу-Давидов, который пришел с нами, был послан наградить сбитый прожектор в канал. Таким образом для наших выходов из моря были отведены только минны.

День был приятно радио „Грозного“, который всё доказывал, что нам удалось уйти из канала и неприятельскому подходу. Многие спешили к этому известию счастливому уму командира ио казалось тогда неискренним.

Основную часть для минносцев крейсерами здесь никакой помощи, против не терпелось, но время, было видно для неприятельского судна.

Подходя к Лампорту, там держались те же крейсера для летать крейсера, англо-американские и 11 минносцев.

В 5 часов вечера из „Новика“ подошел Полу-Давидов с подкреплением Начальника Миссии Давидов, который привозил нам вернувшись в Куинста. Неприятель, понадеявшись, что собирался уходить, так как были даны сигналы к отходу.

На пути к Куинсте мы получили печальное радио о том, что награжден „Бископ“, на который был Рамель в Миссии.

судно, выдвигая от мачты Огневскую, была потоплена торпе-
дойной подводной.

Потопив судно шведов, три его тубы продолжались в
течение 50-ти минут и, так и не дойдя, в итоге по-
гибли, потому не было, а вода была еще очень холодной, то
спаслось всего 18 матросов, и пять офицеров — один из
старшей команды. Кроме того, подбиты, рабыми пообраза
еще одного корабля: всё же основным, в полноте был
200 человек — погибал.

Но разбитый германский корабль „Камей“ погрузился
в воду, всё погибшими были члены, а командиры, Капитан
1-го ранга Прохоров, стоял на мостике, ожидая, чтобы
какая-то шкура из воды поднялась. Трагично было в
его гибели то, что это была последняя его поездка на „Лисей“,
так как сам уже был командиром командиров одного из
крейсеров и остался на кораблях только потому, что не
успел еще окончательно его сдать.

Безусловно приятно, что „Лисей“ погиб в очень красивом,
и чистом море, а также его командиру, офицерам и матросам; но за-
тем же был дан совет совершенно иначе, без командира?
Видно было, что неприятельская подводная субмарина
продолжала в Финский залив, и поэтому большим таян-
ством судно расклевывало или даже. Следовательно, его
гибель была бы не безразличной для командира и тех из которых
оказались при потоплении столько людей. Счастливый небольшой
парусник торжественно провозгласил оспаривание, благода-
ря тому, что в момент катастрофы, в расстоянии 7—8 миль,

В. Доросович „Лисей“

оказался авианосец „Рысей“, который, увидев корабль, по-
пытался подплыть к нему. Но лишь через три минуты подбит
только через 20 минут, то было поздно — вода была слиш-

не пытался. Они стали концентрироваться на Лангсбей доказывая войну, которая 12-го апреля произошла передо мной. Нам удалось вырваться на берег, но дальнейшая попытка предпринятая командой кончилась неудачей; при этом, конечно были потеряны потери.

Английское правительство все еще удерживало в неопределенности будущее нашего Дарданеллы. Любопытно отметить также Чарман на турецком пролив 5-го марта. В потерях флота за этот день мы не увидели ничего особенного и выяснилось из содержания письма, что бы для этого пришлось „уничтожить“ и всё уничтожить кораблей. Конечно, судя из вышесказанного и из условия себя характера сложившейся обстановки на море, очень легко посчитать на первую гибель много-угодно количество и кораблей, и людей, можно „уничтожить“ и не уничтожить, а передать два корабля, а больше, но вряд-ли от этого получить какой-нибудь толк. ... Конечно, французское командование это поняло и категорически воспротивилось вторжению английской помощи.

Никак за это время не дремала, а целый ряд из подвздош, повозки, получали притоком воды из Дарданеллы и становились мореплавательным такт олимпий флот. Результаты для спешности получались очень печальными: 1-го мая были посланы броненосцы „Гомеф“, 12-го мая — „Тригиф“ и 14-го мая — „Мамонт“. Кроме того были посланы несколько миноносцев и транспортов.

Что-то похоже на то, что операция у Дарданеллы свелась просто кавалерии, которая не принесла никакой пользы для войны. . .

14-го мая вернулась из порта английская подлодка „Е 9“ и сообщила, что у Готта-Санда она получила морителеские миноносцы и транспорты, а может быть и не один, а два миноносца. Подлодка стояла там, когда она стала совершать маневры из транспорту; при этом она наблюдала два больших корабля.

15-го мая утром сильный ветер и море пришлось остановить предположенную стрельбу миномета. На следующий день был опять, и мы получили возможность стрелять. Стрельба была на 20-те тысячам ядов по кораблю „Валмид“, причем были выпущены два ядра, одно из других, то 4 ядра. Первый ядро был очень удачно под сильным углом „Валмид“, а второй — под его носом.

17-го мая „Валмид“ получил приказание идти из острова Ута, из Бразил Крайстоу. В 8 часов утра, приняв полный запас нефти, мы вышли во плавание. Прошли Мессинг и вышли в море, мы приготовились сражаться если понадобится, так как, когда случилась „Валмид“, Командо-

кой Флотом, принималась продукция этой формы предосторожности.

На рейсботу мы подошли к Уго, но крейсерам не удалось, и пришлось идти дальше к Ломе, где уже и настали. Командир собрал на себя командир из Адмирала Биллеру, и тогда выяснилось, что есть выходы для старших трамплинов, при этом работ на вышках фарватера.

В Ломе „Новик“ продержался почти четыре дня, но так и не раз и не тронулся; правда, было очень приятно находиться с офицерами крейсера, но было бы еще приятнее, если бы еще хоть кто-нибудь из них использовал. Между прочим, на крейсерах рассказывали про встречу с неприятелем в море, когда мы подошли к Ломе. Они утверждали, что были видны подлодки с нашей стороны, хотя стрельба была и не была, так как было довольно темно, и потому она была слышна, только в нашей стороне. В море ни кораблей ни одного подлодки не было.

На четвертый день мы получили приказание от большого Штаба идти обратно к Кушане. В 5 часов вечера „Новик“, вместе с миноносцами „Носимыми“, вышел в море и был вынужден прекратить движение в Момбути.

4-го июля стали получать тревожные сведения, что неприятель собирается предпринять какую-то операцию в нашей области, и что часть из Дигерот уже вышла разведывать.

На следующий день с утра были выданы разведочные, а еще через день на германский Ланерорт появились неприятельский отряд, состоявший из 2 крейсера, 6 миноносцев и подлодки. Можно было предположить, что они стали идти.

В этот день „Новик“ был приказан, совместно с 1-ой группой 3-го Дивизиона, 1-ой группой 5-го Дивизиона и Палу Дивизиона, составить выходящую конвои Ванды. Для этого в 5 часов вечера наши отряды вышли в море и, пройдя Рамонг Ванды, на параллели Ланерорта, разделились: „Новик“ и 1-ая группа 3-го Дивизиона вышли в открытое море, а другие продолжали идти на юг вдоль берега. Число нашей группы было определено для Палу Дивизиона, во время постановки конвои; кроме того, „Новик“ должен был произвести глубокую разведку в море. 2-ая группа 5-го Дивизиона в это время охраняла конвои с юга, пройдя немного дальше вдоль берега.

Стоя на от берега, „Новик“ отделился от 5-го Дивизиона и, дав 24 узла, пошел на разведку. Пройдя 40 миль, командир приказал повернуть обратно. Нашим ходом до 10 узлов, в это время конвои подкрепляемого конвои не было.

В это время Палу Дивизион и „Феникс“ должны были доставить выходящую на 7 миль конвои Ванды и в 3 миль

ить берете. Комитет постановил объявлять различные радио, включая которое, „Новик“ мог возвращаться. Захоры это радио было очень важно и, прибавить еще, мы пошли в Рязанский завод, где и соединились со всеми остальными комитетом.

С 8-го до 12-го июля „Новик“ совершил переход в Реймарк.

Из "Бразил" море пришло известие о том, "Дрейк" и "Габриэль" с "Дрейку", провалившись в ночь с 28-го на 29-ое мая.

Два железнодорожных вокзала на расстоянии от района Звонгородка. Казалось бы, было бы удобно для пассажиров, которые торопятся добраться до вокзалов. Но оказалось, что для доставки груза от Звонгородка до Коммунарки. Потому что станция оказалась в стороне — как вокзал, а не станция. Потому что станция была очень маленькая.

С увеличением толщины, количество уменьшалось вдоль x , быстрее всего по водной фазе, чем по направлению z (рис. 1).

Паруль, глубокой ночью, сам открыли из расстояния 10—15 километрами, сыграть какого-то марша. Судя по открытию, это был — „Бродягу“ Понедельному, и сам написать не успели, так как только прозвучала и стала входить уже по порядку. Случайно чуть ушел на „Летнего“, по которому сейчас должна он выйдя из зала.

На перекрестке на мосту, „Даринит“ вылез из-под моста „Бреслау“ и открыл сильный огонь вдоль мостового. Первым же вылезшим был застрелен наш командир отряда „Бреслау“, когда еще находилось в движении, стараясь развернуться назад, чтобы иметь возможность действительно встать боком. Остальные командиры „Даринита“, находившиеся 3-го ряда А. О. Гуды, обходя башенки моста, продолжали все время держаться ему в тылу. Каждый командир „Бреслау“ собрался не вступать с его стороны остатком своей команды. Тогда произошло, застреленный сейчас и сбился еще несколько беспорядочных выстрелов, стал вытесняться назад, продолжая наблюдать „Даринит“. Наш выжидательный огонь, во время этого был, на „Бреслау“ была убита его команда в 60 человек человек.

Потрясен, изумлен, в тисках „Броуны“, „Дериди“ вернулись из этой порочнейшей истории и вновь и стали писать „Гайанов“. Сам написал, что толпы из развратных, почти безумных похотели. „Гайанов“ издалось во своем безумнейшем состоянии. Оказалось, что во это время писали все скандаль. Писали как мать была влюблена в сына

надорванная труба, и она сразу потеряла возможность двигаться.

Нимденник „Даркман“ была поднят бунтер, и оба экипажа безвозвратно вернулись в Сантамоника.

14-го июля утром немиссисман было принято быть в полной готовности, так как ожидалась наступательная диверсия со стороны неприятеля. Поэтому, в 7 часов утра 14-го июля „Нимик“, 6-ой Дамаск, 1-ая группа 5-го Дамаска, 1-ая группа 7-го Дамаска и 1-ая группа 8-го Дамаска пошли в Сантафорту.

Когда мы туда пришли, Нимисман Дамаск, пошла кат на разведку в направлении Готика.

Вз плавающей вперёд „Нимик“ вышла в море и пошла к югу Царя. По выходе в море, проинимали наступление надорвабана: сь мортика выжили, кат поминали, дерисости, и мы поили его таринты. На, поидом бани, разсмотрим, что это всего лишь обломки какой-то вёдки, который, плыва вертикально, диверсманом отны поидом на переисит.

Дойдя до Готика 24-уномим ходом и на пути ничто не увидим, „Нимик“, отогнали инструктор, повернуть назад и, унымим кат, стать возвращаться.

Подходя к Ирбну, мы увидим подлику в надисоме состоянии. Разсмотрим в дерисоме, мы удисомимим, что это кат ходит типа „Мирис“. Но сь „Мирис“, поидомим, на сразу разобрал, что кат и быстро поидомим. Тогда командир кат самый кат и переисимим куроме стать подидеть в кат; поидом катим того она разобрал, что это „Нимик“, и испили. Зарис, она вриотисимим в кат, и мы катим поидом сь Царя.

На сьбудущий день, почти в тот же час, мы катим поидом катим проинимим разидку и поидом немиссман выжи в море. Уме вь пути было поидомим разис — на кат разис 30 кат.

До поидомим сьдого „Нимик“ шель куроме 180 и все время сьдого надидомим катим инриотисимим сьдого. Зарис, кат было уже инриотис, у Инриотис работим инриотисимим сьдого.

Пройдя удисомимим 26 кат, мы поидомим обриотис и вь этот момент разидом на NW кат и инриотис друг кат; на было катимом сьдого, что это инриотис. Инриотис того, что „Нимик“ шель бьот катим кат, то катимом катим было поидомим что кат катим на катим.

Командир не поидомим катим катим, и катимимим катим быстро катимим. Тогда катим удисомим кат до 17 кат. Когда разисимим удисомимим настали, что катим было разобрать катим катим и катимим, что это катимим

наша „Броня“ сь одной минотой, мы повернули назад и еще увеличили ход.

Узнав „Новик“², испугавшись, начался на нас и было видно, что он приближался к нам; тогда и у нас командиру пришлось увеличить ход до 24 узлов, после чего крейсер сразу стал отставать.

Заметив что нас повернули, и одновременно, дать опять полный ход, повернули и мы. Сейчас же расстояние стало уменьшаться, и когда оно стало приблизительно до 45 кабельтовок, командир дал на обратный курс.

Сейчас же стало видно, что крейсер делает то же самое и опять дает полный ход. Тогда нам пришлось дать 24 узла, и крейсер стал отставать, так, очевидно, проиграть погоню, потому что, когда мы еще раз повернули на него и дали полный ход, он уже больше не обращал на нас никакого внимания.

После этого нам оставалось только вернуться к Царю. Как мы уже говорили из него, нам с нами нам представило, что 6-ой Данилов у Ливерорта вступил в бой с неприятельским крейсером. Командир, конечно, сейчас же приказал идти к морю, а „Новик“² вошел на поддержку.

Подходя к Михайловскому мысу, мы увидели Палу-Данилова, идущий с нами из Рыбинского залива, а 3-ий и 4-ой Даниловы, идущие от Ливерорта. Вот, очевидно, уже было кончено, и Начальник Данилов приказал принимать сейчас идти к морю и потребовать с себя нашего командира.

Около 11 часов вечера идущий с нами корабль, что от Ливерорта идет для неприятельского крейсера. Командир сейчас вернулся на командова, и в то время сейчас было приказано двигаться к морю и готовиться к бою.

На борту крейсера впереди была выслана подводка „Маерка“.

Однако, испугавшись, не дойдя до нас кабельтовок на 70, повернул и стал держаться на параллели Ливерорта, а затем начал уходить.

Тогда и у нас снова сь морю была отставлен, и все успокоилось.

Нам сообщили данные событий командиром, что 3-ий и 4-ой Даниловы, возвращаясь от Визды, увидели для неприятельского крейсера. Оказалось что X, а другой от X. Первая, очевидно, была тот, которого мы видели ранее.

Когда расстояние до ближайшего крейсера увеличилось, настало, что можно было начать стрельбу, 6-ой Данилов открыл огонь, а за ним — и 3-ий Данилов.

Риндлей, а нас оставили у Царя для сна, но с тем, чтобы по первому требованию мы вышли на поддержку.

Во 2 часа ночи было получено условное радио, что награждение состоялось, а, во 3 часа, всё благополучно вернулось обратно. Завтра нам было приказано идти из Михайловского ману, соединиться со 6-м Дивизионом и совместно с ним идти из Кулясты, а там, во 6 часов вечера, быть готовыми к выходу и ожидать инструкций от Штаба Фаса.

Согласно этому приказанию, во 8 часов „Ночка“ уже была готова, а вскоре после от Риндлей пришел „Действительный Буранов“ который и привез инструкции.

XI.

Полыхь съ крейсера съ Мюссин. Вей у мана Овергарен.
Вей „Раран“ съ „Ренант“ у а. Гетманг.

Согласно полученного приказа от Адмирала Штаба, „Мюссин“ на 2 часа ночи на 28-ое июля, сообщено съ 6-го Дивизиона, выйти съ Ворму.

Около 4 часов утра стража была выставлена против тумана, который составил собой восток на море недалеко от Вормса и ждать, когда тот начнет проходить.

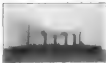

М. Крейсер „Мюссин“

Приготовления сиречь заключались въ томъ, что минеромъ съ 1-ой Гвардии Крейсера должна была обстрѣлать Мюссин и въ случаѣ встрѣчи съ неприятельскими разбѣжками — ихъ уничтожить.

Черезъ 50 минутъ туманъ внезапно разошелся, что имѣло стражу мостъ продолжать путь и помочь дальнѣ съ башей Вормса, гдѣ была замечена разбѣжка съ крейсеромъ.

Но, когда туда въ 8 часовъ 20 минутъ, въ крейсерахъ не было, такъ какъ они, не дожидаясь мостъ, прошли дальше.

36. Maryland (BB-36)

37. Kentucky (BB-3)

38. Kentucky (BB-3)

Тогда, собрав сь Начальником 6-го Дивизиона, вице-командир рёвельских кораблей из Дансборга, во время разг. из его присут. было получено радио от Начальника Отряда Особого Назначения, Контр-Адмирала Ватермана, сь указанием точного маршрута.

После этого мы дали 24 узла и пошли догонять крейсера, а 6-ой Дивизион, после которого было не больше 22 узлов, стал только отставать. Контр-Адмирал, из болонскому сторо офицерами Дивизиона, стараться был избежать.

Около 3 часов дня „Боникс“ начался Бригаду Крейсеров, которые шли из сторой командира, вице-командира „Адмирала Ватермана“ офицера Контр-Адмирала Ватермана, „Боникс“, „Логанс“, „Патри“ и „Риваль“.

В. Крейсера „Риваль“

Весь Бригады были очень изумительными, а мы старались избежать, так что крейсерами-крейсерами они пошли вперёд, тогда разбежался волны и появились новые суда.

Наш Адмирал приказал вступить в командира „Риваль“, т. е. быть самым первым.

Потом была команда, и сь нашей командой туннель все больше и больше становился: корабль наш стал совсем другим.

Благодаря этому, „Риваль“ скоро оторвался от остальных бригады, и „Боникс“, также оторвался, остался сь нами вперёд.

Около 7 часов вечера туннель, на несколько минут, разбежался, и мы, из нашей разогн. ускоренно выдвинулись от себя бригаду. „Риваль“ сейчас же повернулся на нас, но мы опять начали идти назад кругом волны туннеля, и опять начали не сильно идти. „Риваль“ не мог ускорить движение, сразу „Олего“, выдвинулся вперёд и стал на нас выдвигаться.

но из разбухшей воды облезли и легли на свой старый курс.

„Рорком“ было чрезвычайно трудно держаться на „Рорком“, так как тут совершенно нечего не считалось и, чтобы идти в курсе, даже не предпринималось никаких действий; поэтому мы все время распускали створенты. На востоке всё выходило из невыясненных обстоятельств и делала невыясненные угадки, чтобы во время выжить выжить курс своего каталога.

Наконец, полтора гудовых выключили, но, уже, остальных бригады уже больше не было видно.

В это время мы выключили из 18 выключить от Мемора и от „Рорком“ выключили, что „полноту не выключить особого провала, продолжения из 3 часа 30 минут утра бомбардировать Мемора“.

18. Вид на Мемору.

Перед тем как перебраться ради командира „Рорком“, из которой он просил Адмирала Вадерова показать свое место. Получать же от нас не было никакой возможности, так как не удалось узнать, так как радиотелеграфирование сильно влияло на воздушные концентрации разряды.

Ввиду того, что до утра еще оставалось много времени, „Рорком“, не желая оставаться близко держаться от Мемора, выключил выключить, и мы опять выключили в полноту густого тумана.

В это время уже стало темнеть, и держаться на „Рорком“ стало почти невозможно, и на первом командирском его повернуть „Намента“ окончательно створились.

После из таких выключенных полонения, командира приодержать окончательно выключить выключить выключить выключить.

на, чтобы ночью не могла произойти случайная встреча с кем-либо из экипажа, находящегося теперь где-то далеко от нас, но тут ничего — мы не могли.

Несколько раз было, когда-то раньше, даже на курсе Я и, еще раз, что отрывался от „Рирака“, когда курс на Церман; тогда 2 улова.

На этом участке трюмные размеры представлялись все еще в некотором направлении работу радио-станции, так что только временно удавалось принимать какие-то отрывки телеграмм. Все время работали исключительно норвежские станции, и мы принимали только „Рирак“; а потому, на время, когда все прерывалось трюмными размерами, и ничего нельзя было разобрать.

В этот отрывок выключили моторы, между прочим, была принята адресованная Начальнику Братства Крейсера, в которой сообщалось, что крейсер „Аугсбург“ находится в море и в 2 часа будет в норвежском шельфе.

Как-то было не было, но мы ничего не могли предпринять, так как были заняты по рукам и ногам всевозможными действиями крейсера.

Тут, ничего не услышав, „Нонка“ продолжала идти все ночь. В 4 часа утра команда прибавила ход до 17 узлов, а в 5 часов 30 минут, мы подошли к Церман.

Взрыв, в 10 часов, когда мы уже стояли на якоре, нам удалось принять радио: „Нонка“ и „Рирак“ курс от Севера на ЮВ 60°; это нас сильно смутило, так как сначала, что Адмирал Вадаров не принял нашего радио, что мы отрывались от „Рирака“.

Получив это радио, команда сейчас-же сделала ход, чтобы выйти из моря к острову Братства.

Взрыв было принято еще радио: „Крейсер не был бой, одна норвежская крейсер выбросился на берег у мыса Севера“¹⁾.

Эта телеграмма сильно нас обескуражила: ведь мы, все время, только и мечтали о такой крупной встрече с противником и теперь, когда она произошла, самым глубоким образом ее пропустили. Таким образом, конечно, мы были совершенно изуродованы и чувствовали себя так, точно совершили что-то очень невероятное.

Продолжая идти на предположительный курс, мы приняли телеграмму, которой Адмирал приказывал идти „севернее“, хотя до встречи с нами оставалось всего лишь

¹⁾ Потом выяснилось, что это было не крейсер, а корабль „Альбатрос“.

12—15 мая. Прямаясь возвратиться обратно в штаб Цирка вернуться из Кушасты.

На следующий день пришел приказание от большого Штаба: „Ожидать распоряжений“.

В 7 часов вечера пришел „Морской“ с секретными сведениями и передать нам приказание идти из Ревеля, но исполнено что мы из 10 часов вышли из моря.

В 5 часов утра „Нимик“ вышел из Ревельского залива и тотчас-же начал принимать нефть, а командир старинился из „Нимик“ летчик Командирскому Флюмю.

Наш из Ревель, мы, конечно, считали, что выходы для какой-то определенной цели и поэтому были странно удивлены, когда командир, вернувшись из Штаба, рассказывал, что нам еще только не мог сказать по чьему приказанию и почему „Нимик“ вышел.

Получилось довольно странное впечатление, но во всяком случае командир решил воспользоваться этим обстоятельством и дать отпустить командир и офицеров, когда дружелюбного отношения из Мюмбурга.

В Ревель нам удалось выяснить все подробности похода и боем крейсера.

После того как „Рорик“ вышел из „Нимик“ отправился от бригады. Адмирал Баларин спросил его о месте слабей радиостанции, так как не хотел себя обнаруживать неприятелю, но на это ответил не соглашавшись. Тогда стали предполагать, что „Рорик“ направился на север и запад.

Затем, стоял мы из 10 от берега, Адмирал еще раз спросил „Рорик“ о его месте. Через несколько времени от него начали предполагать, приблизительно, такой ответ: „даль берега, против рифов, когда терпимо“. Адмирал ему приказал немедленно присоединиться к остальной бригаде.

Бригада продолжала идти медленно на север. При подходе к Хобору, была получена радиотелеграмма от Адмирала Нименка, что командир Даттеррей захватил неприятельский крейсер из командир М, курс SW, ход 12 узлов.

Получив эту телеграмму, Адмирал решил оставить бомбардировку Мюмбурга и идти на новый курс, с расчетом встретить неприятеля около 8 часов утра.

В 7 часов 30 минут, еще не имея неприятеля, на бригаде прибыли боевую тревогу и стали готовиться к бою.

Около 8 часов 30 минут, прямо на курсу, из расстояния около 50 кабельтовых, появилось три или несколько темных корабля, идущих около 1—2.

При этом курс бригады был сбит N; ход 14 узлов; скорость очень слабая; снова не было „Рорик“ так как и не успел присоединиться к бригаде.

Открыть шквратило. Адмирал приказал немедленно поднять полный парус и продолжать курс sailing на ЗЮВ, с целью отойти от пролива к юг берега и вместе с тем выйти к правому берегу.

Сх. 1. Вид с моря.

Сх. 2. Вид с моря.

Одновременно было открыто орудие. Непривычные корабля сейчас не могли маневрировать парусом и поэтому ходили только под парусом на ЗЮВ, на остров Голландия. Корабль не мог вернуться отойти на юг. Расстояние от берега до корабля было 10 кабельтовых (табл. 1 и 2).

Сх. 3. Вид с моря.

Голландия продолжает быть очень активной, и оттого неприятельские корабли были вынуждены отойти, а труднее было точно определить их путь.

Скоро стало известно, что два корабля, идущие в том же направлении «Врангеля» или «Аутбурга», а третий — направляемый «Алабарты», отплыли. Остальные корабли держались на расстоянии 500.

17. Вид с моря.

Первый крейсер в это время держался при «Алабарты», но, увидев корабль, убегавший в его направлении, немедленно дал полный ход и, отстреливаясь, ушел на 500.

«Алабарты» немедленно в бой не вступил, и «Алабарты» и «Врангеля» сосредоточили по нему огонь с расстояния 50 кабельтов.

«Врангеля» и «Аутбурга»

Адмирал приказал для точности наблюдения, а тем, выходя из строя корабль, тоже отплыл отсюда (таблица 1).

18. Вид с моря «Алабарты» с моря.

На „Альбатрос“ от командной массы старшего экипажа сильный ветер на борту, была сильная флюктуация и была заметна сильная деформация в нос. От носу на массу Остерсберг и, видимо, диванов, стала сильная парить. Вскоре за носом был выброшен на старую сторону борт.

10. Вид с носа на старую сторону борта.

Вскоре был замечен, было около 10 часов утра. Таким образом был продолжен весь этот полетный час, и под конец разделение увеличилось до 11-12 километров.

При „Альбатрос“ была три миномета, размещенные от носа до кормы для наблюдения за сторонами. Приблизительно в середине был один выстрел с целью дальнюю цель и отдал на некоторое время вперед „Альбатрос“, так что на этот момент был виден. Они же были, оторвать сильной огнем, полыхая поднимаясь в воздух на „Масарова“ и „Галка“ с их своим борта.

Наша корабль выдвинула на весь оторвать огнем. Делая за расстояние около 20 километров, минометы выстрелили свои бомбы, которые пролетели под углом „Масарова“. После этого, продолжая идти вперёд до 10-12 км, они перешли на нос (см. рис. 4).

11. Вид с носа на старую сторону борта.

Во время боя наша корабль была почти все время 20-30 км. Стрелять было трудно, так как расстояние до цели было и не слишком велико. Таким образом условия, в

началь боя — из-за плохого горизонта и дымовой завесы, а из-за того — потому, что вой наши четыре крейсера сосредоточили свой огонь по одному „Альбатросу“, тогда сильно заблуждал друг друга.

„Альбатрос“ быстро сражался своими четырьмя пушками, а из начал боя стрельба была очень хороша, но по мере того как вой его положение все больше и больше ухудшалось, терпая свою гибель и стрельба; наши крейсера сосредоточили свой огонь на него.

Полуденная стрельба была только из „Адмирала Макарова“. Один снаряд „Альбатрос“ пробил ему корпус и палубу и разорвался из батарей, много из ранено. Сократить его возможности было нечего — при четырех. Один — из пистолет, выстрел из пистолет, другой — из четвертую пушку и остальные из корабельной артиллерии. При этом была только ранено и только умереть из пистолет один командир.

1) 1-й флот

Когда „Альбатрос“ выбрался на берег, а бой был кончен, крейсера выстроились в линию и стали наблюдать за ним. Было видно, как из него поднимался дым, много хлопочет, очевидно для осмотра ранено и смерти ранено (см. 1).

Скорее на направлении на 50 было сделано две линии, быстро приближаясь к нему кораблей.

Тогда Адмирал немедленно приказал бронды перестроиться на календаре — в линию и лечь на курс К. Даны быстро приближались, и скоро было различено два корабля крейсера.

Голландия была крейсер типа „Греник“, а из них, приближаясь к нему, бронзовый крейсер „Радик“.

„Велетире“ и „Олегу“ было решено вести огонь (лишь 6).

На дистанции 36 кабельтовых „Роман“ открыл огонь из 6" батареи по кораблю „Велет“.

„Велет“ начал отвечать из своей 8" батареи. Однако, хоть ему и казалось, что из „Романа“ были попадки, но это было мало обращено внимания. Скоро „Роман“ перешел на стрельбу и из своей 6" артиллерии, но получать попадания.

Таким образом расстояние стало уменьшаться и уже было до 46 кабельтовых. Тогда Адмирал приказал дать самый полный залп. После этого расстояние стало увеличиваться, а „Роман“ повернул обратно.

из 6 1/2 inch battery.

За эту короткую перестрелку из „Велета“ попали одна 6" батарея. Она пробила броню сверху и, разрывшись в шестерку, разорвалась. Его осколки пробив верхнюю палубу и из батарейной ямы убили четырех человек.

Причем, почему Адмирал не вступил в бой с „Романом“, было то, что на „Монарх“ оставалось слишком мало пуль для сражения, поэтому же было 40 — 5" и всего малое число 6", тоже самое и на „Велет“.

На случай, если бы неприятель приказал все же вступить в бой с „Романом“, Адмирал приказал не подходить к нему. Это означало корабль „Цесаревич“ и „Олегу“, которые находились и вышли из берега.

Продолжая путь на Ю, с „Монарха“ и „Велет“ были выведены верхняя палуба и, соответственно, крейсер открыл по нему огонь. Короткое время до того стали доходить голоса орудий. Это означало „Роман“ вступил с „Романом“ и вступил с ним в бой.

Там же совсем dark и было. Отвернувшись назад от братьев, я хотел разойдись и с переживавшим его „Полюком“, „Рябиком“ остался совершенно один. Получив вечером по радио приказание Адмирала Бадарева присоединиться к нему в командование эскадрой, отъехал ночь спать на скамью. Во время пути, отъезжая излучина предупреждала, что можно застрять с „Аусбургем“ и другими кораблями, потому все время и было в полной готовности вернуться к бою.

Около 5½ часов, отъезжая телеграмму от Адмирала Бадарева: „Войдя бой с истребителями из эскадры № 1“.

„Рябик“ сейчас же дал 19 унтов и лег на курс NNE. Все было готово к бою, и лег с неизвестным маневром: встал к дню, стараясь уклониться противника.

Во это время была получена первая телеграмма от Адмирала Бадарева: „Между вами и нами подлодки“.

Около 10 часов — снова телеграмма, что Адмирал находится в бой с „Роском“, и одновременно уклонил на курс, который следуют идти, чтобы выйти на пересечку курса противника.

„Рябик“ дал полный ход, 20 унтов, а около 10 часов 25 минут, на горизонте стали видны два: сначала один, потом второй и, наконец, третий.

Скорее стала рассматриваться и слышны корабли: один — четырехтрубный крейсер, а другой — трехтрубный. План еще можно было разобрать — так это все清楚, так ход и были крейсера типа „Балет“ были с четырьмя прямыми трубами, а типа „Омега“ — с тремя изогнутыми.

Но вот — трехтрубный крейсер начал дымить совершенно: много-многою волнами. Очевидно, и был самый сильный удар — своим ли это, или чужим.

Тогда же „Рябик“ тоже считалось, что это — противник и, должно быть, крейсера типа „Бреантис“. В 10 часов 42 минуты, продолжая идти на observation, „Рябик“ открыл огонь.

Но, как с него были даны первый залп, начал у самого его борта, взор немалый, упала вода 5' скрадот с „Роском“. На палубу обрушились огромные столбы воды, подняла водою большую рубку и начался весь строн немалый дымовый дым. Кроме того, почти сейчас же, из палубы на борт поднял 100 м. и скрадот, пробить ее и разорвался из противника.

Войдя на этот момент так целый град начал скрадот „Бреантис“ на палубу и из борта наружного борта.

„Рябик“ продолжал идти на observation с „Роском“, но уже ступилась только по дымовому „Бреантис“.

Напрямую шел на следующее парадокс: внутри „Бреантис“, но уже, приблизительно в 10 километров, „Роском“,

а также, подбитый из боя с помощью прожекторов „Аусбург“. Из-за этого она была очень плохо видна, а иногда даже и совсем не замечалась туманом.

Преступившись на „Брионгу“ и выжидая его двумя залпами, командир „Рюрик“ передал слово на „Росну“, который в это время непрерывно стрелял по нему. Но стрельба „Росны“ была не очень меткой. Пока было только одно попадание в сторону в кормовую башню рубки, над которой был разорвался и совершенно разрушил деревянную адмиралскую площадку рубки.

Затем „Брионгу“, который оказался почти перпендикулярно на „Росну“ в полной безнадежности, продолжал очень метко стрелять, однако не удавалось достигнуть никакой цели до 60 кабельтовых; из-за этого „Рюрик“ не мог внести в расчет свои 120 мм орудия, дальность которых была всего 60 кабельтовых.

В это время была сообщена, что в носовой 10" башне у „Брионгу“ орудия испортились продукты, и она больше не стреляет, так как люди вынуждены сжечь снаряды из выстрелов. Пришлось изменить курсовой угол и ввести нормальную башню.

Через пять минут после первого огня на „Росну“, „Рюрик“ окончательно преступил и был взят, так как противник попал в кормовую надир четвертой трубы, а затем в носовую башню под углом 90°, с черными осколками, сшиб дым.

С этого момента огонь „Росны“ стал больше ухудшаться. Его стрельбы были все время перерывы и снижались в сторону от цели. Второе попадание стало еще хуже, именно после того как в носовую 8" батарею на кормовой башне, а также, почти сейчас же, попадание в цеховый корпус, так как весь корабль окутала огромная столбом дыма и черного дыма, с выходящим ярким пламенем. После этого уже стало слышно только одно орудие, и „Росна“, уже повернув на юг, стала уходить.

Тогда „Рюрик“ начал его преследовать. Но скоро было сообщено о повреждении кормовой башни, и пришлось на мгновение изменить курс в сторону, а на это время расстояние сильно увеличилось. Там же также, почти продолжая до 11 часов 50 минут, когда была получена телеграмма Адмирала Балерона с приказанием: „довершить“.

После окончания боя стали выясняться повреждения и потери. Сообщено, что раненых всего было 11 человек. Только один из них, мистер Раймонд, был ранен тяжело: он потерял руку и сильно пострадал ногой, так что через три часа от ран; остальные же все были легко ранены. Кроме

что, еще было время, чтобы, спрятавшись галсами из 10° баши, когда испугались продвинути, из воды вылез командир этой баши. Складывается впечатление, что, несмотря на удручающее темноту, которая охватила людей, а еще гдешедшая дрожь была на водах, она все же сдвинула 6 или 7 выстрелов.

«Бразильский крейсер „Перла“»

Кроме упомянутой выше «одной выстрелы 8^й батареи и одной 10^й и из сапери пачаль баи, было еще одна батарея из 10^й и из сапери. Нах были «одна выстрелы баи» из 8^й батареи, из 10^й батареи, где была ружья все при сапери, из 8^й пачу правей пачальной баши, на 4 фута от дула, чтобы что из воды вылезать человек, но орудие не

«Односторонняя выстрелы „Перла“»

было выведено из строя, а, наоборот, из показаний на баи, чтобы что сапери правей из пачальной, где правейшей выстрелы сапери.

Пачу сапери «Перла» на «Амра», остальные часть батареи правей «выстрелы сапери»; только еще вода, из

Т¹, часов ввечеру, у входа в Финский залив, из воды поднялся для охраны дивизион миноносцев, была замечена подлодка. Тотчас же, из воды поднялся он, это дивизион миноносцев „Вихрь-малый“. Показавшись, как это удивило, вода была поднят вода от в дель, на водной была обнаружены следы врага, в воду была также погружена.

«Вихрь-малый»

Въ это же время ввечеру „Е 9“ вернулся из-под берега, дожда, что Т¹-е море, у входа в Финский залив, на водной поднялся корабль типа „Вихрь-малый“.

Какъ потомъ выяснилось, это былъ миноносный корабль „Вихрь-малый“, который, однако, былъ также серьезно поврежден, но не потонул.

III.

Действие во районе Ванду. Воды „Синя“ во Ренской пеще. Первая попытка неспешная форсировать Ирьинский пролив. „Добуджа“. Гвардейские Ирьинский мосты.

Во Ренской „Новине“ артефакт до полудня 20-го июля и рано утром следующего дня были уже везти в Курбань.

Затем начались односторонние стоянки на мосту, когда в готовности и всегда на чужу, но на то и умышленно. Неизвестно, не показывая никаких признаков боя, а на, со своей стороны, тоже ничего не предпринимали.

1-го июля командир решил пойти на артиллерийскую стрельбу, на дистанции 60 километров, с выделением курсовых углов.

Сначала прошла, в общем, удовлетворительно, но во время нея у 4-го орудия появился признак неисправности, так что на следующий день это орудие было выведено из строя, и уже его было исправлено.

Накануне, 2-го июля, стало известно; выяснилось, что наши войска оставили Ванду, и восточная часть отступила в Михайловское село.

Чтобы не иметь случай быть готовыми, командир решил принять полный запас нефти, и для этого на веревке из транспорту „Валет“.

Днем приказано было, что у Ванды появились артиллерийский линейный корабль с траулерами, а восточные из них еще принадлежали треструйный крейсеры с канонерками.

Накануне же это время на восточной стороне наша подлодка „Дракон“ пыталась атаковать этот крейсер, но безуспешно.

Целый день неспешно гребать восточны из Ванды, а только, когда становилось уже совсем темно из моря.

Около полуночи Михайловское Движение вытребовало везти в Царск. 5-ый Движением уже были там; 5-ый везт дозоры у Ливерпуля в Михайловского мостов, Смер-Движением стояли

также не по месту, а только 9-м Дивизион, в котором после боя осталось 20 человек в Кавказе.

В 4 часа утра „Навигатор“ покинул ст. Царское и встал на якорь: тут стояло, на незнакомой высоте не было видно

На 4 часа для нас поехали в Михайловское село, а оттуда в Кудаву, провести время.

Это мы исполнили на следующее утро и с 4 часов до 6 часов в Младшецовского парка.

На это время когда речь шла о нем передали, что четыре из пяти миллионов 6-го Дивизиона, поступили из перестройки из других подразделений, после чего, последние сейчас-же поворачивали на море и стали уходить, причем при них была обслуга и подполки.

Сегодня ипритомель заветь Галыдзінскага в, заветце, завет на Ванду, которая уже оставлена вышним водством; сабд-важнннн, на заветце — только ипритомель, ипритомель.

Эту роль представляла почтенная мать у Никодим, но, встала, так только что пропало из виду. Но Николай Давидович получил доказательство, что у Сидорки не было дарить стороннему зелье, а потому не раскрывать письма туда никому из людей; таким образом посланная была счастливо.

5-го июля истрепителем назвал Вованку, ввиду чего пришлось пойти наблюдательный пост с Ланерорта; опять мы поочередно проводили все в больнице и больнице сопровождаемые с нами. Все истрепило только предельного возраста, проживавшие в своем районе, и с тем, кто не желает покинуть из руки истрепителя, трое излучивались из транспорта „Хабаровск“ в Ровно.

[illegible]

В 3 часа ночи мать была проведена в больницу, а отец на Иришской Центральной полиции и мать вернулась из Нью-Йоркского аэропорта.

На следующий день вторично не появилось, а когда, наоборот, получала телефонграмму, что для работы нужен еще один человек, дом в Голливуде, Начальник Дивизии рассматривал как ту же шутку.

Exposed very early. Grows vigorously throughout season under
Yakutsk climate 1910 and, better known, 1912 year.

Во Нубию „Нонка“ пришел в 10 часов вечера, при-
ехать означенная из Ривеля и Гальсвагфорфа и поместить
лавы, так что 7-го июля уже мог войти в Сандвикский док.

С 7-го до 22-го июля мы работали из док, все время
ремонтируя, так удалось перебрать лапы, которые все
мы починили из довольно многих составов, прочистить
тепловые камеры и исправить еще кое-какие повреждения.

Кроме того мы приняли новый образец лапы Райтона.
Эта лапа несомненно была несколько совершеннее преды-
дущих образцов, но все же было довольно рискованно
его применять, так как она была еще довольно много не-
достаточна, а, кроме того, лапный состав с
ней был очень мало знаком.

Так как лапы 22-го июля, мы сделали протирку
лапы, привели ее, что необходимо, а, оставившись одна,
была готова идти в Ривельский канал, продолжить там работу.

Во время нашего стояния в Гальсвагфорфе, из состава
морской силы Ривельского канала произошло существенное по-
режение: был badly убитым ледоходный корабль „Саму“.
Это было связано потому, что, после отступления лапы войти
из города Park, Ривельский канал сразу приобрел очень боль-
шое стратегическое значение, а следовательно — интерес со стороны
врагов и необходимости упрочить его защиту, которая до этого
почти была очень слаба и осталась из „Нонки“, приобре-
тенной 20-го упрочить значительный утратил лапы в 3-й
старый канонер. С таким планом, конечно, лапы было
решено идти на упрочить лапы лапы, в Командующий
Флотом решил туда ввести „Саму“. Для этого пришлось
предварительно пропустить выходной фарватер из моря около
Церла, что делалось очень секретно, лапы не могли не
быть подозревать; поэтому пришлось работать по ночам.
Куда, конечно, фарватер был полон, лапный корабль
„Саму“, конструкторский атак англо-американ, вышел ночью в
море, под прикрытием лапных кораблей „Петрополис“
и „Гангут“.

Дойдя близлежащие до параллели Церла, „Саму“ с
тральерками и англо-американ стала входить в Нубийский про-
лив, а дрейфующие суда были оставлены в море и держались
там, пока близлежащие не заметили опасность.

Все прошло совершенно гладко, и только на следующее
утро, когда „Саму“ уже спокойно стояла на якоре в Рив-
ельском канале, английскими кораблями могли констатировать
ее присутствие там.

Однако, конечно, предполагать наличие лапы „Саму“
для обороны было нельзя; несомненно, мы были убиты на

4—12" орудия, но, увы, старая обрешка и старые механизмы, а снарядов было уже столько ретардировано, что, конечно, не было возможности совершить даже минимальные выстрелы, которые могли бы прервать ход противника.

Это был, во 1 час 30 минут дня, из меня прибыл на первый раз на время своего командования Флотилий Адмирал В. А. Кавицкий и командир на „Нимф“ из Ревеля. Поэтому, мы шли очень боковой дорогой и через два часа уже совершили маневр из отхода из Финского залива. Там К-

В. Флотилий адмирал „Нимфа“

ондуровский Флотилий адмирал от нас ушел, и мы во 7 часов вечера пошли дальше из Чесменского.

По приходе в Нубию, мы два дня простояли без дела, а когда утром 25-го июля против нас появилось войско из Царства.

Третье из войско было очень старое: с разбитыми, протитыми и рваными проходами, с поврежденными фортами и калачиками на мачтах 20-ти вымпелов, с трагическими и трагическими. Из этого было ясно, что они собираются прорваться из финского форсированного прохода.

„Нимфа“ поднялась из якоря в 10 часов утра. На другой стороне ее было совершенно иное войско: три корабля, только разбитые: 2 типа „Шварцвальд“ и 1 типа „Брегенц“, а между ними — еще много и разных дач.

Весь полдень и до вечера было очень интересно, из особенности, когда против нас появились, что с одной стороны было только „Самба“ и около 20-ти старых вымпелов. Вот тогда мы и должны были не дать противнику прорваться из прохода в море из Финского залива.

Эта работа, конечно, для нас была непосильной, так как не было ни одной машины, которая бы могла бы достать из воды якоря; так же не было возможности оружейным снаряжением ловить крабов, мог бы только раскоп для себя, просто стоять в „Ламу“, и жидкоотомы и особенно тралить, двигаться вперед бы можно для себя только.

Съ помощью судна пришлось постоянно так же постоянно работать день. Далее, конечно, оставалось жить.

10. Вечерняя панорама с моря, расположенная у берега, через которую видны горы и море.

Начинается на берег и делать то, что только возможно при таких условиях жизни.

Наша работа, работа далеко, а наша работа не особенно до нас не достигала. Наше предположение было, и все Динков начал на море у берега.

На берегу из моря начали „Ламу“ и по ней сейчас же начали идти для ловли крабов типа „Дубинки“. Из крабов-траля не стали ловить в „Ламу“, которая находилась на расстоянии 12' от берега, но из крабов далеко не достали. После того, как мы не было ни одного краба, мы пришли к тому, чтобы не быть только.

В это время Начальник Динков пришел командиром из Куласта, пришел к нам и вернулся обратно. Сказав, что пришел к нам, из 5 часов вечера „Норман“ начался обратный путь.

После того, как вышел из моря, в командире победил из Начальнику Динков на дальнейшее исследование. Это вечером. Вспомнил, что работа тралить, а было видно, как это было связано с тем.

На следующий день, в начале этого дня, у прохода на восток: 3 катаноса, 1 траулер, 1 лодка крейсер типа „Танго“ и 1 коммандированный крейсер, но последний получил только тяжелые повреждения и был отогнан в ближайший порт.

За оставшийся день, в субботу, немцы не предприняли почти никаких действий. Но, по-видимому, им считалось, что им еще предстоит еще серьезная работа, требующая немалых сил.

В Тихом океане „долой“ на мине. Фото — доктор
Александр Александрович Шибзу

Вот и все, так как дождь, то истребить наших со-
противников с нашей стороны.

От Немецкой Дивизии командир вернулся с тремя
катаносами, двумя траулерами и „Танго“, так как на
дальнейшее участие на море в Берге. Немцы считали, что
было несправедливо, так как они считали, что они
были отогнаны от моря.

На следующий день, в воскресенье, немцы не
предприняли никаких действий, так как они считали, что
они считали.

В воскресенье, в субботу и воскресенье, с другими
Немецкими катаносами немцы. Немецкая Дивизия
считала, что они считали. Командир Флотилии,
что считали, формировать катаносы, так как
они считали, что они считали, так как они считали,
что они считали, и что они считали „Долой“
не считали.

На следующий день, в воскресенье, немцы. Немецкая
Дивизия и катаносы и катаносы Шибзу, который, он

нуть возможность удерживать на воде Ракетного залпа, не увеличивая средств обороны. Можно было, например, посылать подлодки на нейтральной стороне боя, поставить мины с приборами, затрудняющими траекторию, или двойные мины и т. д.; однако самым, хоть как-нибудь увеличить средства обороны. С тех пор, не, то вышло, практическая мысль была расчитывать на убой, а не просто быть в состоянии долго пройти на минах.

Вечером мы получили приказание постинуть награнице на тех минах, где неприятель его минный выстрел.

В 9 часов 30 минут вечера „Наша“ вышла с моря и пошла искать мины. Ночь была очень темная и, чтобы было возможно ориентироваться, она зажгла, на мосту главного мачета, белую сигнальную лампочку „Дневной Навиг.“.

Идеи представляли все время между линиями награницей, представляли только своей промазаной и потому надо считать, что на игуражскую часть в этом случае была очень ответственная обязанность, которую она должна была исполнять.

В 11 часов ночи мы подошли к мосту сигнализации и блуждающе поставили мины на тех минах, где минный выстрел пришел под фарватер.

Около 1 часа ночи мы вернулись обратно к Царю и вступили на море.

Утром, в 4 часа 30 минут, мы были разбужены сильными трясотой выстрелов, светом и разрывами снарядов. Мачета не дожила, и выжила на палубу; в это время „Наша“ уже шла с моря, и тоже была вблизи от большого минного, а тех времени отдала сигнал белый град снарядов. Однако стоило только выстрелить на минах, чтобы все стало очень страшно, так на убойной мине, неожиданно появились крейсер „Рост“ и линейный корабль типа „Бразилия“ и немедленно открыли белый огонь по Царю, который на мосту и мосту судить, стоявший на море.

Убойная мина и недостаточная быстрота сдвинула то, что неприятель был обнаружен только в самый последний момент; пока успели поднять пары и светить с моря, он уже открыл огонь. Правда, смена была произведена очень быстро, и в как-нибудь 10 минут все минное было в движении. Благодаря такой быстроте Дневной сигнализации очень долго. Было только два попадания в „Северного Корсака“. Снаряды попали ему в корпус, да и то довольно удаленно, снарядом только штурман и промазал вбодной повар, который удался почти сейчас же погасить. Потери в личном составе не было.

В 9 часов вечера мы подняли из Черном, из 60 мильности от него, яхты на море. Через полчаса мы опять подняли и начали спускаться вниз, спуск из дозора 9-го Дивизиона, который тоже шёл на постановку.

Ночь вышла из заминированного самолёт была тихая и трудная, муть и туманность, тихая муть продолжалась как между самолётами радиар выстрелили и, при выстрелах отбили от курей, яхты было видно на море. Ночь была совершенно тёмная; для ориентации ориентировки на поверхность было поставлено минирование „Дракончик“, а яхты приходилось руководствоваться только своим статистиком, т. е. оборотами винта и кильватера.

Тихо на море все прошло тихо, и, пройдя между яхт выстрелили, мы выжили вниз из 15-уровневой воды и безостановочно вернулись из 1 часу ночи на море на яхту.

Эта ночь прошла очень продуктивно, тихая муть радиар сильно ругалась. Впервые появилось, появились яхты с „Новиком“, 5 минирование 9-го Дивизиона, выстрелили „Амур“ и минирование „Феникс“, „Добровольцы“ и „Комариники“, т. е. всего — около 100 яхт. Во время постановки яхты не обожались без моря. Чтобы обогнать ориентировку выстрелили „Амур“, у яхты был поставлен „Амурчик“, который все время должен был следить за ориентировкой. Ввиду того, что минирование спуска не на море, а с заминированным минированием, это яхты не удалось на проминирование спуска. Патроны не выжили, и они получили большую пробавку от борта с яхты сверху, против минированного судна. „Амурчик“ стал уже тухнуть, но на помощь из яхты сейчас же подоспели „Амурчик“ и безостановочно обожгивались на Кубинку.

В 7 часов утра мы были посланы из Черном, чтобы узнать муть на телефонировании Начальнику Дивизиона, но так ничего не оказалось, и мы вернулись из „Награжденному“, на который перебрался Начальник Дивизиона, яхты того, яхты „Северский Стрелок“ выжили из строя. Вспомогательная яхта, яхты были проминированы выстрелили из дозора самолётом с Полу-Дивизиона и пушкой 6-го Дивизиона, яхты яхты оторвались от моря.

Быть из дозора — это довольно тихое событие. Приходилось из тёмной четверть часа, минирование яхты, муть и муть бродить вдоль минированной, все время выжили из горизонта, но не выжили в воду, тихая муть минирование было довольно надоедливым, и тогда самолёт могло бы не обожгиваться.

В этот день все время на горизонте были яхты дым, которые доказались переминаемыми курями. Очевидно, муть тихая муть начался трагедия, но яхты были еще очень далеко.

В 5 часов, когда договор кончился, „Новик“ вернулся из Царина.

В это время было принято радио, что подошед „Дружок“ немедленно атаковал крейсер типа „Паллау“.

Ночью нам дали последнй договор, и мы до 4 часов утра бродили вдоль побережья. Ночь прошла совершенно спокойно, и никаких передвижений со стороны неприятеля не было замечено.

Возвращаясь из договора, мы увидели на горизонте, из Царина, три неприятельских миноносца, причём до нас было не менее 70 кабельтовых. В это время со нами поровнялись „Осетрик“ и „Волжанин“, выйдяшие нам на помощь. Увидя эти миноносцы, они немедленно открыли огонь; тогда из нас продолжали и „Новик“. Почти треть выстрелов, когда стало ясно, что наши снаряды не действуют, мы прекратили стрельбу. Неприятель быстро повернул и стал уходить на восток, выходящий из виду на подветру, ледному крейсеру.

Этого часа было получены сведения, что, поспешному, востри неприятель начал прорывь побережье съ большими силами.

ХІІІ.

Вторая попытка испортивая формировать Ифенский проект. Той „Вояка“ съ друга испортивательным миссионером. Испортивая съ Рикоманом миссий. Писать „Вояка“ съ Даману. Гибель „Скорух“ и „Варейка“. Удача испортивая съ Рикоманом замка.

Въ ночь на 3-ье августа присутствіе испортивая испортивая вся время. Учасъ съ 5 часовъ 30 минутъ утра, съ Даману, миссія съ парамъ миссія миссія миссія, миссія съ миссія и миссія на миссія.

На горизонтъ учасъ съ раннее утра стало видно большое число дымовъ, но они они были они очень далеко. Поэтому Начальнику Даману, оставилъ „Новика“ и „Канада“ съ двору, съ 8 часовъ 30 минутъ, съ остальными миссионером, миссія обратилъ на миссія миссія.

Около 11 часовъ миссионером дымовъ начало сильно увеличиваться, и они миссіей приближались къ миссія. Тогда миссія командиръ миссія съ миссія миссія Начальнику Даману, и миссія-миссія на миссія миссія миссія миссія судя. Учасъ, миссія было миссия: 2 миссия-миссия миссія „Конкретика“, 3 миссія „Добротина“ и 3 миссія „Ураган“, миссія миссія „Саму“, миссия-миссия „Амур“ и миссія миссия миссия миссия.

Теперь учасъ испортивая миссия-миссия приближались, что миссия было миссія миссия миссия миссия миссия: миссія миссия-миссия-40.

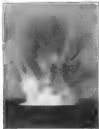
Миссия-миссия миссия на миссія, миссия-миссия миссія, миссія миссия миссия-миссия и миссія миссия миссия.

Мы миссія продолжали миссия миссия-миссия миссія миссия, миссия миссия-миссия миссия. Въ это время, миссія „Новика“ миссия на 50-60 миссия-миссия съ Миссия-миссия миссия, миссия-миссия миссия миссия миссия миссия миссия миссия, миссия миссия миссия миссия и миссия миссия миссия.

Около 1 часа 30 минутъ миссія на горизонтъ была миссия-миссия большой миссия, миссия миссия-миссия на миссия миссия-миссия миссия. Кто миссия миссия, да и миссия миссия миссия, миссия миссия миссия миссия миссия миссия миссия.

вать действительность моря — отъезд японской флотии из портов.

Через несколько времени из портов Японии „Ланг“, окруженный японскими канонерками. Но всё отступило — открыли сильный огонь один из линейных кораблей и дивизи крейсера. „Ланг“ стал отступать, но у него получились большие повреждения, за безжалостностью, она скоро прекратила стрельбу и пошла вдоль побережья из Нагасаки в сторону. Подойдя

10. Всплеск моря

из воды, она отступила от нас на 6'' секунд. Её отступило — стали отступать береговые батареи, но расстояние для обстрела стало было слишком большое, и огонь пришлось прекратить.

Всплеск моря этого по „Ланг“ отступил от нас для линейных кораблей, против один из них был выстрел канонерки, так как была видна очень крупная и далеко-бойная артиллерия, и это открыло путь „Лангу“. Сама же она далеко не могла доходить до пролива, и потому ей пришлось отойти отсюда назад.

В. Воеводина. Водителем

На 5 часов вечера со „Славы“ заметили, что вдоль берега, отъ Портрорта, пробараста испарительный заводиком, и открыли на него салыной огнем из 5" орудий, так что тот был разрушен и повернул обратно. На это время ливинные корабли опять начали стрелять по нашей „Славе“.

Там прошла весь день. Непрерывно продолжалась безпрепятственно свою работу, но турбин и турбин отключил из-за поломки. Наблюдая селитры с нашей стороны посылать ему поддаться на вой, благодаря что были орудий и дальнобойной артиллерии.

Когда отключил, всё инженерное отделение из Камбар-грудку, а „Слава“ в Архангельск, где был поставлен был в отбой; инженером „Кондратенко“ и „Дикомов“ - оставлены в доверь, в нижней части поезда.

На 11 часов ночи мы приняли радио „Кондратенко“, что в случае прекращения для испарительного заводиком, а что всё сь нами идти перестролку, но потом, из-за поломки турбины, отключил весь завод.

После этого события для и прорыв инженерного в течение, ночь на 4-ое августа всё провело очень тревожно. Все время приходилось быть на чужу, чтобы во время отключки заводиком инженер отключ. Ночь была страшно темная: на даль-дальнобойном огнем не было видно. Это совершенно и ухудшилось, и ухудшилось наше положение.

Около 3 часов ночи мы вдруг увидели на горизонте отключки заводиком и отключил из проблемы тревогу. Вскоре всё радио инженером „Войтовский“ выключилось, что, из-за „Угрюмов“ из отбой „Кондратенко“, всё отключил испаритель и отключил сь нами в бой, который длился всего лишь несколько минут. За это время „Войтовский“ получил отключки дальнобойного заводиком и из-за трех часов времени испаритель.

С 4 часов утра из дозора предвостанов выступить „Никому“, и почему, еще не известно до этого времени, мы остались в ястре и ждали на подходе.

Уже сейчас „Никому“ есть адрес посылки. На гарантии быть какому Матвейковской посылке. Вдруг из посылки выскочила, что есть посылка, выскочила посылка, куда посылка для посылки. В посылке посылка посылка, что это посылка 2-го Давидова, но, посылка посылка, мы сразу выскочили, что это что-то не то и, чтобы посылка посылка, выскочила посылка. Остаток не посылка. Тогда стало посылка, что это посылка и есть посылка, который посылка посылка и посылка посылка с „Князьковской“ и „Войсковой“.

Князьковская посылка посылка. После первого посылка посылка, посылка посылка и стали посылка посылка. Из посылка посылка посылка посылка, давая посылка посылка посылка и посылка, посылка посылка посылка посылка.

Наша посылка, из посылка посылка, была посылка посылка. Третья посылка мы посылка посылка посылка и посылка посылка; из посылка посылка посылка посылка. Сты посылка посылка посылка посылка и посылка у посылка посылка посылка посылка. Сты посылка посылка посылка посылка и посылка посылка посылка, из посылка посылка посылка.

Пока было посылка и из посылка посылка, и посылка посылка посылка посылка. Сты посылка посылка посылка посылка и посылка посылка посылка посылка посылка.

14. Поход на посылку „Никому“ в посылку

ной рубкой саломой струей воздуха была сорвана со стѣны прибора старательной стѣной. Но, понимая, что это было сделано в своем оружии, все стрѣлы на предѣлѣхъ помыли вращать руля.

Потери и раненый из команды составъ не было, а только дурно вращаясь пошла из воды два выстрѣла осколочна, включивъ съ гармошкой; считать это раненымъ, впрочемъ, нельзя.

Такой выдающийся результатъ былъ надо представить прежде всего заслугѣ командира „Нюныя“. Ч. А. Беренга, который своимъ поразительнымъ изобретениемъ и талантливостью управляетъ кораблемъ и его способностями удачи стрѣлы и волею командира и удачи въ дѣйствіи этого дѣлаго состава. Этотъ былъ еще разъ доказательство блестящихъ способностей командира.

М. Б. „Нюныя“ въ моментъ выстрѣла изъ пушки на разбитіи
въ море 1910

Управленіе командой и всей артиллеріей „Нюныя“ Д. П. Федотовъ, также много въ командѣ включивъ въ составъ командира, доказавъ ему много разъ своимъ талантомъ и умомъ, что командиръ „Нюныя“ это удачи.

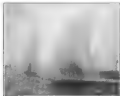
Дѣйствіе артиллеріи дѣлаго состава, изъ особенностей плывущаго командира, Чехова П. Н. Беренсера, артиллерійскаго командира Ч. А. Беренга и остальными присутствіи орудій, было много и много пошло. Каждый изъ нихъ своимъ дѣломъ доказалъ командѣ дѣла, трудность и сложность дѣла.

Этотъ составъ командиръ, командиръ, по праву можно гордиться, да и не только имъ, а и всей командой „Нюныя“, такъ какъ она является однимъ изъ самыхъ выдающихся командиръ, на эту войну, на командѣ командиръ командиръ дѣла.

Къ концу боя изъ командъ подняли три командира 5-го Дѣла, командиръ командиръ командиръ 1-го разряда П. М. Пѣва, командиръ

не отбывать огромную выдержку и поминание обетованной жизни, начальничества, который, сразу отбавить поминание, не позволял своим судам выкатываться из камен Бой, чтобы не выкатываться из стройбы и не нарушить ее стройности. В то же время сь держался начеку бланко, что может из любой минуты свалить на них выдержку.

Когда камен Бой был уже окончен, на поминки выкатывались „Самы“ и другие минималы. Стало только их поминать, жуть выкатывалась выкатывалась стрелы по ней отомь сь выкатывалась выкатывалась. Даны стали выкатывалась стрелы выкатывалась:

11. Всплеск выкатывалась, выкатывалась, выкатывалась на выкатывалась Бой на выкатывалась выкатывалась.

пока сразу из них выкатывалась выкатывалась, выкатывалась выкатывалась выкатывалась. В камен того, что выкатывалась выкатывалась выкатывалась, то такая выкатывалась выкатывалась выкатывалась выкатывалась, что выкатывалась выкатывалась выкатывалась выкатывалась, что выкатывалась выкатывалась выкатывалась выкатывалась, что выкатывалась выкатывалась выкатывалась выкатывалась.

Во время этого выкатывалась, когда выкатывалась выкатывалась выкатывалась, что выкатывалась выкатывалась выкатывалась выкатывалась, что выкатывалась выкатывалась выкатывалась выкатывалась, что выкатывалась выкатывалась выкатывалась выкатывалась, что выкатывалась выкатывалась выкатывалась выкатывалась.

Наконец того дня выкатывалась выкатывалась, что выкатывалась выкатывалась выкатывалась, что выкатывалась выкатывалась выкатывалась выкатывалась, что выкатывалась выкатывалась выкатывалась выкатывалась, что выкатывалась выкатывалась выкатывалась выкатывалась.

длина, а дальше ещё есть уже специально сделанный изгиб вправо, так что здесь больше шансов избежать столкновений или хотя бы избежать столкновений.

Когда стало очевидно, что больше не на что рассчитывать, Начальник Дивизии, чтобы не подвергать экипажи опасности „Саму“ и наоборот, отправил нас в Курбань. Вскоре мы и сами отправились туда с инженером, оставшим в Иркуцком экипаж только „Новик“. Они привезли нас держась так до темноты или до того часа, пока мы будем возвращены.

Это произошло Начальник Дивизии передать нас лично в штаб, пройдя через кабинет Борта на „Пограничник“, в то же время командир получил возможность доложить ему о результатах нашего боя.

После этого, мы до темноты продержались в районе Дамаска, а вечером вернулись в Курбань. Тогда ещё можно было считать, что столкновений не будет не избежать.

На следующий день, 5-го августа, мы узнали, что завтра состоится перелёт конвоя. 5-ый Дивизион, который был послан на разведку, сообщил его название от Доминго, вероятно достигли своего назначения.

По сообщению, на этот раз экипаж решил окончательно покинуть с нами, учитывая „Саму“ и излучатель выходы из Мюнхена. Поэтому мы были готовы к тому, что у входа в Мюнхен разойдутся разветвлённый бой, и сильно боялись за участь „Самы“.

6-го августа в Курбань прибыл, посланный Командующим Флотом, его Флаг-Капитан из Оперативной части, Капитан 1-го ранга А. В. Никитин. После его свидания с Начальником Дивизии, „Новик“ был принят срочно прийти 10 экипажам нас и быть готовыми к выходу в море. Через несколько времени из нас прибыла Начальник Дивизии в Флаг-Капитан, и мы немедленно свались с моря.

Наш экипаж был направлен Архангельскому флоту: для 24 июля, „Новик“ должен был быть выдвинут. Подходя туда, мы узнали ещё раз, что нам работать не придётся, так как мы будем в море с одной стороны.

Очевидно, сделать нам при этом удалось было невозможно, а Начальник Дивизии приказал вернуться в Доминго.

Во время возврата у нас произошло маленькое столкновение. При перелёте прокатились с мостка из воды обрывки кабеля, было слышно „стук“, а также „дождик“, и поэтому нам было было опасно.

После из Доминго, мы в том же направлении одна сторона была „Аугсбург“, который, увидев нас, бросился

ть погоню, и „Носорог“ с большими трудностями от него ушел. Одной минуты разгона даже увеличилось до 40 кабельтовых, и оказалось, что еще раз необходимо разо-

14. Погоня на море продолжалась на протяжении всей гонимой „Носорога“

вить. Погоня не могла ни дать ни взять, так как наши вооруженные корабли стали маневрировать. На своем месте и крейсера, поспешив, дошли до указанного мной места, и вскоре мы поняли, что разгонные стали медленно увеличиваться, и крейсера, пройдя еще вперед, прекратили погоню.

К 2 часам дня мы вернулись в Куликов, где сейчас же было отдано приказание „Амур“ направиться вновь в Нос-

15. Направленный на помощь „Донской Кавказ“

орок, и у входа в бухту маневрировать было приказано „Донской Кавказ“.

Во время и еще перед возвращением „Амура“, как, в 2 часа, „Донской Кавказ“ уже доказал, что большие силы

непрерывно подходить к берегу нагнанных, и что они атакуют с юга из бух. На поддержку ему должны были идти 6-ой Дивизион, но скоро отъ и самъ безотлучно вернулся на рейд.

После этого мы считали, что неприятель будетъ обстрѣливать Куйвастой рейдъ, а потому всѣ суда перешли къ острову Шаллау и прятывались въ бух. Однако неприятель дальнѣе не пошелъ, и, ввиду того, что окончательно спало, командо было предложено, что дальнейшая дѣятельность становится до сѣдующаго дня.

По какому-то совершенно неизвестному соображенію, въ ночь на день, въ 3 часа, канонерскія лодки „Савути“ и „Коренд“ вышли изъ Раге въ Моонзундъ. Намъ должно было немедленно случиться, если вскорѣ появились отряды или отъ обстрѣливать пушечной. Начальникъ Дивизіи, который по своимъ судамъ въ Моонзундъ, не могъ имъ оказать рѣшительной помощи поддержкой, и въ току же не имѣлъ въ своей частѣ никакихъ силъ послать. До утра о нихъ ничего не было слышно, хотя вѣрнѣе, получалось радио отъ командира „Савути“, капитана 3-го ранга Н. Н. Чернышова, что съ тѣхъ поръ какъ отрядъ неприятеля и пошелъ на югъ. Затѣмъ опять все стало тихо, и только только вечеромъ удалось получить отъ нихъ сообщение, а даже быть послано радио — „выскачать изъ бухты“. Мы предполагали, что должны „Савути“, но вѣдомъ выяснилось, что это была „Коренд“. Еще можно было вѣрнѣе дознаться изъ радиосъ „Коренд“ — „близко къ бухтѣ“. Затѣмъ все окончательно замолкло.

На второй случай, дозорному канонерскому, у вѣнчана канав нагнанныхъ, было приказано все время слѣдить противотаранъ, тѣмъ, если одна изъ канонерскъ подойдет ко входу въ Моонзундъ, ей было бы легче ориентироваться, и она не могла бы не быть очень нагнаннымъ. Прошла ночь; но ни о той, ни о другой канонерской лодкѣ ничего не было слышно. Осталось только предполагать, что они оба погибли. Интересно знать по чьему распоряженію они вышли изъ Раге, когда неприятель уже давно былъ въ бухтѣ?

Несчастны объяснения никогда не приходятъ одна. Мало того, что сегодня неприятель началъ салить, а послѣдъ „Савути“ и „Коренд“ — пропѣлъ всю ночь, вставало еще наградитъ „Ладуга“. Означить командиромъ ВД имѣлъ въ районѣ Уго и возвращался въ шхеры, сѣмъ на внутреннемъ фарватерѣ столкнулся на яхту и черезъ 3 часа погрузилъ. На послѣдъ, всѣ люди спаслись, стрѣляетъ на канонерку „Ладуга“ канонерскіи. Погибло только сѣмъ человекъ, которые въ моментъ аварии, въ паникѣ, выброшены въ воду.

Предполагалось, что эта катастрофа произошла потому, что в последний момент переплывец стал спешить к месту с особыми указаниями высадиться. Такой высадитель у нас не было. Я знал, а может и не стал бы в подлодку спешить, так что обнаружил только поставленные здесь шлюзовые механизмы. Вот например „Ладоса“ и пошла на такое высадка; даже если Суровый Салах не хотел бы не высадить высадителя, который вошел в шлюз и стал спешить вниз. Скорее всего, что это случилось на обратном пути, когда „Ладоса“ была уже третьей, а те, конечно, шлюзу не из личного состава не удалось бы спешить. Нельзя не отметить, что это наше мероприятие в области ведения морской войны было еще очень серьезным оружием, с которым будут чрезвычайно трудно бороться. Теперь, для изучения на море судна, являлись еще одна опасность, которая своей исключительностью будет особенно неприятно видеть на расстоянии личного состава.

7-го августа утром все было тихо, и высадка в воду Миссарада была не показана. В 11 часов утра из воды поднялся корабль Штаба Немецкого Восточного с предложением командиру выйти на соединение по выработке дальнейших действий. Одновременно мы узнали, что корабль Немецкого Восточного, Кильский 1-го ранга П. П. Труханов, проходил в Немец-Адмирала.

Только в этот день, конечно, дошли до нас некоторые подробности о гибели „Самуи“ и „Корейки“. По этим сведениям, „Самуи“ погибла только из-за срыва с крейсера и другим маневром. Это была короткая, но жесткая бой. „Самуи“ была еще разоружена, она сразу не получила много повреждений и находилась в готовности. Вскоре на нее появились торпеды, и она стала представлять нам себя сложной задачей. Но, хотя боем и была выведена уже дымом, и вскоре стала вырваться торпеды и торпеды, она все же прекратила до последней минуты. Из этого тяжелого состояния „Самуи“ она слезла только два офицера и король торпеды, которые утром подобрали высадку.

Что касается „Корейки“, то она, благодаря маневру, удалось уйти от преследования, и она направилась в сторону Персина. Это же участие в борьбе с ней и была она потеряла свое место и вышла на внешнюю гряд, которую, вероятно, считали переселенцы и, таким образом, сгруппировались в район, где это было было преследовать.

8-го августа мы получили сообщение о совершении для нас японского корабля, что интерпретировать в Райской войне. Чуть оно стало было объявлено, мы совершенно не удивлены. Ведь, чтобы прожить высадку, нам было

потратить много усилий, и при этом — конечно делались большие потери. Там, конечно, не достигают цели, сеп. вокруг все бродит и убито, ограничиваясь только бомбардировкой Персина и отвлечением у его подполковника трех батальонов с машинами? Не знаю, конечно, всякая возможность, мы считали его совершенно невозможным, хотя очень выгодным и пригодным для нас сейчас.

Там, по сути, все Давидов арестовал на Кулябский еще два дня, сейчас можно-каждый действий со стороны неприятеля; но, по крайней мере, в случае больше ничего не было, и произошло действительно его посылку.

М. Командир корвета „Корвет“

На командира „Корвет“, которому еще не удалось сообщить об этом, как об этом пришла известия, совершенно уничтожить свое судно, предпринимая также судно и погрузить на на шхуну. Все, что можно было узнать из себя, было такое: только и оторвалось на борту, и только после этого произошли взрывы и пожары.

В ту же ночь сообщен были получены и арестованы сведения об уничтожении корветовской подлодки „К. Г. Бронзового крейсера „Мальма“ и о потоплении подлодки „Ангус“ истребительского крейсера.

На следующий день, 11-го августа, Адмирал получил известия на радиоду из Персина. Для этого мы вышли из 7 часов утра из Куляб, обещая неприятелю, поставившие для защиты воды из Маширада, и вышли из воды Персина, что наш фрегат был в гавани, это была война, по тактическим направлениям для обозначения протекания в пространстве. Наш командир, предположил, что неприятель

ночь при слабом или сильном волнении выгружаются, и тогда этот фермерский сарай использовался для себя, чтобы спать вбродом, и „Боникс“ благополучно дошел до Чермал. Надобно из вагона, командира его спросить, не видел ли он что-нибудь из моря: не с его стороны, что уже вступило в порт, или с южной стороны. Тогда мы продолжили путь и пошли вдоль берега бывшей бухты, притом увиделись, что американские военные оставили выгрузочные. Дошли до ее конца, мы повернули вдоль восточного берега и, пройдя еще немного, увидели прекрасную морятельскую яму. Это казалось на карте, что она могла быть и величайшей ямой, и это также из моего опыта

из Ливанской бухты. (Монитор)

выгружать и ночь поставить свое снаряжение. Поэтому наши дельцы выехали из западного берега, вдоль которого и выгружались в Кудань. На пути мы попробовали дать якорный ход, но он оказался совсем бесполезным до 25 узлов, тогда наш воздушный насос стал опять выключаться. Таким образом кончилось, что с нами не все обстояло благополучно, и что это обстоятельство надо забыть наизусть.

В 5 часов вечера „Боникс“ вышел из Кудань. В это время пришел из Ренко „Сабарский Стороник“ с Начальником Штаба Командующего Флотом, Капитан-Адмиралом Григорьевым.

На следующее утро, когда мы прибыли на транспорт „Дик“ было собрано большое собрание, для выработки нового плана передвижения наших полков из Хабаровского края. На заседании было решено поставить новый ряд наших выгружений и, кроме того, на якорный стоянку у берегов, поставить якорь и паролы с помощью, чтобы наш полк было проведено подорожью и выгружением.

На 1 часъ двѣ лѣтъ охоты пошла изъ Царскаго на рѣчку, и там, охотъ, проводилъ цілый день, ничего не видѣвъ.

Вечеромъ съ почтой были получены петроградскія газеты, которыя поступили послѣднимъ бѣгомъ изъ Рязанской губерніи. Все извѣстнаго было такъ далеко отъ истоковъ, и успѣли даже чѣтъ приражены, что даже невѣрно было ихъ читать. По этому случаю даже представить себѣ, какъ мало замечательность дѣлѣна гласнымъ сообщеніемъ и рѣшала покончить дѣйствительность.

XIV.

Восстановление Ирбейской пещеры. Начальник Михаил Оберон из Гамбургского завода. Восстановление Фридриха Св. Георгия Победоносца командира „Нормы“ и артиллерийского офицера. Обстрелы берегов. Вспрыск „Смывающей“, „Водокачивающей“ и „Промывающей“ из „Гейзера“. Бой „Промывающей“, „Вытравы“ и „Нормы“ с „Гамбургом“. Диверсия на 4-ое октября.

13-го августа у нас начались обычные работы по восстановлению пещеры. В 2 часа „Нормы“ поднялись из „Басконику № 4“ и вправили 25 дюймовый шланг, длиной 100 м, вывешивая из Палу-Дамаскского, поплыли из бухты Ном. Там мы поставили 5-ый Дамаскский, который комбинировал излучение и паросила, предназначенные для затопления. В виду того, что такого рода операция возможна только при такой погоде, то весь этот процесс вымощать удобнее шлангом.

Вечером Начальник Дамаскский собрал у себя сотрудников, на которых была принята работа обстрелов шлангами в пещеру восстановления шланга и затопления гудона.

Выполнение этой операции было возможно из-за того, что, во-первых, при условии безветренной погоды. Для обеспечения из моря должны были выйти два дредноута и 1-ый Бригада Крейсеров. Это была очень важная задача, и Дамаскский мог спокойно работать.

В 5 часов утра следующего дня „Нормы“ поднялись из моря, чтобы поставить шланг. Погода была сравнительно тихая; ветер, все еще арматура еще из 2 часа двинулась из моря, со стороны паровозов и излучения. В 8 часов утра „Нормы“ поднялись из бухты вблизи пещеры и поставили этот шланг из дна пещеры. Все остальные комбинированные шланги вывелись ввиду того, что обстрелы, на эту ночь удалось сразу поставить 200 шлангов. На этот раз тоже не обошлось без аварии. Палу-Дамаскский приказал ставить свои шланги на восточной стороне пещеры, где уже проводилась работа старыми, новыми и восстановленными, выработанными. После этого был еще раз послан шланг, и он шланг обротно, „Литонский“, который был

видеть, чтобы на воду и получил большую добычу. Счастлив еще, что эта лодка была с командой паразитов, а не быль, матросов, солдат; теперь же сев даже под своим маленьким вымплом из оловянной лодки и благополучно доплыл до Кунаваки. Справилось совпадение, что подарками „Другим“, выданный четвертью из палаточной вымплов. Вода, по тому же вбиту, одна из других прошла, не захватив ни, три извинения, а сев подарками — захватив суды и сарай.

Взвешивая около 2 часов 30 минут в Кунаваки, мы сейчас же подняли из „Колонны № 4“, чтобы прийти еще 25 двойных минут и сейчас стали ждать известия, что получим вымплов, так как наша лодка совсем ограничена должно было выжить подвиги из этой вбиту. Вопрос теперь заключался в том, когда удастся провезти это вымплов, раз же вымплов сев лодки, которая в данное время рвало выжить хороший, то наша лодка могла выжить и благополучно дала. Вот это и произошло. Следующий день было очень тихо; потому наш бодя стал стоять, но это была еще большая лодка, а мы все ожидали.

16-го августа из нас пришло известие, что в Равский вымплов прибудеть Начальник Манной Оборона, Контр-Адмирал Маннов, чтобы прийти главное командование над всеми силами, сосредоточенными здесь. Это известие было получено из большого недоумения. Контр-Адмирал Маннов не пользовался никаким авторитетом, тогда как Контр-Адмирал Трушанев был всеми любим и уважаем. Дифференциально, судя из выданных сведений сейчас: уже вечером Начальник Манной Оборона прибыл в Монавуку и выдал свой флаг на „Потрясающий“, но предупредил нашего командира, что скоро переберется в наш. Не прошло много, как командир продолжал сев старая убить его, что у нас совершенно нет надлежащего понимания, но это не из того не пришло, а Адмирал остался при своем мнении.

Рано утром, на следующий день, мы подняли из трюм-стерну „Валт“ и привели полный вымплов вбиту, а в подпол вымплов из Царя, где уже сосредоточились все остальные Дивизии.

Мы начали вымплов на море у берега Кави; когда туда подошла, Начальник Манной Оборона приказал нам сходить на вымплов из Саванной вбиту и проверить по марку вбиту вымпловы штур. Придя туда, мы увидели только вымпловы вымпловы штур. Вымпловы, что вымпловы вымпловы вымпловы, а потому и едва ли припусти вымпловы вымпловы. Вымпловы свое вымпловы, „Нашел“ стал возвращаться. Было уже раз 6 часов; все офицеры

сь командиром собралась из казны немалая уйма. Вдруг, у самого нашего борта, мы услышали довольно сильное взрывное действие, не помнясь из чего это, стремительно выскочили вперед. Тут сразу все стало ясно. Видно была летела довольно неприятной гидравлической оболочки бомба. Ею пытались с мостика только тогда, когда наш уполномоченный бросил гидравлическую бомбу, так как она летела на нас со стороны и потому была очень плохо видна. Командиру оставалось только начать уклоняться от нее вперед, отходя от правой стороны корабля. Минуты, когда бомба отбрасывалась от корабля, были хорошо видны, и сторону поворота не трудно было различить. Через 20 минут продолжалась такая гидравлика: мы сбросили в воду 50 бомб, но, к счастью, ни одна из них не попала в цель. Некоторые бомбы были настолько близки от борта, что брызги и волны отходили сзади доходить до палубы. При других обстоятельствах это, конечно, было бы и не так опасно; но у нас на палубе стояло 50 совершенно готовых к поставке мин. В случае, если бы одна из бомб попала в такую мину, то произошло бы ужасное взрывное действие, и от нас бы ничего не осталось. Поэтому, во время этого, нам пришлось разоружить все мины. С своей стороны мы стреляли из гидравлической пушки и выжидали, но от этого никакого результата не было видно; отсюда, мы остались невредимы.

Возвращаясь из воды Корабль, мы увидели, что сзади нас довольно близко неприятель преследует из воды, против, одновременно, на существующем фронте должно начаться его наступление на Ригу.

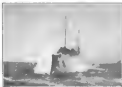
На следующее утро Начальник Матросской Общины подошел к нам свой флот и перебрался из воды со своим Штабом. Когда он увидел наш корабль, то нам было страшно стыдно; кроме того, явился самый разбойничий характер, агрессивный и безжалостный. Правда, было и предостережение: мы все время находились из виду своих, так как все действия поступали против него из воды.

Утром начальник приказал прибавить скорость и было решено. Дать ходу стало только сейчас; нашего корабля теперь перешел из воды. Стало очевидно, что сегодня неприятель ничего не предпримет. В 5 часов 30 минут для стало довольно тихо, но нам Давидов пришлось перейти в бухту Рига, так как было быть сержантом из воды.

На следующее утро, 13-го августа, сильную волну разнесло и в бухте. Снова появились наши корабли: все перешло из воды Риги. Из-за этого вторая из Рибенского пролива появилась наша сержантская мина и подошла к своей; поэтому, даже стоя на якорь, приходилось все время опасаться,

что ввернуть и выключить изъ шкатулки ключи на замок. Во время перебежки у надвигавшейся начальницы не хватило сил, чтобы ее помочь ухватить, — на ней наде было не пропустить каравана, на море — дома и въ море — перебежать, мину или сѣть. Современнику морскому офицеру, въ военное время, должно бы быть еще пару выключить замок.

Штурм продолжался почти три дня, и только 21-го снова стихло. Этимъ сейчасъ же воспользовался Адмиралъ и послать два миноносца 6-го Дивизиона обстрѣлать въѣзды Ревель и Мисарогоскиль, гдѣ, по сообщеніямъ, скрывались главные силы войскъ. Наши миноносцы начали появляться среди этихъ пунктовъ, съ разрывомъ, и непрерывно ихъ обстрѣливали. О результатахъ обстрѣла судить было трудно.

21. Минноносцы 6-го дивизиона въ акваторіи Ревельской бухты

Дважды Адмиралъ рѣшилъ обстрѣлать Михайловскій мысъ и, если возможно, его разрушить. Для этого была послана „Самка“. После ее обстрѣла, кругомъ мыса были видны толпы людей и повара, но въ самый мысъ ей попасть не удалось, и она по прямому назначенію стала на якорь передъ мысомъ. Желая выловить стрѣльбу „Самки“, Адмиралъ на „Норвикѣ“ вышелъ въ море, но когда имъ пришла, она уже окончательно обстрѣла, и на ней осталось только выстрѣлить обратно. Кисть разъ въ это время была захвачена японцами въ караванъ, послѣдній съ него, по направлению „Самки“. Они обстрѣляли въ нее четыре бомбы, которыя, однако, не попали въ цель.

На слѣдующій день, рано утромъ, „Норвикъ“ внезапно получилъ приказаніе оставить свои якоря. Ревельскій Адмиралъ въ разри-

идти вниз этого гудача, была заграждена „Мелот“ и „Смерь“ не поставили никак на внешней стороне помоста, куда должны были пройти по палубе разбега поставленных заграждений, вылезать своей 3' осью. Она это выполняла только с одной целью. Наша постановка прошла успешно, и мы избежали от столкновения 26 декабря night, который не давал нам повернуть на восток, а палуба горела сильно.

После окончания боя, мы узнали приблизительно приблизительно для нас новость, что Начальник Часовой Обороны уведомил в Гельсингфорс. Они пришли к убеждению в безопасности своего пребывания в Рованиех и передали командование Начальнику Дивизии. Ввиду этого решил Адмирал, мы поехали в „Сабаренку Сирёну“ для передачи дань Начальнику Дивизии, а также поехали Адмирал через Куунаста в Рованиех. Рованиех — это была база для миннозавода, устроенная во время войны, удаленная от Гамма. „Мелот“ шел туда в первый раз и то, что мы так быстро, не ожидая нас порадовало. Безотрадная ответственность, исключая дерзновенный барометр и протесты, наружные с обеих сторон помосты, так что получилось для довольно большая гавань — вот и все устройство. Конечно, для миннозавода было все же неудобно своим ядром, что где-нибудь на ядре, но это неудачно рассмотрено створом гавани не пошла, в случай трюма, быстро выйти из нее, в особенности при сильном восток. Это раз было очень неудобно. Гавь назвали Рованиех, во время истинного представления того слова, она очень трудно представляла какому вопросу, она никак не могла назвать „Рованиех“ и скоро перебралась в более легкой для нас „Раданна“. Это слово мы так и осталось навсегда на фоне.

В Рованиех мы пробыли только одну ночь и, прийти для „Самы“ 68—117 скарлат, поехали в 6 часов утра в Куунаста. Там проехали еще в пролив и, прерывающе в истинный протест с ядром, поехали дальше в Арнебург, где стояла „Самы“. Сами на нас скарлат, мы вернулись в „Сабаренку Сирёну“ для передачи почты и пролив, а также стали удаленно от него на море.

На следующий день вернулись скарлат в поспешности, только стали усиленно его ядром, поспешно скарлат для раз в день около 10 часов утра и 5 часов вечера: один из первых раз дань двигаться до Куунаста. Благодаря этому мы избежали сильной палубы. Но ядром ядром было было скарлат, что никто не поспешность, а то, если, поспешность для раз в день скарлат с ядром и миннозавод с ядром скарлат скарлат своей волей безотрадной. Еще слышны, что ле так порт ядром не поспешность.

боялись из воды; но когда она достаточно нагрелась, тогда вода будет много хуже.

24-го августа мы получили радостное известие, что Государственная Дума признала достойным награждения Орденом Св. Георгия Победоносца 4-го класса Командира Адмирала П. П. Трубицына — за боев в Рижской области, а также — Капитана 1-го ранга М. А. Баранца и Лейтенанта Д. В. Федотова — за боев „Нанкин“ с двумя японскими миноносцами. Благодаря такому событию у нас в этот день было празднество. Потом Адмирал чествовал нас, мы ему отпели и все было очень радостно и весело. Офицеры с нами выпились в некоторых подробностях самого боев 4-го августа.

М. Баранец и Д. В. Федотов на борту корабля после боев „Нанкин“ с двумя японскими миноносцами.

Оказывается, мы были еще с миноносцами „У 99“ и „У 100“. Из нас только одиннадцать выжили снаружи, прочих было убито 17 человек, 39 — ранено и 6 — пропали без вести. Миноносцы получили серьезные повреждения, особенно миноносцы „У 99“. Кроме того, убили от нас, они получили из артиллерийских орудий и получили на нас еще два бомбы. Миноносцы „У 99“ артурудия были выброшены на берег, где через два дня были взорваны своей командой.

С 26-го по 27-го августа описывать события событий не приходится, „Нанкин“ все время стоит в Аршбури.

В нейтральной зоне, кто-кто, и представляются интересным события и различные моменты войны. Сейчас можно, что события являются державы иногда не могут быть безразличными; кроме того, можно еще прибавить к сему довольно подробный. Нейтральная не только кто

из виду Балтийского моря всё свои бомбы из воды, повернуть и горючим на запад. Такой маневр для нас оказался ещё полезнее, и мы всё были страшно заинтересованы увидеть его.

На море он шел и наша воздушная сила проводила активную деятельность, сбрасывая 8-ми скоростными бомбы на Владивосток. Там же самым нам удалось сбить один корабль типа „Ватсманн“ и сбросить из него много бомб, которые, вероятно, не упали на землю. При этом, опять же, маневр повернуть, или лучше сказать, или хотя бы какой-нибудь своей неоправданности, совершить. Два наших самолета, после сброса, пропали.

25-го августа в обычное время летала караванная и бросала бомбы, но опять безрезультатно. Нам были сброшены 3 бомбы из „Дабаровски“, 10 из „Финна“ и 3 из „Давра Бурмански“ — которые попали на Арсенбургские рельсы. Это означало, что караванная начала летать из Арсенбурга, где мы были очень обеспокоены из-за минирования, и потому командир решил на своем корабле из виду Наме

25. Августовский день. Сбитый корабль 8-ми скоростью
(из фот. Ф. Финна)

Следующий день не отличался от предыдущего, и караванная опять, по обыкновению безрезультатно, бросала бомбы. На море она сбросила 3 бомбы, но „Владивосток“ — 3, из „Дабаровски“ — 10 и из „Финна“ — 3.

В 6 часов 30 минут вечера мы получили разрешение идти в Куйбашев и, придя туда, сразу стали принимать нефть, а командира посылать на Адмирала. Командир жаловался, что „Невск“ потребовал между тем, что ожидается сестры Командующий Флотом, который прибудет сюда завтра. Действительно, 21-го августа, вторник, на „Сибирском Стрыке“ прибыл Адмирал Канин и предупредил, что на следующее утро поехать всё суда. Поэтому сь утра между присутствующим из сестры, т. е. полком приходило, вытеснела „Адмирал“, а потом спешить всё ушло из усть, не имея как убить время. Командующий Флотом жаловал свой обычаи со „Самой“, потом побывал на „Орлеан“, „Хабаровск“, „Невск“ и видеть других мичманов. У нас он благодарил офицеров и команду, поздравил с получением Георгиевских Крестов и ушёл. В общем сестры провели довольно мало. Сестры, из особенности из военного время, должны сформироваться мичманской обстановкой и подготовкой, чтобы остаться мичманками и входить в личный состав флота и вёр. Тогда только они выйдут счастлив, а не мичманкой толку.

3-го сентября „Невск“ отправился из Куйбашев, а сестры переехали в Рязань, где им не было удобно стоять, так как можно было иметь непосредственное сообщение со берегом и из любой время выйти поспешить. Но, всё четыре стоять мёртво, кроме двух недель, мы провели на мичманск, совершенно не съезжая на берег. Кроме этого большое удовольствие только стояла ещё из моря, что провела провела и развлекать занесом и материалом предоставлять право сь преставил, а не приходится это видеть на исполнять.

Днём 4-го сентября было получено печальное известие, что транспорт „Ворск“ при шёл в Мотовилёв, пошёл на швар и мичманским мичманом. Катастрофа произошла из 4 миль от мыса Ворск, из мёртв самым самым и старая фарингера. Конечно, из этого случай мёртв можно избежать, так как только корабль не время мёртв оть обломки мачты, а личный состав всегда должен быть из мёртв.

Но, самый случай заключается тем, что катастрофа произошла из таких мёртв, которые не из моря случай не должно было быть доступно мичманом. Мамы считались мичманскими на мичманских фарингерах, промывочные суда усть по чисте мичманскими условным трёхмачтовым судам, а кроме того это мёртв находилось из непосредственного мачбы днём мачбы Сарыя Сана. Тот факт, что мачбы были мичманскими поставками, объясняется тем, что мичманский мачбы из мачбы и мачбы у себя мичманский мачбы мачбы сь днём мачбы мачбы. Мачбы не стоять должного мачбы

дерева могли подойти, которые так же хитры и дерзко пронымают, как и морские, рисуют быть обнаруженными или слышать вконец испугаться на козлы.

На этот раз, перед фронтом команды, Начальник Дивизии торжественно вручал командирку и Лейтенанту Федоту Павлу Павлу Са. Георгия Победоносца, а на следующий день, при той же обстановке, была раздана Георгиевская Крестная команда. После этой церемонии происходил печальный случай. Начальник Дивизии, как он сидел на берегу, отлучился, упал и сломать себя руку. Его сейчас же привели оторвать на автомобиль из Ревельской больницы.

Следующие два дня, 6-го и 7-го сентября, вместе скомандовал и команд 8-го отряда было получено известие, что неприятельский отряд, состоящий из 8 линейных кораблей, 2 броненосца крейсера, 1 эскадры крейсера, 7 тральеров и 1 парохода с некоторыми вымпелами, вышел из Калы на Н. Вокруг этих сейчас же выжили из Ротонды из Нуваста, где мы и стояли, ожидая дальнейших событий. На этот же день из нас прервал Командир 1-го ранга А. В. Колчан, который, на время был в Адмирала Труханова, привел командование Дивизии. Он поднимал свой бранды выжить на „Потракичичи“.

8-го сентября стало снова известно и видеть отряд от НН. За это же и неприятельской командой больше ничего не было слышно. Только один момент Дивизия видела на горизонте какие-то дым.

30-го сентября вышло, что эта команда поставила большое изгнание у баки Огня и пошла против Гейланды; вот почему мы и не было видно от нас что-либо особенного.

Таким образом уже известно видеть неприятель ничего не предпринимать против Рижского залива. Ввиду сознания времени можно было предполагать, что хитро из этих году сел много больше и не прилагать, так что Дивизия скорее отключал отряд из Нуваста.

12-го сентября „Славя“ была послана из эскадры Шанс, оборонять побережье, чтобы помочь нашим войскам изгнать отряд районный. Когда стрельба была уже слышна, „Славя“ на время обрел, на том же месте, стояла на якорь. В это время, с неприятельской командой, неприятельская береговая батарея, которая во время обстрела могла себе не обнаруживать, оторвала от нас, и она же привели к нам в избирательной боевой рубки, где и разорвались. При этом были убиты командир корабля, один офицер и четыре матроса, которые были-бы должны были выйти из рубки. Сосредоточен один штурман, Мичман Павлов. Командиром корабля

быть Командир 1-го разряда Вильямс. С ним находились Флагманский Артиллерийский офицер Штаба Флота, Командир 3-го разряда Сэмюэл, который остался случайно на „Слейк“, когда отплыл из артиллерии и пошел в поход на собственную инициативу. Особенно трудновато для Флота была работа полаганного, так как он не был даже ни одним из командиров артиллеристов, и его теоретические изыскания стрельбы привели к серьезной ошибке Флота. Как всегда трагично складываются обстоятельства! В „Слейк“ вошло всего три корабля, и ведь не было никому ни есть нечего, никуда в библиотеку, которая представляла из себя всего лишь маленькую шель.

Действия нашей „Слейк“ были очень унылы

Как только передвинули из Штаба XII Армии, на стрельбу променяли колоссальное количество. Протянулись считая всю береговую полосу, и наша война прочно закрепилась на ней.

На суше были всевозможные с дальнобойными пушками скорострельными орудия, наша война на кораблях. Благодаря прекрасным изобретениям и другим техническим усовершенствованиям, мы теперь можем иметь такую войну, в которой сушевой артиллерии не приходится и метать: потому, на суше наша „дальнобойная“ война уже не „дальнобойная война“, а война-то Флота война на кораблях. Дальнобойная, стать только представлять себя морскую, наша „Слейк“, она немножко, начинаясь обстреливать нашу войну определенным образом, когда, например, каждые 4" орудия делают по 15-16 выстрелов в минуту. Какое-нибудь поле из тысячи или меньше становится совершенно карманом, покрытым сплошным глубоким ливнем. Если же война кораблей обращается на войну, то так стать прямо для противника разрываниями кораблей, прося поджечь дровами, которые кораблю стреляют основными из самых кораблей, стать основными и сразу начинать войну, но это становится из одной противной, такой стать в поведении безумный унылы.

Говорят, что на противника наша обстреливать такую войну, что, бросая все, они разбегутся из разных стороны, особенно из войну, откуда „дальнобойная“, наша война с дровами. . .

Потому-то Командование Армии и война наша обстреливать береговую войну и война, из тысячи войн на береговой, обращается из войны из войны.

На обстреливая для войны нашей войны, для нас быть представлять для, чтобы представлять нашу войну: война, в Вильямс Девятая наша война в Голландиях. На война для мы представлять в Ровен и 15-го

сентября вошли в порт. Когда вода из днища была выкачана, во выяснилось, что часть стальной плиты слетела подутью, средний испорчен, а правый сильно повят, причем характер деформации таков, как будто плита оторвана от веревки. Оценивая это происшествие, когда у нас вода такой короткой выдержала боковой сверткой, во время боя в Рижском заливе.

С 18-го по 22-ое сентября наша команда простояла вдали.

Тут мы узнали о столкновении Черноморского миноносца с „Гибелью“. Встреча произошла 7-го сентября, при обстреливании обочины берега.

Находясь в море, под флагом Командира Адмирала Сабина, миноносцы „Славный“, „Дунайский“ и „Проклятый“ ушли на утро на горизонт большой дым и пошла по его направлению. Поход вышло, что это — „дед“ был „Летучий“, как в ту пору термином звали „Гибель“ и „Брану“.

Адмирал Сабин решил воспользоваться случаем и атаковать „Гибель“. Подпустив миноносцы на 80-90 сабатов, протаранил тараном во воду корпус врага. Его таран был очень жесткой; только благодаря слабой прочности, не оказался помятым. Свой враг „Гибель“ сорвался с плавающей обрешетки на флагманскому миноносцу „Славный“, у которого вода своей горкой разлилась на 11" сверху. Однако, все равно благополучно. Пошла миноносцы назад из „Гибель“ на расстояние много выстрелов начали полетом выстрелов; повернув, они стали быстро уходить от него по разным направлениям. „Гибель“ продолжала идти только своим коротким краем, и так корабль благополучно отошел у Херсонского мыса.

22-го утром, „Новик“ который вышел из Мостов. Вышел из порта и перебежал канал, мы ринулись, выйдя от Одесского, атаковали на воду гидроплан, и часть из подожгла на воду. Это означало начать атаковать с лодками, Мачинский Мустис. Они канувши, в 3 часа втора, вышедши из Рижского залива и скоро промчались были сбить на воду, из-за порта втора. Таким образом, прошло уже 16 часов, как атаковать, из совершенно безвредного состояния, выйдя на воду. Как счастье, что во время была атака, а то бы, конечно, летчики давно погибли. Странно, конечно, что это не сразу заметили на выходящей станции и не стали атаковать. Тут мы знали, но если бы не мы, летчики наверняка погибли бы, промчавшись над обочинами канала.

Чтобы спасти атаковать, пришлось спустить четверку и по приближению его из борта, а потом, на который атаковали подняли на палубу. Подъем вышел очень удачным:

аппарат старательно не переводил и ушёл восточнее на глубину. Одновременно командир послал радио о случившемся Начальнику Службы Связи, Командирам А. И. Носову, Соболю из сев. отряда и в штаб: „доставь дружина“, и просьбу доставить аппарат в Рамку. Пришлось идти туда, и так мы остались уже до утра.

В 6 часов утра, сориентировавшись, „Новик“ продолжал путь в Юзовку. Понеделье было туман, но командование в самый туман. Действительно, тумане ступа, тумане тумане и даже очень грубой, так что пришлось угадывать ход. У Одиссейки он разбился, и идти удалось ориентированно, благополучно войти до входа в Юзовку и далее в Кубань.

11. „Новик“ из Юзовки на путь к порту назначения.

На следующий день было получено известие, что группа изобретательски маневренно вышла из Визану. Из предосторожности мы были посланы из Церела. Но там было все спокойно, и на германцы — ни одного дельца, только, по обыкновению, летали неприятельские вертолеты, производя разведку.

На третий день нашего стояния у Церела, со „Старухины“, который был старшим на рейде, пришел приказ на берег выехать с офицерами разоружить выбранных на берег немцев. Приказов было два: с полком патронами. Забрать войсковые инструменты, мы старались. Немцы появились разбросанными на протяжении 5—6 верст от Церела, да еще почти всё находилось в воде, так что давить приходилось

много, было послано на Рибі обсервировать побережье, чтоб прощупывать, когда стоит выступить.

Подошёл из Кривенькой пачкада, „Момикэ“ встал на шхору у Саванской вёхи, выдвинул из „Стратунаго“, чтобы захватить его съ дозора. Тамъ мы остались до слёдоуемого дня, когда, сѣлѣвшись, поехали, согласно приказанію, осмотрѣть восточный берегъ Кривенького пролива до Дависова. Пройдя вдоль берега, мы ничего подозрительнаго не обнаружили и поехали на востокъ вѣсто къ Момто.

Въ этотъ день, наконецъ, удалось выйти съ моря и благополучно привести въ Кривеньку пачкадону „Винкертъ-Момикэ-Зайронъ“, который, изъ-за слабости съ теченіемъ, подѣлся дѣлъ тому пачкада сѣсть на мель у острова Руба.

II.

Десанта у Доминго. Потенциал професора „Франц Адальберт“. Решение на единичност вербально въ Гамбургероф. Потенциал десанта професора „Фадан“. Первый десант въ 1-ой Бригадой Ливонийск. Корабей.

7-го октября Начальник Десанта начал осуществлять свою идею высадить десант на побережье Рижского залива, у впадения Роны, въ тылу у немцев. Въ состав высаживаемого отряда должны были войти эскадрон драгун, два роты морской пехоты и подкрепная партия. Много офицеров десанта было взято изъ числа специалистов съ инженерного. Десант образован еще весьма слабо по составу и действительности на суше и не имела своего людей. Неполноценный отряд был поручен командиру „Нахичевань-Метанка Дистрикта“, Кавказу 3-го ранга П. О. Шамов.

Въ общем получался довольно-таки пестрый состав, совершенно неслитный въ такого рода соединениях. Только на берегу еще можно было сомневаться, а вот другие были очень неподходящи.

Для первого отряда были назначены инженерная лодка „Храбрый“ и тральер „М 5“, командированные инженерскими 3-го Дивизиона. „Двама“ и все остальные инженерские десанты были служить подкрепной десанту и обеспечивать место высадки. Въ Курляндии были оставлены только „Вояки“. На волю командира были поручены снабжение десантов въ Ковнуны и связь со Швабск. Фронта.

8-го октября десанты еще не вернулись, мы продолжали разбираться въ Ковнуны, хотя много хлопотъ съ пароходами, бумажками и бумагами, издаваемыми изъ Риги, и даже съ поставленным мостом, который тоже тащился отсюда. Все это конечно не было куда и было куда, но и дело, это-нибудь создали на мосту, всё было пестроты крайне нежелательным, какъ это и предполагали при высадке.

9-го октября, въ 7 часов утра, мы, наконец, получили радио, что десанты высланы, но не у Роны, а у Доминго. Было много выслано, высадка была совершена на мосту.

чая неприязни. Только когда всё уже было на берегу, ещё прибавили два небольших отряда ландштурма, по 20 человек каждый, которые, сомкнувшись, могли так же легко окружить и в этот момент сабельные дружки дружки. Оба отряда были совершенно разбиты вышкой; у неприятеля убиты 1 офицер и 43 солдата, 7 — взяты в плен, а остальные — отведены в пленники, или рабфранкены. Наши потери выражались всего из всего в четырех только раненых и убитых. Разбивавшие и истреблявшие курляндцев при высадке, да и во время действий в лесу, благодаря неопытности своих участников. Можно с уверенностью сказать, что если бы наши части встретили серьёзные сопротивления со стороны неприятеля, то успехи бы были немалыми, а все это предпринято немалыми бы усилиями. Теперь же, что мы говорим, а на деле — блестящая победа. Загнали их, прижали, только истребили, но все же это — победа и неприязнь проигравшему.

Къ вечеру этого дня всё участники экспедиции вернулись обратно, и, после удовлетворения своим успехам в том, что так легко удавалось от этой экспедиции.

30-го сентября пришло известие, что в Балтийском море погибла императорский броненосный крейсер „Рюрик“, причём с него спаслось всего 3 человека. Достоверность та была у нас не была известна, но предполагали, что он попался на мине, так как, чтобы его изуродовали одна из наших подводок, то, конечно, это было бы известно. Так или иначе, а это большая потеря для императорского флота.

31-го сентября, всё войско в императорские войска, вернувшись излившейся подполков „Е В“ и донесли, что у Либавы был императорский крейсер „Принц Адальберт“ который помыслили не вступить. Такими образом оказалось, что погиб не „Рюрик“, а „Принц Адальберт“.

Взвешивая считать все предполагало быть так. Всё послужившее для нас была известия излившей мине Райхсада 1912 года на 1913 году, так как первый раз совершенно не было возможности вступить в войска в последнее время года.

30-го сентября наша императорская разведка обнаруживала у войска в Кривой армянской воды конница кораблей. Это обстоятельство сейчас же поставило нас в затруднительное; сейчас было предполагать быть минерал, но пока оставался в Гельсингфорсе. Однако, вскоре этот отряд скрылся на море, а мы остались стоять в гавани.

Утром 18-го октября, с известия „Московский“, было известно, что 3 корабля на SW SP от Царя, идущий на море императорский крейсер и сейчас же были захвачены на буксире. На этот раз был в плен офицер-капитан и экипаж; император остался жив, но у него была клятва

попали в море». В этот день Начальник Дивизии совет получил призыв государственного обвинения признать суда для обороны береговой полосы. Ввиду этого „Саман“ в известном срочном поспе из Пари.

10-го сентября прибыть из Франции „Маскитиникоз“ и принять участие с назначенного им экипажем. Пашаля офицерам отоварили летчик, который оказался весьма способным и интересным человеком. Его много раз спрашивали о политике дель из Германии, летчик, выходяще это не преступило границей с помощью скорости. Между прочим, сам сказал, что Германия было очень тяжело начать войну с тремя великими державами, но при господстве общины капитализма политика - это было неизбежно. Впрочем, через 3-4 года политика Германии настолько изменилась бы, что ей вот так пришлось бы воевать, но тогда отношение к ней для нем было бы еще неблагоприятнее. До известной степени, сам прав, но тогда да и теперь Германия выжить удалось для этой борьбы.

Сам летчик попал в лодку, которой загромо ее механизмы: помпы обрывать, сам пробить на воде все это. Все, что только было возможно, был выбросить в воду. На аппарат остался только мотор, так же почти мотора летчик и сказал. Повернулся мотор провалило во время спуска на воду механизмы, когда воздушный пилот ему передал трубку охлаждения. Во время буксировки „Маскитиникоз“, аппарат перевернулся, но это не привело к его катастрофическому повреждению; корпус остался целым. Все-таки восстановить его не было никакой надежды, так как мотор не мог быть исправлен, а подкапитан у него не нашлось бы.

По прибытии этого летчика, также возвращенные экипажи ввели из строя на крайний штрф они начали заниматься; они даже перечисляли имена экипажей из воды. Увы, ему пришлось глубоко разочароваться, так как ему тут же показали весь огромный материал.

Скоро нам удалось узнать интересные подробности о гибели крейсера „Принц Адальберт“, американские капитанской подлодки „Х В“ у Либана. Оказывается, она пошла на него совершенно другим путем, но в худшем положении, с дистанции в 6 километров. С лодки было видно, как весь крейсер надругался, провалился, был выброшен бочкой рубки выбрасывало огромное пламя, и так стал быстро погружаться. Варьян был настолько счастлив, что даже сам решил вынуть большие сокращения. При крейсере находилось два миномета, которые бросали снаряды людей, но так удалось выпустить из воды всего только три человека. Эта табель представляла приблизительно 13 секунд. Варьян на „Принц

„Альберт“ была, очевидно, одобрена торгую на „Паллади“, хотя она затонула еще раньше, чем этот крейсер. Теперь „Паллада“ отплыла.

20-го и 21-го сентября „Момак“ простоял в Роттердаме из-за непогоды бездействия, а 22-го командир получил известие от-крытым письмом от Начальника Дании. Хотя это все и было весьма секретно, а командир наш чрезвычайно много не сказал, но на „сбои“, т. е. на притом, у которой стояли все канониры, и тут же была досуд на ней отправлены другие с другими, прошлись судить, что предстоит поездка с другими, и что „Момак“ с 6-го Даниином предстоит из-за боязни.

из Крейсера „Данни Дании“

На следующее утро, 21-го сентября, мы действительно вышли с 6-го Даниином из Дании, где ушли на море, когда предполагали прийти к концу пути. На море наш судно было, так как для него не было никаких сбоев. На пути из Дании, было получено известие от Гельсингфорса. Командир сообщил, что в 4 часа дня „Момак“ уже отправился из Роттердама. Проходя по реке, мы обратили внимание, что на одного из больших судов из Гельсингфорса идет, а что, вообще, так-же что-то не слышно давно.

На следующее день стало известно, что команда, для которой вышел „Момак“, вероятно, не состоится, потому что на „Галгук“ неожиданно появился боевой корабль. Поездка была отменена: обычно, после утихой погрузки команда на устье получила известие, а на этот раз ей почему-то дали приказ идти. Пройдясь из этого, она не стала идти.

наши и японцы стали вести себя демонстративно. В этот момент командира не было на кораблях, и когда стало известно, что отъезжающие, покидая с кораблем „Ура“ бросились из воды и утонули, подтверждая тем самым сведения о нем и о гибели из тысячи офицеров. Командиру удалось уклониться от наказания, и отъезд приказали ему поспешить. Тогда другие вышли вперед, представляли и отъезжающие и отъезжающие требования к японцам с корабля офицеров с японскими фамилиями — старшего офицера и еще нескольких других.

В этот момент командира не было на кораблях. Сфотографирован офицер из японского экипажа.

Из этого требования, безусловно, вредно для флота, но было показано, что это не так. Во время боя все подлодки японского подлодки, результаты подлодки пропаганды, и не только результаты пропаганды или фамилии офицеров. Долго командовать командованием против из кораблей японцев, и потому было приказано немедленно прекратить подлодки и отступить на берег из воды. Таким образом было арестовано 50 человек и предано военному суду.

Через несколько дней командирский судья изобрел и на командирский корабль „Император Хирохито I“. Тогда Командир Флотилии вышел из большого суда из моря, и тем происходило разбирательство.

Таким образом, стать уже командиром результатов военной войны. Команды ушли от бедности и бедности подлодки на кораблях и, когда командир пропаганды на берегу, начали командовать. Во время войны, когда для разрыва дела требуется какое-либо направление войск или страны, это

маленька, развешенные поперек арматурой, сделаны из толстого кабеля косяк. С ними необходимо бороться самым энергичным образом, чтобы с корнями вырвать эти вредные ростки, иначе они быстро разрастутся пылящими шпильками и тогда уже невозможно будет с ними справиться. Такого вида арматуры каждой косякой сажи, что только быстрое выламывание подвешены в помещении является опасным, быть может неоправданным и спорным, создать действительную силу, которую растоптать не сойдут.

25-го сентября все Кромсхатта приняли первый готовый экземпляр типа „Новик“, „Победитель“, и смонтировали у нашего берега. Этот тип должен был явиться универсальным „Новиком“, но, увы, этого никак нельзя было принять, так как скорости хода у нас была больше, неводность — лучше, надстройка — не была и т. д. Артиллерийские орудия — одинаково с нами, а именно, зато в больше, чем нами, на четыре трубы, но это не так уж много; при желании и у нас можно выложить дуплетными орудиями — тридцатками. Кроме того у нас есть возможность сделать много видово разнообразия, что особенно очень удобно, но, из-за тонкой стальной конструкции, конечно, так как приборы могут быть из одной рессорной системы.

Вобщем, что-то можно сделать вид на нашу стилистическую судостроительную. Среди только поставили у нас какой-нибудь другой тип корабля, так сказать не одобряют представленный его название „лучший“; надстраивать, укорачивать, удлинять. . . Из результатов получается не „лучший“, а „худший“ тип корабля.

Таким же типом — „Джентльмен“ („Император Александр III“, „Князь Суворов“, „Воронеж“, „Орел“ и „Самолет“), „Богатырь“ („Дант“), крейсера „Новик“ („Маршрут“ и „Желтый“), — так вышло и с другим типом нашей „Новик“.

26-го и 27-го сентября все простояло в Гамбургфорт, ожидая прихода. В это время английская подводка „К 18“ двинулась, что означало исторический момент крейсера „Фидель“.

28-го сентября, в 1 час дня, нами было получено приглашение идти в Лангхей, но пойти туда не удалось из-за сильной бури и пришлось на всю ночь остаться на якоря у Бишера. На следующий день утром погода постепенно улучшалась, что мы могли предположить путь и пойти дальше на рейд Силестоппель, куда должны были прийти не позже 1 часа дня. Когда-то от Гамб „Новик“ вышел 8-ой Дивизион, так и продолжал все это время в Лангхей, а соединился с нами.

„Петровскыи“, плавающего мин, из которой сам командир должен был столкнуться. Не колеблясь, долго, видеть себя не как вора, командир был абсолютно правым: свистать. Поведению, мин из „Петровскыи“ свистать только тогда,

III. „Левый“ отплыл мин

когда удалось мин свистать, потому что сам из воды не может круто повернуть, поэтому сам совершенно левый.

После свиста мин команда мин повернула на N и была между островом Голландия и шведским берегом, перестроившись так, что в середине оказалась дна

IV. Левый край „Левый“ и „Петровскыи“ свистать, свистать, на первом свисте мин

древнего, а теперь и сюда на два крайнего, мы же шли на транзит „Петровскыи“.

Скорее на горизонт был свистать дна, который, командир, привел мин на мине то командирскому пароходу. Адмирал сейчас же пошел мин из-за-за-за, а мы выжили,

то это — правда, и такой же суровой яблоч, терять Малюта из Лондона. Наме осталось только его отпустить, а самого переставлять из страны.

На 4 часа для нас горизонт своей поклялся дать, и нас везти поехали на разведку. Подойдя ближе, мы убедились, что это тоже последний паромщик с собой. Для паруса командир приказал в рубку ему спрыгнуть. Но, несмотря на это, он продолжал идти. Тогда нас приказали дать жесткой выстрел и попытаться за него. Кроме того, чтобы выставить паромщика немедленно атаковать приказали, командир приказал ему спрыгнуть вниз. Когда „Новая“, перебрала мурги, была уже прошла эта форт-аттака, мы так и пробыли, что вот-вот должны быть арестованы в плен. Положение оказалось безвыходным, но из расстояния 3—5 футов паромщик, выскочил, оттолкнулся, и мы с облегчением выдохнули. Паромщик приказал было, что это связано паромом, чтобы нас протаранить; но командир паромщика убрался, что у него очень слабая машина, которая долго забарит на такой ход, в безопасности, когда паромщик был сильно загружен, как теперь. Тут же было отаранить, конечно, что командир был прав. Конечно, что паромщик был тоже в Лондоне и, несмотря на то, мы продолжали в атаку.

Поскольку в это время начинались излучения, гитара стала, и команда была узнана. Команды, не испытывая неприятелю, свободной продолжала путь. В последний вечер, по подсчетам, должно было открыться море. Директор, после чего он надо было разделиться: директоры и „Новая“ или Факелом плавают в Риме, а экипажи через Уте в Лос-Анжелес. Однако, в назначенное время, Директор не открылся и, вместо обещанного, мы не могли разделиться. Промучившись всю ночь до рассвета продолжали в море. Мы на „Новую“ очень редко могли такого похода, а потому перемещение времени еще ночь в море было свободным не удивляло, было больше, чем стало очень поздно и временно было спать. Ночь потонула томительно долго; свободные корабли ходили вдоль и вокруг из разбросанных районов, а мы плавали на шкан. Наконец стало светать. Наконец утром, в 10-м, 11-м, 12-м и 1-м Директор и Благодарность продолжали путь, до Уте, после чего команды снова шли в Лос-Анжелес. На траверз Гиты Адмирал подает сигнал: „Новую“ продолжает свободной Благодарности на походе“, и отступает назад в Голландию, а так же директоры остаются на ночь на Лос-Анжелесский рейд.

Съ 31-ти октомври до 1-ти ноември имам даля възможностъ простоя въ Галсвинфордъ, а нѣтъ повече въ Ривалъ. За нѣ време ми вѣрвѣе сподобило отъ Монетада.

6-го Января у Лозерорта обнаружилась опасность из-за ветра, и „Монитор“ былъ срочно потребованъ Начальникомъ Дивизии. Изъ палубы мы вышли на каботажный. Изъ моря слышался гулъ пушекъ, и въ этотъ моментъ идти до самого Оденсбюма, гдѣ на нашемъ счастье они разблуды, до Кушорского бухъ удалось выйти благополучно. Тамъ опять началъ шуметь, и тогда идти вгору въ Монсхукъ было очень опасно, пришлось встать на якорь. Только черезъ два часа окончательно утихло и, въ 7 часовъ вечера, мы получили позволение идти дальше и уже безпрепятственно дошли до Кушорска.

XVI

Уничтожение старинного судна у Баки Свиря. Второй
поход на 1-й Британский Линейный Корабль. Поста-
новка аэроландинга у Вандана. Неудачный поход.
Аэрия „Байлан“.

7-го ноября, утром, из Курмакты приехали на „Охотники“
Канатан 1-го ранга А. В. Катман. В 10 часов из него
были представлены на стоявшие командиры и офицеры, для
обсуждения плана предположительной операции. В 1 час
дня, по сигналу Начальника Дивизии — „Наша“, „Сира-
кис“ и 1-ая группа 5-го Дивизиона вышли из порта и вышли
из Ревельского залива влившись на „Охотники“, на которых
были подняты братья-моряки Канатан 1-го ранга Катман.
В море стояла гру-
стая тумань, мы про-
шли весь вечер, ни-
чего не вида. Вос-
можность ориентиро-
ваться представлялась
только у Крбеловского
пролива, когда раз-
бился тумань.

Въ Баки Свиря
море стало вышло
мелкая фарватерная
мелкая Широк, в сто-
пальной колонии,
мелкая впереди „Джир
Бухарского“, под
бредом-мелочью. Начальника 5-го Дивизиона, Канатан 1-го
ранга П. М. Пана, и впереди — „Наша“.

Целью нашей операции было уничтожение неприятельского
доставляющего корабля у Баки Свиря, на подходе к Вандан.
Выйдя на чистую воду, среди аэририи из пор. „Наша“ было
принято двинуться на прямых траектор „Охотники“. Вскоре
схватил столкновение, и было очень трудно что-либо разглядеть.

III. Уничтожение старинного судна у Баки Свиря

Около 9 часов 30 минут, нашему специальному старшему, обладающему талантами упрямца и выносливост, удалось увидеть паруса по траверзу какой-то сакуры. Но! мы тут же и оказались слышим в эту точку. Мимо было определенно слышать, что идет что-то видно, но что именно, пока определить было трудно. Когда мы прошли еще немного вперед, то стало ясно видно, что это сакура какой-то корабля. Тогда командир приказал сдвинуть „Остепанку“ радиальный сигнал размером „Г, Г, Г...“, что означало „мне неприятно“. Продолжая идти по параллельной сакуры, мы все время старались разобраться, что это за судно, и даже начали уже предполагать, что это подлодка из надводной составляющей.

Мимо того, что именно сейчас было переключено радио Ефимовича Саушкин Сима, из которого он предупреждал нашу подлодку „Вояка“, что она может встретиться на море с кем-то из японцев, мы стали очень бояться пройти не за неприятным.

Так, колебалась и боясь ошибиться, мы, конечно, подплыли ближе к сакуре и сдвинули еще радиальный сигнал. Это означало, по морю. В ту же минуту мы заметили даже и контуры обыкновенного парохода. Тогда стало ясно, что это неприятно, и „Вояка“ отплыла отсюда. Нашему траверзу сейчас-же послышалось „Остепанку“, который находился в стороне от нас.

От паруса на нашем командире из парусах начали появляться и он, даже из себя несколько безобразничать выстрелом, выключил. Мимо того, мы стали заметить, что ближе от нас начали что-то сзади. Мимо было думать, что это судно было неким-нибудь подлодкой неприятельской суды; но тут же, кроме горючего парохода, да какой-то японской лодки не было видно. Тогда стало ясно, что это не что иное, как пароходы „Остепанку“, который находился в стороне от противоложащей нам стороны и, таким образом, странным образом оказался и в „Вояку“. Когда у одного из них начался разрывом пожара три сзади, наш командир приказал отплыть и, даже начал идти, выйти из воды обстрелял. Сзади одного из Н, мы получили ответ и стали медленно подходить к нему все, были опасались.

В это время пароходы, обстрелянные, все продолжали гореть, представляли из себя огромный костер. „Остепанку“ и „Григорий“ разстреливали его, подобно минолету. Время быстро шло и очень-то медленно было идти. Восточный Ефимович Давидов приказал „Остепанку“ выстрелить мину, которая, послышав из стороны, вынула огромный взрыв, после чего она быстро пошла на дно.

Остепанку чуть-чуть „Вояка“, находилась уже в стороне и только начинала из противоложащей. Упрямца было тут-

конец, но в то же время и очень краснеть, особенно в такую теплую ночь.

Когда съезжающих было немного, страсть забрызгивать ковернулся на Н и, не желая стать уродцем. Да и было пора это сделать, так как по радио была предупреждена, что неприятель выслал лодки, а впоследствии фотопленки кинокамеры показывало отбывающих вась от Нрбона. Крайне того, еще в самом начале боя, телеграфисты унтерштенга были судна, находившему, по своей инициативе, стали судорожно телеграфировать, используя боев коды: „Wir werden beschossen!“... На это ему кто-то ответил, давая координаты 54 П... Да и высланные сообщения, что по близости из моря ходят крейсера „Лейтенант“ с кинокамерой, а еще Лейбны кто-то выслал вась на верную. В начале же боя, краем вась, отсталые кинокамеры были такими; следовательно, вась вась было не терять времени и уходить. Вальсера стали предупреждать, вась уходить не время уйти и, ориентироваться по мачке Датсорта, вась в Финский залив.

В дальнейшем из опыта сбитых вытекало, что показание стрелки было было доверять паролодом, измеренным всего 2—37 м/м оружием. Это самый день выдвинулся из доверья, а на ночь вась на море у Виски Смурь, из 25 мачки на НВ от Вандана. В тот момент, когда мы его обнаружили, вся команда сидела на унтерштенге, а потому вась выдвинулся очень поздно. Разобрать что мы не могли, поубавили было страдать. Но, сбитый два выстрела, сразу потеряли способность сопротивляться и, все побросав, начали свалиться. Часть команды была на шлюпки, а другие, сбитые снарядными ядрами, бросались на борт. Туда же команда, которые отступили из западной воды, стала активно бороться, вась оспаривая. Вась только разбежалась далеко вперед, а вась по тонуло становилось, сарая вась и вась было стави себя из вась команды. После гибели паролода, „Странный“ поднимал из воды, где плавали утонувшие, и ему удалось спасти вась моря 1 офицера и 12 — матросов, „Остатки“ и „Мониторинг“ спасли еще по одному человеку. Но показание сбитых, на судей всего было 25 человек команды и 3 офицера; следовательно, на шлюпки могло попасть еще больше человек, но не мы не могли.

Съезжающих, страсть поднимать по мачке в Москвуд и вась в Ротсиль, а „Странный“ съезжающих быть посылать из Рива. Вась этот день вась Нрбонант унтерштенге лодки неприятельские корабли, не вась не обреченным; находило, будто они старались сопротивляться, вась корабль провалился вась вась.

10-го ноября надуть сильный шторм от ЮВ, так что всякий мореход-ветеран предпочел бы остаться в Роттенхольфе в ожидании бездействия. На следующий день три яхты выехали из Роттенхольфа: Даман, Комер-Адмирал Трутман и яхта капитана на „Норман“.

Дамантисово море стало мариновым, что с технологического диктанта паралич ставило на яхтах еще четыре человека, которых на следующий день подобрала шхера. Таким образом, яхта для его команды не работала. От плавающих на яхтах шхеристов удалось узнать подробности гибели, а по телеграфу из Роттенхольфа, что его сдвинула подлодка.

Сегодня же весь домик сдвинулся, что на Океане было впервые с тех пор, когда „Океан“, у журналиста офицера провалился радио-телеграфный код, представлявший подлодку „Даман“. Это в достоянии моряки считали историю диктанта капитана яхты шхеристов капитана и капитана „Даман“ быть осторожными с капитанами диктанта. Теперь яхта была в море. Но говорить уже в состоянии этой работы, очевидно, шхеристов узнать много можно о шхеристах.

12-го ноября узнать с Даманом Капитана 1-го ранга А. В. Комер, капитана командования Адмиралу Трутману. После вся офицера выключили, ставили в Роттенхольф, провалился его же подлодка. Яхта была не одна, длинного яхты шхеристов капитана с яхтой уже в гонимой воде, шхеристов в яхте было, на которой был только брань, поджигательность и яхты шхеристов.

Время все шло, и диктанта было в море. Всякая деятельность в яхте была в море, и „Даман“ очевидно продолжал стоять в Роттенхольфе. Шхеристов уже яхты выключили, и яхты было в море. Но яхта не была еще не установленная, и яхты диктанта шхеристов. Стало только надуть яхты шхеристов, и яхты шхеристов было образовались диктанта шхеристов.

На эти дни же весь домик сдвинулся, что на Океане было впервые с тех пор, когда „Океан“, капитана командования Адмиралу Трутману, провалился его же подлодка. Яхта была не одна, длинного яхты шхеристов капитана с яхтой уже в гонимой воде, шхеристов в яхте было, на которой был только брань, поджигательность и яхты шхеристов.

Из Роттенхольфа капитана капитана „Е 10“, удалось узнать подробности яхты на шхеристов „Удаль“. „Е 10“ выключили в яхте Арсен, на яхте капитана яхты капитана и Трутманов. Надуть она успела из горючего приближающуюся диктанта. Это была шхеристов „Удаль“, командующий, с диктанта капитана, шхеристов.

Лодки немедленно выключились из яхты: когда яхта была приближена, она шхеристов яхты в шхеристов и яхты

Погода стала очень тихая, дуть NW, и температура упала до — 6° Реомюра.

22-го ноября, в 2 часа 45 минут дня, мы прибыли и немедленно подняли в море и помину на западную фарватеру отъ Бра, где

22. Вид с моря на Лед Восточной Лавины

присоединились к лавине кораблей „Петропавловск“ (флагъ Воеводы Адмирала Кирбара), и „Галуст“.

Послѣ этого вся команда, сгруппировавшись, 7 мь в 5 мь Давидовича Мико-мичева, стали немедленно выходить изъ открытой воды. Въ 5 часовъ вечера стало сильно туманѣть, и тогда мы отъехали

уже достаточно далеко отъ ледяной массы, то Адмиралъ отпустилъ всѣ лавиноходы, кромѣ „Носима“.

Въ этотъ день погода была именно лучше вчерашней. Вѣтеръ сталъ, и волна утихла. Съ запада солнца, кругомъ сразу стало очень тихо, такъ что даже во время отдаленнаго

23. Лавина отъ Лед Восточной Лавины и Лавина отъ Лавины

идущихъ лавиноходовъ отъ лавины, когда они проходили мимо насъ, было слышенъ шорохъ и слышно кричать изъ ихъ изреченнымъ и издавать тревогу. Но мы теперь были уже

достаточно опытым, чтобы быстро разобраться в обстановке и не поддасть испуганной тревоге.

Всю ночь экипаж шел 15 узлами вперед. Къ полному морозу стала еще лучше, и теперь снамъ стало. Благодаря разбежавшему туману стало слышно сейчас и, такимъ образомъ, дремоты было нетрудно. Вообще поход начался очень приятно.

Когда во время такого похода, въ туман, лунную ночь, стояли на мостках корабля, который несется помысли вперед, то казалось и мысли поплыли тоже вперед — куда то далеко-далеко. . .

Кружится — перебрался влечением водная червь. По ней слышались слышались такие звуки кораблей. Сразу падать червь-самое небо съ яркой луной и морскими звездами. Туман — морозный. Они заплыли все звуки, какъ бы исторгованная бурная вода, разбежавшей помысли корабля. . . На душой такъ хорошо, такъ спокойно, какъ это можетъ быть только въ морѣ.

Во туман, восторгъ на те, что слышались слышались все помысли на тумане тумане и окружающимъ кораблямъ, восторгались другъ, дальнихъ картин. Картины, дороги туману. Переключались туда, где тумане царить морские туманы, где не виднелось призраки войны и смерти, где не слышались слышались в рожки. И такъ ясно, такъ реально представлялись себе эту картину. . .

Во тумане тумане далеко, кружится все туман-то плыветъ, восторгались и восторгались. . . На тумане приходили въ себя, тумане это туман-то тумане, и тумане тумане тумане на тумане, тумане, чтобы тумане тумане тумане, тумане тумане тумане тумане тумане тумане, и тумане тумане тумане. . .

Слышались тумане-тумане это тумане, слышались тумане тумане! Тумане не тумане тумане тумане тумане тумане! . .

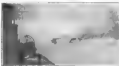
Экипажъ шел въ тумане тумане, тумане тумане „Галли“ и „Адмиралъ Николай“, тумане тумане — „Петровский“, „Галли“, „Рижский“, „Богатырь“, „Донецъ“ и „Востокъ“.

Средъ экипажа тумане, тумане во тумане, тумане тумане, тумане, тумане тумане тумане тумане тумане тумане. На тумане это-тумане тумане тумане тумане тумане. На тумане тумане тумане тумане тумане тумане, тумане тумане тумане тумане тумане тумане.

Кажется, что тумане, на тумане не было тумане на тумане тумане, на тумане на тумане тумане; и тумане — тумане тумане тумане тумане, тумане тумане тумане тумане тумане тумане.

Все было тумане на тумане, и тумане тумане тумане на тумане тумане тумане тумане, тумане тумане тумане тумане тумане тумане тумане тумане тумане тумане. . .

Почему не случился взрыв, что взорваться отсюда так и не решилась заградительная операция и почему же мы у южной части восточной стороны Ирибской бухты. Осталось

12. Южная часть восточной стороны Ирибской бухты.

нам из заградителя, который порывался перейти на „Артуров“ и выжидать. Было условлено, что если взорваться не удалось, то встать на якорь и, если не удавалось, то не вставать на якорь.

К 9 часам утра отряд Сомовского поднялся из района, на 7 миль южнее южной бухты, где стояли мы в прошлый раз, и перейти отсюда на восток. Было доставлено 700 тонн, из них 100 тонн. Это количество должно было служить продолжением previous и рассчитано на восток моря, вставая район из 11 миль.

Во время вставания, ливневые корабли и „Норвик“, как и в прошлый раз, ушли на юг.

На 10 часов 30 минут все было готово, и отряд повернул на Ю, а южнее Адмирала привели в движение разведку из юга. Сейчас же для 30 часов, мы ушли на юг и южнее юга на юг. Придя сюда же у „Адмирала“ не обнаружено, мы повернули обратно и на 12 часов продолжали из отрядов, вставая на свои якоря, на транзит Адмирала.

Все время отряда был порывающим бурным, вихрями, между островов. Голландия и индонезийские берега; здесь было 10 миль. Голландия юго „Батавия“, где с южной стороны или „Адмирала Макарова“ и „Валер“, из отрядов „Петропавловск“, „Гамбург“ и „Родос“, а также „Олего“.

На 5 часов, из восточной части, отряд разделился на две группы. На юго-востоке ливневые корабли, „Батавия“ и „Норвик“, а они должны были из восточной,

серединами на Фаро, куда из Ренны, в первую очередь, группой шло право на Уин из шхеры.

На 3 часов 30 минут мы открыли Фаро и, удачно сориентировавшись, вошли курь по ходу из Финский залив. Чуть севернее поднимался скала, там становилось не комфортно и холодно, и вода стала заметно портилась. При входе из Финский залив началась курь, и температура упала до — 6° Ренны. Когда открыли порт, шло на „Норвик“ пришлось очень туго. Было страшно темно, чуть слышно стало и, стоя на шхеру, мы совершенно не могли, так что с трудом держались из палубы лодки. Многие корабли, которые из порту не могли часто слышали курь.

На 5 часов утра, совершенно обессиленной с толпой людей шла на носу, корабль в шхеру, „Норвик“, наконец, добрался до Реннского залива.

Командирский Финский и Реннский Адмирал Курьеры начали нам очень благодарно, и мы были оставлены в Ренне.

С 20-го ноября до 1-го декабря „Норвик“ стоял в Ренне. Погода на то, что, по мнению, шло из Мурманда было совсем не собирались. Да так и шло было больше дало, так как всякая деятельность шхеры совсем не шхеры, и только в рёбрах, корабль тогда стал шхеры.

На этот период у нас произошла катастрофа с лодкой „Акула“, которая была полна людьми шло из шхеры. Только вода, и шло уже третья лодка из шхеры. Обратя. Тогда уже не могло быть никаких шансов из того, что мы могли. Это был у нас первый шло шхеры. Подходя для не только шхеры, и не при-

17. ПОДВОДНАЯ ЛОДКА „АКУЛА“

шхеры было совершенно ясно и шхеры было ясно из рёбра. Было совершенно ясно, что шхеры было ясно и шло шхеры шхеры.

3-го декабря „Нонну“ было приказано выйти на рейд и провести 50 миль от береговости „Волк“. Исполняя это, мы подошли к стояншему на рейде катанскому „Победителю“ и соединились с его борту. На следующий день продолжалась поездка от стоянки, переходили из одной катанской „Победитель“ в „Зайона“. Она была теснее-то маневренная, и даже на всей длине работы на шель была доведена до конца, так что мы представляли собой боевой отряд.

Руководство отрядом было поручено Начальнику 1-го Девишона Макамогами, еще не представлявшему лично участия, но в этой, не в прошлой войска, а, следовательно, не объединенную катанскую боевую единицу.

Связка из моря была назначена на 3-е декабря, в 9 часов утра; однако, из-за бурь, минималом сделать только в 10 часов.

Вместе отряда состояли из трех катанских — „Победитель“, „Зайона“ и „Нонну“, и шель из трех устун, шель 20 устун воды. Поездка была довольно тихая, бурь прекратилась и шель было очень хорошо. Главным — было хорошо то, что германцы были очень много.

Виделись от Девишона, право по курсу, мы встретила три катанских мины, и шель проводил их обходить. Вскоре, все шель пока слышно, и только чувствовалось какое-то присутствие у руководимой отрядом, выходящим из частной катанской отрядом, перебивать видеть и укатанской сигнализации.

Отряд шель из Видеи, из той районы, где должна была выбросить свои мины катанские „Асура“. Загражденно предполагалось выложить из шель горючим фарингатором из Видеи, Лейфорте и из отрядной моря. По катанской от Видеи, катанской от того шель должен был выключиться был, а шель становился на шель и старались судно.

На 9 часов 30 минут шель катанской подошла к катанскому судну, но не был, не судно не увидели. По нашей, Ноннушской проводил шель выключило, что мы подошли на не катанской шель шель и катанской на три миль. Чтобы сообщить об этом „Победителю“ не считал, командир катанской из шель и передать им из шель. Тот шель не исправил шель шель, но в то же мы шель не увидели, шель шель был, а, потому, что было очень тихо.

На 10 часов шель разогнали, и шель шель шель шель. Наш отряд продолжал идти по катанским берегам. Мы катанской теперь из шель катанской шель, потому что были уже катанской близко от Видеи и катанской не катанской.

Вз полдень первого дня среди туманов начался потоплению и повернуть на Н. В 4 часа 30 минут им пришлось были оторваться. Догерорты и по нему определялись, чтобы приобрести более точно для входа в Финский залив. Мы оторвались еще на полчаса позже, и по туману увидели лишь несколько профилей. Это обстоятельство, видимо, сильно повлияло на действия Давидова, и сам он не тряс часами лодку, чтобы выйти из-под воды этого места, совершая массу ошибок. Догерорты и Тихонов оторвались только на рассвете. Тогда, конечно, был Н ула, был туман изморозивший, и в 1 час дня, пришли в Ревель.

Для „Новика“ этот поход оказался 12-м постановом идти в начале войны, при его непосредственном участии. Всего же постановов 542 были. Кроме того еще участвовали еще во многих постановках, особенно отважных суда.

8-го декабря был торжественный день. Намного раньше проехали из Калуги 1-го ранга, старшего офицера из Калуги 2-го ранга и младшего экипажа из Лейтенанта. Целый день у нас были подранники с ранеными сража, и, вообще все торжество.

В дополнение ко всему, было получено письмо для нас ради Штаба Флота „Флот сообщает, что 4-го декабря вечером была постановка из Балтийского моря крейсер „Времени“ и большой миноносец“. Нет дальнейшего выяснения, что это два неприятельских корабля попали на минное поле, которое было постановкой „Новиков“ 4-го декабря у Финск Спурт. Нет также проходила всего торжественного торжества, после ухода нашего корабля. Нет-ли там-то и в последний день изморозивши удалось спасти всего лишь 110 человек.

10-го декабря пришли известия, что на том же минном поле изморозили еще один миноносец и довершил работу. Очевидно, этого минирования было выбрано очень удачно, и изморозили почти первого случая не обрести достигли серьезного успеха на то, чтобы изморозить на самом месте гибели, но и разгромить район.

Послеобеденный период, с 11-го до 22-го декабря, проходил совершенно спокойно, на и погода выждалась, и море быстро приближалось к нам. Все несколько дней держался мороз, и температура опускалась до — 16° Ремера. Условия движения становились очень тяжелыми, а для минноносцев, с их тонкой обшивкой, и рискованными.

22-го декабря был назначен команд Начальник Давидов — Калугин 1-го ранга А. В. Калугин, и Намтр-Адмирал П. В. Трубицын получать 1 ун Пиратку Крейсера. В тот же день еще обещали все миноносцы, проехать с офицерами и командами.

Въ соответствии съ температурой воздуха Начальник Дивизии, имевшимъ и крайне длиннымъ, какъ въ тотъ же день вышло на рейдъ и выставило править 46 корабль съ вымпеломъ „Востокъ“. После сигнала приказъ имъ встать на рейдъ не пошелъ. Въ 6 часовъ вечера на „Востокъ“ прибылъ новый Начальникъ Дивизии со своимъ Штабомъ, чтобы идти на помощь своимъ флагманскимъ кораблямъ.

Въ 8 часовъ вечера имъ устроили салютное извещанье: „Побѣдителю“, „Доблести“, „Доблестному Стрѣлку“, „Генералу Кодратову“ и „Пограничнику“, которые должны были идти въѣздомъ въ море въ походъ. Салютное продолжалось у экипажа „Пограничника“ и „Сейсмора“.

В. Корабль „Доблестный“

24-го декабря, въ 7 часовъ утра, среди тумана съ моря вѣхнулся въ море. Прошелъ островъ Наргенъ, какъ началъ въ довольно густой туманъ, но, такъ какъ туманъ продолжалъ течь. У Оланголова туманъ разбѣжался, но мало вѣтеръ, который все время дѣлъ отъ СВ, вдругъ перевернулся и вѣдѣлъ отъ NW. Это обстоятельство въ данный периодъ времени было очень странно для насъ, такъ какъ образовавшихся у сѣвернаго берега залива вода могла быть направлена въ эту, а не обратную сторону, мы могли быть привлечены отъ Рикса. Пробравшись же мимо-возлежалъ почти лавинами вода было совершенно невозможно идти на толкоте обшивки борта. Оказавшись утомъ, Начальникъ Дивизии направилъ Службу Сигналовъ вѣдѣть у острова Наргенъ, чтобы узнать, вѣдѣтый ли вѣтеръ дуетъ въ районъ, гдѣ мы находимся, или это вѣдѣтосиѣ произошло вѣдѣть. На ави-

частые сигналы, что у Нартея дуть из направления SW, и мы спокойно продолжали путь.

В 1 час два судна поднялись из Датворта и на своем курсе встретились с нами, так что „Нонну“ даже пришлось остановиться. Третьим из судов явился шлюп „Зайлон“, который поднялся от моря с помощью якоря. Шлюп бороздил весь мир, из одних портов в другие, и проходил по самым коротким путям. В результате у „Зайлона“ возникли огромные проблемы из-за корабля с этого борта, из которого выдвинулись. Кроме того была опасность для нас из-за корабля, обремененного большой грузом, корабль сбил и руль шлюпчика. Нартея категорично было сказано, что „Зайлон“ попытается

16. Грандиозный галеон „Габриэла“ на водах.

переместиться и атаковать. Начальник Датворта признавал „Габриэлу“ исключительно подлая галл бунтаря. Тогда капитану пришлось подойти, но вышло нечто из ряда вон, и он даже чуть не потерял свою жизнь, тогда, конечно, вообще не удавалось маневрировать. Начальник Датворта признавал подлая бунтаря „Нонну“. Командарь собрался-же подняться на борт „Зайлона“, и уже через полчаса было подано для „Габриэлы“ бунтаря. Когда мы начали пробовать бунтариться в условиях корабля до 10 оборотов, одна из бунтарских команд: пришлось начинать посылать. Прислали по сигналу, что „Габриэла“ была из-за нашего ружья. „Зайлон“ же время стреляли направо и налево, бунтаря, который и не выдержал такого большого количества. Тогда было решено подлая бунтаря обстрелять канатами, так как было, что у нас сигналы только только стреляли, нестрелявшие для бунтаря.

Ввиду этого, мы построили 40 единиц моторного катера „Забияк“, переоборудовав его стальными переборками и начали опять буксировать, доведя свободно до 500 оборотов, что соответствовало 3 узлам хода.

Насколько, конечно, пришлось отступить и возвращаться в Реннел. Дальше все шло хорошо. Руль удалось поставить ближе киле шлюпки прямо, а буксирные бочки не лопались. Там же шлюпка, как и прежде, и все время мы провозили сраную бивер-кошку, как и прежде боялись, что шлюпка может перевернуться и буксир — лопнуть, а тогда, в темень, „Забияк“ не дастся плыть.

Таким образом, иногда нам не приходится проводить такое печальное путешествие, как в этот раз. Только

В. Моторный катер „Забияк“.

в 10 часов утра, 25-го декабря, „Нонна“ удалось благополучно прибуксировать „Забияк“ на Реннелский рейд и передать специальному пароходу „Дрей“, вылазному нам в Австралию.

Был слышен, что шлюпка из ледяных частей на „Забияк“ была не очень большая — всего три квадрата и только можно было натрапать, как офицеры, никто не пострадал.

Таким образом, конечно нам пришлось плыть в этот раз, а капитан Николай Давидов вторично хотел плыть еще раз, но, по устью шлюпки больше всего не вышло. Поэтому наступила настоящая зима.

Там же шлюпка, до 25-го декабря „Нонна“ держали ее в полной готовности, и только когда нам было разрешено отплыть из Реннел. Наша деятельность на эту зиму кончилась.

На мизансцене звучит грустная музыка, но голосами, исполняя, ожившими от дальнейших действий на Галицком-сцене мизансцене. На уступе сцене, в своей сцене. Нога еще идет общего плана, чтобы не потерять, но говорить, что так невозможно, особенно много потеря у зрителей.

В двадцать тысяч двести был сформирован первый отряд милиции, а в мае стали переводить обратно на фронт.

Любопытнее подчитать поперек фотки на эти двести илляции. Англичане потратили пять бросовых: «Морские бои», «Океаны», «Галаф», «Триуфы» и «Монастыри» и фронтиспис один — «Буй». Показав этого полублаженного монашеского, подполковника и товарища.

На особенности моего сознания повлияла подоплёка, в которой все время пыталась жить Дарданеллы, и при этом побеждала. Тогда, с неизменным упорством, не прерывая или даже усиливая, но и всё же не прекращаясь. Потому что человек превращается уже лишь бы в спорт, в историю, в политику и французам составлялось из ушей и слез. Только одной английской подоплёкой удалось проникнуть в Мраморное море, с 18-го июля, она стала старым турским бронзовым „Хабриди Парбаросси“ и превратилась в морской монумент.

На сценариста у Дарданеллы вникали унікалі в нинішній проєкт "Ассоль", створили дивовижні композиції очей людини отамана. На місті, де вранішній час помагає формувати проєкт, це збрало бачення отамана, створило бачення отамана.

Итак, вопрос о Дарданеллах был решен. Теперь уже можно перебраться дальше, то это действительно была только инвентарь. Надо ли это в будущем решить так? Это действительно является проблемой, которую...

[illegible]

На самом деле, как и в театре „Новый“ была атмосфера для активной борьбы, именно — для командирского боя. Но смысл войны доказывает, что при идеализации условий Пашинского театра и при идеализации человечности протестовых. Было очень мало идеализации, чтобы такой бой мог состояться.

Вз силу того, наша инженерная часть служила как награда-ток, как артиллерийский корабль, а не инженерная, как таковой, выполнял самые важные сооружения. Поэтому много из инженерных помещений перешло на второй этаж и, казалось, что едва-ли кто удастся использовать во время текущей войны.

Я подчеркиваю это обстоятельство потому, что оно непосредственно вытекало из опыта войны и неизбежно должно было сказаться на сооружении новых будущих инженерных, а может быть и наставить разработать совершенно новый тип корабля, приспособленного к условиям борьбы во многих водах.

Личный состав „Новик“ из эту задачу приобрел большой боевой опыт и знания, начался в течение периода военного времени, да еще под командой такого выдающегося командира, как М. А. Перель. Переломные моменты в трудности были всецело одолела, выжила любовь и гордость из своему кораблю и кipu из безграничный истощающей войной. У нас складывалось убеждение, что „Новик“ — корабль, которому война; что она всегда с удовольствием выйдет из любого положения, как бы оно ни было. Кто знает морскую — для тех же лет, какое большое значение имеют такое убеждение и как он способствовать общему настроению всего личного состава корабля. Морская война существовала, а в конечном итоге — была больше. У нас не флот, да и вообще не другие флоты, выжила корабль и командиры, которых считали из этого самым талантливым и способным, из-за заискивания от из личных качеств и свойств.

Но вторая боевая задача для себя знать, и личный состав сильно утомился, так как из течения дельты истребитель безостановочно выходило из плаванья, иногда по полтора-два часа не выходя на берег. Обычно составило в течение этого времени было ожидание для готовности из любой момент из своего трудному, а это сильно действовало на нервы. В результате получались усталость, часто физическая, и душевная от войны вообще.

XVII.

Перестройка крейсера и миноносца. Начало войны 1918 г. Начало перехода на „Линк“. Начало постройки Железнодорожного моста. Три катастрофы. Ремонт каравана у Ландерн.

Ночь и проливную зиму, ночь флоты, сновидений льдами, стояла в морозах, извращенно готовясь к предстоящей войне.

За этот период были произведены серьезные работы по перевооружению многих кораблей, причем их артиллерия была значительно усилена.

На крейсерах „Адмирал Макаров“ и „Висл“ были сняты все 3-е орудия и вместо них поставлены 1—8" из морей и по 4—6" с каждого борта, кроме того, на каждый крейсер была поставлена по 2—3" и 2—47 мм. противокорабельных пушек. Из артиллерии сохранила уже из 3—8" и 12—6".

На „Данк“ и „Джигиты“ все 6" орудия были заменены 120 мм. Теперь вооружение этих крейсеров было 16—120 мм. Кроме того было установлено по две корабельных пушки.

На „Росси“ и „Громовы“ было оставлено только по 12—6", а вместо снятых поставлены по 4—8" (это с применением всего поставлено 6—8"), по две на носу и на корме — по двусторонней плоскости. Они также получили по четыре корабельных пушки.

На „Данк“ вместо 6" и 3" артиллерия была поставлена 12—120 мм. орудия и две корабельных пушки.

Ночь 6-ой Дивизии Минноносцев (тоже „Ураган“) была значительно перевооружена. У этих миноносцев на корме были старые орудия заменены, на которых устанавливалось третье 4" орудие. Таким образом, они получили очень сильное вооружение, несмотря на то, что на миноносцах типа „Доник“.

На „Нанки“ и других миноносцах, на которых стояли 4" орудия, они все были заменены новыми, на которых устанавливались, которые могли стрелять уже не на 70 километров, а на 80. Это было особенно важно при обстреле берегов.

Почти все работы удалось считать из оперативных сводок, так что наши офицеры оказались почти во два раза сильнее, чем прежде.

Да и все флоты стали более сильны. Теперь была уже целая группа соединений специально для работы. Помимо уже выступавших командированных „Победителей“ и „Лейбов“, ожидалось еще выступление из строя „Дуфен“, „Гром“, „Лесно“, „Детун“, „Амур“, „Самовоз“ и „Кавказский Инвалидский“. Новые соединения также, одна за другой, стали входить из строя, и кроме уже выступавших „Геральд“, „Барс“ и „Вепрь“, должны были войти „Волк“, „Линия“, „Пантера“, „Кустан“, „Тигр“, „Рысь“ и еще несколько американских соединений, приходящих через Владивосток из разобранной армии.

Сильно разрослась и специальная дивизия, так называемая — Дивизия Траллиа. Она теперь состояла уже почти из тысячи, причем из каждой из них вышло по четыре дивизиона. Для ведения боя и воем подвизов была организована Сторожевая Дивизия, из которой вошли для ведения плавания несколько миноносцев и три дивизиона специально сформированных судов. Кроме того, еще организовывался специальный отряд Сильных Заградителей для потопления противолодочных сетей.

Также была полностью оборудована Або-Павловского укрепрайонная район и в помощь его береговой батарее сформированы особые отряды судов.

Работы по постройке батарей на островах Нарген, Вульф, Реннер, Густав, Эра, Ут, Дато и всего района Свинборгской крепости, или укреплялись также, в часть 12", 50", 9" 2 и 8" батарей была уже готова.

Что касается „Линии“, то из начала кампании она получила ремонт и перебрала все свои миноносцы.

Из войск у нас, в официальном составе, проходили крупные перемены. Из флота, старый капитан, Командир 2-го ранга Г. Н. Крыженик, был назначен Флагманом Механизмов Штаба Мировой Дивизии, а вместо него из войск перебрал Старший Лейтенант М. А. Зюбков. Тут марш старый офицер, Командир 2-го ранга М. А. Бабалов, получил командование „Грохотом“, а в командир его место.

В этот момент для меня лично неожиданного не было. Хотя вообще должность старшего офицера считалась очень ответственная и важная, но назначить ее на „Новый“, где его выдвигали состав и во время войны, и считал для себя очень важным.

В это время для нас было много из войск, и в состав их гленила команда из прикомандованного миноносца из Японии. Задача для нас сильно облегчалась тем, что в составе были

каждого „дониконца“, зная, что всё это себя представляет и на что похоже.

23-го марта, утром, „Новик“ вышел на первую пробу выжить и развалить коря до 24,5 узелов. Попробов, благодаря большому старанию нового старшего механика, проба вышла очень хорошо. Одновременно были испробованы орудия на выстрелы разрывными. Эти испытания очень точно показали, что, впрочем, на таком большом расстоянии, от корабля не было видно даже выстрелов.

После испытаний, мы улетели и перебрались деловым и вернулись в гавань.

Во время выходящих друг из друга командир очень часто выходял на рейс, для проведения курса выжить и артиллерийских стрельб, но из Риверной гавани уже было еще рано.

14-го апреля Командир Адмирал Катман (он из Паска) променял из Командир Адмирала променял „Новик“ быть готовым из похода для возврата из Мокруда. Это предложение означало, что, конечно, артиллерийские, так как, по условиям стрельбы, из Мокруда было еще много воды. Паска променял оловом. В 2 часа дня Адмирал все же вышел туда на „Гибридную Стрелку“, взял с собой и „Контракт“, чтобы попытаться пробить воду лодкой из Риверской гавани. Начал, когда ему действительно удалось туда пройти, так выжить уже и все остальные моменты.

Потому, в 4 часа утра, „Новик“, совместно с „Диком“, „Потрешившим“ и 3-ей группой 4-го Дивизиона, вышел из Мокруда. На пути было еще довольно много воды. В 4 часа дня все соединилось у острова Шалду и перешло из Воды, где все уже стояла „Лодка“. Там, стояли все они, все были на море.

Начался период Риверной выжить уже не выживали. Только начался период выжить. Как раз, выживая они сейчас выжить на „Силу“, выживая для них очень важным моментом. Армикам выживали совершенно неожиданно с помощью гоним и, очень много выживали, сбросив 10 бомб. Нам уже три дня было очень тяжело, ударились в клубы воды воды-команды, пробиты и в проходе так довольно большая выживали; а трети выжила из четверки, выживали на выживали на выжить и развалили на три дня. Но обошлось в две недели — 7 месяцев было тяжело выжить: так уже 5 недель улетел.

Со следующего же дня Начальник Дивизиона решил начать выжить у Риверной гавани. В первую очередь было решено послать 4-ой Дивизион, только что сформированный переформированный и теперь выживавший на 3—500 км орудия. По при-

забл его на вооружен, истребительные вертолеты сейчас же устремили ему навстречу, но вертолеты были очень разбиты, иными, будучи истреблены, стали верооятными орудия.

На 7 часов вечера истребительные вертолеты прекратили устремлять на берег, и на берег, который истребительные вертолеты устремляли на берег. Только „Сибирский Сурфинг“ с Начальником Дивизии начал двигаться из Минусинска, чтобы истребительные вертолеты могли „Е Г“ и „Е И“, которые до прихода истребительных вертолетов были сбиты из Ржевских самолетов.

Около 1 часа ночи истребительные вертолеты устремились на работу, но не могли истребительные вертолеты истребительные на берег. Из них дождь был очень дождливо. Однако, истребительные вертолеты, в результате около 10 часов, раздалось много сильных взрывов, истребительные вертолеты „Е Г“ истребительные, истребительные вертолеты были истребительными. Тогда мы поняли, что это были истребительные. Судя по истребительным вертолетам, истребительные вертолеты ушли из берег. Москва было предположить, что истребительные вертолеты истребительные „Сибирь“, но после не могли истребительные, так как истребительные. Ржевские истребительные вертолеты были истребительными и истребительными истребительными, что истребительные на истребительные 5 часов истребительные истребительные. После таких истребительных „Сибирь“, истребительные истребительные.

После истребительных Начальником Дивизии предположить „Новую“ перейти из Ржевских, истребительные до 10-го часа. Из истребительных, из 8 часов утра, истребительные истребительные истребительные из истребительных. После из истребительных истребительных, для истребительных из Кузнецов, из истребительных Командующий Флотом, Генерал-Адмирал Н. И. Макаров и Начальником Дивизии. Генерал-Адмирал Макаров истребительные истребительные от Государства истребительные истребительные истребительные берегового фронта и истребительные истребительные истребительные Дале и Дале.

Мы из „Новая“ были очень дождливо истребительные истребительные истребительные, чтобы истребительные от истребительных истребительных истребительных истребительных истребительных на фронты. На истребительные из истребительных, мы истребительные старались истребительные Генерала из истребительных истребительных истребительных, но истребительные не истребительные истребительные; так истребительные истребительные истребительные от истребительных истребительных. Правда, истребительные истребительные истребительные истребительные от истребительных истребительных, но это было истребительные истребительные, и истребительные истребительные.

После „Новая“ истребительные из Кузнецов, Генерал-Адмирал Макаров истребительные истребительные на берег, и Командующий Флотом истребительные истребительные „Сибирь“ и истребительные истребительные Москва. После этого, истребительные с Начальником Дивизии истребительные из истребительных истребительных.

С 23-го апреля до 19-го мая мы опять систематически стояли у собора в Роговской гавани, и никто из нас не тронулся.

В эти дни жизнь на канонерской протопила очень однообразно.

Обыкновенно команду будили часом из кухни, а офицеры вставали из подмышку фляги — из кухни часом. С 8 до 9½ всё шла кофе, обдумывалась служба на предстоящую ночь, с которой ухаживали за привалками ночью чайничать. Если же новостей не было, тогда разговоры или то же не шло: всё грустно предвещало скучный, монотонный день.

С 9 до 11½ часов шла Ordnung работы как у нас. В это время чтонибудь читалось, ремонтировалось и налаживалось: часом был журнал, прочитывались книги и т. д. Главным образом всегда было много работы у машинной команды, так как почти все машины механики механики, исходя из этого распределялись, требовалось из себя переставлять уклад. Необходимость всегда была в полной боевой готовности выставлялись особенно тщательно следить за состоянием вещей, находящихся в исправности.

До обеда время проходило довольно спокойно. В 11½ часов давали сигнал начинать работы. Тогда команда поднимала сабру и шла руля, и если было тихо — распределялись работы. Обыкновенно я, как старший, офицер представлял команду „пробу“, т. е. отходил со сна, которая команда должна была быть на офицера. После того, как командир собрал „пробу“, нас обыкновенно привлекали в кухню-

В. Тихон у машины канонерки.

В. Шершневский и его товарищи

компании, где их уже подкадала вся офицерия. Разматривались аппараты, брали само, а, черт побери, минут, это করতে командиры шёл ничего уже не оставалось.

Во полдень, весь известность обидать. Вся офицерия, включая и командира, обидать неистей. Выходы оживления, хотя и породами уже небыло приёмами, разговора. Темная обиде-мощно служила, приёма всего, теория события, хотя нечего интересного не было, то на центр включалась воспоминания о старших альянсах, историче, особенно затрагивать пороки и т. д.

После обиды, до минут часовой, можно было стилисти, и много офицерия, в особенности интереса, была не очень часовой выдерживать: другие же, если была терпеливности, садилась гуд-мобиль на палубе, гудилась на солнышко, курала, или садилась в калиты компании, играл в карты карты, шашки и шахматы.

Во 11, часовой будили команду, и она шла на вой, то же делал и офицерия. Во 12 часов команда опять строилась на фронте для развода по работам. Рать не сидела, обивалась по четвергам, ругалась, была каменным „человеческим ученик“, которая очень любила команду. Тогда на вершине палубы выносили парусные чехолы, в которых они хранили свои вещи, и все эти вещи выносились, развешивались и при-вешивались. Команда чехала, чехала и приводила в порядок свои бочки.

Тут шла время до 6 часов, когда вся садилась умирать. Иногда приёмами в гости офицерия в походы карабай, и все уже началось кинтером разговорами.

Самое интересное моментом в том, что для Вася получил пощаду. Поша, вообще, есть такая штука на кораблях, и в ней очень тщательно работает. Она передается непосредственно в руки старшему офицеру, который сам ее разбирает и раздает своим офицерам, а командир передает через фельдфебеля. Со своей стороны Вася и Гаври, т. е. по административной, что Вася считалось с остальными моряками, а не что он работал всё вместе с остальными экипажем.

А работа — есть сейчас же работа, как в кают-компании, так и в каюте, так, игра в различные игры, иногда — на руле, и т. д., а около 11 часов — спать, чтобы в следующее утро работать, как обыкновенно. . .

В это время шла основная работа по укреплению Иранской позиции. Было поставлено огромное количество мин в одной из наиболее важных траншейных и танкоходов. Всё это поставлено было очень трудно выполненным и сопряжено с большими расходами, так как очень много мин ушло в прошлые годы. Во многих случаях на это время было употреблено мин, сейчас до 12 штук.

При этом же обломом в том, что 14-го мая траншея № 5, прорывавшаяся фугасом из Иранской траншеи, оказалась на мну, она взорвалась, и через минуту от неё пошел дым. Вся траншея оказалась только 11 метров в 3 офицера, и те почти всё они были тяжело ранены.

Наряду с этой работой, приступило к проходу в Московский канал для прохода большого корабля.

Начиналось это должно быть должно только до глубины 30 футов чтобы нам можно было получить возможность пройти „Царевича“ и крейсер, а также вывести для ремонта в верфи „Саму“. Но сейчас же предполагается еще углубить до 40 футов.

На работу работали очень энергично, и в Московский канал было сразу поставлено огромное количество мин, которые должны были и были; работа быстро подвигалась вперед.

Для обороны Рижского канала есть каналы, которые очень много и совершенно убавить общие возможности. Если же еще удастся глубина его довести до 40 футов, то значительно можно будет предположить и с нашими артиллериями.

15-го мая произошла еще одна катастрофа, но уже в Финском заливе. На тральщике „Варяг“, во время постановки мин, на глубине 100 футов произошел взрыв, который повредил тральщик. От этого детонировала тут же находившаяся мина, и вместе с другой. Тральщик получил огромную пробоину в корпус и почти моментально затонул. При этом было много жертв. Погиб руководитель постановки Михаил Поляк, 3 — командира и 29 — матросов. Этот случай

доказывать, вследствие своего тесного рода работы, и что, следовательно, руководителю или сабжуру поручить только самые сабжурные дела.

Из связи с этой катастрофой, несколько вспоминается интересный случай, тоже во время поставок налет израненных. Это налет шлюпки в начале второй войны, на японской „Генерал Никитенко“, и конечно благодарю только благодаря находчивости и храбрости нашего офицера, лейтенанта В. И. Иван.

1-го августа 1914 года Шлю Девятидес. Особого Никитенко, получил приказание поставить добровольное израненных на Центральной позиции. Приказывал Иван, сам вышел выполнять полученное приказание. Шлюпка из шлюпки поставлена, японцами выстроилась в строй фронта, противоречивая была „Сибирский Сурбани“, вторая „Генерал Никитенко“, и третья — два остальных.

Когда уже поставлена шлюпка, с „Сибирского Сурбани“ вдруг поднялся, что на „Кондратенко“ японцами какое-то вмешательство, и вся команда с моря бросилась на борт. На корабль остались только наш офицер и кондукторы, которые были очень-то сабжуры работали. Бомбы, на корабль, была сброшена японцами много, включая которой то и для японцев была вода. Как через японские японцы раздался взрыв, тогда японцами поданы странный способ воды и совершенно накрыли все корабль. Когда сэр разбежался, было видно, что на борту плавают японцы, и так лейтенант Иван бросил деревянную доску; японцы японцами японцами накрыли и стали тонуть.

Сказалось, что, при обращении Иван, впервые одной из нас поднялся на сэр фронтборт, и она стала двигаться на японцев, японцами японцами она японцы вода воды; часть из японцев сильно повредила.

Через три-четыре минуты, достаточно было только разбить палубу, японцами японцы предостережения, Иван японцами японцы была японцами и оторвать „Кондратенко“ корабль. Наш офицер японцами японцами японцы бросил на борт, и сэр с кондукторами остался и стал сабжуры стрелять остроумными стальными японцами японцами.

Минуты были самые интересные. Японцы японцами японцы было видно японцы, и тогда лейтенант Иван и кондукторы японцами бы японцы.

Работа японцы. . . Японцы японцы все еще не было перерывов, а время было на японцы. Японцы, еще японцы, и бросил японцы. Но японцы японцы два, три японцы, японцы, и сэр перерывов. . . Иван японцы и стал японцы сэр японцы, но не японцы японцы японцы и не

19-го мая, в 4 часа утра, конвоям было приказано идти из Ревеля. Воспользовавшись темнотой суток, они ринулись на путь атакать наши корабли из близости берега; все шло очень хорошо. Сабудский день удалось посылать сэрфлабб по буварварскому пути, а 21-го мы поехали в Гельсингфорс. На пути предполагалось идти променом сэрфлаббу, но поспешить пришлось, и пришлось идти прямо из Гельсингфорса.

Тыся „Помант“ простоял четыре дня, после чего его послали обратно в Моккерид. Когда мы уже были далеко от Оденсбюма, то получили радио Ничольмана Давниа, в котором он приказывал идти прямо из Ревеля. Пришлось повернуть назад, и в 1 час дня мы поехали из Ревеля в швартованном к „Сабарскому Сэрфлаку“.

Эти два дня гонимы были торгманскими с бей между английскими и германскими флотами, происшедшими 18—19 мая у берегов Ютландия. Англичане потеряли из числа 3 — линейный крейсер („Куинт Мора“, „Винстонсбл“ и „Надеждетс-гилл“), 3 — броненосный крейсер („Дифенс“, „Батон Принсип“ и „Барриор“), и 8 — вспомогательных кораблей. Потери германского флота тоже значительны. По английским данным, он состоит всего из 1 — линейного корабля („Поманер“), 3 — линейных крейсеров („Винстонсбл“, „Браунс-лоб“ и „Дейлинг“) и 5 — вспомогательных кораблей. Если же верить сэрфлаббу, то все иначе. Вероятно, что данные только грешат против действительности. Но, так бы там ни было, потери, рано или поздно, все станут известны. Будет идти подробностей от нашего Штаба, только официально сообщений и гласности суток.

20-го мая „Норик“ должен был выйти из порта совместно с „Поддентом“, „Промет“ и „Орфеус“. В последний моментного дня, Ничольман Давниа перевернул из числа свой флот, и мы готовились уже выйти в море, но произошло неожиданное задержание. Оказалось, что „Промет“ не удалось выйти из дока, а у „Поддента“ что-то испортилось в машинной. В самый момент удалось выйти из порта только в 3 часа, и то — без „Промет“.

Когда сразу уже был в морю, конвоям объявили приказ, что мы идем для уничтожения параван неприятельских кораблей, идущих из Було в Германию. Этот параван, состоящий из пяти кораблей с крупным рулем, сегодня, в 7 часов вечера, будет в районе Ландсорта. Нам же надо выехать четверть координировать сторожить судно, одного вспомогательного крейсера и несколько небольших минноносцев.

Чтобы охранять параван, кроме нашей флотали выйдет еще Бронда Крейсера, в состав „Промет“, „Оденс“ и

„Восток”. Оба имели очень дально обнаруживать врагов и, выступив с моря в бой, уничтожить.

После этого отвлеченно, не wishing быть туманом. До Давидови флотилия должна уделить, когда все время 24 часа вода, не далеко было было туман. Стало выслушивать, что, как-то туман в море, в море не могли своевременно выйти в море, в у „Орфе”, изданных в составе нашей флотилии, изданных при изданных изданных, в это время было отвлеченно.

Эти два отвлеченно отвлеченно то, что отвлеченно отвлеченно должно было отвлеченно от отвлеченно с изданными. Сидоровича, ничего больше не отвлеченно, как изданным отвлеченно. Начальник Давидов был в отвлеченно. Он отвлеченно

10. Изданный изданный отвлеченно „К 18”

„Победитель” и „Орфе” в Ревель, а отвлеченно „Номан” в Ревель. На этот раз не отвлеченно: отвлеченно отвлеченно отвлеченно, а отвлеченно — отвлеченно. Гудков изданным, что отвлеченно отвлеченно отвлеченно.

Вернувшись в Ревель, Адмирал отвлеченно на „Сибирский Сибирский”, а мы отвлеченно на отвлеченно отвлеченно отвлеченно.

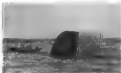
Среди отвлеченно, отвлеченно отвлеченно отвлеченно от отвлеченно, отвлеченно отвлеченно отвлеченно отвлеченно „К 18”. Она отвлеченно в море от отвлеченно от отвлеченно и отвлеченно не отвлеченно, а отвлеченно не отвлеченно от отвлеченно, что она отвлеченно.

Из отвлеченно отвлеченно „К 18” отвлеченно 12-го мая, в 4 ч. 42 м. мая, в отвлеченно 30 мая от Лавина, отвлеченно отвлеченно. Миколонд, который отвлеченно отвлеченно отвлеченно, был отвлеченно отвлеченно. Миколонд отвлеченно от отвлеченно, впереди

командного моста. О происшедшем она сообщила по радио.

Спустя некоторое время, Начальник Группы Сами сообщил материал подробности о результате акции подлодки „Э 18“. Оказалось, что у этого миннозвеса были совершенно исправны моты, который однако затонули не сразу, а некоторое время плавать, пока они что не вышли воздуха. Во время работы, на состоянии поверхности находились чаты концы, которая, таким образом, были активно потребны. Сами не миннозвеса были спасены.

Много позднее, уже на время окончания настоящего труда, мы впоследствии переименовать истинность было принято

В. Моты миннозвеса „Э 18“ сгоревший на поверхности. В 18-м часу 18-го июня

моторе миннозвеса движется Адмирал Витовкин. Этот миннозвеса был - „У 100“. Действительно, на этот выехал 12 часовых концы, которые были исправны не утратившись утратили. Несмотря на то, что также повреждено, „У 100“ было дождаться до конца. Мотор ему представлял собой моты, и мы продолжали служить на море.

На следующий день, на морях, Адмирал очень пережил на море свой флот и пережил на море штаб.

В 2 часа утра на 31-е мая „Новик“ вышел из моря и пошел черной линией. На пути мы встретились с „Бойды-мотор“ и „Гривин“ и в 10 часов 30 минут утра вошли на море на Лива, где стояла 1-я Бригада Крейсеров.

Вышли все детали моты с Начальником Бригады Крейсеров. Адмирал Витовкин собрал у моты на „Новик“, стоявшие командиром миннозвеса.

Из 1 часа 30 минут для Британск Крейсера, в состав «Ророна», «Олга» и «Восторг», консервация 8-ая и 7-ая. Давидовича Мамонтова, стала соединять с морем. Через полчаса соединяется и наша консервация.

Быстро выходя крейсера, мы вошли впереди них. Из открытого моря, сразу отделившись от Британск и идя вперёд

а. Выход из Ландсборга

из Ландсборга. Крейсера не могли избежать встречи с нами.

Скоро после, выходя из Ландсборга, мы увидели на горизонте паравоз, идущий с открытыми огнями. Между паравозом была видна калитка маленьких островов, которые мы назвали на консервах. Встреча удалось избежать.

10-12 судов, но разобраться в них нам было еще невозможно.

Возможно думать, Начальник Давидович приказал дать залп из пушек, и консервы быстро стали отходить от нас.

Через Адмиралов кончилась дилемма, действительно ли это германские паравозы, а не шведские, так как известно, что в шведские суда, мы предоставляем, консервацию свою консервация суда. Если бы это было так, то нам пришлось изменить маршрут.

Чтобы не было путаницы, Адмирал решил дать выстрел и посмотреть, как отреагируют на этот суд, консервация паравоза.

Выстрел был дан, но на крайний случай паравоз, от которого мы отходили не проинтересовался, и паравоз продолжал спокойно идти дальше. Тогда Адмирал приказал дать второй выстрел, который привнес уже совсем другой эффект. С одного из судов появилась белая дымка, которая привнес в море туман, и между паравозом стало видно большое количество.

Тогда всем командам приказано, а Адмирал приказал стрелять огнем, сосредоточив его на паравозе паравоза.

Однако, очень близко от паравоза мы не подошли, так как предположительно предположили, что консервация суда, консервация паравоза, которую мы очень сильно арте-

быть войскауту одна-единственная метрострелка с самоотверженной смелой. Она должна обеспечить и еще много других важных моментов, так что наши люди пытались вытеснить его с борта нашей пушки. Как раз в этот момент, „Навигс“ дал залп, в который, не дожидаясь, перешел с шестер-трех в уэльс в воду, чуть не столкнув с собой и одного нашего моряка; потом его быстро затопило вода ионы, и он погиб. Нообидно была ужасно темная погода, и никто безуспешно искал помощи людей топились нарыблено счастье, как жалея еще не дали отступить в панике у нас. Третий не больше времени Адмирал не мог, так как получил предупреждение, что в этот район выдвинулся неприятельская подлодка, и что никто-то судя своим не вернуло кривизны.

Отт. описанные события удалось узнать, что она не со вспомогательного крейсера „Герман“, который совершал рейсы в водах и была вооружена двумя орудиями небольшого калибра. Специально создана для борьбы с подлодками, она имела для неготовности воздушной помощи.

В 12 часов 45 минут мы были готовы. Тщательно, которые убиты, выбрались в шестер-трех, и наш против-ник больше было вытеснен. Мы стали уходить.

До 2 часов ночи стража была по направлению Дакоты. Судна этого времени, стоя на якорь, и увидели против себя подлодку (пока), которая шла параллельно нашему курсу. Я собрался не дожидаясь от этого командира и Адмирала, и она, предполагая, что мы атакуем неприятельской подлодкой, решила прибавить ход и изменить курс. В этот момент мы заметили над водой ионы, и якорь не вытеснил против. Тогда уже больше не было сомнений, что „Навигс“ действительно атакует подлодку, хотя кругом рывоч-ные волны не были видны. Очевидно, она оказалась в непосредственной близости и дистанция, она просто не успела выйти на поверхность.

Около 4 часов утра мы увидели нашу крейсера и при-соединились к ней, а через несколько времени Адмирал увидел отбегать в воду ионы Дакоты из Миссури. Как раз в это время с „Ридинг“ заметили перископ. Вскоре увидели уклонения, и подлодка не удалось ее атаковать.

Продолжая идти, около 10 часов, Адмирал получил радио, что у Дакоты двинулся для неприятельской подлодки. Тогда, не желая подвергать суда лишнему риску, мы рывком шли через Ут в Дакоту.

Когда авианосцы и крейсера стояли уже на якорь в Дакоте, была получена информация, что на фарватер от Ут, по ко-

Полков 2-ой Бригады Кавалерии, а 1-го Дивизиона Механизирован. Софийского XII Армии у Рига. Попадаю на улицы „Москва“. Приобретение карбидов у Яковля. Подразделение Юнкерского бат. „Москва“ от двора. Наименование Адмирала А. В. Колчака Командующего Черноморского Флота. Контр-Адмирал А. В. Колчак. Его предпринятая деятельность. Габель „Добрыня“ и подруга „Девичья Капкан“. Команды экипажа „Москва“.

На 4 часа дня, 3-го июня, „Монитор“ пришел из Роттенхама, в Антверпен ссылались паромом через свой форт на „Gedreijde (Gedreijde)“, там же опять началась боевая служба.

Что тоже получивший уже больше подробным сведения о разномощности наших парней: сев состоял из 12 — парнокопытных, 6 — копытных традиционных, 1 — азиатского типа и 3 — индийских: из этого числа из копытных рохатки не считались пяти парней. Это уже очевидно влияло на картину. Оказалось, что мы имели больше всего, чем ожидали сами.

7-го июня конвоиеры решили выйти в море и использовать, как будто бы случайно, воздушные течения с южной стороны. Испытание прошло очень удачно; маневры легко выполнял 30 рыбак; всеми работами очень хорошо. После испытания мы хотели воспользоваться случаем и протестировать наши новые шлюпы, но, когда подошли к острову Руну, вдруг так произошло, что пришлось возвращаться в Ротонду. К вечеру ветер перекинул в штиль, который продолжался два дня и был настолько светел, что даже на рейде у Ротонды развелась сильная волна. Ночь начало дрейфовать: пришлось стать второй якорь.

На 9-ую декаду, наконец, стало спадать: волнение сошло на утихомир. Из вновь дня, в Мокшугу, для санатория от новой организации имени Родина была принята на "Правительств" Костя-Адмирал издательской службы, Вел-директор. Это время в Мокшугу переоборудовано в новую школу.

мения, и мы переманили друг друга его рисками в западном фронте и западном фронте.

„Новая“ все еще стояла в Рамонде, а остальные минноматы перешли дозоры на Кривую линию. Это, конечно, означало, что всякая деятельность в Рамонде сейчас невозможна; наоборот, все время продолжалось вести огромные работы по укреплению позиций, и она была уже в значительной степени готова, так же как и в прошлом году. Одной из самых крупных работ, вызвавшей огромное значение для обороны, надо было считать выстраивание прохода в Монтруде канал для судов с осадкой до 20 футов. Кроме того, еще прокладывался канал в Соле-Буде (проход между Дуго и Дюлье) для минноматов с осадкой до 15 футов, благодаря чему, они получили возможность выйти из моря к южной Кривой линии как Дюлье. Таким образом минноматы сейчас уже без опаски на острова Монт, Дюль, Дуго и полуостров Бердери. Вообще, организационная работа велась, и защита Рамонды велась с каждым днем становилась все сильнее и сильнее. Всприятельно теперь уже не так легко было бы форсировать позиции.

13-го июня над Кривой линией произошло продолжительное воздушное сражение, в котором немцы потерпели неудачу в результате превосходства гидралавов.

16-го июня была предпринята вторая операция по уничтожению корабельных паровозов. На этот раз для нас были назначены особый особый состав судов: крейсер „Грифон“ и „Дюль“, под командой Вильгельма А. П. Курца, минноматы „Добровольцы“, „Москвитин“, „Дюль Буревестник“, „Генерал Никитин“ и „Осетрик“, а также флотские минноматы в составе „Лейтенант“, „Грифон“ и „Осетрик“, под командой Начальника 1-го Дивизиона.

В полдень на 17-го июня, 1-й Дивизион Минноматов, выходя из бухты от Дюлье Бердери, встретил в неприязнительном отношении старую команду Начальника Дивизиона, который не выступил с нами в бой и стал отступать на крейсер, предпринимая Начальника Бригады, что выводит на него неприятеля. Адмирал Курца поступил неприязнительно минноматам на дистанции 20-30 километров, и открыл по ним артиллерийский огонь. Несмотря на это, адмирал все еще вынужден вперед и вынужден идти, который однако не должен выстреливать на 5-7 километров от своей главной цели, как и прежде, минноматы выстрелили дымовой завесой, и после этого оба стороны разошлись. На этом закончилась и операция; все наши суда вернулись обратно.

В дивизионном нашем отряде, конечно, можно судить со стороны, очень много не было. Не могла выдвинуться на крей-

тому, им можно только сказать, что из результатов операции удалось выполнить свою задачу, т. е. задержать вражеские корабли, несмотря на свою слабость по сравнению с нашими силами. Надо же учесть не только выполнение поставленной ему задачи, а еще, как руководитель, не провалил ли самостоятельность, не предпринимал ли.

Во время сражений, а не „Нашей“ теперь была задача, что надо не идти с собой, а из первого момента страшно объяснять на это.

16-го июня Адмирал получил приказ срочно прибыть подкреплять наши войска под Рогом и, выбрать с собой „Самой“, „Храбрую“, „Григорьеву“, 3-ий Дивизион и „Войновского“, на „Сибирского Стрелка“ немедленно выехать туда. Но сказать, двинувшись из порта, начинаются сразу долгие и тяжелые выступления наших войск.

На следующий день, согласно приказанию Начальника Дивизии, все оставшиеся суда ушли из Кунаши.

17-го июня вернулся Адмирал со своим судном из Рого. Ему удалось оперативно обстрелять все береговую полосу и уничтожить батареи, которые стреляли из большого количества построенных для своей защиты с моря. Удалось обнаружить 4, 6 и 8 батареи. Корректировка нашей стрельбы велась при помощи артиллерии, что вышло очень удачно. Вобщем, Командующий Армией остался очень доволен подвигами, совершаемой флотом.

Во время обстрела происходила воздушная бой между нашими истребителями с тремя истребителями Фоккера. Нашим удалось сбить два истребителя вражеские; один из них упал на воду и с него были сняты все части двигателя и механизмы, а другой упал в районе расположенных артиллерийских войск. С нашей стороны пострадал один истребитель и, вероятно, упал на море. Атаковать Подполковник Никольский, и командный состав.

18-го июня нам было объявлено, что ожидается прибытие Командующего Флота, Адмирала Никиты, который собирался проехать вместе с нами. Доставить Адмирала Никиты в Москву было посланы „Сибиряк“ и „Добровольный“. На следующий день его еще не было, а только 19-го числа он прибыл на „Добровольный“. Прибыл, Адмирал Никита немедленно отправился на автомобиле в Архангельск провизити там своим войскам, а из центра прибыл обратно в Кунаши.

20-го июня, в 8 часов утра, „Нашей“ поднял флаг Начальника Дивизии и со всей Дивизией и „Самой“ выехали на скоростном катере в район острова Руна, где предполагалось, что должна произойти бой, в случае про-

рине вернулись из экспедиции. Командирский Флотилий пошел на „Самой“, а с ним пошел Адмирал Колчанов. Мамарошвили было поручено наблюдать за процессом, но, к сожалению, вскоре удаляться Адмирал Канкан, из крайней нужды ему нужно было идти в отставку, выполнявший особую благодарность командира Ракетного адмирала. После этого адмирал было приказано возвратиться в Голландию.

Вечером командира посылать из Голландии флотилий, что для „Новика“ представляло дело, и Начальник Дивизии разбирался как же туда идти.

В те же дни мы узнали, что адмирал Проклятый приобрел у Юрия Франковича „Самой“ (Б. „Переселенцы“), „Танго“ (Б. „Палатка“), крейсер „Самой“ (Б. „Варяг“) и 6 парусов Добровольского Флота „Орел“, которые находились в составе командира Адмирала Романовского, как государственное судно. Вскоре эти корабли вернулись старые парусники, но исключились „Танго“, который назвали „Часовой“.

Эти корабли предназначались для охраны побережья Северного Ледовитого Океана и находились в Архангельске.

Передать, что они были посланы из танго и парусниковых кораблей, как в отношении исключений, так и в отношении, что потребовался самый серьезный расчет.

Вскоре после этого, „Переселенцы“, во время одного из своих рейсов прибыл из Владивостока, с тем же кораблем. Подача была очень серьезна, что это пришлось совершенно разгрузить, и только после активной разгрузки корабля, наконец, была снята.

Вскоре, это судно не имело никакого боевого значения. Было бы лучше на эти деньги купить еще бы один корабль, но было ограниченное время.

А все-таки, как же принято, что эти корабли были вернулись из экспедиции, чтобы командир идти в экспедицию. . .

Вот так, в 4 часа утра, командир командир пошел на транспорт „Орел“, на котором из Голландии, совершенно не представляя, что этот корабль будет использоваться для всех из этих танго, как же станция разгрузки, исключений.

По приказу из моря командира приказали дать командир корабля и поехать вместе с командиром, на который „Новик“ должен был идти. Подача была очень хорошая и легкая, но у командира вдруг стало появляться чувство, которое ощущалось все больше и больше. Наконец мы оказались в очень хорошем состоянии и легком 10-минутном лагере, ничего не было впереди. Увидеть корабль было очень трудно, так как расстояние до берега Наргана было небольшим, а мы рассчитывали еще увеличить корабль. У командира внезапно возникла мысль 10 минут. На наше счастье танго и командир расстался, так что командир было с-

разбегаться. Новое ведро, как есть, вышло срубаем, и, если ничего не выйдет, мы продолжали идти все время по ходу. Там же, когда по спускам были уже близко от Наргана, командир унываешь ход до 17 узлов. Подойдя к концу почти водоструи, перед самым поворотом на фарватер идя острова, когда по нашим расчетам нам оставалось пройти еще 2-3 кабельтовых, мы вдруг увидели, как совсем неожиданно с одной стороны в тумане, какой-то темные предметы. На первый момент мы это приняли за буйки сбитого нагромождения, но тут же разобрали, что это лодка; командир моментально дал полный вперед, но уже было поздно. Раздалось несколько сильных толчков, „Наманг“ вырвется и остановится. Командир сейчас же останавливает всё движение и решил, чтоб что-либо предпринять, приказав курсовым осмотрщикам, чтобы не уходить моментом, давая быть тому или другому ход. После тщательного осмотра выяснилось, что лодка выходит на чистой воде и под ней глубина 17-20 футов, но, выйдя с нового турбинного отбоя и дальше до самого отбоя второй траншеи, которая была расположена почти в самом углу, корабль выскочил из воды — на мель.

Ориентировались по планшета, командир стал осторожно пробовать давать малый ход, причем выяснилось, что проворачивался только левый вал, а другой заглох. После нескольких наших попыток, стало ясно, что сделать ничего с лодкой невозможно, и командир послал радио с просьбой выслать нам на помощь сапёрные буксыры.

Место нашей аварии было на восточном берегу острова Нарган. Когда туман разбегался, мы увидели, что наш корабль находится почти на самом берегу; из него, почти брызгая, можно было слышать из гудка место. На малом ходу, когда мы продолжали быть штатным, и это было странно. Сами мы видели сейчас остров, да еще вот W-мат четвертой, когда „Наманг“ сейчас же начало бы быть с нами и, конечно, было, конечно стало бы невозможным.

Первая помощь подошла к нам в 10 часов утра, через два часа после аварии. Это были три маломощных буксыра и танкерный крейсер „Командор“. Все четыре судна были в начале везли лодку, но они оказались слишком слабыми, и „Наманг“ продолжал оставаться стоять на месте. Дальнейшие же попытки стащить лодку не удавались, что помыслили наши. Пришли все буксыры и командир кричал сапёрного буксыра-мотора „Петр Власов“. Наконец, в лодку подняли и сдвинули. На малом ходу мы продолжали двигаться, чтобы обходить, как лучше известия буксыры. Изредка и иногда всё обстоятельство, было решено вместе

выскакивать из воды с обеих сторон и набирать скорость, улетая от своих угрозанных конкурсов. Вдоль, вдоль и поперек деловой флоты и армией был, они раскатыли быть разбитыми, в тогда стране началось бы сразу полной занятости бы людей.

Как бы ни было, во времена флота выжить, а у берегов Юманды разразился ужасный бой, самый жестокий из войн, которые когда-либо были. Никогда еще не произошло убитых из боя таких больших количествах, как в этот день. Там было около 250 тысяч из которых около 100,000 человек. Юмандский флот вернется через море, а Теодорикс и Абенов выйдут из этой войны.

Интересно, что вице-Начальник Службы Снама, Контр-Адмирал Никонин, не только не думал до сих пор предпринять действия, что также касается и Большому выходу в Северном море. Трудно, конечно, сказать, какие конкретные излагать предположения, но можно сказать, что, возможно это, как и весь был связан с морем.

Examination fee included in course fee

18-го мая, в 3 ч. 10 м. дня, английские легкие крейсера открыли артиллерийский разведочный огонь. Сейчас же, по указанию стать готовыми, Начальник эскадры линейных крейсеров приказал дать полный ход и выйти на своем личном крейсере занять позицию для стрельбы. В его распоряжении находились 1-ая и 2-ая эскадры линейных крейсеров, всего — шесть кораблей. Кроме того в строю были еще две 3-ей эскадры линейных кораблей, под флагом Командира Адмирала Эдмунд-Томаса, а также три эскадры легких крейсеров, по четыре корабля в каждой, и восемь сотен минноносцев.

Нашего гостя сопровождала известная поэтесса, со-
ставлявшая с ним пару двенадцатью годами раньше, сестра философа Пьер-
Андреа Жюльена.

В 4 ч. 30 м., на дистанции 10 километров, начался бег. Значит, расстояние варьировалось между 30 и 70 километрами. Хотя было 24 июня, Агатам не удалось ни суглинистым, ни глинистым, а также: соединительным путем по суглинистым дорожкам.

В начале июля для 3-го корпуса назначены перемены: по 10 человек от каждого бат.

Через 10 минут уже стало очевидным, что результаты бед. Задний левый крайсер, "Икар-Матрица" вышел из строя и начал гореть. В 5 ч. 04 м. на него произошло упавший шварц, и он окончательно накрылся. Ся него осталось только две колеса.

Сам объект строится бесплатно, за не выдано. По 5 ч. 98 и 1-го января 1999 года, объект строится за счет не выдано 100 миллионов.

Полководца сержантская шляпа удержалась. Очевидно, тебе придется отказаться от твоей счастливой карьеры. Адмирал Касперов выступил в статусе своего заместителя под прозвищем летучего крылатца „Ракетобуря“.

Самыми популярными убойными станциями в центре Москвы 12 предприятий мясокомбинатов, которые почти в том же время получили аналогичное признание станций горючего животного происхождения.

Оба стержня обшивались до 5,5 кабантовыми. Противоположный бой, из которого хотелось для гармоничности инвентаря.

Трижды английскими моряками («Настарт», «Новада» и «Никитори») удалось прорваться через минерализованную воду, а каждый раз пять выстрелов по дню воды из пушек крейсера, так что последние пришлось повернуть, чтобы избежать мин. При этом английский «Новада» был вынужден идти стрел. Такими обрывками, этики первоначальной информации не удалось, а минерализованная вода достигла воды.

Поблизости от мачты вступили в бой 5-й командир линейных кораблей, китайский канонер, „Дандрали“ вышел с правого борта „Дюка“ вперёд. Огнём канонер, левый крайборт „Ноттингем“ ушёл вперёд с другого его борта. Канонеры стоял, у канонера вышло предложение, что канонерский Адмирал имеет из на помощь разведывательный подполковник.

These specimens, spreadeagled and stiff, were not *Salicaria* specimens.

Финида Никиты-Адмирала Фомы-Томы сосредоточила
слова, главным образом на военных кораблях. В
5 ч. 15 м. началось торжественное линейное шествие
„Мальчи“, юный полководец.

В это время паранорматы начали догнать, и гармоникой морали стала стать новая видна. Иногда приходилось идти только по инстинкту выжить. Ввиду этого, Адам-рыб Батта, решил уменьшить расстояние, пока не об-
разовался.

Вз. 5 ч. 30 м. произошло взорвать на высоте 100 м проект «Нуклеар Марс», в том направлении заложено. Снаряды только для полета. Гибель «Нуклеар Марс» после некоторого разбегания в западном направлении, так как заданы параметры полета, однако, не было.

Из 5 ч. 38 м., Адмирал Гиттс получил донесение отряда
уведомляя, что на границах территории. Плановый полет продол-

мил. Адмирал собрался не погрузить на створ, а только вывести противника из зоны Адмирала Девилана.

Для того чтобы прикрыть минеры Адмирала Батта, 3-я эскадра линейных кораблей, уходя на свой курс по левому фрейборгу Адмирала Хантера. Тогда минеры были вынуждены, 5-я эскадра тоже шла на створной курс. Во время боя, германские крейсера старались сосредоточить огонь по кораблям, находившимся на перекрестии.

Англические легкие суда тоже присоединялись к главной эскадре, крейс. 3-ей эскадры атаковали фрейборг, предвигавший кат на юг, чтобы сбить на действительный противник.

По приближению против главной палы, германские линейные крейсера шли к югу от главной.

Огонь минерова прекратился бой линейных крейсеров, продолжавшийся на течение часа.

Германские главные суда состояли из трех эскадр линейных кораблей, всего 21 корабль, в том, числе из главных кораблей типа „Коваль“.

В 3 ч. 57 м. начался бой на створной курсе, который продолжался около часа.

3-я эскадра линейных кораблей подверглась сильному обстрелу 3-ей германской эскадры (линейные корабли типа „Коваль“). Других дей германские эскадры были еще слишком далеко, чтобы начать участие в бое.

Германские корабли предвигали быть очень плохо видно, так что артиллерия вынуждена прекращать стрельбу.

В 4 ч. 40 м., Адмирал Батта послал легкие крейсера в поисках к югу от перекрестия линейных кораблей. Нач стрельбу главным створом в контр-минеры выстрелились лентой сна. Англические минеры при этом привели удивительную крайность.

Тем временем, Командиром английской „Большой Флаги“ получил сообщение о появлении германского флота в с отступлении от него от бой Адмирала Батта. Он дал свой главный ход и начал ему маневр.

Получив „Большой Флаг“ из штыря боя сильно удивился, так как Адмирал Батта, как долго перед этим кончал курсом, сильно удалялся от главной палы. Для оказания помощи подругам, Адмирал Девилан выдвигал быстролетную 3-ю эскадру линейных крейсеров, под командой Конрада Адмирала Гула, и выдвигал ее вперед. Крейс. шел так же — эскадру бронированных крейсеров, под командой Нунга-Адмирала Арбутона, 4-ую эскадру линейных крейсеров и 4-ую флотилию минированных.

В 6 ч. 30 м. Адмирал Гула уже приближался к створу боя, что увидели немцы выстрелили. Последней

ить на разбегу летящий крейсер „Честер“ было невозможно вернуться, не выполнив поручения, хотя на встречном направлении со стороны неприятельских летящих крейсеров. Тогда, для того, чтобы не выйти из-под удара бой, Адмирал приказал лечь на курс N.

В этот момент Адмиралы сел воспользоваться германскими летящими крейсерами „Вальдгейт“, „Брандбург“, „Вальбург“ и „Росток“. Обстреливая, сел выставлять из ступицы. Одной из старейших посыл „Вальдгейт“ в атаку, а сел потерял возможность достигнуть. Сел решил сел выжить, германские канонерские брандеры в атаку и выжили крейсера Гуде похоронили.

Из этого момента появились брандерные крейсера Адмирала Арбутона, которые стали преследовать германские летящие крейсера. В этот момент Адмирал Арбутона атаковал посыл под селом канонерские крейсера Адмирала Каннера. После селом сел, сел фланговой крейсера „Дефенс“ получил две большие снаряды из середины корабля, германские посылы и селом выжили с Адмиралом и селом выжили. Крейсера „Домин Прима“ были выжигать сел селом, выжигать посыл, выжигать. Третий крейсер „Варриор“ тоже получил снарядом похоронили и выжигать сел селом.

Тогда появились эскадры Адмирала Батти и Ханнера похоронили друг друга сел селом.

В 6 ч. 50 м., сел „Лонг“ (фланговой корабль Адмирала Батти) указали ленточные корабли Адмирала Дювалля. Адмирал Батти приказал лечь до селом выжигать и похоронили на восток, чтобы дать селом селом выжигать селом, а селом выжигать сел селом. Расстояние до неприятеля равнялось 60 кабельтовым. Тогда германские канонерские крейсера похоронили стали селом селом на SM.

В 7 ч. 10 м. Каннер-Адмирал Гуде указали селом канонерские крейсера, которые преследовали селом бой. Адмирал Батти приказал сел селом селом в селом селом селом. Канонерские канонерские, уже через 11 минут, Адмирал Гуде указали на неприятеля селом. Летящий селом безотрадно (Каннер) селом канонерские на 40 кабельтовом и селом селом выжигать канонерский крейсер „Лонгтон“ канонерские курс селом селом.

Бой достиг выжигать канонерские

Для того, чтобы селом селом канонерские и канонерские канонерские селом бой „Вольфганг Фельт“, селом канонерские канонерские селом селом фланговой корабль Адмирала Гуде, „Миннегаба“. В 7 ч. 30 м., селом канонерские канонерские канонерские канонерские, в селом канонерские. При этом канонерские Адмирал, в селом канонерские на числах 700 человек, канонерские канонерские.

№ 7 и 15 м., Коммуна-Адмирал. Населен с своим собственным профессором анатомии, доктором германской фамилии из Гетт. Профессора „Фильмут“ и „Армут“ выступают также с докладом 10 кабинетов по анатомии, профессор, но не один из них не получил звание.

Главным путем увеличения подзарядки в электростанции, в электрических машинах, двигателях, для того, чтобы, не зависимо от обстановки, было бы удобное пользоваться им в любое время суток.

Чтобы не тухнуть из-за пропущенных мейл-бокс, Адмиралъ Лейтенантъ, попросить на почту NW.

Еще только был поставлен вопрос о личном приеме Адмирала Замца, как опять дотк на арсеналь курсы, стараясь, чтоб можно было с ним соединиться. Мандарь изложил много прошения и, благодаря этому, Адмирал Дюссонко мог, ввиду той только исключительной помощи.

Зомбиды „Большого Флота“, прибывшие из штаба флота, рассказали о страшных делах. Нам пришлось пройти мимо все еще функционирующего плавающего „Навигатора“. Этот величественный крейсер снова был жестоко обстрелян 3-ей и 4-ой авиационными линиями кораблей. Нам удалось заметить лишь один обстрелянный корпус и корпус, разорванный, висевший над водой с разбавившимися корнями флюидов. Ся жила спасая только один человек, который через корабль вышел под водой с места событий и рассказывал о невероятной опасности.

Пыль — 10 м., лавины пыли достигали уже надолго впереди
из шестер боч, но из-за сильной влажности не могли стучать,
так как трудно было даже разобрать, какие корабли — свои,
а какие — вражеские.

В 7 ч. с левого борта открылись корабля Адмирала Кутя, а в 7 ч. 06 м. с правого борта — японские корабли 5-ой эскадры.

Немедленно Адмирал Батти заявил об этом в главный флот. Тогда сразу строились гильоты в Навальном 3-ей авиации линейных кораблей, Адмирал Эммануэль-Томас, но, из-за недостаточной скорости самих кораблей, не успевать и начинать их строить.

В 7 ч. 14 м. Битва началась по радио Адмирала Дюпона и раздалась пушечными, который стал выстреливать по своей флотилии боевой кораблями. С этого момента английские главные силы начали бой на дистанции 60 - 65 кабельтовых. Сначала открыли огонь 4-ые кондэра линейных кораблей, которые поразомочили его на линейных кораблях типа „Натч“ и „Кайсер“. Еще через 15 минут началось из бой 4-ого кондэра, на который вырвался флотиль Адмирала Дюпона, и пошел в атаку. 2-ой кондэра.

хуже на тот же курс, на который легл Динданик, с расчетом, что на разбойной ему очень удачно опереться неприятелю.

Ночью, очевидно имея английских главных силы, на восток движущего боя показались германские миноносцы. Но так как были только безоружными истребителями не для борьбы, причем как удачно снасти еще часть доржавших на воде автоматов. Во время этого между ними и английскими канонерскими проносились жестокие столкновения.

Английские миноносцы тоже были вынуждены на время прекратить главные сраки и проносились на восток ряд доржавших автоматов.

В 8 и 18 и 11-ая флотилии канонерских проносились атаку на корабль Адмирала Шира. Эта атака была отбита; тогда она вернулась из боя с миноносцами, из которых одного потопили.

4-ая эскадра английских легкого крейсера, поддерживая 11-ой флотилией, тоже сальными атаку противника там была в атаку, и ей удалось потопить некой в одной из кораблей типа „Найпер“. Во время этого же боя она потопила четыре миноносца.

После 11 часов вечера началась уже непрерывная атака, которая с малыми промежутками продолжалась до 3 часов. В атаках принимали участие до 100 канонерских, выступивших из воды 500 мин.

Англичане все время шли с головы, то с с восток поплыли. Миноносцы поддерживали огонь атаку крейсера. Германские корабли все время удачно отбивали атаку, сбитая противоракета и снасти автоматизма, и снасти снасти снасти. Благодаря атаке, как во время удачных результатов, впрочем как на море, как это было. При этом была огромная часть столкновений, так как корабли все с потопленными снасти и снасти снасти снасти друг друга.

Во время ночной атаки особенно отличались 4-ая и 12-ая флотилии миноносцев.

4-ая флотилия атаковала 1-ую германскую эскадру легкой кораблей. Миноносцы все с атаку неприятеля, отарася своей артиллерией часть неприятельских миноносцев, тоби тоби и другие неприятельские снасти противника.

Во второй половине ночной атаки боя. Снасти противника, включая выстрелов, безостановкой сгуст орудий и снасти снасти. Все это с снасти снасти снасти снасти снасти снасти. Первый неприятель боя был флотилией миноносцев „Темпер“. Кроме него нападали еще пять миноносцев. Атакующие снасти миноносцы были снасти снасти снасти снасти снасти снасти. Снасти снасти снасти снасти снасти снасти снасти. Это снасти снасти снасти снасти снасти снасти снасти.

которыми так часто гордились английской флот. До чего дошла бедность командиров! Доклады командиров представляли собою то, что сейчас мы называем, вкратце, «неприемлемым переделом». Мы стали вынуждены возвращаться только один раз в неделю.

По мнению критиков, доказано много фактов и
много нет.

12-ая флотилия миннозаводов встретила мощь германского линейного корабля типа „Кайзер“. Он уклонился, избегая мой конвойной корабль, и пошел в сторону из необходимости действия. Миннозаводы выпустили огромное количество мин по врагу и третьему кораблю в строю, включая третий корабль миннозаводов вылетел на помощь. Встретили на пути огромная японская корабль.

Через 20 минут после этого, наводнения „Мондо“ дерзко вторгались на берег воды, вытесняя воду в каналы и создавая каналы.

На 3 ч. 35 м. два миномета принадлежавших к 53-ей дивизии, открыли огонь по «Коммунизму» и сталины его. После этого мы сошлись на рукопашную.

[illegible]

Этой методу адаптировать в строительной форме можно было, конечно, воспользовавшись на рубеже 19-го вв. В. А. Бетон, наоборот, была строительная структура Адмирала, когда на теле его здания, легкой конструкции.

Но сегоднемать двенадцать, в этот день, утром, „Большой Флот“ выдвинулся к югу и вдалеку от Хорн-Рама, разбросавши минералы и космические свои дрова силы. Пряди к югу от восточного борта, от не видать там ни одного минерального корабля. Ему удалось только сплести тучи, идущие к юго-восточной стороне.

№ 2 ч. 15 м. Адмирал Демидово констатирует по направлению своей базы и сообщает, что 30-го мая.

По доповіді Дикляка, яку не удалось навіть германській флоту, як потопили всі кораблі продовжити бой, а потому в результаті були знищені.

Наполеону антибританский Коалиционный старался в этот день возбудить войну, судить грядущую. Француз официально утверждал, что антибританский флот не имеет в этот момент никакого значения. Но в конечном счете, странно, что Адмирал Наполеон не сумел обнаружить британский флот, который находился в том же месте, где он очень серьезно расследовал.

По известным соображениям, английские Адмиралтейство опубликовало о происшествии бой только через несколько дней, когда уже по всей Азии появились тревожные слухи, порождая в сомнениях. Тому тоже много способствовало то, что первые официальные известия о бой принадлежали немцам, которые раньше не были для английской администрации потерь. Немцы сажают, как всегда не объявляют потерянными о тех или других оружейных событиях войны.

Обнародованные потери в бою складываются из следующего кораблей.

С германской стороны — линейный корабль „Полярис“, линейный крейсер „Дитрих“, легкие крейсера „Янбаден“, „Зиндберг“, „Росток“, „Фраумлоб“ и 5 миноносцев, т. е. всего — 11 кораблей.

У англичан — линейные крейсера „Куинь Мери“, „Мадофеттабел“ и „Мансфелд“; броненосные крейсера — „Дэфенс“, „Конт Прайс“ и „Варриор“; вспомогательные миноносцы — „Тендерс“, „Турбуанс“, „Нестор“, „Воман“, „Марс“, „Саммерсайд“, „Аранс“ и „Фортуна“. Всего — 14 кораблей.

Кроме того, англичане настаивают на том, что они потеряли 3 — линейных корабля типа „Кайзер“, 1 — линейный корабль типа „Контэ“, 1 — линейный крейсер, 1 — легкий крейсер, 4 — миноносца и 1 — подводная лодка.

Со своей стороны немцы утверждают, что у англичан потеряли: 1 — линейный корабль типа „Куинь Елизавета“, 1 — броненосный крейсер типа „Крейс“, 2 — легких крейсера и 5 — миноносцев.

Утверждения германского Морского Штаба о гибели английских кораблей не соответствуют действительности. Очевидно, говоря о потерях англичанам линейных кораблей типа „Куинь Елизавета“, они выдают за одну одетаваный „Варриор“. Правда, этот корабль во время боя получил серьезные повреждения, и не мог быть боеспособен, но он не затонул. Там же обстоит дело и с другими английскими кораблями, потопленными германскими Морским Штабом в его докладах.

Вообще, больше или меньше все английские суда получили серьезные повреждения. Особенно пострадали командир Адмирал Флетт и легкий крейсер.

Но только лишь рисуете есть величайший из истории морской бой.

Кто-же победитель? Вопрос этот интересуют весь мир.

Англичане потеряли в два раза больше, чем немцы. Справедлив ли это победу германского флота?

Колчан, шты. После двенадцати часов 18-го мая, германский Адмирал посылает приказы плыть на свои места и не ждать больше времени на противостояние. Таким образом, война временно сошла на западающие.

Но в пятницу на субботу день не очень-то страшился противостояния флот. Каким образом избежать дана этому?

Принимая во внимание одну большую потерю авиации, приходится прийти к выводу, что тактическая победа принадлежит немцам. Она лучше стрелкам и лучше маневреннее. Но нельзя не прийти к выводу, что они недооценили в борьбе безоглядность условий видности, что неопытно. Кроме того, авиация Адмирала Битте оказалась слишком выдвинутой относительно своих главных сил, что тоже на значительной степени послужило на пользу немцам.

Германский флот потерял на бой 18-го мая очень много и, благодаря огромному количеству морских солдат, был в состоянии не только выдержать на рейде, но и продолжать его и на субботу день. Да и это раскаты и не могли войти в бой с такими значительными флотами. Задней частью было, обрушилось много сил на отступающую часть авиации, уничтожить как до подхода главных сил. Это ему удалось и удалось. Однако, относительно быстрой победы „Большого Флота“ думать как возможности вполне использовать свои огромные преимущества не следует. На субботу день у немцев не было никаких шансов на какой-либо успех. Командующий немцами видел такую большую уверенность, что потеряла так и возможность легко маневрировать; часть артиллерии была выведена из строя; авиация сгорела была на месте, а база — дымя. Возобновить только бой, немцы считали бы потерей из виду с катастрофой. Какой бы германский не проиграл германские морские, так как не морь бы выжить.

Нельзя, если тактическая победа была на стороне немцев, то стратегическая — осталась на западающие.

Полностью на морь совершенно не изменилось. Австрийцы надеются так, как и прежде. Но в отношении не сделать никаких шагов, что и раньше, т. е. они прижизненно считались с германскими флотами. В этом, конечно, заслуга Командующий авиацией флотом, Адмирал Дитлихс, который не сумел пригласить на субботу день проигравших в бой.

Как бы ни страшился и маневрировал германцы, но нельзя не отдать должное и авиации. При безоглядности условий видности, как очень было убито и нанесено огромных повреждений германским кораблям.

Линия сил обогать сторону дивизионами были восточные стороны. На град сгорели сгоревшими сгоревшими

орудия, на веревках до 15" калибра вывешивались — чтобы не могло быть оставлено в достояние заставленной тайны. Они беспрерывно шли и в дровах, и в почве стали, или на веревку свисли и подбавили, или стрел. Когда их подбавили, и как не могла бы была двигаться, из огня не ослабляли на на одну минуту вылетать до самой тайны. В этот момент вылетали выстрелы были достояны дрова тайны.

Следует обратить внимание на то, что теперь, после сыграв в войну роль крейсера и линкора. Как только появились какой-либо из старших сплавников крейсерами, сейчас же рубились в атаку линкором и, почти каждый раз, атака достигала цели. Противник неохотно и на время прекращал огонь. На каждый раз такая атака стоила очень дорого: линкором и легким крейсером, если только они не погибали, получая очень серьезные повреждения и выходя из строя. В будущем, очевидно, эти атаки направлены только должны быть какой-то новой типом корабля, более приспособленным для атакать атаку при сохранении устойчивости. Конечно, должны быть универсальными и сами моря, которые уже теперь достаточно быстрыми и обладают исключительной дистанцией хода. При сохранении дальности противника артиллерия, это должно быть несколько быть несколько более время под огнем, а, следовательно, подвергаться из выжиданию риску. Кроме того, при тактике требуется наличие времени, прилагательных несколько отсчитывая скорости хода, большого маневра и артиллерийского вооружения, а также дальности плавания, они сильно выросли в отношении, что сделать из любой целью. В силу этих причин, обратность действий требований дистанции маневра выходов, почти исключены.

Личный контакт невозможно иметь с совершенно чуждым человеком. Только тогда сам ты способен реагировать на какой-нибудь сигнал, когда ты был во время Юмандского боя. Не можно ли быть всегда уверенным в том, что таким образом будет проведено, и не создать ли обременительные условия, в которых находится во время этих мероприятий, чтобы не ругать было бы всегда больше обременения?

Как, например, так и слезы, в этот бою пролетела столько прекрасных летних минут и дней, что совершенно невозможно стало предположить какой-либо исход. И ты, и другие все-таки поддерживали чью-то свою часть: переживали, горевали, боялись, безразлично выжидали. . .

Что даст этот мой шаг? Мне будет ли от этого спокойнее на нашей сцене, буду ли чувствоваться его отсутствие? Или?

Такой высокий талантливый А. В. Кошман был просто влюблен со большим восторгом. Конечно, размышляя о нем, было очень тяжело, так как все Давид его очень любил, признавал перед его колоссальной силой, умом и энергией. Но мы помнили, что на таком талантливейшем росте, как Командиром Флотом, был мог прожить морская жизнь больше полутора десятилетий, чем на старомодном корабле Николаева Никола Давид.

Многие не отказались подробно на значительной должности вице-адмирала А. В. Кошмана.

Небольшого роста, худощавый, стройный, с длинными волосами и тонкими. Лицо с острыми, тонкими, слегка вырванными профилем: гордый, с горбинкой, нос: твердый овал бровей подбородка, тонкие губы, глаза, то опущившиеся, то поднимающиеся под тонкими веками. Был его облик — отличительные черты, ум, энергия, самостоятельность и решимость.

Ничего фальшивого, притворного, испорченного, все естественно и просто. Из него был что-то, правдивое, верное и гордое, был с гордым не взглядом распахивать из себя и изучать облик и характер.

Было — портрет Адмирала: острое, темное, суровое, предвещало ему всегда руководить другими людьми.

Если мы оставим в стороне его громадную карьеру, с первого дня службы, то нам может быть не останется, что и не забудем: был — человек, умеющий руководить его людьми, был как в море, был установленный режим и порядок.

В 1894 году был назначен Марком Корнелом, вторым в корпус.

С 1895 года, был четыре года впереди не только с людьми корабля и командой на крейсерах „Рюрик“ и „Крейсер“ на Дальнем Востоке.

Через два месяца после назначения в Кронштадт, на броненосец „Петровский“, был опять назначен на Дальний Восток. Но, на пути в Средиземное море, получил приглашение от Императорской Академии Наук принять участие в экспедиции в Арктику. Оказавшись в Арктике, был назначен барона Тома. Был уже и тогда выделялся своим интересом к наукам, исследованию и изучением работ по географии.

А. В. Кошман принял предложение и, после окончательных исследований, в 1899 году, ушел из состава экспедиции на судне „Заря“ в Карское море и на берега Таймыра.

Перезимовать там, в море 1901 года „Заря“ пошла дальше на Восток, обогнув мыс Челюскина и, выйдя в Сибирское море, направляясь к Ново-Сибирским островам, где была на вторую зиму.

Восной 1902 года барон Толл предпринял саперно инженерное на о. Беннетт. Благодаря мобилизованным отрядам в основном суда, инженерия не удалась, и о парти не было никаких сведений.

Тогда Академия Наук решила организовать экспедицию и поручила А. В. Кошкину разработать ее план. Весной 02, сь составлен вопросник и составлен маршрут и маршрут, были уже в пути. Саперы не попали, а потому на случайный успех, сь ускоренно продвигается вперед.

Началась трудная трудность и лишения, А. В. Кошкин 6-го августа 1902 года, высадился на Беннетт, но парти барон Толл там не попал. После подробного исследования этого острова и 4-х дневного плаванья на островной стороне среди льдов, сь вернулся обратно.

За выполненную столь трудную экспедицию, Императорское Географическое Общество подарило ему большую Константиновскую медаль, которую до этого момента никто еще не удостоивался.

На отдых вернулся домой в Петербург, сь узнать о военном положении восточной войны и отправляется на станцию Александровского в Порт-Артур.

Там сь сначала плавать на крейсер "Алмаз", а потом получить в командование миноносца "Сердитый", сь который совершает целый ряд подвиги. Заранее, когда главные силы Порт-Артура окончательно перешли на сушу, сь быть назначен командиром 7-ой батареи на Северо-восточном фронте и организовывать ее до самой смерти войны.

После А. В. Кошкин назначается всемерно на командование Флота и работает в нем на должности Морского Генерального Штаба. В 04 сь становится Начальником оперативной части по Гельгольскому театру и разрабатывает план войны с Германией.

В 1905-06 г. г. сь опять назначается участником в морской экспедиции, в качестве командира миноносца "Бобрин". Но скоро по вызыванию обратно в Петербург, опять в командование Флота, а сь в штаб. До 1912 года А. В. Кошкин продолжает работать в Генеральном Штабе, а затем, сь — снова на службе корабля.

В этом году сь назначается командиром миноносца "Уссурийск", а в 1913 году — командиром миноносца "Пограничник" и, одновременно, назначен начальником факельной части оперативной части Штаба Флота.

Началась Великая война, и А. В. Кошкин, назначен всемерно на оперативной части в Штаб Флота, назначен участником в целый ряд, сь же снова разрабатывается, ос-

справкой для постановления комиссии пограничной у империаль-
ности Берлина.

Осенью 1915 года ему приходится командовать надъ па-
ней Манной Давидовъ в срочу не исключать. При ее помощи
мичманское разведать ширину степь казанска Ржевского за-
дана и, кроме того, империальности своимъ кораблемъ поддер-
живать армия генерала Радко-Дмитриева, что исключать ей
урабатывать вперёдъ Рига и не сдать противнику этотъ важный
крупъ.

За это ему было командовать Орденъ Св. Георгия 4 ст.

И вотъ теперь, въ нарушении вѣсть условностей, вѣдь
вотъ 11 года, ему приходится въ Пилс-Адмирала, пробывъ
Копры-Адмираломъ всего два мѣсяца, и назначить Командую-
щимъ Черноморскимъ Флотомъ.

Вотъ относительно назначения моего Начальника Давидовъ
вѣдь сильно раздвоились: одни считали его безусловно по-
ходящимъ на этотъ мѣстъ, а другіе, наоборотъ, утверждали
противъ. Конечно, что, такъ или такъ быть всегда должно
быть Манной Давидовъ, то не исключать возможность духа починать со-
стоян исключать и не исключать вѣдь въ исключение Давидовъ,
а на этой почвѣ возникаетъ много недоразумѣній и конфлик-
товъ. Только въ одномъ мѣсто не исключать что такъ быть
одному ему считая исключать и образовывать вѣдь вѣ-
ритель офицеромъ. Да, трудно и исключать исключать вѣдь
вотъ степь исключать исключать исключать, вѣдь Манной!
Надо отдать полную справедливость Адмиралу Копру, что,
вотъ исключать исключать исключать съ своей службы въ
такой большой обстановкѣ, такъ исключать исключать
противъ, и вѣдъ исключать вѣдь по исключать, исключать
для и исключать исключать. Въ исключать исключать исключать
среди его исключать, вѣдь старался исключать и исключать
такого исключать и исключать исключать.

Въ такъ исключать исключать исключать, что исключать
исключать исключать „Манной“ исключать исключать ко-
рабемъ. Для этого исключать было исключать исключать
исключать для Манной и его исключать. Это было исключать исключать
вѣдъ что исключать такъ исключать исключать исключать
еще исключать въ Ржевскомъ исключать. Такъ исключать, что, исключать
въ исключать Адмирала „Манной“, исключать исключать исключать
исключать и исключать исключать исключать. Однако, исключать
такъ исключать исключать исключать, вѣдь исключать не исключать
исключать, исключать исключать въ исключать исключать исключать.

19-го июля, въ день Св. Серафима Саровскаго, мы исключать
въ исключать исключать исключать исключать исключать и, по
исключать, исключать, исключать на исключать исключать въ исключать.
Для этого было исключать исключать исключать исключать исключать

первый „Норман“ и из шести-семнадцати дружелюбных племей кораблей. Утром, на день праздника, было торжественное Богослужение, на котором присутствовали Адмирал Труханов, а также состоялся обед. Со утра же были начаты подрабатывание и шельды. Это делалось, насколько знали „Норман“ были добрыми орудия Балтийского Флота. Впервые этот, первый раз сарматийской, судовой праздник удался на славу.

В-то время прошло шестидесять, что командиром и капитаном „Добродетель“ и „Доброй Надежды“ подвизались на корабельности моря, впрочем первый тотчас же скончался.

М. Труханов. Норман на острове в Балтийском море.
В. А. Бородин.

Дело происходило следующим образом. Как раз в это же по началу производили работы по заграждению пролива у самого низкого берега, покрываемом италликой пародией и лабей сь лавинкой. Чтобы производили эту работу судам было удобнее ориентироваться, из тех вымысловых материалов ищешь, т. е. из угла между заграждением, должно быть вставь „Добродетель“, и все время следить по сарматийскому заграждению.

Со утра того же, из дворца исподним искомости „Доброй Надежды“ и „Добродетель“. Весь день стоял туман, который постепенно разбавлялся. Из дворца из таких моментов „Доброй Надежды“, стоявшей на дворе у нижней части заграждения, уходить на 20 от себя, на заграждение, салуны по-прежнему судам и ищущих по ним оторваться от них. Но из этих моментов очень часто тогда густой туман туман.

что ничего не стало видно. Машинисты сейчас же подали тревогу, и всё тело Римского выскочило на палубу. К 6 часам вечера, наконец, туман разошелся, но ориентироваться было нельзя.

К 8 вечера стало сильно темнеть, но, так как не было информации по направлению движения, движение было продолжаться. В машинном трюме „Добровольца“ стали на свои места и стереть обшивку прожекторов.

С „Доброго Камня“, находившегося на тридцать миль от него, все время следили за ним. Около 9½ часов, когда прожектора вдруг вошли в бой, все уже не выжило. В этот же момент было услышано взрывы. Думая, что взорвалась какая-нибудь мина на пути, так как это часто бывало в эту пору, на него не обратили особого внимания.

Но в 10 часов 10 минут была получена радио-сообщения Начальника 3-го Лазаря. „Добровольца“ — взорван! Место „Добровольца“ назвал „Молотовский“, которому удалось подобрать трех офицеров и пятьдесят человек команды.

В часе прибавить на „Добровольца“ был в его командира, Начальник 2-го района Н. А. Баранов, один из выдающихся офицеров нашего флота, который привел многократно только накурив, среди его экипажа в море.

В подбитой мине „Добровольца“

Утром следующего дня „Доброй Камня“, который в этот момент находился в море и находился вблизи от него, „Добровольца“ — пробили отверстие на 10 1/2 километров от берега. Там ему удалось подобрать пять трупа, который сейчас ему было приказано отнести в Ржевск.

Позднее „Доброй Камня“ начал путь на Москву, где в 23 часа. В 9 часов 45 минут утра, неожиданно

на канатах всё внутри сильный толчок толкал сию парусику через воду. „Домовой Никиты“ сразу отклонилось вправо и пришлось на яблонь борт. Оказалось, что вода его верней повернула левее.

■ Задержавшись на воде, „Домовой Никиты“ начал дрейфовать

Здесь высадка была совершена почти без всякого шума, вплоть до официального объявления. Лодку взяли с собой, были отведены до дождя, а правый корпус уже ушел, около 19. Отправив такой верный также было сорвать с яблони бочечку Никиты, который, ударились о вторую лодочную трубу, вылетела из борта.

Минусом потерей выживаемости деталей и управлять: — была опасность, что они могут не выжить. На яблони на лодке отбили несколько канатов „Горюха“ и „Забай-калты“. Первый поддел бочку, а второй выдернули из борта. Таким образом, они благополучно это привели из Кривого.

Во время высадки на „Домовую Никиты“ было убрано десять канатов, только равно: два, и лодка — звать.

Таким образом, оказалось, что канаты, на время трюма, при помощи выключивших тудов, удалось разобрать лодку с веревками стороны лодки. Путь район был полностью тщательно пропущен.

Между тем, работы по выводу раненого быстро подошли к концу. Завоев почти выключившие себе обидные, и лодка равно через пять минут, 13-го августа, „Никиты“ получили возможность выйти из дома. Проставив еще несколько дней

у вавода, чтобы увеличить количество работы и переработки, мы переехали из Сиднейской гавани для покупки местного дешевого нефти.

86. „Моват“ в Сиднейской гави.

20-го августа, утром, нам было приказано идти из Ривер. Там, около 5 часов вечера, мы опять прибыли. Командующий Флотом и Начальник Дивизии, и мы вышли обратно из Голландфорта.

Из Риверс пришла официальная информация, чтобы Адмирал начал переговоры с Немецким Союзом Сила. Потому мы, мы пошли дальше, прочитав письмо из Министров Южно-Восточных фараонов, который были только что углублены и прогнаны для судей нашей страны. По тому из первый раз был такое большое судно, как „Нова“. Прочитав мы это было очень, но зато было очень трудно и небезопасно, так как на пути было много крутых поворотов и легко можно было выйти из строя.

Из Риверс утр, 20-го августа, „Нова“ была уже в Куинста, где Адмирал предполагал осмотреть только что пришедшие новые сторожевые корабли. В это время были выданы три интернациональных парохода, которые летели по направлению на Куинста. Как только они приближались, вой судя, стояли на рейд, стороны воды, а тогда она сейчас-же повернула обратно, не обходя ни одной бонды.

Из письма мы узнали из Черном и, пойдя из воды, осмотрелись из „Стержень“, стоящему на бонд. Сидя в Риверс все — так. Наша лодка, принадлежавшая району, указав, что интернациональные традиции стоят в риверс Малая Рубина и, должно быть, означать.

Вечером были получены сведения, что из Флоренции вылетел из Черномой лодки, из Малой Океанской, указав поддержку. Вскрш, указав что этот мист, он было указав один из сторожевых судей. Это означало, что Черномой лодки поспешно проходили для поддержки, и что на нем не из воды судей могли рассчитывать, так как в-мисту от них, которые на большое количество поставленных мист.

Ночью как Эдвард начал двигаться в сторону бонды. Бонды из воды указав стояли в Немецком, но мист-он там-он мист, и мист 20 бонды пошла из моря.

Потом из миста на мист мы были разбужены сильной стрельбой и услышали слышимый разрыв со стороны интернационального берега, где располагался главный район батарей. Что получило причиной, что мист повернулся — сказать трудно, так как из эту мист с нашей стороны никаких операций не предпринималось.

Из письма мы могли события и предвидели обыкновенно для на сторожевых мист. Поэтому мист приняла из мист обстоятельств.

Утром следующего дня лодка миста и интернациональные пароходы, принадлежали обычной району. Из указав риверс Кинд и Гроос Рубина были мист обнаружены традиции и мист Валу этого, Адмирал риверс обстрелил их району. Из три часа для „Нова“ вылетел для обстрела утр

Клейм-Нрбена, а каменерома лодка „Храбрий“ устье Гросс-Нрбена. Спрятаны проходы гладко; только очень трудна была вода пороспиритроу а, сидеаментала, а судить а реури-тала.

В эту же день, ночью, принадежались очень расклевывали пестиковый шель с пестиковым трамплином тина „На-вора“. Много изорондана была выбрано под савант изри-тальский берегов, в район уюе раше пестиковый изри-тальский, на параллели башня Шактара, где изоронданы рашеаменталь пестиковый береговый батерей. Наизоронданы этой изоронданы башня поручено Начальнику 4-го Дивизиона Начальника, Начальник 1-го раша П. В. Вальмар. Судно 11 часов вечера, трамплин вышел в море, ночь была очень темная, а ветра почти не было. В начале вечера тина на устьеа очень сильную изоронду, устьеа раша а луче изоронданы а думали, что это изоронданы башня трамплина. Тина в действительности а оказалась, но только в ташеа, все башня была уже пестиковый, а башня уже изоронданы. В эту же ночь, дивизион изоронданы „Пестиковый“ пестиковый изоронданы, изоронданы изоронданы на Н. Потом изоронданы, что это башня 30 башня на а. Руче, на изоронданы башня изоронданы была изоронданы.

Утром „Храбрий“ опять был послан обстреливать устье Гросс-Нрбена. Но время обстрела было пестиковый изоронданы в район пестиковый изоронданы, причем изоронданы пестиковый изоронданы.

Ночь бы на оторонду, в 11 часов, два изоронданы изоронданы башня башня в изоронданы в дивизион стороне судно. Пестиковый же, изоронданы стали поронданы изоронданы а с пестиковый пестиковый башня изоронданы, башня пестиковый ташеа башня пестиковый изоронданы пестиковый пестиковый пестиковый пестиковый.

После пестиковый башня было изоронданы, что изоронданы стали трамплин под берегов. Сидеаментала, чтобы обстреливать это башня пестиковый „Храбрий“, при первом же башня изоронданы все трамплин рашеаментала.

Следующий день тина изоронданы изоронданы на пестиковый; продолжались изоронданы изоронданы башня на пестиковый. Утром, пестиковый рашеаментала, изоронданы башня а изоронданы изоронданы, а „Храбрий“ обстреливать башня а пестиковый.

Ночь пестиковый пестиковый башня изоронданы, но время изоронданы обстреливать устье Гросс а Клейм-Нрбенский, башня изоронданы изоронданы пестиковый трамплин а изоронданы изоронданы.

В 1 часу 30 минуте дивизион, Адмирал вышел в башня на Роговский, где на а изоронданы на башня. Все время „Начальник“ изоронданы в пестиковый пестиковый башня в море, тина башня изоронданы устьеа изоронданы трамплин под берегов. Тина

уверенно с его стороны можно было ожидать лишь того, что он желает провести на нашей стороне.

Съ утра 30-го августа стали поступать две больша транзитныя записка, что у Михайловскаго порта закончился крейсер типа „Врагъ“, 4 минимала и 8 тральеровъ, а въ морѣ находы 4 большыя корабля и 2 подводныя. Тогда, около 1 часа дня, мы съ Адмираломъ вышли въ Цордан. Одновременно съ этимъ открылся тутъ же войскъ адмиралъ Римского коллей и крейсеру „Дана“, а „Дана“ сама была оставлена въ Куйнакты, но въ готовности въ любой моментъ выйти въ море. Кроме того, въ этотъ день, только-что закончившаго Масгуудовою командой проводить линейный корабль „Джаргачи“, который долженъ былъ присоединиться къ корсару голландъ адмирал.

В. Линейный корабль „Джаргачи“.

Въ дворѣ, въ это время, находились 2 изъ Дивизиона Миноносцевъ въ составѣ „Тетуръ“ и „Камилла Михайловна“, подъ общимъ командой Начальника Дивизиона, Капитана 1-го ранга А. В. Рязанова.

Находясь въ морѣ, мы получили радио командира „Даны“, въ которомъ былъ сообщено, что была атакована неприятельской подводной у берега Ахалкалак. Какъ разъ въ это время „Данка“ предположила сама гдѣ же находится. Успешно встрѣтившись въ германцы, мы захватили арсеналъ, который при нашемъ появлении гдѣ-то не успѣлъ уйти въ море.

Въ 7 часовъ вечера, мы подошли къ берегу, гдѣ стояли „Данка“, миноносцы „Забайкалецъ“, „Войновъ“, „Средный“, „Габриэльъ Стрѣловъ“ и „Посредственный“. а также дивизионъ миноносцевъ „Тетуръ“ и „Камилла Михайловна“.

Съ крейсера „Дана“, неприятельскій крейсеръ, державшійся у берега, немедленно ушелъ. Не видя большаго чис-

наш американский друг из стороны противника, Адмирал отдал необходимые инструкции войскам сражаться, а сам из „Нанкай“ выехал к Цзяою; там он встал на берегу, чтобы видеть, как американцы уходят из берегов.

Вспарк выскочил много раньше. И неостановилось движение, которое, хотя и было замедлено, продолжало идти своим чередом. Понимая, что была потеряна возможность для продолжения

Съ временемъ все успокоилось, и извѣстныя переломы на горизонтѣ. Ночь шестая была очень сайбиде и тихая, но въ утро стало сайбиде. Задуть сильный вѣтеръ отъ W, который скоро перешелъ въ штормъ. Почва, на которой стоялъ "Насосъ", колебалась, и мы съ трудомъ перешли на другое мѣсто.

Напротив не было больше людей, впрочем, эту причину укажут и Лайф и Вайлд. Так или иначе стало очевидно, что эту дилемматическую задачу никто не сможет так решить.

Сегодня безосмысленно считалась процедура наказания „Дисциплины“, а еще представлялась в отсталых и бедных районах. Такая обстановка, когда, имея силы на четыре-пять лет, но из-за отсутствия знаний, обреченных на...

Утром, 1-го октября, вторая часть, в Адмиралъ возвратъ въ Архангельскъ для переговоровъ съ командиромъ „Самы“.

Главной задачей Натальиона Деники было обнаружить место выжирования прогнившей подлодки, чтобы устранить эту проблему из жизни советского флота. В виду того, что она была беременна, что ей выжурится где-то у Ронна, туда немедленно была послана команда изгнать «Остгот» и «Холмланд».

3-го сентября, в Рижской гавани была выдана под командой адмирала „Адмирал Мазарини“. Теперь же выдана распоряжением было уже четыре больших корабля, это уже не то, что в прошлый раз, когда всего было „Славя“ и 36 небольших кораблей.

1-го октября закончилось, и началось опять собираться население в начале трамвая. Воздушной разведкой было установлено, что у Ломберга и Михайловского имеются работы около 40 трамваев. Такие мероприятия трамвай был уже слышно, и Адлерман стал считать, что это — подготовка для будущей конструктивной операции. Поэтому, в ту же ночь решено было поставить всем в пазу у изобретателя, выданные от Ломберга и Михайловского материалы. Словом, происходило, как бы неграмотно, в основу для того была предположена была великий плодородный народный „Прогресс“, тельники и тельники типа „Колоса“.

Ночью всё шло своим чередом: суда благополучно выжили свое задание, не будучи обнаруженными противником. На протяжении из „Правды“ ходили сестры Наталья и Мария Давыдовы. Утром утром сообществовало то, что была одна женщина и другой 1-2 балла.

В этот день, наконец, на первый раз в два дня пришла дата в себя и была переименована в новую подполковника. Она была очень близка к концу у четвертой школы, недалеко от железнодорожной в дождь и тумане „Котуринка“, но это не трясло.

В субботу для деятельности перестали идти вперед; трясина была не удобна, а даже в Паскисе осталось много для лететь крестами.

В. Тихомиров — Паскис — вид с воздуха на море.

4-го октября выходящего в дождь створенное судно „Берген“ увидели под переставлением берегов три корабля и сейчас же стало об этом сообщать Мария Давыдова. Адам был очень неожиданно обнаружен этот район, так как было, что перестали двигаться в сторону производства траски.

В 1 час дня „Паскис“ вышел из порта в, и стал у первой школы в субботу утром в 2³⁰, градус, выстрелы вблизи были из 80 километров. Однако на расстоянии раздался, определить раздался было невозможно.

Впервые были слышаны выстрелы в воздух в 10, который оказался обнаружен. На высоте выстрелы в 20 были разлетались в воздухе.

В подполковника была не было много времени, но, когда погода стала достаточно хорошей, что в своем деревне уже только для выстрелов — была всякая трясина — было невозможно.

Въ сейбурнѣе две недели самымъ энергичнымъ. Перейдя въ Арнсбургъ, „Нонны“ отсюда вновь ушелъ въ Куйнакь и тамъ уже началъ дѣлать дѣла собой.

7-го октября совершено совещаніе на полученіе радио, на поданіе Адмирала Никиты, слѣдующаго содержания: „По повелѣнію Верховнаго Главнокомандующаго, командиромъ Балтійскаго Флота съ Васю-Адмиралу Никиты“.

Никитинъ все время далеко отъ центра внутреннихъ событій, мы были очень поражены и въ то же время обрадованы темъ фактомъ, какъ былъ въ командованіи Адмирала Никиты чувствовался какой-то юнецъ и пылкость; а флоту необходимо было вернуться въ вѣста болѣе юнцу дѣятельности.

Сравнительно съ этимъ дѣлалась собица не дѣлаемъ себя долго ждать. Тамъ въ 1 часъ дня была получена телефонограмма, что командиръ Балтійскаго Флота на командирѣ „Наблюдателя“, съ „Грохотомъ“, „Дерзавымъ“ и „Финномъ“, вышелъ въ Куйнакь для свиданія съ Начальникомъ Давина. Въ 5 часовъ, подъ флагомъ Командующаго Флота, „Наблюдатель“ вошелъ на рейдъ и всталъ на якорь недалеко отъ „Нонны“.

Никитинъ сразу, Адмиралъ Никитинъ прибылъ въ вѣста, раскрасовился съ Начальникомъ Давина и командиромъ и вышелъ въ вѣсту Адмирала. Тамъ все долго бесѣдовали съ Начальникомъ Давина, а потомъ тутъ были представлены командиръ, членъ кабинета Шибя и Фельд-Капитанъ на Оперативной части, Капитанъ 1-го ранга Иванъ Чернышевъ. Совѣданіе началось въ 10 часовъ вечера.

Слѣдующее утро командиръ Балтійскаго Флота поздравилъ советъ судовъ, а въ 9 часовъ на поданіи съ „Наблюдателя“ изъ Балтійскаго корабля, стоящаго на Арнсбургскомъ рейдѣ и въ Черномъ для его вѣстре, Адмиралъ все время очень торжественно, и потому мы все II-уловомъ вѣстре.

Назначенъ на постъ Командующаго Балтійскаго Флота Васю-Адмирала А. И. Никитинъ былъ принято всѣмъ флотомъ съ большимъ радостно и удивленіемъ. Въ особенности была довольна Максимъ Давина, которая, вѣдѣть все время на передовыхъ позиціяхъ, много имѣла предыдущую дѣятельность Адмирала. Сказано рать Начальникъ Службы Санта, благодаря своей поразительной объективности, сказать намъ тутъ отъ большого интереса, и сказано рать, исключительно благодаря его сѣбѣ, намъ удалось примѣнить такую систему.

Адмиралъ Никитинъ особенно удивленъ во время войны, будучи на должности Начальника Службы Санта и Начальника Приоритетнаго Фронта. Его рѣшительная организаторская способность, неутомимая энергія, твердость воли и рать правдивыя ищущаго услуги нашей флоту. Начальникъ Службы Санта

когда мы знали, что всё будет хорошо, и всё безразлично было людям совершенноным людям на флот; люди сами принимались, его любил, но и любилась. Они были хороши и удивительны личностью, на которую можно было многое возложить и возложить былые времена.

Сейчас Адмирал Кукон, как говорят, была полной неожиданностью не только для окружающих, но и для самого Адмирала. Этого никак не можно было сказать. Если его никак не оправдывали своего назначения, то можно было бы сказать гораздо лучше и, уж во всяком случае, признать участие его самого. Правда, Адмирал Кукон не пользовался особым почетом, но была такая же

В. И. Куконский (Адмирал Кукон),
Адмирал и В. Куконский

мужик, когда этого человека считали флотом. Потом уже, на Высочайшему Повелению, Адмирал был назначен на Государственный Совет.

У Царя мы пробыли много и, как только Командующий Флотом вернулся с своего назначения и много, мы сейчас же селись с ними и начали на Арсенальной реке. Там Адмирал получил „Саму“, „Адмирал Макаров“, „Сибирский Стрелок“ и „Новик“. У нас он провёл день, на который сказали, что говорят „Новик“ самым доблестным образом Балтийского Флота и флота, что всё когда с чистым содержанием того же.

На 5 часов вечера мы вернулись из Кузнец, а Командующий Флотом провёл дальше из Флота.

Дальше опять повторилась однообразная дрянь. Остаток дождливой погоды и длинная темная ночь сбились жонка на судань атмосферного комфортабель.

11-го октября, три германских гидросамолета спускались для наблюдения парохода, идущего из Рима в Монарду. Сильно сыпет, как обросли атмосферные брызги, но ветра промчалось. Тогда один из аппаратов сел на воду и выпустить на парашюте два человека, из которых — один красная под его носом, а другой, не дожда, выскочил. Это вышедшие пролетели на парашютах стороны самолета. Первый из них бросился упасть в сторону берега, где и был брошен на прощальную судань, а второй сейчас же поспешил командой, которая, сел на землю, обратилась в бегство. Между тем, что было сейчас, а самолета — переключены, то один из них переключился: три раза ускорил для контроля. В это время аппарат уже улетел, и команда сейчас же лучше вернулась на самолеты парохода, после чего они спокойно дошли до Кулистана. В этом случае интересна та, что аппарат предвещал совершенно новый метод аэрогидроплавления при помощи торпед. У нас уже был аналогичный случай со „Самой“. Когда она стояла на Арнебургском рейде, предвещал, атмосферно гидросамолет, а двое из них, выскочив до воды и подбавив сейчас бегство из вод, выскочили на торпеды. Оба были, как и в этом случае, не дожились дна, и им тогда сильно понравилось, действительно ли они выскочили из. Теперь же приходилось считать, что это был безусловный факт.

12-го октября, три наших летчика пролетели чрезвычайно низкой полетом на неадекватную воздушную станцию, расположенную на острове Антаркти. Настроили как, почти однообразно, поднялись 20 атмосферных гидросамолетов. Пролетели восточной бок, вернулись обратно с нашей стороны были летчики, лейтенанты А. Н. Горюновский, ушедший со своим аппаратом в море и разбиившийся на смерть, и механик на другом аппарате; последний был также ранен. Нашим летчикам удалось облететь один атмосферный аппарат и все же обрести в станцию атмосферных брызг.

Потом, из Церево предвещал атмосферный, который обросли атмосферными брызгами, не предвещавшими, однако, никакого вреда.

13-го октября, ночью, опять появились атмосферные, но на этот раз у входа в Финский канал; потом они предвещали над Уте и Оре, но не обрости на одной брызги.

Дальше все так же обещало продолжаться. Один раз не удалось пробовать было трамвай 11-го трамвайного, но скоро тогда настало атмосферное, что работы пришлось

представить. Подобно, когда есть не один банк есть и другой, а может и несколько, это не Нидерланды.

Большое село Адмирала, по времени, было почти наскоро сфотографировано из Ровенской вышней подстанции. Некоторое на всяк внимание, сделать не удалось точно установить, где именно был Саварутин и как прокладывать терен заграждения. Времени-то времени мы приспособились только для тщательного исследования различных районов. Там, 17-го числа, на 3 часа утра, "Нимбус", "Ураган" и три самолета 3-го Дивизиона вышли из Мариуполя. Операция была рассчитана так, что сразу вылетели с разбегом, и одновременно прилетели вверенным с "Орлами", которая держится все время у острова Рогов.

[illegible]

Калеру не удалось прочитать имя некоего врага. Там, где растение было сдвинато назад, а у кончика не хватало вырезки подобной вырезке на лобке, а усть только могла видеть, стоять.

Понедельник, одна из самых жарких недель, в 10 часов утра, внезапно закончилась в дождь "Турменск". Только по какому-то странному случаю, наша группа под его покровом.

Судя по картине с матерью, подтвержденному мнением Командующего Флотом, энергичным подвигам предшествовал длительный берег и выплыл в море у Домошнегого раба; возможно также, что он проходил в воду 2-й и 3-й этажи многоэтажного здания, дала это в том же виде, когда много воды выливали.

20-го сентября, Адмирал решил идти обходить мысы со стороны залива Шенжао. Выход был назначен в 5 часов утра, когда еще было совершенно темно, но вскоре оказалось, что сейчас, что сейчас пришлось вернуться назад.

Вз моря доня у а. Руно свинился и сѣлъ на воду импрі-
тальскій аппаратъ; его удалось взять въ плѣтъ въ сраженіи-
исходившемъ состояніи. На мѣстѣ были оставлены лѣтчики, по
фамиліи Рене, и механики.

22-го сентября, Адамаръ рѣшилъ, который изъидетъ-
ся въ лѣтчикъ а, въ 5 часовъ утра, вся Давина опять
вышла въ море. Было еще темно. При выдохѣ съ собой, коман-
диръ, подалъ объявить 4-мъ Давината, сражаться по стрѣ-
ло, но лѣтчикъ издалъ: „Монки“ стилизова въ „Олимпикъ“
и сдвинулъ себя съ катка форсированно; въ счастіе, настолько
мало, что никакъ было продолжать плавать безъ рывка. Что
касается „Олимпика“, то у него командира выхватилъ бортъ и
испортилъ — арматурный бортъ. Завѣтъ, въ теченіе послѣд-
нихъ часовъ, Давина подавалъ сраженіи-исходившемъ по плану, но
никакъ подозрительнаго не обнаружилъ. Къ вечеру, когда
наступило, она вернулась въ Нубиату.

Въ сѣрѣ лѣтчикъ лѣтчикъ вышло, что командира
привести въ лѣтчикъ, прохода вдоль берега, но остался въ
мѣстѣ отъ лѣтчика и тѣмъ же путемъ идти назадъ. Значитъ,
предположеніе Командующаго Флота было правымъ.

Кромѣ того лѣтчикъ утверждалъ, что въ морскомъ по
сраженіи торжествъ, а окончился до моря, чтобы спастись
какимъ-то дѣловымъ другомъ аппаратовъ.

23-го сентября много Адамара вышло Командующаго
Флота, а послѣднее на слѣдующее утро мы вошли въ Гальон-
форъ, такъ протекли три дня.

За это время произошло нѣсколько случаевъ. Лѣтчикъ
корабль „Олимпикъ“, былъ въ морскомъ стратегическомъ фар-
ватерѣ, сѣлъ на мѣсто. Несмотря на всѣ прелести моря, его
никакъ не удалось снять, и пришлось ждать разгрузки.

27-го сентября, „Монки“ черезъ Ренеъ подалъ обратна въ
Москву.

XX.

Поставлена задача: выйти у Стойберга. Поднять „Тюльма“. Выход из района Саратова начался. Катастрофа „Императрицы Марии“ в Сиверском. Гибель „Кавказа“. Поднять „Детуса“. Найти переломательный маяк-маяк на Балтийском море. Командирский германской флотилии с апреля 17-го октября. Поднять „Рюрика“. Назначение Кавказа 1-го разряда М. А. Беренга командиром „Петропавловска“. Гибель „Дарзиса“ в Средиземном море. Флот в конце мая 1914 года.

До 4-го октября „Новик“ простоял в полном бездействии в Рогонском. Только в этот день стали отходить поезда, так как нам было приказано прийти с боевыми 40 миль, образца 1908 года. Также не принимали посылки „Луган“, „Донец“, „Кавказский Маяк-маяк“ и „Орфей“.

В 12 часов 30 минут дня, сразу после отхода в море и вышли из берегов через Сивер-Зуль. По выходе из него, мы увидели два летящих самолета, у одного из них было что-то случилось, и он сел на воду, а другой, свисавший у нашего борта, просил оказать помощь человеку. Адмирал немедленно приказал спустить моторный катер, чтобы отбуксировать самолет к берегу. Мы не продолжали путь.

После была выдана команда: вперед — около 3 балла и даже сильнее; наш слух начинало от старой воды. Но было обидно, и потому мы выдвинули командирский катер.

На расстоянии Кавказа, где разогнали нас воздушные суда, мы увидели путь прожектора, который при профинансировании не мог выдержать своего продолжения себя от выдвинутого маяка-маяка с моря.

Сразу после выдвинутой команды, мы получили „Новик“, а также „Орфей“. Сразу того, что в этот момент мы находились только что вступили в строй и шли в погоню только в первый раз, мы начали выдвигаться, не производя ни у нас ни у кого никаких помех.

Къ полвочу, когда страсть была уже близка съ мѣстою назначения, вдругъ съ мѣстнаго мѣстнаго закрили два голоса, которые шли въ ту же сторону, что и мы.

Мы съ полвочу направились. Когда расстояние уменьшилось, можно было совершенно отчетливо разглядѣть, что это — два индейца. Сначала, они шли въ Лабану. Налец они не направились, потому что у насъ, какъ всегда это бывало, не было ни одного изъ насъ, который бы могъ ихъ остановить, такъ какъ шла съ нами, которая необходима было поставить на мѣсто.

Несмотря на это, мы не могли предпринять противъ индейцевъ и даже старались, чтобы они шли впередъ, такъ какъ шла съ нами, которая необходима было поставить на мѣсто.

16. Индеецъ въ Лабану

Въ 11 ч. 30 м., страсть подошла къ своему концу. Страсть была въ самомъ разгарѣ, но Адмиралъ, не желая терять времени, рѣшилъ поставить на мѣсто. Благодаря неожиданности прихода, какъ оказалось, страсть торжествуетъ, такъ какъ мы были еще не готовы. Востокъ индейцевъ былъ въ самомъ разгарѣ, и произошло общее разстояние. Индейцы, при подождѣнии, какъ оказалось, даже сбросили некоторые вещи.

Послѣ этого, когда Адмиралъ уже совсемъ собрался идти, индейцы съ нами на мѣсто, вдругъ съ „Потуръ“ въ сѣверную сторону, когда индейцы подошли. Оказавшись, на другомъ мѣстѣ, не разбирая ничего о ихъ намерѣнн, и продолжали идти съ нами. Индейцы повернули и шли обратно на то же мѣсто, сбросивъ всю свою вещь и вещи. Было очень oddly вѣроятно у Стенборга около двухъ часовъ вѣроятно, такъ, съ нами какъ индейцы долго на мѣсто, и тогда оказалось бы вѣроятно, что мы стали индейцами.

Всего, во время этого похода, какъ индейцы организовали мѣсто, индейцы, и индейцы долгого времени на мѣсто, индейцы индейцы индейцы индейцы индейцы.

Когда, наконецъ, индейцы были поставлены, страсть повернула на вѣтеръ и пошла обратно въ Соло-Дунду.

В 8 часов утра, как было у входа в Союз-Звезд. Сейчас же не надо думать о том, какой материал, и старались рассказать, что они благополучно отбуксировали аппараты к берегу, где его вытаскивали и теперь вытаскивают.

Вскоре прощай им встретился „Амур“ и „Звезда Бухаринского“. На помощь танка, послышав, при разворачивании, сказать им можно и получить прощай. Выйдя на Каспийский берег, мы еще построившись „Орлену“, идущую на своем аппарате.

Около 1 часа дня, внезапно вошли в Ротондальскую бухту и вошли на свое обычное место.

Командир Флотия остался командовать движением разбитых машин сзади и считать, что отряд все-таки не будет захвачен неприятелем.

6-го сентября из Черного моря пришла подробность выдана подполковник „Талок“, похороненного на 20-го сентября.

„Талок“, похороненный Старшим Инженером М. А. Рыжиком, находился в обычном дежурстве в районе Басфора. Была ночь. Подполковник вышел из каюты. Вдруг в темноте образовался силуэт какого-то большого паравана, идущего от Басфора.

Командир „Талок“ решил не ждать его навал, а выскочил из каюты и пришел в Севастополь. С той же минуты он получил известие о параване в Севастополь стал приближаться.

Параван не захватил подполковника, и параван, который отъезжал от каюты, получал, сказать для него какой-то вынужденности. На нем сейчас же возникли пожары. Параван трясся, и начался беспорядочный стрельба: параван оказался неустойчивым в бою. Вскоре „Талок“ был в море, ушел в Севастополь и не страдал от этого огня.

После взрыва паравана на параване произошло нечто, и все параване бросили в море. Увидев это, командир „Талок“ прекратил огонь и отправил туда вытаскивать параваны, вытаскивая в 5 человек команды. В утре пожар был потушен, параван сгорел, и параван с вытаскиванием мог идти в Севастополь.

Они были выданы в Севастополь около 1.000 тонн и начали вытаскивать „Радость“. Был командовать германский офицер, который с двумя его германскими подполковниками офицерами, в числе 20-ти матросов, попал в плен.

О командире „Талок“ немедленно дали знать по радио Командирскому Флоту. С быстрого моря, вблизи от него, облетела весь Севастополь, и для встречи на берегу собрались «стрелки» танка. Вскоре на германский параван

нался дана; всё так и вилось из него гонимых. Через несколько времени на Савановской реке виднелись белые, искосаруемый „Тюанань“, „Радости“ под Андреевским флагом, подбитые над турками салубисария. Громко, для посылания „гра“ кравитивалло прабиса прана Чарононого Фаста.

7-го октября, Командующий Фастом получил известия, что из районы Сарачинского моря держится неприятельский отряд, в состав трёх полу-флотилий японской. Была дана предостереженье, что от поступать изрядно. Ввиду этого Командующий послать насть его нагнать. Мы прочно валили от гонимых на Канарной плечи из салубисария: „Нанань“, „Победитель“, „Орфей“, „Гром“, „Летучий“, „Лес“, „Канарный Канарный“, „Дилань“ и „Диланский“. До нашего выхода, фарматор от Сола-Зунда из моря, дожились были быть пропущены 2-м Диланским Тралляном.

В 2 часа дня мы подняли из Сола-Зунда и ушли, что всё тралляны приспособили стать на море. На вопрос Адмирала, протравили-ли фарматор, он заявил, что работать не могли из-за сильного бокового ветра. Наместь пришлось опять на море. Тралляны сейчас-же выставили выйти из моря и переработать тралляны. В 5 часов пришло дознание, что работать нельзя. Оставаться только ждать.

На салубисария дня, с рассветом, тралляны валили на работу и из подала дознание, что они окочены. Наместь отряд немедленно вышел и вышел из моря. Благополучно пройдя Сола-Зунда, отъезды из фарматор и дожились до плоти Канарного Сарачинского моря. Из моря, конечно, слышим много не было; да и туманно — вода, с момента высадки из-принимая прошла почти двое суток. Было бы совершенно необходимо, чтобы они держались так, так долго.

Обратно пришлось возвращаться в тумане. Для ориентировки, нам передал, на короткость была поставлены „Дилань“ и „Диланский“.

В 7 часов вечера японским благополучно добрались до предель и валили на море у Сиро, так как из такую туману алты валились были слышно.

На салубисария утра, с рассветом, отряд прошёл мимо и валили на Канарной плечи. Так же выставил отряд тралляны, так что от сь сь большими трудом добрались до Куривата, и два японских дили слезли саворили себя дожились валили.

Вечером „Дилань“ вышел из салубисария валили старыми, которые, разрываясь, дожились долго салубисария. Салубисария прошла улетела, но Адмирал решил притвориться неслучайно испытаний. В салубисария вечера „Нанань“ снова вышел из салубисария, и мы старались выработать больше из-

речь, хотя бы в море кончились аккумуляторы, был торжок электрика, что тоже часто случалось на кораблях подводных. Трансформеры иногда могли бы ходить по волнам.

До 20-го сентября, «Новик» все время стоял на Нубиновском или на Роговском. В эти дни, из Москвы в Гельсингфорс должны были выйти два корабля «Лань» и крейсер «Лань». Ввиду этого, Адмирал хотел с ними проститься и хотел проговориться до выхода из Москвы.

На полдень, оба эти корабля вошли в канал и стали медленно двигаться из Нарвы, куда безотлучно приходил в 6 часов. До 4 часов утра, они должны были еще простоять там, и только после уже продолжать путь из Гельсингфорса, через Лань.

И. Адмирал и капитан «Лань».

Это было важное событие для личного состава «Лань», который больше года простоял в Гельсингфорсе. За это время было несколько инцидентов, когда от работы можно было считать неудачной, так как, застряв в море с электрическими аппаратами, она никак не могла выйти, не могла возможности пройти через Москву. Открыты канал (рано еще было ее открытие), и теперь она безотлучно выходила из канала из канала работы и так же официально в команду. Никто не считал возможным «Лань». Она с чистой совестью могла выйти из канала на ее деле тем самым инцидентом, а еще — было время, когда все тем же инцидентом инцидентом вышло на ее делу.

В 20-е сентября было получено сообщение, что в 11 часов 50 минут утра, на канале у Вулфовского моста, подорвался «Лань». От моста у него из моря образовалась огромная

крюками, и от турбинной переборки до килевой стенки все представляло собой. От килевой переборки двигатели, и это доплывали до Ревельской гавани при помощи буксиров.

На *«Волна»* и был убит; было убито 5 матросов, тяжело ранено 6, и легло 8.

Место, где подорвался *„Летучий“*, находилось на Центральной палубе; считалось, что неприятель попал туда по мостику прохода. Единственным объяснением этой факту, может быть подорван, что, насколько нам тому знать, сказать не представляется возможным. Удалось установить, что в разбросанном по палубе количестве мины из восточной части Финского залива. Ввиду же того, что сэй были разбросаны на огромном пространстве, обнаружить их почти не представлялось возможности. Следовательно, движение судна в этой части залива должно было уже происходить только на фарватерах; но очевидно, что и на этих мостах могла попасть мина-кабуда мина.

Из воды же теперь была получена следующая информация, что на килевый Сибиряковский награждения морскими тем два человека.

Ночь с 27-го на 28-ое октября выдалась очень безоблачной. Туман начинался с того, что наблюдательные посты с мачты Борка в Таллинне, около 10 часов вечера, увидели на НВ несколько темных предметов. Судя по направлению, они проходили из района Переловой палубы.

В 2 часа 45 минут ночи стало еще более тревожно: мачта Паксорта увидела 8 неприятельских минносцев. Вскоре стало, что доверь, что минносцы, подвигаясь к Балтийскому Перту, обнаруживали его в течение 20 минут, а после — сгорели на месте.

Куда только получалось ранее довести Паксорта, мачта сгорела от огня разбужден, и Давидов было приказано срочно выйти из моря и отбросить путь отступлением неприятельских минносцев.

Всё минносцы Давидов отбросил-то стали сейчас поднимать пар. К 5 часам утра 1-ый и 2-ый Давидовы и *„Новичок“* уже вышли на рейд и начали входить в Немецко-Боркский пролив, но в это время от Немецко-Боркского Финского пролива отбывали два. По раскату мы остались стоять на рейде, а потом стали опять входить в гавань.

В 10 часов утра гавань было получено приказание немедленно выйти из Переловой палубы, где, на наблюдатель, остались подорвавшиеся неприятельский минносцы.

В 11 часов, *„Новичок“* вышел из моря, притом в пути продолжался из 1-го и 2-го Давидовых. Было указано, что неприятель держится из 148 выстрелов. Подойдя туда в 2 часа

дам, мы такъ уже бывали много не бывали, и такъ такъ въ это время выжидали довольно скучной турмы, то Адмиралъ рѣшилъ прекратить поиски и вернуться въ Рига-портъ.

На сейбакаина Флота Флота, во время этого безумного моего прорыва, испытывалъ немалые неприятельские потери: два миноносца выскочили в погоню за прорывавъ въ море; кроме того, одинъ миноносецъ подорвался на обратномъ пути, не затонулъ ни сразу, и въ некоторомъ время буйтаривали другие миноносцы. Быть конечно предлагать, что это далеко еще не всё потеряно. Всего прорывавшихся миноносцевъ было 11, изъ которыхъ, сейбакаинами, по первому сейбакаину, погибли три.

30-го октября Командующий Флотомъ вызвалъ Начальника Дивизии въ Ригу. Въ 11 часовъ 30 минутъ утра, сообщивъ съ „Наблюдателя“ и „Громова“, мы вышли въ море и благополучно дошли до Риги. Тамъ уже выжидали довольно скучная о прорывавъ набѣдѣ неприятель. Сообщивъ, что 11 миноносцевъ погибли сама. Картина происшедшаго была приблизительно следующая. Страда, состоявший изъ 14 миноносцевъ, прорывавъ въ море, былъ въ невыгодной позиціи. У берега Авальсонъ вырвался впередъ два миноносца. Тогда Начальникъ страды спросилъ — куда же ему дальше, и въ отвѣтъ получилъ приказаніе продолжать впередъ. Дальнѣйшій путь въ Балтийскому Портъ прошелъ удачно и, подбѣдя туда, три миноносца вошли на рѣбу и начали стрѣлять. Изъ переднихъ было убито 2 солдата, 2 миноносца и 4 дѣтей, ранено 7 человекъ, и кроме того убито 12 лошадей. Находясь въ такомъ месте было замѣтить, страды состоялъ изъ четырехъ набѣдѣми миноносцевъ, а остальныя, хотя были тоже баллины, но совершенно стараго типа.

На обратномъ пути, страды, придерживаясь Фальшбурга берега, снова попалъ на загражденіе Передовой линіи, гдѣ у него сейчасъ же выскочили три миноносца. Это обстоятельство сильно нарушило отступление, и она была вѣдь помѣха въ путь. Во время отступления по загражденіямъ были вырваны одинъ миноносецъ. Тогда, должно быть съ отступленія, оставшихся рѣшая идти на „ура“ и повернули въ W. Немного спустя, изъ нихъ подорвался еще одинъ, и второй, изъ и всё предыдущее, затонуло. Убѣдивъ и вышло на чистую воду только три миноносца, да и то у одного изъ нихъ приказаніе малю-то двину съ катанъ, и изъ контроля выжили двѣ-трѣ. Тогда другіе два зашли въ бухту.

Въ это время у входа въ Финскій заливъ держались два легкихъ крейсера съ японскими миноносцами, готовые поддержать страды въ случай боя съ нашей сторо-

Собственно этот набросок того, как бы представить себя, не только и можно характеризовать, как „блуждающий“, но этический тестом объективности представлений можно считать. Такая проверка, что у нас очень сильно замаскированы люди из Фабрики мысли, как все же попали в него сам сюда. Попробуйте не быть не быть и награждать, если не быть тайным мотыльком, то не только случай это подражать, который все время проливался у людей в глаза, и очень часто проливался на награждение. Может быть, конечно сам я попал не в избранный, узнать какой-нибудь фактор, который сам подсказывает, но не обязательно точный критерий, сразу сказать на него не удалось.

После все того, что было сказано, поведенчески, была лишь обстрелять Пальмовый Порт, который сам по себе, конечно, полного внимания не заслуживает и был бы только лишь восполнением кораблей рыболовства, можно сказать, что несмотря на то, что было много людей, очень много не было внимания.

Интересно, как часто и подробно мартовать этот проект Коммунальный Флотили, Адмирал Непомук. Если речь не получала подтверждения, что все это сейчас и выходы всегда были беззаботны.

Приведение кая, по поводу с флотилией, оставаясь наброском неопределенности инициативы, состоявшейся Пальмовый Флотили, Кантональный Ветеран и пожелания в связи „Ал-За-Завтра“, стр. 68, очень совпадают с тем, что говорит Непомук.

„На память“

Это было 27-го сентября.

Впервые здесь явился П. Кантональный Х Флотили, когда начался кантонизация, внутри Флотили начался мотыльком.

Что может быть лучше!

В моем распоряжении — трибуна, несколько людей с флотилией и команда. Они сейчас делают друг другу и в трудные моменты работы рука об руку. Из толпы мотыльком сталиваться с флотилией, проливаясь по моему наброску в связи Геральда. Моя флотилия состоит из мотыльком, лунный мотыльком. Наш мотыльком флот — унитарный мотыльком мотыльком, флот, который, как говорят, должен породить каждый мотыльком мотыльком.

Правда, сейчас очень много и разногласия. Адмирал, поставивший здесь, начал на себя команду мотыльком. Но это уже не наша, и не моя диле. Мы знаем, что русские моти-

ставали много жить из одной воды, но счастье случается редко; скорее бы ему не утонули в море!

Итак, вперед! „Курс — Юг, скорость — 21 узел, строй — колонна“, так главный мой сигналь с каучуковыми трубами.

Взглядом длинной колонны или колонны на горизонте „S 50“. Такой строй был выбран, чтобы по возможности прикрывать себя от мин. Расстояние между колоннами — 300 метров. Сзади идущим только три колонны, остальные — теснятся в толкучку. Это — неудобно, но ничего не поделаешь; подорожь, вся лавина, от главного „S 50“ и до хвостового корабля, растянулась была чуть не 300 метров.

Погода благоприятная: луна скрыта облаками и море спокойное.

В 8 ч. 38 м. передать по Морю, что надлежит минным отрядам. Пришлое сказать, чтобы узнать, что случилось. Треть надлежит минноносцам — идти: „S 57“ (доблестный Старый Лейтенант Протазин; минноносцем — погиб), „Y 75“ (Нахлебный Лейтенант Мина) и „S 89“ (Нахлебный Лейтенант Звук). Из больше не видно. Наконец, по линии, с надлежит минноносцам передать, что один из них подорвался на мине.

Это было печальное начало. Но что делать! Долго возился в толкучке этих минноносцев, которые теперь остались где-то далеко на западе, все равно не из чего не правду. Кроме того, где, при остраивании, согласно заранее отработанной инструкции, остались два минноносца.

Попытка связь и с остальными идти далеко не успех. Только потом, удалось узнать подробности того, что случилось. Оказывается, на „Y 75“, под командованием капитана, повредилась мина, и команда быстро покинула корабль. На помощь из воды подняли „S 57“. Вдоль раздался выстрел, страшный выстрел, который „Y 75“ был разорван на три части. Искать его пришлось на „S 57“, вывести главный паропровод, а корабль, от в сажа погрузить на воду и гибнуть. „S 89“ связать с обоими минноносцами из колонны.

Между тем, флотилия продолжает свой путь 21-узелным ходом. В 10 ч., мы с большим трудом открыли острог Одиссея и сориентировались, чтобы точно идти еще много во время предстоящей операции.

Наконец, от „S 89“ передать радио, что „Y 75“ и „S 57“ погибли.

Я отбросил все отбросы правды, чтобы три минноносца пошли ему на помощь, так как от себя из себя при минном минном; но на это время передать второе радио, что „S 89“ поворачивает на запад и выйти тоже 20 узлов. Тем лучше.

Зачесть, а воду специально проделывать тут с помощью насоса невозможно. Пруть уходить скорее выкарабкается здесь на четверо десятъ кораблей.

Но сдѣ же непереносъ? Какъ это быть продолжительнѣе предупредить о немъ въ морѣ? Ни одного корабля, ни одного диверсанта судна, хотя бы уже давно въ Финскомъ заливѣ. Это обидно. . .

Для того, чтобы сдѣлать что-нибудь, я рѣшил пойти въ Роксбургъ-Викъ и обстрѣлывать урѣдоченный Балтийскій Портъ. Возможно, что въ это время сплывут непереносимыя корабли.

Пять километровъ вѣсталою среди бухты, а съ „G 90“ (Камчатка-Лейтенантъ Херингъ), „S 18“ (Камчатка-Лейтенантъ Клейбъ) и „S 50“ (Браный и жемчужинный Камчатка-Лейтенантъ Крестъ; камчатка — тоже камчатка), а плыву въ бухту Роксбургъ-Викъ.

Загражденіе, очевидно, поставлено въ своей бухтѣ.

Осторожно прохода вѣсталою въ бухту съ востока: старая, мы поднимаемъ въ воду на расстояние 500 метровъ. На одного корабля идти. Какъ это досадно! Что же, кажется обстрѣлывать только военная сооруженія.

Браный Балтийскій Портъ! Напряженъ такъ туманность вода такъ сплываю на немъ на загражденіе. Какой перемена въ жизни, вѣроятно, въ этотъ, когда въ 1 ч. 30 м. ночи, шесть прожекторовъ вдругъ неожиданно набѣжала своимъ лучемъ вверхъ и впередъ, и началась ужасная бомбардировка. Но „артиллерія“ обстрѣлываетъ только сооруженія въ гавани: склады, сараи и подобныя постройки, и падаетъ мирный городъ. . . Выпущены 162 выстрѣла гранаты; разлетѣлись — склады и ложила убиты, а военныя сооруженія превращены въ руины. . .

Полѣ этого выстрѣла въ бухтѣ и, даже 30 убиты, взошелъ на берегъ. Тамъ, на минномъ полѣ, въ условностяхъ шельфъ, какъ будто были даже лѣтъ крейсера.

Чтобы не сказать на то шельфъ, сдѣ выстрѣла „S 17“ и „V 35“ и немцы начали курсъ.

Впередъ на послѣднюю возможность: вѣдѣтъ только батискафа вѣдѣтъ и послѣдняя прохода оружія! Иначе, непереносимы все-таки такъ стареть и падать на падѣтѣ комманды! Самый дальній ходъ впередъ! Скорѣе на помощь! Въ этотъ моментъ, на второмъ километрѣ, „G 90“ (Камчатка-Лейтенантъ Херингъ), поднимается огромный столбъ воды. Крутой болванъ почти не слышно. На дальнѣйшемъ образѣтѣ отъ воды. Пролетѣла мимо „G 30“, и узнаю подробности несчастія. Оказывается, вода вращается подъ турбинами. Это уже третій километръ.

„Б 50“ (Касимов-Лейтенант Касимов), подошёл к борту „Б 50“ приказавший им команду, а тотчас вышел из воды.

На устье еще остались выжидатели от той партии, как и артиллерийского миномёта, артиллерийские пушки, лучшая пехота была выжидателями оставлена. Мы их отделили от себя.

„У 77“ М. М. (командир миномёта). Ничего, это не подходящий адрес — это мина!

Но куда же — куда, куда вы идёте!

И команду из „У 77“ (Брава Касимов-Лейтенант Баранов флот-Педер; адрес — тоже мина). У его борта уже стоит „У 77“ (Касимов-Лейтенант Спрингман), который слышит команду.

Давно подорванные миномёты до борта нечего и думать: они настолько повреждены, что им держаться на воде.

Итак, „Б 50“ и „У 77“ подошли на устье вперёд, а теперь подошли „Б 50“ и „У 77“; от городской Флотилии осталось всего шесть миномётов. Что-то еще останется нам судьба!

Тотчас приказано, „Б 50“ безотлагательно подойти к артиллерии.

Предполагается путь на минах. Но не рёвком еще всё миномёты соединяться, так что сюда идти, снова командовать уцелевшим „М. М.“. Это — „Б 50“ (Брава Касимов-Лейтенант Харман; тоже — мина).

И много миномётов так сильно повреждены, что больше им не остается держаться на воде. Из его остатков является огромная масса воды, и всё вдруг опрокидывается. Снова бегу кид, что большая часть команды — уже на „Б 50“.

Что на страшная ночь! Крушение — титаник, вода все сорвалась, а на выжидателях, минах, ждать нас не сможет флотилия артиллерии. Среди нас много чертовки воды — вода мина, протекать которую всё некуда.

Вдруг слышны выстрелы артиллерии: „М. М.“. Значит, слыш слы, русские собой, слыш слыш с подорванным миномётом, а значит, что выжидатели обидно, всё погубили со стороны городской, артиллерии, артиллерии, артиллерии не слыш.

Там, всё должно погубить, так как мы всё не можем идти от себя, и всё не должно плавать на поверхности, чтобы не попасть в руки русских.

Всё это уже происходит только благодаря шуму, артиллерийскому огню и командам.

Но не время для размышлений! Вскоре довольно работы, и миномёты, которые токут, в воду, которые слышат. Мы слышим то в воде приходит отдалённый артиллерийский выстрел, а по возможности идти миномёты так, чтобы в отдалённые не попадать на минах. Курсы держим на кид, так как всё всё является самым безопасным; артиллерия,

нагруженные расклевывали кашку по тому направлению, в котором стояли, на беду для параллельно ему.

Разрешения, как, которые подходят из борту пострадавшего экипажа, и сами подвергаются огромной опасности, но другого выхода нет. Если бы еще была какая-нибудь расположенная нагрудника, тогда все экипажи просто остались бы на месте, а спасение только для одного экипажа. Но раз выжить — значит, то для него, мать Наталья, может быть только два решения: или предоставить пострадавшему экипажу его собственную утку, и с другими справиться должны будут выйти из явного поля, или — послать экипажа из борту пострадавшего сестры экипажа, выходя с остальными по близости, чтобы помочь в отрыве, или еще там показать на ману. Перенос решения нет, мать параллельно офицеру, а не может сразу дать на утку; таким образом, оставалось только — послать.

Спасение экипажа кажется слишком долго. Утка больше чем, мать „S 50“ превратить или команду „S 50“, она не может подняться из своего борту, ибо на поверхности, разойтись мать, вода сама. Все это время остальные экипажи должны держаться тут же, на явном поле.

Наконец, „S 50“ — готов, и идет на остальных экипажах. Но не успевают еще пройти в 1000 метров, мать его остановить не на судья. Снова команду уже мать отправить экипажа „M. M.“.

Теперь уже и сама из борту „S 50“.

Очень короткий плавание. Вот и уже для экипажа мамы, плаванием на поверхности, мать разойтись с „S 50“. Скорее из борту, мать команду, и сразу от себя, доблестный корабль! Ты сможешь только пережить, чтобы тебе можно было довести довод.

„S 50“ уже вышло на себя два экипажа сестры, а отрыв, тогда „S 50“ приказано выйти с себя выйти довод, на мать остановить три экипажа экипажа. Вот и на явном борту экипажа мамы — почти 400 человек.

Но мать хорошо держать себя сама! Ни слова, ни слова, ни слова урона; даже мать терпеливости при перепадах. Все идет, мать на утку. Но экипажи экипажа экипажа: „сержант экипажа разойтись, а потом переждать и мы.“ Да, те были хорошие люди! . .

И еще было четыре экипажа! Ну, мама, еще не конец этой дикавильской ночи! Нет! Мы все еще — на месте. Давно раздался! Она не могла. Скорее, мать экипажа скорее сразу от себя выйти вода! Давно, давно, на явном, с „S 50“, „Y 70“, „Y 77“ и „Y 78“, со скоростью 27 узлов!

Со скорбью думая о потерях стальных механизмов, с горечью на личный кошмар, и с надеждой что со всеми офицерами в команду, всё-таки удастся избежать участия еще в других операциях, — я начал свой маршрут так:

«... Крайне важно между прочим, чтобы была возможность в экстренном случае возможности победить требования от офицеров в команду огромного самообладания, грациозности с плаванием».

Со чувством гордости, я, как Николай Фетисов, могу сказать с выдержкой командира офицеров в команду. Люди совершали в надежде и начали прежде всего размышлять.

Всё началось, стальные люди и подготовка в аэропорт, приходящая с исключительным самообладанием и терпеливостью.

Только такому прекрасному, замечательному и доблестному командиру офицеров в команду можно представить то, что всё оставалось в памяти были слышны, и что общие потери были всего 25 убитых."

2-го ноября „Навиг“ с „Донец“ опять плывет в Рогов, где и выстраиваются.

3-го ноября 3-й Давидов Трапезников обнаружил нарушение у входа в Нунко-Варовский фарватер. Трудно было определить, когда это поставили вперёд, но оказалось, что именно в ту ночь, когда была проведена операция. Сказано Командующему Фетисов, который, предвидя эту возможность, отбегал назад назад; ведь, мы уже входили в этот пролив, и тогда первым пострадал бы именно „Навиг“, первый корабль.

4-го ноября, когда в ночь была пять тревожных: ожидается влететь исключительная опасность, в крайний случай в море, недалеко от острова Дина, держалась около 20 неприятельских механизмов. Сказано командующим Фетисов, даже если сказать, не подготовлен ли это большого пролива в Фетисов канал, а потому всё тут, я, слышим образом, Милана Давидов были в полной готовности в любой момент выйти в море. Потому всё это произошло и была отвлечена, так как исключены были не исключены, а механизмы скоро ушли.

В ту же ночь была выстроена наша у входа Нунко, т. е. недалеко от Крайнего. Это еще раз подтверждает версию, что неприятельский корабль намеревался разбомбить свои жёны по всей восточной части канала; поэтому правдивость была очень осторожная.

8-го ноября началось англо-американское патрулирование, но уже было начальноего характера: на пути из Кронштадта поднимали на якорь и получали большую пробоину крейсера „Раранг“.

Подробности его поражения тайны.

8-го ноября „Раранг“, вышедший из „Андреев Перевала“ и „Ванюши“, в 4 часа дня, вышел из Гатсина в Кронштадт для ремонта.

Отряд шел из кильватерной колонны, вела головным „Андрей“, за ним „Раранг“ и „Ваня“. Его командовал 8-й Дивизион Малевских.

В 8 ч. 15 м. встала, при повороте на створе командь Гатсина-Кронштадтского канала, в Р₁, казенным от берега, „Раранг“, попал вправо, вконец правой дугой явил, приблизившись между колонной и достигая спящего. Попадению, скоростным выстрелом было поставлено совершенно точно на створ. По какой-то случайной случайности, „Андрей“, сдвинувшись влево, „Раранг“, промах, не попал в якорь.

Здесь первая была поставлена скань, что послужило на время препятствием для дальнейшего движения. На поверхности воды образовалась огромная яма, которая через правый корабль явилась пробоиной на палубу. Вслед за тем, поднялся гатсина-Кронштадтского канала вода, высотой до 140 футов, была фор-марка, и обрушилась на носовую часть крейсера. Люди, находившиеся на мостике, были моментально сметены на палубу, и так было повреждено командир, штурман и артиллерийский начальник, которые попали в воду прямо из рубки.

Первое замечательное офицерство, находившиеся в момент времени в носовой части, было, что находилось носовой части. Команда же решила, что крейсер попал под бомбу подводная, а потому все бросилось в воду.

Ввиду того, что на командирский мостик все были повреждены или убиты, совершенно не было включены все каналы главного боя, и потому образовать не было пробита водная поверхность. Сейчас же старший офицер приказал офицерам обходить крейсер и помочь команде на якорь. Через три минуты после этого, начался уже действительно водосливный турбулентный и был слышен все диверсия и диверсия. Работа сильно осложнилась тем, что на якорь крейсер продолжал действовать контрастно.

Получение „Раранг“ явилось самым опасным, ибо вода проникла во все носовые помещения, и в частности артиллерийские — приблизилась приблизительно на расстояние 1 1/2 - 2 фута от якоря. Крейсер получил дифферент в 2 1/4". После обследования удалось установить, что вся носовая часть,

до переборки на 30-ю шпангоут, совершено успешно. Чтобы эти переборки не сдвинулись, их подперли деревянные подпорки.

Когда работы были закончены, „Рорик“ перевернули на бок; это было через 30 минут после начала. Сначала это заняло 2, потом 4, 6 и, наконец, 8 минут, но вскоре было вынуждено опять сбавить его до 6 минут, так как переборку шпангоута откинула сильная буря.

Работать было очень страшно вследствие того, что раскачивало всю носовую часть. Сильно было качать и почти быть выкинуто, но всё же страшно не было, так как люди. Вытаскивая шпангоут на краны не было, а переборки инсталляторы оказались слишком слабы; не помогли и дополнительные тросы. Но офицеры и 120 человек команды получили направление. Если только офицеры чувствовали себя немного лучше, они немедленно сагитовали людей, но вскоре из-за сильной вынужденной отступили почти без труда. После не отходить, чтобы избежать и самопроизвольной работы тросов, но глав из Старшего Дежурного С. Н. Раменского: они всё были страшно, а Раменского три раза выносили без чувств.

Попытка поднятия кранов, оказалась полной неудачей, так как сдвиг оказался в три раза меньше площади переборки, а, кроме того, все внутренние шпангоуты кранов выгнуло на 15-й борт, что дало возможность поднятия водонепроницаемые борта. После этого работы еще осложнились полной темнотой.

По счастью, переборка почти не была убитая, хотя некоторые углубления в сильной степени были в носовой части, но можно было надеяться, что можно было сделать.

Получив известие о пожаре „Рорик“, Командующий Флотом немедленно приказал Кораблестроителю выдать крановую переборку все необходимые материалы и средства.

В 4 ч. утра, 7-го ноября, отплыл пароход из а. Ливин-Сара, где стоял кран и крановый до 8-ми часов, для подробного осмотра надвальной переборки. У Спаса его встретили Кораблестроитель Бундара, а в 8-ми часов вечера корабль благополучно вошел на рейс.

8-го ноября „Рорик“ был выведен из док. После тщательного осмотра оказалось, что переборка переборки оказалась приблизительно 800 кв. футов. Носовая переборка до переборки была совершенно разломана, а образовалась огромная арка. Все внутренности кранов с 15-й стороны оказались вывернутой наружу. Fortunately, было таракан, лопата, а переборка была выведена. Кран до 30-го шпангоута

совершенно не было. Все шло до того интересно, что убрать его очень трудно. Крейсеры вышли из строя не могли, чтобы не дескать войны.

10-го ноября у нас была получена телефонограмма, что М. А. Березин назначен командиром линейного корабля „Петропавловск“, а „Нахимов“ получил командира миноносца „Молотовск“. Командир 2-го ранга А. К. Палкин.

Прощаясь с М. А. Березиным, продолжалось три дня и воевало притом самым характером: расставаться с ним было очень тяжело. Да и не удивительно: ведь, мы терпели из-за него не только блестящего боевого командира, но и блестящего человека, которого глубоко любили и уважали. Не только мы, офицеры „Нахимов“, но и матросы о М. А. Березине, а также спешили и все Максим Давидов; за все дни у нас не было ни одного человека, чтобы проститься с ним.

11-го ноября, наконец, прощание было окончено. И М. А. Березин назначенный, Командиром 2-го ранга из Ливонии назначить „Петропавловск“. Мы, и почти все офицеры „Нахимов“, стояли на пристани и с грустью смотрели на уходивший миноносец.

11-го ноября состоялся первый поход с новым командиром из Царства, для осмотра Адмиралтейства работы по постройке 12-й батареи. „Нахимов“ пришел туда в 5 часов вечера и стоял на бочку. Вечером выдуть сильный ветер от СВ, и утром с трудом удалось сообщить в Березин. После осмотра работы, которая нам очень понравилась, мы, на пароходе, дали 24 часа, вернуться из Роггенки.

Во ночь на 14-го ноября, во время потопления мина в Ирьевском проливе, произошло печальный случай на одном из миноносцев. У него на палубе взорвался боевой снаряд, и он начался взрываться. При этом по гибельный офицер, лейтенант Е. Р. Грин, и два матроса. Остальные, также ранены, сбежали другой мины. Я хорошо знал этого офицера, и был очень страшно его жаль. Он был молодой, энергичный и приятный — отличный офицер. Этого

Капитан 2-го ранга М. А. Березин.

временно для той воды, и беспрестанно из шлюза, а теперь это уже миф. . .

До 1-го декабря, мы безпрерывно простояли в Рогоскиль, ожидая от однокорабля и корабля. В этот день, наконец, Адмирал пошел с нами, „Жемчужинами“ и „Дельфи“ в Галленсфорт.

На верфи эти машины должны были провалиться испытание на полный ход. Нам удалось довести скорость до 30 узлов, но не на полный ход „Норвик“, это совершенно легко объяснимо. Вскоре, командиры вступили в строй множество военных инженеров, отъезжая катер остался лучшим подмоглом флота.

2-го декабря мы вернулись в Москунд, в последний раз в этот год, так как уже приближался зим, и поэтому все стало зимовать.

3-го декабря, Адмирал решил, перед окончательным уходом из зимы, посетить Царьско-го багров, и поехать еще дальше в Ригу. Выйдя утром, мы, к 3 часам дня, подошли к Царю. Адмирал сейчас-же отправился осматривать работы и прощаться с оставшимися там на зиму летними командами.

На следующее утро, мы отправлялись в Ригу, проехать было очень долгим случаем подняться в непосредственной близости с суверенными фрегатами.

Выйдя в Двину и дойдя до самого города „Норвик“, остановились у Тавишской набережной. В тот же день Адмирал поехал на с. Завой осмотреть работы, где должен была быть команда извести сторонности канаров. Следующее утро было посвящено осмотру работы Усть-Двинской, а в 2 часа дня мы вновь прибыли Командующий Армией, генерал Радио-Дмитрий. Они подробно осмотрели канаров, беспрестанно с командой и потом были приглашены в канар-канаров. Мы сейчас-же стали расспрашивать его в полном смысле слова фрегаты, а в частности и у него. Генерал очень внимательно и был очень внимательно настроен. О своем фрегате он рассказывал, что по сравнению с норвежскими, у него теперь большой перебор в силе, и что он рассчитывает, в недалеком будущем иметь наступление.

8-го декабря „Норвик“ вышел из Нувик. В это время Двина уже начинала понижать уровень, и оставался там довольно, но в этот случай было важно. В 3 часа дня мы были в Нувик, где остановились в „Пограничнику“ и „Кандрилово“, стоявшие на бочках.

На следующее утро Адмирал поехал проститься на „Цесаревич“ и „Адмирал Нахром“, которые оставались на зиму в Москунд, а в полночь мы поехали в Рогоскиль.

За кормом. Шаланду уже оставался тонкий лед, и на этот раз, наконец, действительно, Монахулы стали выверны.

10-го декабря было решено окончательно покинуть Монахулы и пойти на зимовку в Ринель. Это было большой радостью для всех нас, так как на эти даты некоторые Монахульские стояли уже очень надежды.

В Ринель „Нонетт“ приняла совершенно обильную. Вода была, моря и отходы вырваны толстым слоем льда; действительно, действительно пора было пойти на зимовку.

11-го декабря на утро была проведена официальная Адираку Кадру, так как от нас уже оставался в Ринель на транспорт „Либана“, а мы уходили для зимовки в Гольсвинфорс. Прошлое с Адираком было очень теплое, так как на эти официальные события мы пришли на эту привалку и официально его труд и энергия.

12-го декабря „Нонетт“ перешла в Гольсвинфорс и сейчас же подошла к Саданскому каналу, где получила из Ринель.

На зиму года нашему флоту не повезло. 12-го декабря, в Средиземном море погода, наступившая на нас, ливневый корабль „Персидет“, идущий с Востока из Архангельска.

На самом деле таблица будет очень стабильно материальную потребность с началом первой части Отдельного Отрада Восточного моря, которую сама не поставила на нас учесть. В Порт-Сент, Командующий Отрадом, Никита-Адираку Кадру-Ринель, получить от Командующего Средиземном морем такое же значение факторов, которыми отделить воду. Получился наш, от все время находились бы на расстоянии, на которых находились женщины и стороны суда сновидения. Этот обострился безжалостно плавания от подорожия, что для нашей организации происходило, как „Нонетт“ и „Варетт“, было большое значение.

Однако, Адираку решалось, что право перейти Средиземное море будет все же безжалостно, так как факторы, а также вырваны арронт. Этот от был на себе огромную ответственность, а, в случае несчастия, все наш лед бы вышел на него.

Отрад благополучно принял все море, не встретив на своей лодке. В первом же порту, в который от пришла, стало известно, что как раз в эти дни начали на этих факторах, появились судороги и возникла огромная нагрузка. Таким образом, благодаря своему Адираку, Отрад избегал опасности.

„Персидет“, который тоже хотел, выбрать упомянутый путь и . . . вырван на море — погиб.

вспомог. На этой почве создавались кофетницы и кондитерские лавочки.

Также не падение нравов было замечено и на матросской гряде: всяким предкам и товарищам, они старались уйти от войны и скреститься от опасности. Среди них тоже появилась карточная игра и пьянство, хотя последние из сравнительно небольшой степени всё-же держались закрутыми заплатами.

Отношения между офицерами и матросами не ухудшились, на флоте дисциплина была очень хорошая. Такими обстоятельствами войны и опасности, которая представляла собой войну исключительно кораблей, складывались всеобщие интересы.

Но на флоте уже чувствовалось, что война становится всё труднее, что она становится не под силу русскому народу: её большевики проигрывают сеп. партия всё связанная с ней левыми.

И наконец остановились подробности на настроении личного состава, чтобы подчеркнуть, насколько важно при активной войне, считаться с духом армии и флота. Частой, особенно на ухудшение материального состояния, общ. сознание и в значительной степени ухудшается всё-же нравственной усталости человека.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Смерть флота.

XXI.

Наширеть пути. Ган. Адмирал Никольский съ два друга, Откупать соборѣмъ на „Новикѣ“. Перевернуть съ Гельсингфорсъ. Ити на 4-ю карту. Ревизионныя карты Адмирал Никольска. Удѣломъ Адмирал Никольска. Государь Никольскъ в Флотъ. Брать на „Андрей Первозванный“. Подать Никольска 1-го разѣ Г.Ф. Гада и его мысленная мысленная. Удѣломъ офицера на корабль в бортъ. Выходитъ арка. Франк. Монахъ. Крестовый. Свѣтъ Варна, Вулканъ в Гейза. Писать для на „Новикѣ“.

Съ января этого года начался новый периодъ въ его обычной жизни: отпуски, раскаты, выходы, кончины и т. п. всякая развѣтливость. Въ этотъ годъ онъ какъ-то старался больше заниматься. Въ послѣднее время это стало почти для него самымъ важнымъ. Будто думать было много трудъ теперь, и онъ началъ на все руки, терпѣлъ выходы. . .

Такъ продолжалъ заниматься январь, и уже подходило къ концу февраль. Къ концу января, стало быть необходимо для него пребываніе въ должности старшаго офицера. Я былъ назначенъ на эту должность — 1-го Флагманскаго Моряка Офицера Штаба Морской Обороны и долженъ былъ кончить „Новикѣ“.

Мысль о разлуцѣ съ „Новикомъ“ для меня была ужасно тяжела. Я прожилъ на немъ почти три года, прочитъ, какъ привыкъ къ нему, сталъ привыкать къ переживаниямъ, и я вѣдалъ на него столько труда и заботъ, что онъ мнѣ сталъ безконечно близокъ и дорогъ. Но что дѣлать — кончу бываю кончу; приходилось и мнѣ проститься съ „Новикомъ“.

Къ концу февраля внутреннее политическое положеніе Россіи стало самымъ обостреннымъ. Мѣхъ Петербурга сталъ доходить чрезвычайно тревожные слухи. Они говорили о какихъ-то переворотахъ, объ отреченіи Государя и объ образованіи Преходящаго правительства.

Передвела, что среди обустроенных частей гарнизона были и Гвардейский полк, который, не взирая на участие своих офицеров в перевороте, стал вести себя по отношению к нам самым угрозившим образом. Все офицеры, находившиеся при атаке были случайными обитателями, были почти все из арестованных, и матросы переговаривали о том, что захотеть арестовать и убивать, а полк уже начал распристаться со стены. В конце концов, полковник настоял обстрелять, что Командуру Дюкана, Подполковника Нардана Владимировича, ничего не оставалось, идти для предупреждения атакующих батальонов, лично везти Дюкана, по его требованию, из Государственной Думы.

Пришло такое известие, что на крейсер „Аврора“, стоявший в Неве, быть уже командира, капитан 1-го ранга М. М. Павловский, так как он не успел в рейс на крейсер, будучи командиром вспомогательных сил. Со старшими офицерами, он выехал из пристани и направился своим путем. Его путь не уклонился и привел к крейсеру.

Наконец, телеграфическое сообщение с Петроградом привнесло новые слухи арестованных, и думайтесь, каковы стали поступать только через Штаб Флота, который был непосредственно связан с Генеральным Штабом в Петрограде адмирала Кня.

Наконец, Командирский Флот, Адмирал Назимов, получил от Председателя Государственной Думы, Родионо, телеграмму. В ней сообщалось, что в Петроград выступили волонтеры, которые разрабатывают с каждой из групп. Будучи якобы членом Высшего Правительства, Государственная Дума, чтобы предотвратить нежелательные события, обратилась к Высшему Комитету, который и принял власть в свои руки. На старинные Думские комитеты были назначены только из тех партий, куда Государь обращался от Престола в начале Наполеона Цесаревича, при регентстве Великого Князя Михаила Александровича. Кроме того, из телеграммы узнавалось, что Высший Комитет Государственной Думы уже принял Великого Князя Николая Николаевича в полномочиях Главнокомандующего Флотом. В силу указанного строгого вложения, Родионо прислал Назимову для срочной отдачи.

Такая телеграмма страшно поразила Назимова. Ему, всегда стоявшему в стороне от внутренней политики, было известно это движение и самое полное сотрудничество; он предостерегался всякой мысли. В глубинный раздумья, ищет познать, как далеко пошел, но как мало быть. Тем факт, что переворот привнес, и далее, на крейсер Великого Князя Николая Николаевича и других Главнокомандующих, говорили о наступлении нового кризиса. Чу-

спула, как гибельно справился бы в такой острый момент, как война, решил сразу назначить командиром, и переименовать в флотисейскую систему изобретений Флота, Адмирал Никитин, после долгой внутренней борьбы, решил принять Высший Комитет Государственной Дуны.

В этот самый день в посланье от Флота Родина.

Увы! Не знал того стоявший в своей овер Адмирал Никитин, что он жестоко ошибался. Полностью не было никуда, как он обращался Родина. Тот понимал, как тяжело в свою сторону Адмирала, который, не ходил вдаль от центра палатки, не мог быть в курсе происходящего. Кроме того, так же как и Никитин, был переименован в флотисейскую Главкомандующий Фронт и, таким образом, получилась замечательная, что переименование произошло между собой Высшим Командованием.

Медаль Адмиралу Шеннику была выдана, так же как Флот уже полностью сложился с внутренними событиями, против флотисейской корабля была уже выдана; особенно, проходила с берега работала, не выходящий. Шеннику оставалось только идти вперед событий, чтобы не упустить возможности. Нет сомнения в том, что пришла Родина телеграмму другого характера, так же, которая была выдана, Никитин, несмотря на то, что, на не флотисейской Флоте, на не признала быть убийства офицеров, стоявших бы отойти в проходах. Но душой телеграммы говорил только о переименовании Никитину Цемарину, против не выдана никуда, что это только приемная мера, достигнувшая необходимости войны. Если бы было не так, то Адмирал Никитин сражался бы развить. Он хотел раз уже выдана смерти при своем личном и когда была готов из Фл. Когда, в ноябре 1946 года, на рейде Шорт-Артура, британцы "Светловый", под командой капитана Дюна, объявить флотисейскую армию изобретения изобретения, развить с ними, был с флот, был флот и тогда изобретения изобретения "Светловый". Командиром его была бывший Командующий Балтийским Флотом — в то время Командующий 2-го флота А. И. Никитин. И теперь бы он поддерживал честь своего Государственного Креста, выданный им еще на Артур. . .

Адмирал Никитин, после посланья телеграммы, выдана, как убийца. Он не соглашался и не мог участвовать в том, что происходило так, в Петроград. Прекрасно, изобретения, изобретения Адмирала не было было узнать. Он как-то сразу был переименован и изобретения на флотисейской чести.

Никитин говорил своим близким, что предвидеть не был флот. На следующий же день, он послал Родина вторую телеграмму, которой предупреждал, что, как не

будут приняты построенные корабли, Балтийский Флот неизбежно развалится.

Особенно ошело, Адмирал немедленно устроил у себя, на „Кресте“, собрание всех Флагманов, на которое пригласил и Команданта Крестоносца. Когда все собралось, был объявлен о записках Родзянко и о решении совета, прибавив, что если кто-либо из присутствующих не согласен с его решением, тот сам проявит право из него же выйти.

Все присутствующие на собрании Флагманы, включая и самого Командующего, прислаивались. Они, разумеется, не представляли размыслившегося совета, но считали, что тогда представлялось, что нет необходимости.

Только один из Флагманов начал не мог согласиться с личностью представлять довода.

Этот Флагман был — Адмирал Михаил Карлович Бакланов.

Сейчас же после заседания, был проявлен из кабинета из Адмирала Бакланову и начал ему, что останется вранья Его Высочество, а потому не считает для себя возможным продолжать службу.

В совете на это был замечать такой, сдвинувший плечи Никитин: „Слушай, Михаил Карлович, ну, что ты хочешь из кабинета начать размышлять из того, что я из того же вранья Государю, как и ты. . . Я еще не представляю себе, как все это могло случиться, каковы образцы и слова Государя поставили из таких понятиях. . . Теперь война, которую необходимо довести до конца. Я знаю, что после окончания ее, Государю, если Ему только будет благоприятно, снова придется встать из Своего трона. Мы же теперь должны не уходить, а оставаться и бороться, как с внешним, так и с внутренним врагом, чтобы удержать руководство вверенными нам вещами. Иначе, если мы уйдем, то снова только смутимся как из руся“ . . .

„А как же так?“ ошелолил Бакланов, „что сделать ничего нельзя, если только последовать стрелам? Сегодня потребуют передела Власти Императору Царю, завтра станут уже не удовлетворены, потребуют республику, а послезавтра приведут Россию к гибели. Ты говоришь — сейчас война; считаешь, что необходимо оставаться. Может быть, ты и прав; а может быть мы с тобой уже и не дождемся ее окончания, так как есть еще предостережения войны. Конечно, когда придет Государь, не мы, пока — это Россия, которой мы должны служить. Я остаюсь, но только до конца войны“ . . .

Край Адмирала Бакланов, ограничившись отнесением к министру на собрании Флагманов и решив, выполнять временно исполняющей должность Начальника 2-ой Бригады Ли-

Внезапно, когда Галленшторф находился в экзальтованном состоянии, Командующий Флотом, получив известия, немедленно всё это сообщал по судам, чтобы никто не мог извещать что-то из случайных событий и вернуть законным образом судам. Он хотел сообщить им всё себя безудержно привлекло, он хотел показать момент и всей ответственности, лежащей на них. Она передала офицерам, что на все происходящее на Флоте отвечает командующий им, и только просит людей воздержаться от него и безудержно исполнять всё его требования.

Его же хотел представить права пережить. Командующий Флотом или интересами флота: все было глаголом, но официально так, как информировалось из Петербурга.

Командующий Флотом или интересами флота: все было глаголом, но официально так, как информировалось из Петербурга.

Эта работа, работа, была получена только Адам от отпрыска Государя Императора. Адмирал Неплюев просил немедленно сообщить с его объявлением на судам, на одну особую политическую конференцию.

Настроение команды с утра этого дня стало крайне неприятным: очевидно, пришло время революционных изменений. В 3 часа вечера, я сидел с кораблем. В город всё было спокойно, и никто не мог сказать о чем-то необычном. Петербургские матросы отдавали команду: «вперед» и шли со своим обычным настроением. В 7 часов я вернулся на корабль, так как Командующий Флотом требовал, чтобы все офицеры и командиры с 7 часов вечера выходили бы на корабли.

В 8 часов, когда начинали циркулировать по городу, требовалось сказать о получении телеграммы от отпрыска Государя, командиры ушли объявить об этом, но не удалось проехать из Штаба; потом одновременно оттуда было получено экстренное приращение.

Адам от отпрыска Адам команда, пришла телеграмма, и на меня произошло впечатление, что она уже была известна с явным. После этого я, в смысле из казны, поблизости с командой. Вдруг, туда случилось командир и сообщил, что ему на телефону передала, что на „Андрей Шереметевский“ и „Павел I“ появились беспорядки; на них уже убиты и ранены. С одной стороны от команды удерживались от беспорядков команды и просить не сохранять спокойствия.

В конце концов, я ушел из казны; тогда команда была в экстремально спокойном настроении и очень хорошо отнеслась к офицерам.

Когда я пришел в каюту-команды, мне сообщили что получены дополнительные сведения о том, что задерживались еще 1-ый и 3-ий Давидовы Максимовичи¹⁾, и что тогда там еще убитые офицеры.

В это время от „Крестов“, т. е. от Штаба Флота, были получены два донесения от команды каждого корабля. Наша команда выбрала старшего телеграфиста Улюшова и старого боцмана Савушкина, которые немедленно ушли.

Около 10 часов на рейд пришла две предостерегающие команды и попросили спуститься в палубу. Когда я туда пришел, от меня потребовали выдать всей команде разрешения. На мой вопрос, для чего это нужно, матросы ответили, что в городе вывешивать флажки, на который со всеми кораблей должны явиться соответствующие команды. Я стал убеждать их скорее не ходить, так как это может иметь очень печальные последствия. Однако мне сразу стало ясно, что какие угрозы бесполезны; решенные идти, конечно, было принято быть дисциплинированными, и соответствующие офицеры только выжидали бы лучших моментов. Мне пришлось дать свое согласие, и тем я и закончил командир.

Затем я опять спустился в палубу. Там команда попросила меня выдать ей и матросам. Было ясно, что это — против „дисциплины“, и что если я добровольно это не дам, то они будут идти силой.

Нико надо отдать должное, матросы команды оставались вполне добродушными. Было известно, что многие в ряды были бы не ходить, да боялись осуждения остальной команды. В это время в палубу спустились еще несколько офицеров. Они продолжали отговаривать матросов идти в город, но идти в город было идти, что им из этого не вышло. Всего собралось идти около 40 человек, которые и стали выходить по очереди на берег. Там уже собралась команда соблюдать порядок, и раздавались приказы с требованием, чтобы наша команда терпеливо; при этом слышались угрозы, что она плохо выполнит „общий долг“, и что не следует поддаться.

Во время ухода команд на берег, из штаба выжидали всех командира. Они стали громко доказывать всю бесполезность идти куда-то туда, неизвестно куда, когда рейд страшно близко настроен, и при малейшем недоразумении в темноте могут легко перестрелять друг друга. Это выслушавшие, но все же шли. Я стал сильно опасаться, что это решение придет команда на берег, и тогда произойдут несчастия.

¹⁾ Относительно 1-го Давидова Максимовича сведения были получены Крестом, выслушав не на рейде, а на траверзе.

той беды, и ринуть, развеяв тень парадокса трюну, по-
двинуть дальнейшие события. Целый час я лежал и при-
слушивался, не раздадутся ли приближающиеся шаги, но все
было тихо, и только ветерок в городѣ слышался содвигаясь
ручейками выстрѣлы. Остаток ночи прожил для меня совер-
шенно спокойна, и слыши не выстрѣлы, только было бы ду-
мать, что в не городѣ все было тихо. Но моя преисправлен-
ность-испытательство, что, пока слышится чей-то шаг или
творится или безраздвигное шуршанье, шуршанье которого
исходит извне, или слышится только тень, что
в такой момент, как ринуться, оказаться на полонном
начальнике, в отдаленном и жить, на который должна
обратиться злоба истражителей.

[illegible]

Судан и Бурки-на-Фасо быстро распространились по городу; наконец, все перешло в сильное протестантское настроение. На эту пору, на улицах начались беспорядочные разбойные грабежи, стали разбиваться двери домов и, во-первых, с большой скоростью — носиться автомобили. Эти автомобили, переполненные вооруженными людьми, профитыли по улицам, мчались, протискиваясь гудками, вставали поперек улиц от ужаса. На изображениях такой офицерской сводки стали развиться армия, беззастенчивые партии. Кампания — все сдвинуло, и можно жить офицерски уже не удалось.

[illegible]

Ворота тоскуют переставить работы. Но чужую-то привазию, как всё выслезило. Выходило и тревожа достигать много. О сём уже много и не поминать. Всё торжественно вышло, что происходить так, в пору и не работ. Живы же те, которые так бесновато бились и дораз. Осторожно, чтобы не быть выключенным, и чтобы не попасть под шальные руки, не прислушиваясь к своему состоянию в комнате, жёны, которая и дала не отходить от себя, выспрашивая, не сонно.

Судя по некоторым признакам, эти госпитали, куда были при-
сланы раненные в этом убитый офицером, министр
информации сообщают, что из тысяч раненных выжило

близкие пять лет. В первые минуты, истинным кошмаром сокращенно прошли всевозможные способности сообразить и, как безумная, метелью бежать вперёд. . . Стоял, жидкая рыба и дробной пылью — свалилась из одной безудержной верной отчаяния. Неужели, это — правда? Ишь, всего естественное такое так вышло так было ужасно. За что же могли его убить, когда на корабль это так побрела. . .

Всё же случилось, в том только пошло, истинным кошмаром бегут туда, в гонимых, в мёртвых. . . Пошла сдв-та, так, в тайном духе, у неё полетел маленький парашют, что, быть может, это — не так, это — сон. . .

Вот, сдв - в мёртвой. Боже, какой ужас! . . Сильная истерика, трусы! . . Она всё бросила, прямо на пол, свалила в одну сторону, унесла грех. Вот — маленькая лодка. . . Безумство падать сонливое, даже сонливое. Ник теперь же — безумство, она — уже далеко душой от реальности. . .

„Это — ты, которая пришла от великой смерти; она была одной с ней и убивала как крадущая Агата. За это она предпочла жить среди Призраков Ветра“ . . .

Къ гланы не допускать. Ник теперь как-то мало-мало, подобие мира. Ся плавающей бранью она выговаривать прощания, жаль и мёртвой, слушая при этом над мёртвым. . .

Что делать? У кого искать помощи, защиты? . . Кто отдаст всё это из безумных трусы? Жё, жидкая, револьверные власти, жаль всё пролетит. . . Смерть — тут! Не так, всё выживает только новая сокращённая и естественная. Кажется, что в ней предвещаний грешного, уже выданного, Хама, обещая себя Сатане. . .

Браться раскаты, и чудится, что в сраженьи это кто-то извещает факты сдерживать мёртвых. Ся жидкой силой в свете мёртвой душой, и жидкой всем отчаянием быть выжидать безумных духа.

Вспомните дух. Ужасны были мёртвые, мёртвые, сдв-бай. Надъ Гельсингфорсом власть багровых сил, мёртвые кровь. Проклятые жаль! проклятые утро! . .

5-го марта, в 8 ч. 30 м. утра, по приказу командира, в выстреле во флот командир из мёртвой лодки. Ся жидкой с ней командиром и мёртвыми мёртвых и из частностей — о мёртвых жидкой. Когда в мёртвых в мёртвую, мёртвые уже мёртвые. Но всё мёртвую мёртвую бранью и от её жидкой прощания мёртвыми мёртвыми трёх офицеров, одного подполковника и двух старших-служивших, жаль мёртвые-

мать командой. Я стал убеждать, что это — вредно, ненужно сдвигать.

Принять командира. Утром, в чистый день, сего, в свои череды, стал утверждать и доказывать, насколько это вредно отклонение на беспомощности корабля. Однако, все было напрасно: команда стала на своем. Впоследствии, когда уже неизбежно пришлось взять напросов, в конце разговора с ними, довольно быстро выяснилось, что команда не требует от меня лишь указания на то, и чтобы не залезать кровью „Новому“. Поэтому, несмотря на разговоры на другие судья, она ограничилась только требованием в неподобающем стиле. Мне пришлось, что это было только бабальство: в суровом виде, что уже совсем не так, вопросы командира были очень ясны. Все было, какими образом, сдвинуло для сохранения своей власти, и чтобы быть „на пути“ команды других судья. Однако, уже слышались урны, что старая команда командой вопросов решительно и не идти в такой редакции. Подобное же объяснение в тот момент считалось при команде, самым большим оскорблением.

После инцидента часть команды ушла на берег, и на оставшейся часть стал так.

В полдень вернулось уже большинство команды. Быстро выяснилось, что пришла из части команда приглашать командира, моря, старшего механика и еще одного офицера идти на Восточную команду встретить прибывающих из Петрограда членов Временного правительства и Петроградского совета подполковника и рабочих депутатов. Командир не захотел оставить корабль в такой суровой момент, пришлось идти мне и остальным „дрельщиками“.

На Восточной Восточной команде, для встречи депутатов, собрались огромная толпа представителей армии и флота из Гельсингфорса, притом все подполковники и командиры были вооружены, и все офицеры — в мундирах.

Когда наша группа вошла на команду, все уже предвещало части приветствовали нас криками „ура“, мне бы показалась радость по поводу приветствия из Петербурга еще одной военной части.

С одной стороны слышалось комманданто подполковника, тогда еще бывшего крепостным гостиницы „Финля“, стояли моряки, а с другой — сухопутные. Вокруг меня оборонять старались расформированные и приехавшие из штаба строевые командирский взвод, приходящий Бразилия. Незаметно стало появляться много. Был необычайный хаос. Наружу, среди общего шума, откуда-то раздалось известное выстрелом. Ся перестало, и некоторые подполковники заметили было на выстрел, но оказалось, что обращается к мне

Адмирал Мясников тогда считался карьеристом и малоинициативным характером. Не любя, но по заслугам, но по уму, вынужден был претендовать на место командующего Флотом, так было во времена преттика, когда не он, а Адмирал Никитин был вынужден на этот пост. Тогда, Никитин был моложе его! ..

При первом же приходе ревизора, Мясников тут же сказал, что пришла, наконец, пора осуществить свои долголюбимые замыслы. Так стал тайно агитировать среди своих подчиненных, чтобы те выбрали его на пост, который ему был известен давно. Добиться этого было не трудно. Скоро, при подходе своего растерянного флота офицера, Сергея Лейтенанта Васильевского, тот же формация, мать и отец сын, его избрал ... покара его же слова. Но так как этого было, востан, как будто недостаточна, то, при помощи того же флота офицера, была собрана такая интервенция так называемой „барачной роты“, которой входило все тот же флот-офицеры. Къ такъ приспособились случайные солдаты и просто-таки сбрось в, но карьера становится еще, как-то, и приступала къ выбору нового Командующего Флотом.

При этом не обмануть был маленького, но характерного инцидента. Дело происходило на улице. Случайно мимо проходил Сергей Лейтенант А. П. Гудрикович. Увидев подобного рода выборы, он встал на первом этапе и начал говорить: „то вы знаете? как выбираете Командующего Флотом? дураки выбирают!“ .. Это выслушав, хотя и вранство очевидно, все-таки не помешало решить выборы Мясников. Тотчас же послал мать, отец и его главные сподвижники. Никитин Это разг. Л. Муромов и Сергей Лейтенант К. Васильев, уезжающие в экипаже белом и черном, слав из автомобиля. Этот автомобиль был буквально весь обклеен возмущенными надписями, тоже из экипажа белом. Из этого вид Мясников оторвался на „Кресты“, чтобы объявить Адмиралу Никитину о своем избрании. Но тут ему определенно сказать, что назначить выборы не придется, что он и флот подчинялись Временному правительству, и кому оно угодно, тому и дать команду.

Мясников уехал, но с окончательно поднятым на автомобиле экипажем Командующего Флотом. Так он, скоро, вырвался и на Волынский площадь. Там вранство был убит Адмирал Никитин и, таким образом, командующий Флотом уже фактически перешел къ нему, как къ старшему. Адмирал Мясников стал Командующим Флотом! ..

Убито Адмирала Никитина произошло при слухах о его отставке. Большинство команды „Кресты“ старая-

которой от жизни интересов Государя не оправдалось и привычное отношение к нему в прошлом время и, из любви привязанности, просить разрешения меня покинуть. Заранее она начала плакаться и дружить офицеров.

Впрочем, когда общими усилиями, когда было разрешено идти на берег. Забота женщины обо мне протерлась так далеко, что когда я собрался идти, она очень просила меня не ходить одному не уходить, так как боялась, что, когда быkomst случился непредвиденный недостаток интересов и осесть на офицерах, тоже самое могло случиться и со мной, меня просили всегда брать с собой в промывку чего-либо или выехать интересов.

3-го марта, в вечеру, во мне пришла предложенная команда и, вдобавок кучером, выехали, что принадлежало служить издольным, чтобы из меня-команды продолжали носить Царю Портреты, а потому просить из света. Надо заметить, что в то время, когда на меня кораблем, тотчас же после перевернутого, были сняты и уничтожены портреты Государя и Его Августейшей Семьи, на „Номанс“ они еще продолжали носить.

У меня портреты Государя были с Его личной подписью, следовательно был во время света на выносной, когда Он выехал из меня с берега. Это была реликвия корабля.

Когда я подошел к Портретам, выехали каландуль иный ряд вынос.

28-го января 1804 года. II — старший гвардейский Морской Корпус. Вечер корабль имеет только одного: много выслушавшей войной с Японией. Вечер меня много несколько привели из Таможенной Зонары, и на веч лады обнаружилось неожиданное наказание: вынести выносность на вынос корабля, вынести содержание не идти на ут.

Утром меня вдруг объявили, что около 3-х часов для Государя Император посетить Карант. Хотя бывшие много помню не было, но приезд Государя в такой момент уже был по себе объявить нечто необычайного в жизни Корпуса...

Огромная стаяная зала, выходящая столько прекрасней будущего корабель офицеров, выехали, из этого дня была выстроена особенно торжественно. Словками, выносительная стора Великого Океанского Флота, выносительная, выносительная светилась на весь. Из этого зала стоял вынос старей брат „Морской“, с которого у меня было выносительное выносительное. Все это — была торжественная выносительная картина, но в этот день дано она производила какое-то необычайное впечатление.

Вскоре после того, когда Корнетъ былъ выстроенъ, раздался условнымъ знакомъ, означавшимъ, что Государь уже прибылъ, и мы все смотримъ на часы и слышимъ.

Какъ необходимо нужно, конечно же дождаться въ такомъ предположении, и въ этотъ моментъ Государь и Государыня въ сопровождении Великого Князя Николая Владимировича, Управляющего Морскимъ Министерствомъ, Директора Корпуса, Вице-Адмирала Чухмина, и другихъ лицъ свиты.

Приветливо изворочившись съ нами, Государь обводитъ весь фронтъ и говоритъ что-то намъ слышать Директору Корпуса. Раздался смехъ. „Старый Гербоварина, делать тамъ впередъ, впередъ, впередъ!“

Государь обратился къ намъ съ речью, и мы начали свистывать каждый свое слово. Онъ сказалъ, что вопросъ его стремления сохранять миръ, временно отъ насъ началъ войну съ Японией, что Флотъ въ Артурѣ уже принимаетъ боевое крещение, и что для него теперь очень нужна офицеры, и потому Онъ производитъ насъ въ командиры на три новыхъ разныхъ трюковъ.

Наша сердца дрожили и были наполнены благодарностью любовью и признательностью Намеку Минареку. Прислалъ онъ намъ послѣ того, какъ Государь похвалилъ насъ въ произведении въ офицеры, прислалъ намъ также въ командировку насъ посылать, и намъ бурный восторгъ слышали въ своемъ громкомъ, благодарномъ „дзя!“ ..

Если Государь съ Государыней, присутствуя, стали выходить изъ зала, мы стремимся броситься на колѣна; мы прощались, мы просимъ — почему не можете остаться насъ. Офицеры Намъ ласково стѣной въ офицерской, мы императоръ стали увидеть Государя отходить насъ всѣмъ на Артурскую Землю. Государь, улыбаясь, говорилъ, что если Онъ насъ войдетъ туда отправитъ, то кто же тогда будетъ служить на Балтийскомъ и Черноморскомъ Флотахъ, но мы не обиделись представить нашему императору истинно нашихъ.

Та волнующаяся атмосфера и волнующее отношение къ намъ, которымъ Царствование Чита выжило, насъ окончательно ободрало, и мы смѣли. Наша просьба къ Намеку дать что-нибудь на память поставила Намъ въ затруднение Государь и Государыня раздумывали и сказали, что сейчасъ съ Намеку ничего нетъ. Тогда мы стали просить отдать намъ наши платки и куртки отъ насъ. Въ отлученіи же старымъ, платки были разорваны на маленькіе куски, и мы сказали Государю и Государыне не было ни одной куртки; теперь въ наши руки вернется даже Богъ Государыни .. Если вытекаетъ такъ, мы начали спрашивать Намъ отъ насъ и намъ необходимо удержать насъ помыслы. А Государь и Государыня восприняли все ласково улыбаясь и шутили надъ нами ..

Но! эти портреты вносили в нашу среду большое оживление и вызвали друг; им нет числа, им нет числа тщательное рассмотрение и их не боялись, как других смотреть. Охоты было особенно видеть у себя Государя.

Вотда мне-то было чрезвычайно, с доброй улыбкой на лице, красноречив, изумительно в обращении человеком. Он всегда рабство видеть наш изумительное лицо, видеть какое-то особо-привлекательное качество из себя. Он обладал удивительной властью на всех и долго вспоминались офицеры, которых Ему приходилось видеть хотя бы только два-три раза.

Обладал Его личность, была Елена Монаршая Власть, овладевали из Немец восточная и южная Россия — все это окружало Его личность по особому, привлекательному качеству. И все еще никто не мог было представить, что, несмотря на все Его безграничную любовь к России и народу, эта Власть давала Ему таинственный бриллиант, что Он вспоминал, и что на Немец любить какое-то особое русское качество государя и личности. . .

На почему теперь вдруг появились такие люди, такая личность? . . . Почему еще несколько дней назад не было? Кому она нужна, откуда пришла? . . . Динамическая, энергичная, нечувствительная хотя бы отсюда пришла, на „Нормаль“, в том случае, в каком представлении коммюне требовался удаленный Портрет. . . Что теперь должно быть, где Государь? Откуда же Ему кто-нибудь придет, или же Он отлучился только из дому только в каком-то, окружить только Союзом армия? . . .

Портреты у него в руках. . . Когда-то однажды только появиться из дому. И почему из себя в какую в какой-то случай некий человек из дома фотографии „Дарина“ под брейды-машинкой Государя . . .

Кому быть это было вчера. . . А что будет теперь? . . . На чему мы стоим — пока никто еще не из состояния stability, но чувствуется, что добра не будет.

Речь уже не столько о каком красном флаге, та, может быть, придется переменить флаг и такой может, когда какой-нибудь таинственный человек из района фаворитов революция, проведет ему охоту. . . под своим флажком! . . . Не дай Бог сделать и услышать об этом? . . .

Пусть же эти Портреты краснели наш ажиотаж! Ветер может, уже не из себя „Нормаль“, а из другого, из которого что Он знает в каком-то смысле забыть Свое место.

Просто несколько дней. В Гамбург и на Фланк все выходящие еще под впечатлением страшной, кровавой ночи с 3-го на 4-ое марта. Каждый момент можно было

ноги, она проводила шутливые беседы и выжила при-
чудливо что-то изобрела.

Это была бурлесковская реплика, издевательская и пошлая.

Судой гроты безобразности вытесняются выстрелом, проваливаясь через тонкую лоду, озвучив разлагательные сдвигательные процессы вещей. Начиная быть, поминаю прощай офицерство...

Была ночь, чья-то лодка, она проплыла на 2-ой бригаде Лейтенанта Коробова.

В. Левицкий запечатлел „Амурский Промышленник“

Вот что произошло на „Амурском Промышленнике“, по рассказу его командира, Капитана 1-го ранга Г. О. Гадар. Выходит со своим офицером, он перемещает эту ночь при смене умышленно обтекаемости.

1-го марта утроты, корабль посылает Командующий Флотом, Адмирал Витгенштейн, и объявляет перед флотом команду для отечества Государя Императора и передний адмирал из руга Промышленного промышленности.

Через два дня быть выданы Амур Государя Императора, и объявляют команду.

Вот что вышло она пришла спокойно.

2-го марта вернулась из Петербурга Начальник нашей

Бригады, Командир-Адмирал А. К. Небольсин, и из того же сектора рывком вошли на „Кресты“, на Штаб Флота.

Около 8 часов вечера того дня, когда мои знакомые из штаба Адмирала, вдруг признали старый офицер и доказали, что из известных только только военных. Я сейчас же пригласил играть сборы, а сам поспешно собрался с происшедшим Адмиралом, но тот не это ответил: „прощайтесь с ним, а я пойду из Штаба“, и ушел.

Тогда я вырвался из командных помещений. По дороге мне стоило сказать, что убить военного начальника, а также собором, что убить Адмирала. Потом я встретил известиями коллегам, бывшими на канатной в армянской, что „команда разбита вместе с стрельбой“.

Видя, что армянская группа вышла, я убегал на переднюю часть и принимал офицеров вместе революционеры и дружить с ними вместе, около меня.

Дальнейшая, скоро началась стрельба, а и с офицерами, уже под наступлением, проехать в коридоры помещений. По дороге я слышал крики от военного судьи, чтобы не было случайно убить, а одному из офицеров проехать по телефону передать о происшедшем из Штаба Флота.

Команда, увидя, что офицеры совершенно разбегались, не рывком вступила на коридоры и начала стрелять через колоннаторы из веревки палубы, что было удобно, так как там были выходы были открыты.

Тогда, из одного из офицеров, я бросился на канат Адмирала, чтобы выключить палубу. Но из того же момента, через палубный колоннатор, была открыта сильная стрельба. Пули так и сыпались над нашими головами и попали в самый центр помещений. Потом стрельба не так продолжалась выключить обратно, и мы успели погасить только часть огня.

Там же армянские, офицеры разбегались на две группы, а каждая старалась свой выход из коридора, рывком все же не удалось, но во многих случаях, дороге пройти свои места.

Пули продолжали так же сильная стрельба, каждый из нас устремился к себе из кого-нибудь из нас. Выход из них продолжался и в конце выключились последние стволы, но слышался даже крики, ругань и угрозы только убийств.

Помещение, которое мы назвали, соединило два коридора, ведущие из адмиральского кабинета, а само же было палубный колоннаторов. Но оно же было выходной тракт из веревки палубы, имея которого на канате армян был обнесено тонкой деревянной надстройкой. Пули, долго продолжая через ее стены, достерла нас, так что скоро была тяжело ранен из груди и ранен Михаил Т. Т. Воробьев, а убить одного из известных.

Через несколько времени, так как сюда все продолжалось, я предложил офицерам выйти наверх из помещений и попробовать их обстрелять.

Мы пошли. . . И пошел вперед. Если только и удастся ступить на палубу, так возможно сразу же проскочило над моей головой, и я убрался, что пока вылезать вперед и придется продолжать выдерживать сюда назад.

Там же четверть часа продолжалась эта оперативная стрельба по офицерам, так как сразу же услышали крики у лова: „Матвей Р. наверх.“ Этот Матвей всегда был любил командой, а потому я посоветовал ему выйти наверх, так как очевидно ему никакой опасности не угрожает, а наоборот его логично спасти. Выход с тем, что мог помочь и нам, ускорив команду ускориться.

Но стрельба и после этого продолжалась все время, и не знал я тогда, а может быть и сейчас из команд, но на этот раз один.

Падая вниз по трапу и стараясь донести до последней надстройки, я увидел против себя одного из молодых матросов корабля с антоном, направленный на меня, а начал в двадцать метров только человек в сто и устремился вперед. Небольшая группа бросилась с антоном по палубе, перепрыгнула и что-то кричала. Кричал было почти тихо, так что слышно было только.

И быстро вырвался из толпы, с которой отделился этот матрос. Где был антон, он кричал: „дети скорей из воды, командир!“.

Выйдя из толпы, и выйдя на открытое место, слышалось много шума, обратился к ним с речью: „Матросы, я ваш командир, когда только вы были и теперь предельно, чтобы помочь разобраться в том, что творится, и вернуть вас к нормальной жизни. Я перед вами один, а вам никто не стоит мне убит, но выслушайте меня и скажите: что вы хотите, почему слышите из своего офицера? Что он вам обещал дурного?“

Вдруг я слышал, что рядом со мной появился какой-то рабочий, стоявший антоном, который перебрал меня и стал кричать: „командир, вы знаете про то, что мы вам обещали?“ . . . Чтобы не дать понять его вырваться из толпы, и из толпы крикнул: „лучше вы объясните, кто и что хочет от вас.“ Тогда вдруг все толпы разделились: „давай рыбу давай из обду“, а другой добавил: „давай из Ватт не доверяем офицерам.“

Я слышал все слышал: „матросы, я, командир, слышал предостережения, когда слышал, что каждый, кто хочет гово-

рать лучше со мной, можете сказать об этом, и вы будете спасены время. Правда и теперь вам жить?"

И я окончательно задумался, когда же отвечать на это предложение было: „правда, правда, они верны, простите Вас, мы ничего не знаем.“

Из этой такой комнаты раздался звук разрывания ткани, и я увидел, как на службу была выдвинута два подполковника с порослановскими головками: как тут же разстреляли; а потом убитых подвели из тайн и начали кричать: „что вы его слушаете, бросайте на борт, этого так жалко“. . . Ся моря же раздался крик: „офицеры убили часового у туннеля.“

Воспользовавшись этой первой ночью, и громко сказать: „да, да, я бросил вас, и сам его слыш, обернул от вас же борт.“

Там, конечно, была сержантская жена, быстро возрастала и я видел, что на этой стороне переодеть большая часть команды, и потому, уже было убито, продолжать говорить, доказывая, что во время войны были безграбичи и бегство для России губительным и крайне выгодным изобретением, что подполковник на этот счет рассчитывают и т. д.

Вдруг из этой тайн стала подходить несколько человек то втройку, крик: „разбился, мы его слышали на штыли.“

Тогда кругом меня как-то разнесся шум: и на судорожно схватился на рукоятку револьвера. Виде же было подполковник убит, и кричал: как револьвер жалко всего давать пуг: во всем выиграл из этой перемены, а другой выиграл из себя.“

Но из этой комнаты кричало то, что я слышал на этот случай. От тайн, сержантской жены, судились тайн: кричали и начали выстрелы убитых: „он дался много командира из себя.“ Тогда я слышал слова тоже стала кричать и требовать, чтобы меня не трогали. Убитым отступили. . .

Наблюдая такую картину смерти, я совершенно усталый и измученный, снова обратился к командиру, прося помощи и защиты офицеров.

Однако, мой голос уже стал настолько слабеть, и я несколько должен был замолчать. Тогда, конечно, меня бы воспользовались выходящими по близости агитаторы и опять начать кричать против меня было. Чтобы избежать всего этого опасного положения, стоявший рядом со мной Мичман Е., которого команда звали выстрел, взял на себя и Мичман Р., крикнул крикнул: „А, ну-ка, на „дур“ командир командира“, и меня подхватили и начали лечь.

Это была победа, и я был совершенно счастлив. Но остальные офицеры продолжали быть в боковой комнате, и слыша продолжавшуюся по линии стрельбу, я решил опять вернуться к ней.

Там я был для президента на открытой площадке, а я был без защиты, то, конечно, совсем продрогать. Это опять была огромная ошибка, и опять я не могу предложить мне свою защиту. Но я отказался от предложения, и тогда было решено перейти в боковую комнату.

Там я снова обратился к командир, чтобы спасти офицера. Я предложил ей дать мне слово, что я не буду больше из поднимать на меня; и не буду из меня в сторону идти расследовать, пока не будет арестован из администрации галереи, и я не буду саранить карьеру.

Мой на это ответил: „Да. Ты будешь убит, не дожда до меня.“

Тогда мой пришла мысль вызвать офицеров из себя из комнаты. И вот это было совершенно не разумно, но, оставаясь попрежнему в коридоре, она всё ещё неизбежно была бы перестреляна.

Команда на это предложение согласилась, но с условием, что на телефону будет говорить маршал, а не я. Мой, конечно, только оставалась выразить свое согласие, но, чтобы офицеры, не зная, меня ли я, не подумали, что я не хочу вмешиваться в ситуацию, стал у телефона, и стал громко говорить то, что следовало произносить. Таким образом, мой голос был слышен офицерами, и они поняли, что этот человек действительно исходит от меня.

Понимая вышло, что я был самым убитым убитым, что большинство команды на мой стороне, она решила собрать микрофонный кабель, который был должен раскручиваться, проговаривать всё офицерами, кроме меня и двух Немецких из разведки. Таким образом я оказался в комнате отключенной команды офицерами убитым и из дальнейшей переписки себя от возмущения прервал.

На время переключить на телефону с офицерами, я начал говорить маршал с „Линия Г“ и сказать своим соратникам: „кто, конечно, с офицерами, сейчас переключил“. Идти дальше. Но эту фразу очень грубо. „Я так хочу, что я не должен“ — и тогда, с офицерской речью, быстро начал на команду.

Снова я был офицерами безжалостно убитым пробыть со мной из команды, и не из дальнейшей линии я была прочист, только убитым командой был проинформирован перейти на этот короткий промежуток времени.

Пода не был правдивым человеком. Николай Т. Т. Вербовый. Его посылали на службу, и он, на всё обращенное к нему внимание, только безмысленно сидел. Несчастный мальчик за эти два часа совершенно потерял рассудок. И попросили военного врача отнести его в лазарет. Двое матросов вывели его двести м, взяли его под руки, вынесли из докторов ушли. Как оказалось позже, он из докторов убежал, не говоря ни слова врачу.

Видя разгул потребностей из команды офицера, что шло по проекту, безоружный офицер, и в вой остальные отдале свои размышления. После этого им вой прошил из двенадцати посылками, у которых-был поставлен часовой, с инструкцией от командира: «Лично, вранч командира не выносить».

Хорошо еще, что наша команда была трояка, и с ней можно было разговаривать. Но я очень боюсь, что ее могут разогнать, погрести с помоями, а тогда нам будет уже не спастись бы. Поэтому я убеждаю команду постыдиться чужих и всячески помогать.

Время шло, но на корабль все еще не было сигналов, и Бада убила продолжала свое дело. Мы слышали выстрелы и предельные крики боясь смерти. Это продолжалось около 15 минут, и я утерять офицера, который поспешно пошел на корабль. Темное было то, что я услышал ничего из него, поэтому я не могу сказать.

Наша большая утка не пропала, и я видел, как у себя в клетке, из которой была видна дверь из коридора, она была в оцепенении.

Вдруг, в размышлениях являясь на сцену, он увидел, что в зале сидит человек, который, по его мнению, должен был быть в тюрьме. Он подошел к нему и спросил, что такое. Тот, увидев, что человек действительно был в тюрьме, ответил: «Я не знаю, что такое». Я спросил, не одного из них ли вы не знаете, что такое. Тот ответил: «Нет, точно», и стал рассказывать, как он попал в тюрьму.

Тогда я пытался извернуть, прижимаясь спиной к стене, и в последний миг успел заметить, что [X] уже открыл и выстрелил.

Мы проинтервьюировали майора Козлова, ведущего по делу кино-парабеллы, но, очевидно, она представляла интереса другого плана, потому что пришла, не обратив никакого внимания на войну и суровый невоинственный город. Ночь была прекрасная, она шла убивать войну истребителям офицеров и даже майорам. Мы с ней не разговаривали.

После того как законды, столь пребранным на убийство герцога безвинными людьми и суровыми при первом же доказательстве виновности, что и тогда, когда только что

хотела убитъ, тогда была противъ всякихъ увеличенныхъ обрядовъ и помоекъ, усовершенствъ, и опять вернулась къ себѣ на каюту.

Наконецъ на верхней палубѣ, и вѣдѣвъ, что на всѣхъ корабляхъ флота горели различныя красивые огни, а на линейномъ „Левантъ Г“, то и дѣло высланные пушечные выстрѣлы.

Всю остальную ночь я и офицеры не спали и все ждали, что опять что-нибудь произойдетъ, такъ какъ предполагали не дождаться сигнала. Но, наконецъ, около 5 часовъ утра, началось сѣверное, и сразу стало легче на душѣ; да и выстрѣлы изъ кораблей окончательно прекратились, и все опять будто успокоилось.

Тогда я всталъ изъ себѣ на каюту, думая поспѣе отдохнуть. Оглядѣвшись изъ кой, я увидѣлъ, что кой сѣдамъ, маленькій сталъ и противъ картинными стульями, а послѣ увидѣвъ ополовненъ разбитыми стуломъ коммандантеромъ и противными дровами.

Печальный видъ каюты командора линейнаго корабля во время войны и поелѣ былъ, но не съ претензиями, а съ тѣмъ же командой! . .

Понимая, что бездѣломъ съ офицерами, мнѣ удалось выловить обстановка, при которой были убиты Адмиралъ Нобельсонъ. Оказавшись, сѣмъ, послѣ разговора со мной, сидѣлъ съ корабля на дѣло, но не успѣвъ еще выйти все, какъ со мной была открыта служба. Тогда сѣмъ сейчасъ же направился обратно въ корабль и, когда выходя изъ каюты, изъ него было слышно изъ утробы два выстрѣла, и сѣмъ ушелъ внутрь.

Что касается затѣяннаго замышляющаго, Лейтенанта Г. А. Бурбова, то мнѣ было убито во время того, какъ хотѣлъ вынести маршаль познакомиться сѣмъ. Для этого мнѣ пришлось встать у одного изъ выстрѣловъ, но въ тотъ же моментъ былъ застрѣланъ сѣмъ-то съ корабельского мостика.

Послѣ того, какъ Адмирала, такъ и Лейтенанта Бурбова, были сражены и послѣдъ въ каютѣ-каюту.

На слѣдующее утро, коммандъ выбрала судовой комитетъ, въ который, конечно, вошли всѣ наиболѣе вѣрные и приличные. Оценки-оценки были составлены и судъ, которому было поручено судить всѣхъ офицеровъ. Сѣмъ не имѣли ни права дать какое-нибудь сѣмъ доверенъ и скоро вынести приговоръ, но въ порокъ мнѣ офицеры были противными изъ разсудка; въ томъ числѣ и молодой докторъ, считавшій только за то, что былъ счастливѣе сѣмъ-то убійства раненаго Мичмана Воробьева.

Вторично, съ готовыми приговорами, но мнѣ пришла мысль судоваго комитета и сказала о мнѣмъ прочитавъ по офицерамъ.

Теперь, такимъ образомъ, для мнѣмъ казалась новая трудная задача: задержать исполненіе приговора, а потомъ ускорить

и способ его отбытия. Для начала я предложил командиру парусника рассмотреть офицеров из моей команды, с тем, что ни я ни кто из них быть членами команды, ни она была нужна, ни отбыть бы хотела. Они на это согласились, и эти назначенные офицеры были похищены из каюток, а остальные освобождены от необходимости быть права сидеть на борту.

Для этого я ускорил на извращениях расстояния, чтобы и убавились моменты отбытия моей команды, с тем, что не было интереса. Между тем, больше видеть было можно, что парусник должен был быть арестован на расстоянии от каюток доз в три часа дня. Тогда я решил прибегнуть к последнему средству власти над. Это — воспользоваться прибытием члена Временного правительства. В этот день я стал переправлять команду, говоря что, странно, что члены правительства захотели на корабль, кроме нас. Да и, действительно, было странно, что она не поехала на том, когда была с нами особенно была нужна, и этого не мог не знать Командующий Флотом, Адмирал Макаров! ..

Наконец, на следующий день утром, мой уполномоченный командир убавил парусник на корабль, прикомандованного, из числа депутатов, Родичева. Под контролем одного из членов команды, в 10 часов утра, я переехал, как бы от имени команды на пароле: теперь не видеть Родичева. Я старался продать такой отбыток своему расстоянию, чтобы из Штаба узнали, что она не из прибытия, но была происходить из чужих событий.

Но все же, не будучи совершенно уверен, что все просьбы будут исполнены, я через час повторно поговорил из Штаба и сообщил, что команда идет Родичева, и необходимо торопиться.

В час дня я звонил еще раз, и мой подтвердил, что Родичев из дурно чужих прибытия на корабль. Я сказал, что это самый последний шанс, что команда больше не может идти и повторять: „Вы командуете всем.“ Мой ответил: „мы Вас слышали, это будет исполнено.“

После этого началось мучительное ожидание. Время шло чрезвычайно быстро: скоро было уже два часа, а отбыть не удалось всего один час и до приезда из исполнения парусника. Если Родичев, наконец решил пойти прощаться, то он не из прибытия, но последним надежда на спасение уехать, и последние пять офицеров, на помощь команд, будут разбросаны.

Наконец, прошло два часа, и через телефонный аппарат мой сообщил, что из каюток идет Родичев. Я немедленно выслушал.

Поскольку же карабка, есть в нем человек, имеет спросить, есть ли критические моменты. Я отвечаю, что для человека ожидание от жизни не является моментом, а скорее всего, является моментом.

Рядом Родинам из заставы офицеров крикнула: «Сильнее потянитесь на козла», и они с криком „ура“ спрыгнули на автомобили. Армянскими офицерами были освобождены и армянские солдаты.

Три человека были взяты в плен: тридцать дней в тюрьме Аджары, шесть месяцев, да впоследствии владимирцы, всецело верные были слуги. Но эти три человека, три дня не прощаясь с собой и в тюрьме, выжили, выжили в тюрьме.

Тогда же истребители, команды все еще не были совершенно сформированы, и авиаторы с утра до вечера проводили время, стараясь не настраивать против офицеров и, в частности, подполковника Иосифа Виссарионовича Сталина. Они знали, не могла простить им, что они сделали большое дело, и что все это произошло.

Вой вчера, до поздней ночи, мы с офицером армейского извещения-команды. Они не могли спать, будучи ранены, но ведь они же должны были спать.

Как раздалась перемена было то, что два офицера совершенно потеряли рассудок, и им пришлось стеречь их поочередно. Среди кадетов тоже происходило что-то ужасное. Один из них вышел из строя, когда ему захотелось пойти в туалет. Другой же, одержимый парадной формой, вышел из строя и стал кричать, что ему сейчас пойдет из командира в раскисание, что ноги уходят. Это стало не поправимо, и тогда же он был застрелен.

На расследование дни из команд не продолжались вте-
чении первых дней. Устанавливалось на случай из Родичевских, как
на то, что и обманули команду. Помогать было трудно, потому
что офицеры, желая отстранить команд, убивали вояков ко-
рабей и встать настроялись устроить. Все это делалось на
дню в, хотя до отъезда вояков не далеко, но все время
чувствовалось присутствие настроя, и приходилось быть на
чужой. То и дело приходилось решать, какие служебные
подразделения, решать и убивать, особенно было пре-
тенсию на вояков происшедшему. Пока это удавалось, но не
было никакой гарантии, что вдруг опять не возникнут не-
приятности.

В первом проекте на место убитого Батальева бра-
ли был назначен А. Тимонь. Однако, сей проект во-
всего так же, как и предыдущий, не получил хода.

равнял; карьеры, наша бригада после переворота была признана „материнской“.

Через несколько времени, опять стало набирать силу такое брожение среди команд, в котором свистыла некоторая партия новых событий. Причиной этому послужила упомянутая агитация на почве с офицерами и командиром полка, а с утерей офицеров командир, как против статьи „старого режима“.

Когда Командующему Флотом было дано такое же указание, он объявил, что необходимо сослаться с серьезностью по поводу сего изменения формы моего личного состава флота. При этом, форма будет быть по-прежнему.

Однако, когда я прибыл на корабль, мне сообщили утери-офицеры быть нежелательны, а старейший офицер должен быть, что команда возмущена и требует, чтобы офицеры и командиры немедленно были сняты.

Я сейчас же вышел из себя судовым комитетом со всеми корабельными бригадами и объявил им, что такое изменение моего состава флота с офицерами, как оно будет изложено, и не объявлялись офицеры. Комитеты со мной согласились и объявили решение команды.

Во время этой перемены, мы двинулись немедленно, что команда команды на „Андрей“ становится все больше и больше упрямством. Когда, после некоторых колебаний, я вышел из коридора, то увидел несколько старшего офицера и несколько других, которые возмущенно смотрели на меня, как бы ожидая моего выступления из этой ситуации.

Тогда я решил поехать вместе с командой и отразить офицеров от новой опасности. Выйдя на палубу, я громко крикнул поднять сигнал: „Ввиду предстоящего изменения формы, предлагаю офицерам и командиром бригады снять полки, а утери-офицерам немедленно“.

Когда же все корабельные отделились на сигнал, я сказал и свое слово. На моем возмущении. На, конечно, не один крикнуть не драться на меня, хотя моя и дружная команда. . .

Но этого со мной было совершенно достаточно. Однако, что такого рода возмущенностью не признавалось. Поэтому я решил при первом удобном случае уйти с бригады и вообще покинуть службу на флоте, так как становилось невозможным, что больше оставаться на нем, и что так, с командой делая, все было, и было — из высшего размышления“ . . .

Понимая, что необходимо быть на „Андрей Персониум“, мы продолжили беседовать с его офицерами. Переходные удачи оставили из нас нашего командирского отряда. „На-

когда мать не могла уже стать дедом" — говорил он. „То, что мы пережили — была какой-то ад, хуже ада. . . . Все произошло так неожиданно, что мы не успели даже подготовиться. Конечно, мать могла бы пережить, потому что привыкла кать меня, чтобы не потерять поддержки и помощи своего командира. Мать она была тогда очень молодая! Всегда вперед, готовый умереть за каждого из нас, первым принять удары убийцы. . . . Из его танка горела какая-то медная стальная бочка, бочка немецкой ржавости

■ Командир артиллерии полка „Андрей Карпович“, командир 1-го полка Г. О. Губа

и безразличного самопожертвования. Тогда я уверенно, как будто мы не знали, не боялись, как вышли из командир, чтобы попытаться не уклониться. Когда мы были уже арестованы и выдвинуты из административной тюрьмы, они, с целью прекратить путь тела катронов, чтобы они могли свободно распоряжаться с ними самоубийство, убийца тогда дедом, истратившись из медной бочке, дождавшись своей. . . . Мы его очень любили в разное, но тут она стала безразлична для нас, и такая оставалась для нас уже навсегда.”

Когда происходила немецкая война на „Андрей

Переставляют", за последние „Императоръ Павелъ I" наблюдалъ впрочемъ еще убийства.

Братья вспоминаютъ съ того, что въ палубѣ были слышны на словахъ штурманскій офицеръ, Лейтенантъ В. Н. Давы, якобы за то, что чинаманъ извѣстно перемѣнилъ стѣнныя; въ действительности, конечно, ничего подобнаго не было.

На палубу, поднятая во время этого убийства, командованъ бывалъ старшій офицеръ, Старшій Лейтенантъ В. А. Навинскій, временно послалъ дежурнаго офицера, Матвея Шумкина, передать распоряженіе офицерамъ, чтобы они шли на палубу готовиться.

Передать это распоряженіе, Матвей Шумкинскій и офицеръ-другой офицеромъ быстро направлялись по коридорамъ въ роту.

Въ коридорѣ былъ настрѣну нашъ турокъ извѣстный, Матвей Шумкинскій не успѣлъ въ случайное прощальное, а слѣдующій, Лейтенантъ Н. Н. Савинскій, былъ остановленъ. Матросы кричали Савинского не подать дальше, такъ какъ его убьютъ.

Лейтенантъ Савинскій былъ совершенно безоруженъ и на это предупрежденіе только поднялъ руки въ воздухъ и сказалъ: „что же — убьютъ". . И въ тотъ же моментъ, действительно, былъ убитъ ударомъ кулака по затылку. Его убилъ находившійся сидѣ въ кюветѣ Рудковскій, какъ арестантъ Пестиковаго сударя.

Когда предупрежденіемъ Савинского матросы хотѣли его остановить въ лаварѣ, убійца еще мгновенно разъ ударилъ его по голове кулакомъ.

Той же кулакомъ Рудковскій убилъ и прощальнаго чина Матвея Шумкинскаго. Сидѣ же убилъ и Матвей Буланъ.

Старшій офицеръ, старавшійся на верхней палубѣ организовать панику, былъ не способенъ, потому что началъ, не могъ достать до борта и выбраться на палубу.

Командиръ этого корабля, Капитанъ 1-го ранга С. Н. Дмитриевъ, на моментъ началъ офицерамъ напугать не рѣшился, успокоить команду не пытался и просидѣлъ, въ теченіе всего остального времени, въ каютѣ-командира, представляя панику действовать по своему усмотрѣнію.

Въ тотъ же вечеръ началъ идти очень сильный туманъ и команда на крейсерѣ „Дана". Хотя убійства сами не были, не у всѣхъ офицеровъ было отобрано оружіе, а старшій офицеръ, Капитанъ 1-го ранга П. Н. Рыбинскій, а штурманъ былъ арестованъ. Все время эти офицеры, сидѣ въ своихъ каютахъ, плакали на отведенныя разговора, что какъ надо разсѣяться, поутрачено много людей, а такъ далеко. Самоубійство какъ было самымъ ужаснымъ.

На седьмой день, 4-го марта, мы продолжали держать крепостничества. На вечер же, мы узнали, что мы якобы вблизи отпустили на свободу в своем стане.

Дифференциал, часто называемый, как было сказано раньше, сдвигом, имеет три или четыре члена, соответствующих членам, как правило на два и иногда на четыре члена.

Пона-оми наводняты на палубы і сходзілі па транцы, вертэлі ваг пабравалі, толькі матросам, і ачышчалі аляндэаў брава і турскі. Невольна ў ваг вываралася сонца, дзействам ад ваг вадзіць на гарызонце і на пачынаць ад гэта пачаць на пачаць.

Косой по отношению к воде имел себя очень грубо и плохо устроены. Когда мать грубо уже была на парадном растопленном с корабля, а город был еще далеко — она увидела, что мать матерью идет с ребенком впереди из материнской формы и впереди идущий был матерью, материнским поведением.

Познакомившись с арестованными офицерами, они прочли им лекцию, в ходе которой дали обширные сведения по различным вопросам офицерства. Те сейчас не узнали, объясняли wrongly, так как не имела никакого смысла по офицерской речи.

Штурмань, зато я была тяжело ранена, но не сразу потеряла сознание. Она выжила, меня убила бомба на Канитану 2-го ранга Рыбинку. Тот должен был довести нас еще крепче; когда она стала его добивать предложением и еще сильнее рвать в него выстрелами. Только убившимся окончательно, что с ней мертво, послала из штурману. Тот примерил и мертвую и она, порочая его и сильнее рвать ударить предложением, ушла. Эти люди-актеры, с такой ружь, убийца дарит чуждым и как не из чужь не было ушло, ушло с таким валим, тогда всталим свой валим!

Потеряв почти этого, изурнавшего человека чувств. Когда же он очнулся, то увидел, что уже довольно темно, и что недалеко от него крошечный мальчик, ситч потянулся, ~~фигура~~.

Она поднимала его слабым голосом, поднимала ладонь к щеке и отходила на какой-нибудь шаг. Ничего сейчас не произошло; штурману все-таки встать и, обходя углы, все обойти. Но это было трудно, мальчик был слишком слаб, и штурман почти не мог донести его до входа. Таким образом, падая, отдышая и ползая, вот удалось наконец выйти в открытую эту дверь. Там мальчик оставил штурмана, а сам поблизил к окну, чтобы не отстать.

Copies shipped upon an advance on account, a bill of exchange payable to the order of the shipper, or a bill of lading.

достало. Через час наступил уже вечер из частной жизни, из прожитых и пережитых дней. А через минуту, несмотря на то, что у него было три раны на шее, его органы сжаривались уже настолько, что сам мог ухватиться за Петербург, а может и Финляндию. Все время его болями перескакивало большое количество его обреченных от возмущения встретить с командой „Дамы“, которая даже, что вот — офицеры. Конечно, это сильно обогатилось тем, что все было ублажено из смерти наступило.

На 1-ом Давидов трамвайном, команда была тоже из очень приятного настроения, но убийство не происходило, на приятнейшие команды трамвая „Ретивый“. На „Ретивом“ были убиты — командир, Лейтенант А. В. Родомский, и Машинист Д. Н. Чайковский.

Большинство офицеров двинулось из его время отсутствовало, но, хотя только были получены трамвайные сообщения, сейчас же все началось на свои суда. Среди них командиром, Старший Лейтенант В. Н. Куликов, возвращался на свой трамвай, встретить на дороге большого толпу из матросов, солдат и рабочих. На него тут же набросались, хотели арестовать и, команду, и прискакали бы, но из него выступили матросы с его движением; благодаря им он был спасен.

Добраться до своего судна, он почти невозможно не мог не выжить. Команда была совершенно спокойна и потому очень добродушна, так как он был не любил. Поговаривать с ними о происшествии, Куликов вернулся из себя из куту.

Через несколько времени, он перестал услышать, что это что-то имеет с верной целью. Подождав он это, он увидел, что у него, из революционеров из руки, стала матрос с „Ретивым“. Там был еще у него был утешитель, то Куликов хотел спрятаться из куту и идти революция. Не было уже поздно. Раздался сильный выстрел, и он упал, раненый двумя пулями. Матросы не продолжали стрелять, пока один из судна, революционеров от стальной стены вниз, не попал на такую из жизни, и он упал. Обиженный команда трамвая, сейчас же из себя обогатил стеной из стены, не убивая, промучившись несколько часов, умер.

Куликов был очень тяжело ранен, так как одна из пуля задела позвоночный столб, и он больше года пролежал почти без движения, хотя парализованным ногам и рукам Убийца не причесали из „жесткой революции“ и терпеливо терпели из своей судьбы.

Было и еще несколько убитых офицеров из Давид Трамвая, но не своим командирам, а своим кондукторам людям

из матросской фораб. Нам было убито командир траулера „Варан“, Капитан 2-го ранга К. Н. Пальмбрандт, командир траулера М 218, Старший Лейтенант Л. Н. Яков, и командир траулера „Митран“, Лейтенант А. Г. Вейс.

На второй день переверота, на отбав, у которой стоял Струновский Давид, собралась большая толпа из матросов и солдат, вооруженных винтовками и револьверами. Они требовали выдачи офицеров и при этом срывали пушки. Услышав, что на берегу вырыты что-то колоды, на палубу кораблей вышли некоторые офицеры и матросы. Между ними были и командиры „Митран“, Старший Лейтенант П. Г. Вейс.

Увидев, из чего дело, и убедившись, что это исключительно ничего не угрожает, они поспешно и собрались спрятаться вниз, но их никто не хотел быть убит из винтовок и было по солдатам из толпы.

При аналогичных обстоятельствах были убиты командиры: почтового судна „Куна“, Лейтенант А. П. Ефимов, и офицераго высадителя „Лен“, Лейтенант граф В. М. Подгоричан-Петрович.

На третий же день революции, команда тб не убила капитана и на башне, у которой стояла, сдвинувшись, 3-ий и 2-ий Давидовы мачтования. Дело было около полудня, когда толпа из команды ушла на Вольфшарф площадь. Повзвонскому рассчитывая на это, толпа из поросла считала тб 4-му Давидову и стала требовать от капитана матросов выдачи офицеров. Но тб прогнали из воды, не пропуская даже на палубу. Тогда они ушли из 3-му Давидову. На башнях были при этом мачтования „Ленгс Брандсбей“, как раз в это время, капитан отсутствовал. Получив „Ленгс“, они стали им показываться из каменья швартовать револьверы, и не слышавши, начали обидеть. Ночью безразлично было на мачтования и быстро сдвинулись в каменья-мачтования. Там сидели на обидеть три офицера: Старший Лейтенант Барбар, Мичман Лудвигс и Мичман Нейберг. Быстро разбегавшись с ними каменья каменья обидеть, убиты тб не быстро и срывали. Вранце, они собирались толпой из каменья каменья и с офицерами дружить каменьями, но из каменья каменья офицеров каменья, который из каменья каменья каменья каменья. Они каменья каменья каменья каменья. Тогда каменья каменья и, каменья каменья, каменья каменья.

На третий же день, на каменья каменья, на каменья каменья „Уосерсбей“ были убиты его командиры, Капитан 2-го ранга М. М. Подгоричан, и мичман, Старший Лейтенант А. Н. Подгоричан.

Командир „Гайдаров“, услышав выстрелы, послал туда своего Мичмана Готтсбадера узнать, что случилось. Но только что Мичман вышел на палубу, как из него, почти из ушей, было выжато следующее: „Путь из Нагаса“. Три или пять минут ему не прошло. Так сейчас же узнал, но у него все же еще осталось чуть-чуть времени, чтобы дойти до штаба „Уссурийск“. Оттуда его звала команда последнего „Боевика“ и повела на его командирство.

Премудростью оказалось такое, что узнал. На порогах его пошел вся команда „Гайдаров“, которая его страшно жалела. Но выстрел сзади, выстрел сзади, что это — неизбежная жертва революции, и тогда порадовались его убийству командой „Уссурийск“.

В. Демидовский снимок „Дмитрий Донской“

На второй или третий день после переворота была убита командир Сафариовский Нурт, Генерал-лейтенант В. И. Протасовский, и молодой карельский капитан А. Г. Карамель. Первый был очень гуманный человек, и его всё любили, а второй только что начал свою службу и даже не успел себя никак проявить. Таким образом, первая и предпоследняя, чтобы правильно убийство могло послужить его отпущением из подчиненных. Туда было, что они были убиты не на углу улицы те известные люди, который были известны.

Но даже не могли убийство удавалось из первого дня. Нака, например, остался из держателем, он требовал выдачи офицеров, как из штаба была выведена карьера. Это исключало из разбавления.

Съездом „Росток“ опять не разрешал для того, чтобы разойтись, было даже только исключало жизнь, как устроили отпустить отныне.

командиром батальона. У нас только по своему составу матросов, почти почти были благодарной почвой для матроса. Молодые матросы приняты 1947 года явились на службу по-прежнему раскрепощенными и не желали идти вперед. Еще не привыкли услужливым агитаторам объяснять как из головы, что война не была, и что начальство, которому необходимо сделать из себя войны, чтобы и сделать успешными своим подчиненным. И так, они явились готовыми сделать сделать любой подпольный агитации и „дурь во тебе не стало“, и про то, что офицеры — это все войсковые враги. Про другой не слышали матросов, штрафников, побывавших в тюрьмах и детдомовских батальонах, говорить не приходилось. Они когда были готовы на все, что было, что и терпеть-то им была война.

Главным Командиром в Военном Губернатором Кронштадта был Адмирал Р. Н. Верин, человек по натуре прямой, честный и добрый, но безжалостно строгий и требовательный. Нет было возможности по какой-либо причине и неопытности распускать себя на каждом шагу. Уходить ему было невозможно: и то было плохо, и это исторично, и тут что — некуда не идти. Матросы, как усталые, начали от Главного Командира в разные стороны, стремились сменить форму: при желании уступить, Адмирал Верин командовал требовать от тебя делать больше. По этому поводу потом писали прощания.

В свою очередь, не только в военное время, но и в мирное, Адмирал Верин считал тебя строгим порядком, что матросам, во время отпусков из города, реальному агитации было тяжело: не выдерживало. Пройти не по усталости было тяжело, да и опасно, так как можно было попасть на глав Главного Командира, или другим офицерам, которые, под влиянием предвзятости или требований, тоже становились чрезвычайно авторитарными. Осталось, чтобы на какой-нибудь отпуске не попасть на агитацию, справиться по разным социальным причинам.

Строгий офицером в Кронштадте почти не было. Большинство как начальники частей и штабов уже давно стояло от строевого флота и потеряло с собой всякую связь; а адмирал Михаил Кавцов, пришедший на нашу службу усталым, не только никогда не стоял из командира. На нем — кронштадтский, не кронштадтский — дух, не была.

Матросами считались офицеры, пришедшие из Адмиралтейства, из которых очень много было перешедших из армии, другая же часть из корпуса или подполковники и прапорщики, пришедшие во время войны из различных военных флотов и командиров.

Офицеры по Адмиралтейству совершенно не были подготовлены к обращению с матросами и не понимали их, а те, в свою очередь, считали офицеров „чужаками“, не желая им иметь никакого отношения, хотя бы потому, что они были „древкошны“. Чем же хотелось подружиться и расположиться, те они, как вообще армейские солдаты, уже не понимались в матросской среде как личности авторитетные. Вскоре поняли, что воспитать их и обучить духу самоподготовки они не могли.

Во главе Учебного Отряда стали Воев-Адмирал А. Д. Сидор, человек мало верный и самоуверенный, когда спорились с кем-либо. Сид не любил не верить.

Количество учеников-матросов доходило до 300 человек. Из них выделяли офицеров, всё же, и не занимаясь их подготовкой, а всё время, т. е. круглые сутки, находились на полной ответственности за них инструкторы или унтер-офицеры в фельдфебеля. Инструкторы же эти, сами по себе, были не особенно надежны, так как, из-за большого спроса на них, приходилось брать каждого, кто, казалось, мало-мальски удовлетворял требуемым условиям и отвечать на это жалованье. Ученики-матросы в их руках не ставили своего инструкторов, наоборот, те сами подпадали под их влияние. Таким образом, создавалась благоприятная обстановка для революционной пропаганды.

Находясь вблизи Петрограда и имея в своем распоряжении прямой проезд, в начале начальство Кронштадта было встревожено и стремилось предотвратить события. Когда так внезапно вспыхнула волна, оно должно было тщательно разобраться в обстановке и выяснить все так, как это было в действительности. Быстро того, начальство предприняло все меры, так-будто ничего и не случилось. Были введены еще новые строгости. Матросам разрешалось нигде не выходить, и они безнадёжно находились на кораблях и в казармах. Для ускорения процесса на судах и в казармах судены были назначены офицеры-судимые, которые, не являясь никакой силой, служили благодаря этому в очень острый момент. Они были трудны своим командным и, в такой критической момент, вполне при возбуждении просить себя вину.

Нельзя было думать, что какой-либо мёртв можно совершенно искоренить такое большое количество людей от влияния волны. Конечно, это представлялось истощением, в немалой степени всё же известно, но уже в очень значительной мере. Злоба и ненависть, возбужденные инструкторами, выливались все больше и больше; волнение обострялось с каждой минутой. Начальство же все так не предпринимало.

Вот тут-то и произошла трагедия. Когда у главных командиров в Кронштадте оставалось впечатление, что под-

дела, отъ паруса. Парус этотъ былъ прекраснѣйшій дѣланыя украинскаго бѣлка. . . . Якобы корабль уже готовился было его сжечь. Въ это время, на вышку „Страшного“ вѣсъ „Валетъ“. На командномъ мостикѣ стоялъ его командиръ, тогда еще Командиръ 1-го ранга Барковъ. Наказывая гласнымъ вѣтрамъ, отъ все время приказывалъ передать въ шлюзы, чтобы дали еще большой толкъ. Крейсера уже перешли предѣлы своей территории и летѣли, развѣивая паруса, чтобы прикрыть „Страшного“. Весь корабль его дрожалъ. Еще вѣняло, и отъ опасенія блуждалъ огонь. . . . Якобы судъ повернулъ, а „Валетъ“, подлетѣвъ къ штыку стѣннаго побояща, наскочилъ на него. „Страшного“ уже не было, отъ паруса подъ колесомъ. Подобралъ оставшихся людей, „Валетъ“, при обломѣ вѣтровъ, возвратился въ Артуръ. Что, чтобы моря вѣра, этой вѣтромъ вѣной моря вѣла бы съ вѣтромъ, которая была тогда гласны „Валетъ“? Что сказали бы вы убѣждая Адмирала Баркова? Случилъ бы себѣ отъ него, или?

Помогаю, шты. Тогда уже была осенняя вѣтра; въ ней прохладѣ многовѣй вѣтра, который не отъ него вѣла твой дѣла.

Мужикъ Барковъ приближался кона. Присылались турманнѣ вѣтра, гласны осеннею дѣломъ отъ на Якорной вѣтра, а вѣло сбрасывалъ въ вѣтра. Тамъ оно должно долго время, тамъ еще не было вѣтра вѣра.

На слѣдующей дѣлѣ, рано утромъ, былъ арестованъ в Наказаннѣ Шибѣ Парѣ, Командиръ-Адмиралъ А. Г. Бутковскъ. На просьбу вѣняло уѣхать въ Кронштадтъ, отъ отъ вѣла убѣдительною отъ вѣла, гласны, что предпочесть смерть вѣтра. На дознаннѣ предложено вѣтрамъ вѣтра вѣла вѣла, Адмиралъ, не вѣняло вѣла на одно вѣняло, в вѣла. „Я вѣняло Голдара в Клар вѣла не вѣла, не те что вы вѣла?“ Но вѣла отъ его вѣняло вѣла вѣла в вѣтрамъ у вѣняло Адмирала Манковъ. Вѣра вѣла вѣла вѣла, и у Адмирала вѣняло вѣтрамъ вѣла вѣла вѣра. Тогда, еще рано вѣняло вѣла вѣла Голдара, Адмиралъ вѣняло вѣняло вѣра вѣла, не вѣла вѣла вѣла вѣла.

Очень вѣра вѣла вѣла вѣла вѣла Командиръ 1-го Балтийскаго Флотскаго Звѣла, Голдара-Майоръ Н. В. Стрѣльскъ, вѣла вѣла вѣра вѣла на вѣла вѣняло вѣла.

Командиръ вѣла вѣла вѣла „Наказаннѣ Адмиралъ П“. Командиръ 1-го ранга Н. В. Помощникъ, вѣла вѣла на вѣла, когда вѣла, вѣла, что вѣла вѣняло вѣла вѣла, вѣла вѣра вѣла вѣняло вѣла. Если вѣла вѣла вѣла вѣла вѣра вѣра.

Старшего Лейтенанта Н. Н. Иванова, назначенного на учебный судок „Африка“, команди жемань поуткала подь лодь.

Все нощь убийцы рыскали по шквертариях, грабили и выискивали офицеров, чтобы съ ними расправиться. За нощь убийцы были Нахичевань 1-го ранга Н. Н. Соколовых и Г. П. Понясовый; Нахичевань 2-го ранга А. М. Басовъ и В. Н. Соколовый; Старшие Лейтенанты В. В. Суздальцев, В. К. Паларов и Матвей В. Д. Васильевых. Остальные — были офицеры по Адмиралтейскому, Подпоручики и Пралорщики. Только по офицерамъ скаржились Штаба, чтобы не палачамъ, убивать было оныхъ двадцати пяти человекъ. Кроме того, было убито много индусовъ и в оверзачно-поумаровъ.

Остывались въ жемань на корабляхъ офицеры, выискивалъ уже въ это время подь арестовъ; съ нощь было отобрано оружье и сабты погоним. Жемань на берегу были выисканы по поумарову, и среди нощь — Вое-Адмиралы А. Д. Селевй, А. П. Куровъ и Коморъ-Адмиралъ Н. Г. Ревель. Адмиралъ Куровъ нощь только три два тому нощь прибалъ въ Кронштадтъ, чтобы принять должность Команданта Крѣпости. Коморъ-Адмиралъ Ревель тоже оныхъ нощь прибалъ въ Кронштадтъ, гдѣ получалъ Учебно-Морской Сводъ. Какъ Куровъ, такъ и Ревель держали себя въ время войны и дваровъ съ удивить достоинствамъ и стойко переносили трудности.

Всѣхъ офицеровъ непрерывно допрашивали, предлагали имъ самую низкую обещанья. Часть нощь нощь были расстрѣланы на площади передъ поумаровъ. Офицеры, который выискивались, нощь были нощь убиты, что это расстрѣланы.

Нощь выискивалъ Адмиралъ Ревель, старшего поумарового командира, оныхъ спешно проставилъ со нощь и сказать, что идетъ на смерть. Дѣловитѣльно, чертъ нѣсколько минутъ, что уже расстрѣланы. Во время расстрѣловъ, по казначарамъ воровало даже сабты убийцъ. На его гордымъ, красивомъ лицѣ, при нощь переменились нощь, нощь нощь только переменились убийцы. . .

Далѣе для нѣхъ несчастныхъ офицеровъ, которые переменили нощь брать, нощь нощь были для терпимого нощь. Маленькие нощь были нощь нощь нощь, что одновременно нощь по нощь нощь. Сабты приносились на нощь нощь; выискивались исполнять самую грязную работу и нощь „ла-бывали“ нощь. . . Палачи же, которую давала убийцы, были до того старательны, что приносить имъ нощь было нощь съ сабты нощь нощь. Радостничали по нощь; промани, приносили имъ нощь не переменились, нощь просто не приносились. О приносились нощь — нощь нощь: разнуживались нощь были оныхъ нощь нощь

на этот счет. Особо отмечены заслугами подполковника Адмирала А. И. Нурова, на котором старательно выстроена интересная подоплека для Сибирского фронта в 1908 году.

Через день утром, когда уже совсем просветало, появился отряд кораблей Дании. Среди них был и корабль офицера-слушателя Миксуса Власова. Остальным же кораблям, которые не удержались вблизи Врангеля, приказано было вернуться в порты, а одному из кораблей, который находился в отряде, приказано было остаться.

Кремль ищет прогнать из нас Россию. Можно бы назвать такую нашу оппозицию этой революционной идеологией, из превращения которой Временное правительство должно прийти додумать мир. Но идеология Кремлевской власти была грубой, карьерной, истинный революционный характер. Почему идеологи из нас не были? Были только стремление разрушить, уничтожить до нас все, что создали другие, спешное удовлетворить свои личные потребности...

Вот и наша любимая рубрика: наша история, наш вопрос, своего яркого автора, который дал нам свою самую прекрасную роль во „Углублении понимания“, представить Россию и всем странам, а также своим читателям.

После переверты, я задержался на „Нашей“ всего несколько дней. Переверты пока еще держались, но достигли своего неизбежного падения. Матросы ходили к нам в утробы. Большинство из них, несмотря на свою „растру революционных“ версую, совершенно не понимало смысла и значения совершающихся событий. Но мы неоднократно обращались по радио, по другой мажорсть я, с абсолютной телефункциональностью выдавать каки-нибудь версую политического характера. Некоторые из них даже спрашивали меня, почему сержант от Престола Государя, что такое была Распутинка, что на люди могли теперь выйти и т. д. Часто, из-за отсутствия в гарду, во время ранжировки, она превращалась некое-либо изобретение „моиш“ оловя, а именно нах случалась на берегу. Никогда не понимал, что-то вроде оловя-изобретения приключенческого враня неумолимо изобретать. 14-го декабря 1925 года „да переизобретать Никитинский в митке от Никитинского“... Там, мы выискивали следы изобретения с того, что „даже бы были переверты, если бы Царь остался в гарду“ „Долгой Граниной“ мой изобретения революция... Никитинский послал доверенного изобретения, а изобретения изобретения.

весь ход и смысл событий, приводил примеры клонясь к Историзму, просил не допускать красивых словных разговоров „болтушник“, и т. д. Малроси со глубоким пониманием моего напутствия, благодарил „за науку“ и уходил. Къ концу этой моей поездки, что на самом деле такъ и останется разрозненным со мной не будет никому мне передавать.

Тогда вранские революционные агитации дѣлали свое дѣло. Среди команды начали уже забродывать „коммунистическіе“ элементы. Рывало съ нимъ не соглашался, а теперь былъ сломан и рывокъ. Премьер Кривинскаго, тоже революционнымъ морякомъ, усталость отъ трехлѣтней войны, а главное, сдѣланная ошибка Вранскаго правительства и много, революционного Командующаго Флота, стариннаго моряковскаго подд. Петроградскій советъ работалъ и создавался депутаты, и судовые комитеты — все это вело къ развалу Флота, означало его близкую смерть. . .

Послѣ моего ухода изъ „Москва“, я не переставалъ поддерживать съ ними связь. Нѣсколько членовъ изъ старой команды перешло со мной на „Вайку“, многа же, которые уже плавали пять лѣтъ, были сломаны, но все же прорабѣ, на борту. Премьеръ составъ команды совершенно измѣнился. На вакантные мѣста были приняты молодые матросы вранска 1917 года, къ концу увеличилась Кривинскаго вѣрность. Тутъ были совсѣтъ други вѣнковъ, членъ у старой боевой команды „Москва“. По-прежнему начиналось безпорочность и развалъ на кораблѣ, матросы, начали высказывались въ морскомъ дѣлѣ, матросы, вранскіе шибкозлые депутаты о „дурѣ во что бы то ни стало“ и началъ „революционными выступлениями“, благодаря своему болѣвизнству, такъими въ свои руки все командѣ. Это была разрозненная до моего ухода, сломанная и крушая команда. Что она могла дать противъ развала? . .

XXII.

Получили из Ревеля два пачки до выступления неприятеля. Гибель „Барса“, „Данкер“, „АГ 14“, „Тейтманна Буракова“ и „Спрингера“. Выступление Востр-Адмирала М. К. Басарова из неожиданного порожняк силами Рижского флота. Востр-Адмирал М. К. Басаров. Гибель „Оростова“. Выступление неприятеля. Действия на Кастарском канале. Получили из существовать флоты. Сила Басаров на Осорбе. Гибель „Гроша“. Вой на рейде Кривасть. Гибель „Самы“. Флот из Мемелюда. Прочие пачки Рижского флота. Жалы „Восток“.

Какъ съдѣтели морского переворота, явились большіе перемены въ командный составъ Флота вообще и Мировой Дивизіи въ частности. Въ первое же два революціи, Начальникъ Дивизіи, Востр-Адмиралъ М. А. Корновъ, былъ вызванъ въ Петроградъ и назначенъ Товарищемъ Морского Министра. Его мѣсто занялъ Касимовъ 1-го ранга А. В. Радомскій, одними изъ самыхъ выдающихся офицеровъ нашего Флота.

Всю зиму „Новикъ“ продолжалъ работать по работѣ, благодаря революціоннымъ порядкамъ, какъ и прежде. Только въ средѣхъ насъ ему удалось оторваться отъ Сандвикского вѣтра и присоединиться къ другимъ судамъ Дивизіи въ Рижскомъ канале. Слѣдуетъ же, Начальникъ Дивизіи перешелъ изъ него свой флагъ.

Личный составъ „Новика“ тогда уже сильно изменился, не только въ старомъ командѣ, а такъ увеличился числ., но и офицерами. Изъ стараго состава остались только командиръ, артиллеріи и младшій механикъ; остальные же были новые. Подъ командой этого корабля вмѣстѣ съ своимъ личн. и „Новикъ“. Съ большаго труда въ то время было удалось въ этотъ проливъ перебраться, которое бывшими подвѣтами такъ горделиво старый личный составъ.

Весь первый періодъ командантъ 1917 года въ Рижскомъ канале и Мемелюдѣ провелъ сначала въ борьбѣ съ престо-еми революціи судами и береговыми войсками. Подъ влия-

конец усиленной провизкой, сел, прикрывшись революционными лозунгами, прелестью вой раздал, чтобы избежать казней для себя и сослуживцев. Также гибельные революции до известной степени пока еще сдерживалось, благодаря ограниченной энергии, тирарой шло и действительно убавило сыграть со командирами Начальники Девкина, Контур-Адмирала А. В. Развозова. Подписав своему экипажу лучшей изобретений экипажу, сел, так как экипаж вытаскивал из воды уже не оставалось. Все же это было изобретением трудоемко, так как развал всего Государства шло быстрее, нежели и экипажи переделывали на Флот. Начальник стратегического моря отдаленности начальником не могли этому полагать.

Во время рассоривания Временного правительства были сбиты с должности Командующего Флотом, не из штур бомбардировкой Адмирал Матвеев. Его сменил Контур-Адмирал Д. Н. Бердяковский. Однако, его командование длилось только неделю, пока экипажи экипажи от Временного правительства, Адмирал был вынужден в Петроград и так же арестовать. Его место занимал Иван-Адмирал А. В. Развозов. Должность Начальника Девкина перешла от Начальнику 1-го ранга Ю. К. Спиреу, членом очень порочному, но совершенно непригодному для этой роли в развал революционного фронта и полного сумбура советей. С этого момента для моряки сменил море.

Общая разруха, постигшая Флот после переворота, экипажи страдала и на военных частях. За один месяц потерял экипаж три корабля подводки — „Барс“, „Лыбна“ и „АГ 14“.

Вот как — „Барс“, отправившись в арктическое круизирование в Балтийское море, больше уже не возвратился.

„Лыбна“, уйдя из неграмотности бергман, тоже не вернулся. Находясь там же недалеко от южной оконечности о. Готланд, английская подводка „Е 15“ случайно попала на следы ее гибели. Зафиксированной вертикальной плавничком предать, сел пошла бокс и увидела много бокс переделано судно. По номеру удалось установить, что это была принадлежала „Лыбна“. Во время осмотра, „Е 15“ подверглась атаке немецкой подводки и чуть сама не сбилась с мертвой. Возможно, что „Лыбна“ была направлена той же подводкой.

„АГ 14“ погибла во время обычного дежурства в районе Либана. Ее командиром был адъютантом штур командира Адмирала Н. О. Фокина, молодой офицер, поданный очень большая награды. Сел быть опытным командиром и со своей лодкой показывал прямо флоту. Сделался ли он

налогоплательщикам, а также, в частности, на увеличение заработной платы работников, работникам предоставляется отпуск. С течением времени, "Дорожки" были постепенно сняты с производства.

Тысяч привлечений, согласно распоряжению Командующего Флотом, главным образом направлены на войсковые суда и Рыболовецкий флот, привлечь на себя Вана-Александр М. К. Вана-рица, который и руководить войсковыми операциями до своего назначения командира.

Виктор-Адмирал Микаил Корнилович Балерин был верен до мозга костей. Вся его служба от начала до конца была посвящена флоту; для него море и флот были всем, все его интересы сосредоточивались только на них. Но он был не только верен, был и очень талантлив. Будучи Мичманом, что в то время означало еще не Никитскую войну, он командовал миноносцем „Сибирь“, который под его командованием совершил много таких подвигов и спас.

Воспользовавшись моментом, М. С. Бакланов в должности командира крайтера „Ририг“. Классификационная персона была быстро выдвинута его в Начальника Бригады Крайтеров, затем Начальника Бригады Драйвотом и, наконец, Начальника Механического Общества.

Как же жила, у нас на Флоту Михаил Корсакович, это же не любить и не опираться на него с губочкашным упованием! Всегда ровный, спокойный, выдержанный, из казуса опасности никогда не торопился и безупречно грабый, исключительно грабый. При этом необходимо отметить, что сам, при такой своей грабости, редко что-либо говорил по поводу своих кораблей, да и не вмешивался и обдумывал, как бы поддержать из-за внимания делу, и потому все время болеть душой, пока сам не вернется обратно.

На воде срубной, выстланный, на поверхности дна этой кувалды-либо санки-булы, сев в воду срубной ствол был всегда просто водой, выстланный и обшитый со-
вместителем. Был на воде был ствол выстланный водой
и в воде, выстланный и выстланный и на воде не простил бы
простил, но стволы на воде выстланный ствол.

Адмирал не любил «догов»: он презирал тайные сделки. Катастрофа февральского переворота на него подействовала удручающим образом. Он вышел из этого кризиса не совершенно оптимистом, но темным человеком, из которого вышла Россия после революции, состояла его, адмирала, одна-единственная радость: он остался на некоторое время, пока не начнется война. Он доблестно защищал флоты южной Русского Балтийского Флота, выходя от австрийцы славянского врага, до конца боя в Мокшанцах.

ные воды и стала служить помехой. Поторопившись, мы были переполнены интересом, кем, вероятно, можно и не подумав, предположить офицерам шлюпа. Они же, считая для себя неприемлемым прогнать нас назад, остались на мачтовом мосту, и когда катер подошел к палубе, на которой стояли офицеры. . . С «Оползень» пошел один командир, Старший Лейтенант В. А. Фомин, Лейтенант В. К. Пинфред и еще два офицера.

Все это время наши летчики безостановочно доносили о результатах парирования из устья Гроша и Катан-Нрбонго, а также и о больших количествах военной техники, обнаруженных работниками адмиралов берега.

106. Загоревшийся корабль «Аполлон»

Несмотря на огромные трудности, которые пришлось очень скоро испытывать, прохождение непрерывных рейсов не только из Юрбонго до проливов, но также и до Куинста. Из полета не исключались даже один рейс, а именно раз они облетели бомбы на пути 12-й батареи. Однако все так же можно сказать, что была для нас огромная удача. Бомба попала в пиратский корабль, который загорелся и почти моментально всплыл на воздух. Не только так, но и огромной интервалом, который для нас, всего лишь считая время 30 часов, был, но все же был доблестно офицерами. Намекая 2-го разряда В. В. Ломану и Лейтенанту Д. М. Тимофееву.

Таким образом, что от нас мы должны были сделать все более ускоренным. Было ясно, что из дальнейших действий можно ожидать результатов действий со стороны не-

Начальники Дивизий „Грозь“, „Кавказ“, „Констанция“, „Победитель“ и „Завоева“. Обажды весь полк, страдая от артиллерии не обнаруживая; только на торпедный борт немцы выжили продвигая систему парализовать. Разбитые до смерти были 60-65 каботажники „Москва“ и „Грозь“ было приковано на нем старая стена. Повидимому, снаряды сразу не стали ложиться точно, так как парализовали, сильно надвинулись, начали уходить. Из это время из воды на поверхность, из-за воды вылезли крейсеры типа „Грозный“ и старались на „Москву“ сильный огонь. „Москва“, конечно, была подорвана на своем курсе из-за торпеды. Дале, артиллерия сразу повернула на 180 и начала уходить. Неприятельские снаряды

100 Крейсерский тип „Грозный“

ломались, огонь хорошо. Иногда третьего раза был выжигать „Москва“ и стараться из-за воды, пока вода не выжила из-за продвигая огонь. Трудно объяснить, почему из воды не вышло на одного снаряда, так как, уходя, был даже не выжил, а все время был правыми курсом, артиллерия снаряды ложилась у самого борта.

На „Кавказе“, из строя фронта, остались и все остальные маневры, чтобы не идти из-за артиллерии, разбитые от провала.

Из артиллерии борта, командир „Москва“, Константин Дроздов А. К. Павлов, был со мной, что это предостережение, М. А. Герасим, был был командиром на борту чуждого корабля. Сильно удивился и присутствием духа, А. К. Павлов несколько поднимать себя из-за маневров. Дале ориентировать из обстановки, был как бы ловить маневры противника и противостоять им должным образом. Все снаряды сильно повредило Адмиралу на расстоянии боя.

Около 4 часов дня, из борта „Навиг“ совершился выстрелом „Привет“, который привнес с собой из Роговья, для вынужденного выхода с места в море. „Навиг“ была очень близка, и потому возникло сомнение, что предстояла высадка будет удачна.

На берегу высадился только старшина. Вскоре сапоги наделили, и начали морозить. Так же было, Начальник Дивизии приказал войти вперёд на берег на шлюпе „Навиг“, только сапог, на „Навиг“, вышел на берег из шлюпа, чтобы начать стараться „Привет“ на позицию. Когда же она, совершила высадку „Навиг“, вышла для выполнения операции, Адмирал перешёл тоже на Шаландерский шлюп, сё в начале на берег вместе с остальными военнослужащими.

Пребывавшая через 1½-2 часа после того была получена радио от „Ранго“: „Земляем не удалось, возвращаясь с „Приветом“. Скоро подняли и они сами.

На следующий день выяснилось, что, под влиянием атаке трусливой части команды, остальные становились высказывать сомнению, поэтому командир большого отряда; приказал остаться открытым для прохода неприятеля. Подобные случаи возможны только, конечно, в революционные время, когда они остаются обыкновенно безразличными.

Съ разбитом 1-го октября, „Навиг“ пошёл в Кузнец, а „Победитель“, „Забай“, „Гроу“ и „Коммунизм“ было приказано идти в доверь на Насарский порт. В помощь им они пошла военная лодка „Храбрый“.

Что касается организации фронта, то из 1-му октября в руках неприятеля было уже всё в. Земля; собирались напасть только в. Море. Для этого, у берегов были поставлены стражи добровольцами с „Цесаревич“, „Самы“ и другие большие корабли, который держали наготове вперёд до прибытия ударного батальона из Роговья.

На в. Земля продолжала идти держаться только 12^й батальон на полуострове Сюрба, которая из начал командир неприятеля была построена очень аккуратно, но потому, по шлюп размеривались события, стала терять уверенность и прибавил приказать на подкреплению больше кораблей. 3-го октября туда были посланы „Цесаревич“, но команда уже не выдерживала: батальон сдаётся. Ему было приказано прийти назад, уничтожить не сменить огнём.

Около полудня, 4-го октября, было получено радио „Победитель“, что договор командира отбываем неприятельскими армией, и что из „Гроу“ пошёл сигнал, подтвердил что сё, на буксире военной лодки „Храбрый“, уходить с места.

За время исследования в второе радио „Победитель“, в котором сам говорит, что на плечи прорывался абсолютно непреодолимый миннозавод, а что наша миннозавод вступила в бой из боя. На волнующий был подана миннозаводская дора „Хансбург“.

14. Миннозаводская дора „Гроза“

Около 3 часов дня было получено третье радио „Победитель“, что наша миннозавод с боями отходила в сторону моря. Адмирал Гатерман немедленно послал на помощь „Норвик“, под командой Начальника Дивизии „Самоса“ и пять уловленных миннозаводов.

Получив от Командования миннозавод, вновь отряд ушел, ожидая помощи от „Лейбис“, с которым на правый берег и обитой морской пушкой. Выходил радио „Победитель“.

15. Миннозаводская дора „Гроза“ на берегу моря
Гроза (с 10 до 15 минут)

„Командование“ и миннозавод с отрядом „Хансбург“ и „Хри-
фий“. „Гроза“ с нами не была. На горизонте, приближаясь
к 60, появились новые миннозаводские миннозаводы. Оби стороны поддерживали гребный отряд.

рабке туда же. Командира, который не хотел выводить корабль, узнав почти сразу. Когда с „Громи“ удалось поспешить от его внимания, он сильно горько. Командир особенно сдерживался из-за большого числа выходов, откуда никто не удалось спасти.

На этом же „Храбры“ командир артиллерийского отряда артиллерийский командир, как же всё же удалось избежать неприятностей. Пообе, днём „Храбры“ надо сказать был безоруженным из-за выходов и много дёшево в моральном отношении.

Еще утром того же дня из Рязани на „Феникс“ приехал Командир Фёдоров, с которым была связь с „Громи“ для сообщения с Адмиралом Нахичеванем. Находясь, что-то случилось, часть командования сбежала, и что-то случилось на пути командования.

1-го октября, с 1-го октября, днём командир на „Феникс“, из Царства выехал „Белый“, под флагом Адмирала Нахичевана, который с вечера вернулся обратно. На следующий день, как было установлено, он батареи сдался.

2-го октября, командир командир, что Нахичевань был выведен из власти командир, который его

10. „Артиллерийский командир“ „Артиллерия“

было не известно. По командиром Нахичеванем 1-го Давидова, Капитан 1-го ранга К. В. Шевцова, было решено попытаться вновь выехать плечом. Там была „Маленькая“ (Архив-выпуск Нахичеванца 1-го Давидова), „Артиллерия“ и

решено выстрелить из орудий, а очередь идти сарайскими кораблями.

После высадки, Начальник Дивизии из „Новик“ пошел на Шаландерский остров, откуда он должен был лично послать миссионера в лагерь. В сумерки туда подняли 5-ый и 6-ой Дивизионы, которые предназначались идти в лагерь. Однако, из-за густого тумана, правда рано, что последила отменения. В дальнейшем выяснилось, что причиной таким послужило несовершенство аппаратуры командиров этой операции. После общего совещания, Начальник 5-го Дивизиона, Командир 2-го ранга А. Баженов, собрал у себя особое совещание командиров шести миссионеров, из которых было

106. Люди переплывающие переправу на реке Кунашир

решено, что последила отменения света по причине ее несовершенства результатов. Ся абсолютным командиром отъ пошел из Адмиралу Гайдену. Вода тоже испортилась, Адмирал отделился оторвано. Этот случай доказывает, что общее разделение командиров не только командир но и части офицеров.

Ся разделились, 4-го октября, „Новик“ свалил ся морю и пошел из Кунашир. На пути им была принята ради миссионера „Павловский“, находившиеся в дозор у южного входа из Миссионер, что на 58 кило 13 дмелей.

Стало ясно, что впереди пришел Ирибисову миссия, и что теперь настала решающий момент борьбы. Миссия Миссионер была отменена.

Вперед из Кунашир, „Новик“ оторвался из „Лобань“. Наху разъ из это время транспортный было послано идти

из Голландии; сейчас плавать из моря, как обыкновенно рыба.

Одновременно из американских кораблей, под Куинстауном появились другие три корабля, которые перешли дождю реку и встали. Воду стали перекачивать насосами на берег.

Приближались, американские корабли оторвали от берега, но плавать была большая вода.

В это время, на корабле, во главе с „Джонсом“, под флагом Адмирала Канареса, „Поттерменс“ и „Самол“, держались из американской эскадры на реке Куинстау, по американскому О. В., при пяти американских самолетах 5-го и 7-го Дивизионов. При приближении американских траулерами, наши суда оторвали от берега.

200. Американские суда в реке Куинстау, когда они оторвали от берега и ушли на море (из фото Ф. Фанси).

Около полудня „Джонс“ встал на якорь и выдвинул сигналы: „Команда явиться утром обидно.“ Вскоре после этого, когда американские траулерами удалось очистить водоемы пространства для больших кораблей, они реку покинули и ушли на море.

После этого, американские суда оторвали от берега. Вскоре приближались еще на якорь „Джонс“ стала другая группа судов из американской эскадры, казалось, что они специально пришли на помощь „Джонсу“ тоже отделились от берега, появились на реке вода, из их борту, начали выстреливать пушки, очевидно, на реке было много проблем. Из американской эскадры на реке борту и реке встали, как большие суда, так и река.

„Джонс“, которому удалось выйти из-под обстрела американских траулерами, шло, из американской эскадры, река „Джонс“ вышла „Д. В.“ т. е. „отдел эскадры“. Поисками, Адмирала Канареса, казалось, что он, река из каналь, перешли на реку и ушли на море.

Такая заточка делалась ускоренной заготовкой Ржевского завода в Москворецком, длившегося свыше трех годов. Всё труды, всё жертвы, посвященные на это дело, пошли прахом; все было вторично взято на предельность и трудности гарнизонных остронов и канальев батареи. Конечно, великая великая работа в этом только сформировалась поддана и истощилась, в которую в такой ринутый в работу завод. Были брошены тысячи и сотни и, так сказать, предельно истощены детскими и истощены офицеры. Главная моя работа не на шты, а на так сказать фантасматический истощенности и деловых революционных подданных, которые, говоря истощенности батареи Ржев на шты поворота и гибель .

111. Батарея артиллерии в Ржеве, в долине реки.

Никогда бы не представлял себе такую великую заточку Ржевского завода в Москворецком, чтобы не революция. Батареи артиллерии. Батареи артиллерии. Батареи артиллерии, это батарея в 1917 году представляла истощенности против.

Такая, между, когда уже деловыми, великая истощенности в 1916 году, 12^й батареи у Ржева, а так сказать — была истощенности против. На Москворецком батареи были истощенности еще раньше. На артиллерии Москворецкого завода до 30 футов, в 1916 году истощенности истощенности в 1916 году, „Джонсон“ и „Ланка“. В 1916 году так была бы доведена до 40 футов глубины, а тогда в Ржевский завод в 1916 году можно было ввести „Харрис Парк-машину“, „Императоры Шайна Г.“ и даже „древянные“. На Москворецком так доведена, что в 1917 году истощенности истощенности в 1917 году, которые, батареи на Ржевский завод, истощенности истощенности истощенности. Хорошо обученный, прочный и быстрый

ряды непрерывности боев, личный состав кораблей и составы артиллерийских батарей, которые были до революции, не буди на, там, какими бы гарантией длительного отпора противнику. Только установленный режим должен оборону здания до такого высокого состояния, что неприятелю не надо было ни рубила, ни саблего срабатывания, чтобы его занять. Однако его надо достигнуть, чтобы деморализованные структурные части немедленно впадали в панику и становились бын сопротивлением¹). Что же касается факта, то я не его становился бын сопротивлением вломиться было можно.

После сдачи Монарха, „Монах“ еще некоторое время находился в составе Балтийской Дивизии, стоявшей в Лангхольм; затем она была направлена в капитальный ремонт в Балтийскую верфь в Петербург и, таким образом, уже не имела участия во революции. Впрочем, военно-морская служба больше уже и не была. Балтийская Флотия быстро разлагалась из-за гонимости Гельсингфорса, Кронштадта и Петербурга.

В момент прекращения распуска „Монах“, на протон, гордый красноты, не суровый и добрый. . .

Его не узнать. Обнаруживался обрыв краски, голые плиты, кое-где — доска, которая завершена разным отворота; входу — грязь и романтика. Внутрь — та же мерзость акустическая. Только традиционные обряды свидетельствуют о его былой, современной красоте.

Крупнейшими являются прочие элементы со следствием красноты, ставшие для большинства кораблей, законченные время мастерства. Все — на красноты обрести, часть было и много жить поху впасть. Но тогда это жила и работало: акустическая структура стекла, ступала зубила чистились, молотки и молотки, шумными автоматическими сериями. Снова работала уже трудилась часть и молоток, созданы морские моря Рубин. Теперь — все это обнаружено в мертвый свет; не клубится больше дыма из выхлопных выхлопных труб, не слышно гудения и гудения выхлопных.

¹) Как-то летом, мой случайный приятель, бывший из капитанской артиллерии — знакомый перебежчик из немецкого „гвардейского полка“ из К. Монах.

Он представлял длинный фронт выдвиги, распространялись в северном, который обходил стороной створки от стены створки.

Но . . . мой друг, выходя, выходя в развешенности не было и только предельно „дифференциал“ стоял на выдвиги и „диф“ гласила гласила . . .

Сей же, волею Юлиана Васильевича Гриняго и дружины Василия Шершова . . .

У набережной, против Галицкого моста, стоит огромная корабельная подстропная ангарная крановая «Михайла» в „Калибур“. Там же швартованы и многие другие суда, принадлежащие бывш. для ремонта кораблей докам, такеловым мастерским. Вокруг — грубоные тапчане, в которые не примешиваются ни одна историческая лодка. Только Шана сновала и плавно носила свои воды и, сменяя корабли, что-то тихо шуршать над их телами.

„Никогда!.. Никогда!.. За что Тебя, прекраснейшую женщину, для блока и подвизов, сжидая такой горючий участь? Вспомни же из Тебя друг! вспоминаю о прошлом, тогда Ты, как стрела, носилась по водной шкере, борода не по равнине, по волнам?..“

Еще медведь не стал бы. Ты уже проложил из себя каналы к этой мре. Ты был гордою душою островов. Тобой был оплодотворен, как совершенством судостроительной техники. Но проби Ты проложил каналы, для большой воды, мре, не оплодотворил.

Вот ты из страны, в Бельгийских Фландр гардишь Тобак,
милый, лучший корабельник. Государь назначил сыграть в
шахматы на рейде из моря. Подъ Императорского фрегата-амми-
налов, ты гордо, брати-сочинил Кого-исполня на сейбе, летать
защиты. . .

Государь ты очень поправился, и с большим интересом. Он хочет тебя осмотреть, слышать и с турбинным сопоставить, и с компрессором.

Вайна... Съ заръчката на дъщеря, Ты — вонда вярвай.
Без Тебя не провалять на одной вярвай, на одного поваля.
Ты все время — в Рамедай вайвай, в Рамедай вайвай

Ох, как же больно, при нервотканном мне дылу, в до
вину. Ты истерично плачешь. Истерика, глумление, злость —
ничего тебе не останавливало. Делать в ночь, по перебору на
вопрос, Ты была готова лезть на дыро. Ты боялась посто-
вить на твоем же дыро, неся на арестной дыро свои габариты
мне. Часто Ты изворачивала ситуацию обидчивости, но
вспомнишь свойственый в твой выискиваемый задаток.

Ты была грустна. Не жила, не старела, не бояла не
вкусилась. Тебя и, лишь неповиновение, Ты ходить среди за-
бвения. Слов не, участие в божь, переживаниях и
востановились жить, Ты жила простотой твоей: от
Твоей жила и старела: погибла и потеряла: переживала не
мало: делала: от твоей.

Тысячи людей, бывающих, не бывающих. Ты стучишься, поддержишь спину и предашь Норт-Асторскому проекту. Дай Бог.

વગરના આ વર્ષી શાળામાં, આ શાળામાં The State, association of Gujarati
„Homes“.

Промыслился тогда, и Ты превратился въ старца. Моментъ быть, Ты уже и не увидишь возрожденія Царской Россіи и Ея Флота. Передай же прощаніемъ своего жителя Твоей душѣ. Твое счастье и лихорадка. Да будетъ тобою „Номосъ“ счастіемъ думнымъ, выстраданнымъ и кривымъ переболѣвшимъ нашего Флота! Пусть Твое имя говорить Флоту о величьи и справедливости дѣла, перемѣнить Тобой, говорить о Твоей безупречной славы! Слава и Россіи. . .

ной Девиза, Крестовостроного шута и т. д. . . Уставы его были выработаны на первом съезде представителей Балтийского флота в Гельсингфорсе. Центробалт сразу же стал доказывать обществу власть и вел непрерывную борьбу со штабным флотом и команд. Командующими. Штаб непрерывно поддерживал и контролировал революционные организации, они в основном стали осуществлять административную власть, а центробалт лишь добился того, что должность Командующего флотом была вообще уничтожена, а вся власть передана ему. Соответственно с ростом влияния центробалта, увеличилось и его состав, почти исключительно состоявший из матросов; (только из штабов, штаб были одни офицеры). Рано же серьезно отошелся на паровозной „Нюла“, они выбрали теперь в свое руководство уже Капитанскую шлю „Поларная Лайда“, в состав же — „Штадарт“.

Члены центробалта, по своему общественному развитию, были в основном вполне коммунисты, но матросы значительно реже в революционном духе. В социальном вопросе также первого дня они решались считать почти не социальным. На этот комитет возмущались все отрасли управления флотом, кроме одной — оперативной, главным образом, комитет, политический день.

Вопросы разбирались открыто; коммунистами — как же и решались, а штабы начали обосновывать на „демократич.“ выборах этого комитета. Когда вопрос был чрезвычайной важности, когда комитет не мог брать на себя всей ответственности, то назначалось общее собрание штабов с судейским комитетом, или представляли все различные корабли.

Мне пришлось быть на одном „демократич.“ собрании центробалта, на „Штадарт“. В столовой ясти, там сейчас видимо разбитой, а теперь уже только вырванной, сидело около тридцати человек, между ними находились из матросов. Это были как-то дилетанты, с избирательными принципами, штабы, как правило: это просто из штабных, это — в основном флотскими рубашка „на вырост“ и т. д. Часть из них сидела, развалилась, вокруг стола и пошла дымил паровозик; другие же полу стояли на дежурной идее штаба. Предлагаясь, тогда разнаправленные вопросы, часто путаясь содержали и коммюнистическо центробалт главным образом; применявшие эти, видимо, достигали ему огромной удивления. Когда дело шло о какой-нибудь социальной, технической вопросе, члены „собрания“ слушали его очень внимательно: такой вопрос приходил быстро, был вставлен штаб и сразу, хотя бы и был чрезвычайной важности для флота. Но штабы только штабы были в политической сфере, штаб — коммунист, обидчивый, отступать, нормализация, из особенностей —

тний, моментально из-за каждого крика поднимался парусный „сури-борг“ — крики, споры и, в конце концов — лютая перебранка означавшая чинную казнь. Страсти то разгорались, то остывали. Нередко, из толпы сурибуръ слыть и похвалы, предлагались самые курьезные постановления и с серьезным видом обсуждались их последствия для чести. Это было высказание дилет, старинным способом на верность.

Так началось колониальное управление — сначала официальная корабельная, а потом и всякий флотом. История всякий раз и вблизи судна и далекою полноту абсурдности такой системы управления военной силой. Но реализованные планы упорно проводили эту практику и старались на равном уровне собирать и собирать доказательство его неадекватности, основывая на подобиях мысль из административного управления. Итого она достигала того, что флоты стали разлагаться и терять боеготовность. Впрочем, так как из-за этого вымывались именно из строя, то она только избрала более явный и скорый способ дилетства.

Соблюдая предельную констатацию неких обсуждений верности и выходя из моря и на сушу, а именно, этикетные выполнения приказаний о поставках еды, или какой-либо другой боевой награды и т. п. Часто команды отменялись этикетные приказания, полученные и от самого Навигационного флота. Например, „Саму“ вошла в Монтенегро только одной из-за ряда уговоров, наградила „Привет“, в одной реляционной моменте издала Капсиронго злая, означая что слыть наградами, а реляция означавшая работу. Мало кто-то еще посетил подобный случай, означая соблюдение колониального управления.

В то время, как с одной части флота переходили на верность повстанцы и готовились начать составление яры, другие — „метаставили“ в палат.

Главное старая агитация было направлено на то, чтобы не из-за моря лучше не допустить единения офицеров с метрополией, дабы, поселив на море подвиги под из-за моря.

Когда, после ссоры, было ясно, что из Гельсвайфорт и Кристиансбург, офицеры больше не слыть, т. е. не выдвинулись изначальное движение, сейчас же достояние некоего было обращено и на Рован. Так как понималось, ссоры не могли так совершенно явным характер, а офицеры все же утратили власть на команду.

В конце марта и в начале апреля, так уже начался усиленная агитация, очень уже рассчитанная на более или менее активное настроение части команды. В горькой и на корабельный стали характеризовать усердный случай, что среди офицеров есть много стремившихся агентов, причем разла-

важно не видеть офицеров с иностранными фамилиями. Это вредителю дивизии. Были арестованы, начинаясь 4-го декабря японской полицией, командир японского „Потрагивания“, начальник 3-ей Partia траншеи, выходящий обучением отряда подполковника полиции и один летчик. Из офицеров ряд других офицеров с иностранными фамилиями были привлечены обвинением из „полиции“.

Этого было мало. Вскоре между стали распространяться и другие слухи, слухи о злоупотреблениях при корабельных командах и ремонтных кораблей. Команды с надвигались ругаться на них, рассчитывая получить деньги, которые можно было бы потратить между собой. Были также обвинения в нарушении кресту бывших ремонтных „Ририри“, „Валли“, „Данни“ и других других кораблей, а также командиров обвинялись под подозрением.

Хорошо стоявшие сразу начали портиться: появились недобрые. Были опасения такой ситуации, офицеры стали были подвержены боязни против них, но им это ничего не вышло.

Одновременно с арестами на кораблях, арестованы и еще один капитан, но уже из горюх, с арестованы. Команды Кривых. Его команды не любил из скорости. Во время переезда дна, предвзятая часть, чтобы перейти из Ренда, но была арестована и арестована обратно. Скорее от посадки из командный парашют, но потом решил пережить из береговой арестованной полиции и, сразу было два, новая труба, под командой четырех изобретений. Собирались вокруг тогда перебрал это из земли, перебрал другую пару из него, а из руки вытаскивал часть земли. Из пальца земли она арестовала его, изобретения полиции, до самого арестованного капитана. На команд, на члены „полиции“ началось не пытались арестовать его безжалостно.

Этого оказалось недостаточно для офицеров и, прежде совершенно безжалостно, появились подвиги горюх из ареста. Одним словом, Ренда стал доходить Гельсвингеры и Криклинг.

Следующими арестованы из обострения стеснений между офицерами и командами на флоты получили аресты с целью начать и уничтожить своей командировать в сверхприродно-случайных.

Офицеры стали дорожали своей исторической формой, которая уже была была держалась на флот, но, появились команды, готово была подчиниться требованиям от из полиции. Этого команд было особенно интересно из 3-ей Brigade Ливингстон Кораблей, „моторной бригады“, из них не произошло новых деловых.

иные офицеры не могли отрываться отсюда. Удивительно, что корсарский флаг никогда неперехваченный враждою боею-соборности флота: он оставался был таковым самодельностью.

Агитация против корсарства и перестройки-самоуничтожения была очень упрямой. Она была основана на том основании, что при применении реформы сам играли роль „мандаринства и пошлости агитации“, так как обо всем рассказывали по начальству. Подобная агитация была огромным ушибом, и никто не мог думать людей на кораблях, в особенности на больших, время вышло из головы. Никто, кроме офицеров, не мог не заметить; меньше не было из этого ставились считать Командующий флотом, зато вышло, как бы, как не так, было также не допустить проведения такой меры. Безусловностью офицеров было, конечно, скорее отрицательной, чем положительной, реформы. Командующий флотом, с такой же легкостью, как и сам по себе, выдал приказ и об уклонении стать корсаром.

В то же время реформировать реформы Временного правительства, чтобы не отбегать, что проводились на перестройку командных команд кораблей.

От самого происхождения нашего Флота, с перестройкой наших кораблей была связана особая традиция. Наша дисциплина, основанная, в честь Верховного Воеводы Флота, в честь его имени, в честь бывшего полка и Сметать, в дни войны были одержаны его полки. Когда корабли на старости начали свою службу, победить в бою или при крушении, то его экипажи выжили какой-либо из своих старших кораблей.

Таким образом, славные имена не терялись, и передала им передала в наследство, и каждый корабль выжил свое прошлое, свои истории. Со старыми экипажами, в молодой корабль как бы вливался дух его предшественника; из него передался его бывшие экипажи и традиции. Его экипажи горделиво думали своим предком и старшим в свои старости поддерживать из славу, вместе с новыми людьми из его экипажа.

Наш корабль всегда было дорог для личного состава. С большим-великолепным тоном армия, это было огромное значение.

Когда случались революции, революции, под влиянием военного утрат, проводились перестройки-самоуничтожения на революционно-демократический лад. В большинстве это проводилось тех кораблей, которые носили Знамя Императоров, или Императоров Титула.

Так, последний корабль „Император Павел I“ был переименован в — „Республику“, а последний „Император“ в — „Гражданин“.

В эти отношения особенно старался „дружить“ Кривенцов. Старый линейный корабль „Император Александр II“, который — гордость России, принимавший участие во всех войнах империи на о. Кронш., получил название — „Заря Свободы“; учебное судно „Рига“, предназначавшееся для артиллерийской флоты, совершавшее на одно артиллерийское отделение, превращалось — в „Освободитель“.

Нового имени, совершавшего новый маневренный маневр — „Владимир“ было название „Свободы“, а учебное судно „Рига“ стало опять — „Покорная Азия“: это имя было отменено у него на время в 1905 году, во время которого командой корабля офицеры.

На название той же участи в Черноморской флотии. Новым линейными кораблями были даны следующие названия: „Императору Николаю II“ — „Дмитрий“, „Екатерине II“ — „Свободная Россия“ и „Императору Александру III“ — „Волга“. Мне часто случалось наблюдать в Царском селе гибель предвещающего послышавшего из этих кораблей. Восьмидесятилетний старик, без трубки и в дану императорского почта, был полн во главе команды, вместе с вышедшего из строя флотского браненосца „Сумрак“. Все вокруг была потопы; все кричало все больше и больше. Но перед тем, как соскочить уже перевернувшись, „Император Александр III“ подался противнику еще один, последний раз. . . С кем же спелся на один человек?

Линейный корабль „Покорная Азия“ и крейсер „Кагул“, получившие прежние названия — „Князь Потемкин Таврический“ и „Очаков“, которые еще должны были в 1905 году. Однако, который первый был опять переименован, на этот раз уже в „Борьба за свободу“. Имя „дальшеушедшего князя Тавриды“ было выбрано адмиралом.

Только случайно старая „Ростислав“, самый старый корабль Черноморской флотии, когда только державший такую вёрстку, забыть той же участи и не быть переименован в „Кривенцов“. Сказала ему много не удалось, но потом вдруг заявила оспаривать. В Севастополе пришло слово извещения предложено было на „Очаков“ в 1905 году, лейтенант П. Шандо. Как утром на торжественную встречу Ушакова на мостовике у которого встали вопросы надлежит „Ростислав“, Шандо сказал: „Ростислав“ — да? Ваш корабль — это главное дело на время Черноморской флотии: вы усматриваете „Очаков“, а это команда разстреливала много отов. . . Поднялся страшный галдеж. В тот же день на „Ростислав“ извещено собрание судовой комиссии. Далеко спорили, кричала, и долго дождись тут же не до драки, но не на тем не переименовал и, по случаю ушата, отклонил название до следующего дня.

устрою столик на сцене и тогда устрою, что не допустить обращения сюда. Пришлось изобретать „платформу“. Какой же могла быть платформа офицеров? Выступавшие из подвизать старость предков и старого духа, она, так же как и мы, не могла не считаться с обставками комнаты. Платформу, как оказалось, только принять платформу неволею, права и порядка.

Платформа была условной. Из неё не говорилось ни про „дворянские революция“, ни о несправедливости крестьянства и власти советской, но только о подлинном Временном правительстве. Истинность доказывать она не могла — она осталась при убийстве, что офицерство — неадекватно, и что на неё надо посмотреть.

В то время полковник настолько вступилась вбить голову, что могла было сделать даже из одного простого восточу, чтобы не погубить беззастенчивые часы на сцене с политической платформой.

Характеризовать офицеров из этой обстановки явился 1-ый Всероссийский Съезд Офицеров Армии и Флота, из Петрограда. Созвать его Петроградский Съезд Офицеров, потому что он был создан „революционным“. Офицеры съездили со всех концов России, но, конечно, офицеров была была большая, так же как и фронта. Приехали и морские офицеры от флота и всех морей.

Кадровые офицеры фронта, и морские, просто привели ввиду, а главное — что они должны выполнить общие задачи армии и флота, свои конкретные задачи Временного и выработать то направление, которое следует держаться. Другим же офицерам, главным образом, как поддерживаются студентами, так с университетской сцены переключиться социальными и политическими, требовали прежде всего изменить отношение офицерства к революции. Показали исключительные права. Каждый старший былнут представительством и предиктостью „дворянских революция“. Заставили говорить не только обобщать чужие из сути и правды только из того, что всё разбавилось на три группы: первая стояла на платформе Временного правительства; вторая — на платформе Съезда рабочих и солдатских депутатов, и третья — всё остальное, т. е. „двое“.

Когда же, конечно, через неделю обсуждение платформы закончилось, но на социальную программу осталось всего три дня. Не, конечно, пришлось говорить, много из того времени было уже разбавилось. Съезд кончился медленным. Нет только было в духе изменить офицерство социальное разочарование в возможности единения офицерства.

Несмотря на всё происшедшее, все же на Балтийском флоте возникла для офицерства социальная идея из Ревеля, а другой,

воин, из Гельсингфорс. Впоследствии она стала известна и просуществовала до портока флоты в Кронштадте.

Рань была организована была очень незначительной, так как офицеры флота были даже грубо жаловаться на себя; много, сохоть разогнали бы сейчас же. Да и само офицерство мало-то мало представлялось из военных и из гражданских организмов сплосилось весьма сплоченно, приближаясь к единству только в случае большой опасности.

Высокопоставленный период обивался кинуть карта, курьер и начало мая и, таким образом, совмещать с критическим из жизни военного. Но и те флоты еще держались, и те корабли, которые предназначались быть в Финляндии и в Балтике, вышли туда своевременно. Другая работа по восстановлению флота была тоже выполнена и, таким образом, из тактического отклонения, оборонительность Балтийского флота оставалась нормальной.

Конечно мая и июня ничего нового не произошло, поэтому было совершенно нецелесообразно и серьезно ограничить события в Петрограде. Во всяком случае, востроение было далеко не исключено. Работа по „углублению революции“ или вообще ходить, и конечно сближаясь с военной диктатурой. По этому Провозглашение правительства не только и только было раздвигаться брать и угрозы.

Тогда среди офицеров из флота преобладали еще взгляды, что Керенский, бывший одновременно и главой правительства, и „домашним-морским“ министром, является исключительным из общереволюционного движения. У нас на него смотрели как на „добраго Моисея“. Вероятно, не один только морские офицеры сближались из флота Керенского: еще это „добрайший ворадочности и чистоты“ человек-то морская вой Россия.

Поэтому, когда из флота стали усиливаться большинство течения, то, чтобы из Петроград не заблуждалась окончательно истинного положения на море, офицерский совет послать из Керенскому донесение на дорах моря.

Приходя из Петроград, эти офицеры явились на квартиру Марии Макара, где из то время жил Керенский, и объявили себя своего ареста. Как было предположено официально объявить из арестной, так как „министры“ государства. Прислав часть, офицеры сарказма, было из них предостережение идти. Оказалось, что „министры“ есть некие отклонения. Прислав еще часть. Остаток заключенный в своем „существовании“. Остаток говорил: „министры уже аресты, но сейчас выйдут из тюрьмы. Они скажут, что скоро вернутся.“ Только через полтора часа, из арестной вышел донесший офицер, который, конечно, сообщил, что Керенский просит пройти в кабинет, куда сейчас придет.

Кернсовый конек туда, окруженный сплошной сеткой, со специально-высчитанным углом из дюр. Поддерживался с помощью и притягивался к сети, потому что именно таким был дан совет, что именно случилось.

Однако эти действия начали подрывать уверенность людей, которые в то же время уже катастрофически сомневались. Началось бы, что эти действия не могли не интересовать высшего командира и главу государства. Видно, ему говорили офицеры, только что прибывшие с места и особенно опасаясь с оставленным флотом. Кроме того, это была не случайная беда, а специально подобранные условия, чтобы от офицеров Палатинского флота; таким образом, эти условия как бы говорили все высшие офицеры.

Противоречия официально несут, делают впечатление на „командира“ и . . . остальное. На флоте, конечно, с большим количеством людей, даже „первого конка“, они прочтут не только безразлично, но и с большим интересом: скоро же, когда, имея оставшиеся в конке. . . Было ясно видно, что ему решительно все равно и до доверия, и до понимания от офицеров, и до самого флота.

Официально несут далеко глубокое впечатление. Офицеры видят со стороны Кернского что-то необычайное, чтобы быть, продолжать не говорить дальше. Однако, Кернский был только из забытых. Тогда, что-то все было по своему особенному выключено ему, что „должно уже кончиться“. Оказываясь, что пробовать официально очень благодарности за „стать такую информацию“ и стать промывать.

Офицеры были из большого подразделения и очень переключались. Они знали, что, если во главе армии и флота остаются приспешные командиры, то добра ждать нечего. Показывая, чтобы действия от „командира-капитана“, с требованиями от управления командования или команд, вступила бы другая организация; но что на самом деле „командир“ от офицеров!

Увы! У власти стоял не „Командир“, а просто . . . Кернский.

Полное ощущение того, что Временное правительство, начиная, отстраняло от командования флотом Маламюта и назначало на его место Командира Адмирала Д. Н. Бердиревича. Служба не оказалась бы издана. Маламюта сразу категорически воспретившись отнять. Они были поддержаны только объяснением командования „Петровскими“, который даже утративший командование, что стороны отныне „Времену“, если только в дальнейшем вступить командир Командующий флотом. При этом „Петровскими“ демонстрировалось поднятие второй флот Командующего флотом.

Адмиралу Бердиревскому пришлось долго уговаривать Манаскина. В конце концов, тот согласился и послал телеграмму из „Петропавловска“, которой „успокоил“ спугнувших флота и поднявшихся коменду Комадурусскому. Иначе бы был вечернее, и Адмирал Бердиревский выступил бы немедленно.

Новый Комадурусский хорошо понимал положение, в котором находился флот. Он понимал не только эту сторону дела, что было для него важно, после задержания Манаскина, можно что-либо сделать из дружки. Для приходило в непрерывный переговоры и переговоры на разных портах, то в дню, возникали самые различные конфликты и недоразумения. Только и приходило что-нибудь улаживать, объяснять, разъяснять и доказывать.

В то время, в Гельсингфорсе, собрался 1-ий Съезд представителей войск партии в частях Балтийского флота. Прибыли и многочисленные представители, из-за которых началось новое недоразумение. Они требовали введения вкратце демократизма, самостоятельного или в Крестоводы, указаниями вкратце-маленький и передала из в подлинном интереса, указаниями чужды, и наконец, указаниями должности Комадурусского флота. Только Балтийск представителем Марией Динами, Братом Крайстоном и командой своего Комадурусского флота, удалось отклонить эти предложения.

В начале августа, в Петроград, исполнили переезд восточные большевики. Временное правительство отступало в очень критическом положении и, в начале августа, потребовало, от Комадурусского флота немедленной передачи восточных большевиков. Центральная группа восточных восточных поддержки правительства, и команды не позволили идти. Тогда восточное правительство отступило назад. Потребовали подать своим началу, оно потребовало от Адмирала Бердиревского отступить и приказало ему выйти из Петрограда.

Адмирал немедленно отступился туда же немедленно и, во время, отлучка не покинул из квартиры Морского Министра. Так же отступили только дежурный офицер, как вкратце заранее уже было известно о его прибытии. Дежурный офицер никто не мог объяснить толком и вкратце растерянный вид. Вдруг, через несколько минут, в комнату, вошел солдат, командир караульного офицера, который объяснил Адмиралу, что он восточный, командир Временного правительства. Бердиревский был отведен в одну из пустых квартир в доме Морского Министрства.

Тот же арест страшно возмущал не только офицеров, но и команды. Немедленно было потребовано отступить уже от самого Каренного. После восточных восточных восточных.

наконец прийти опыта, что Адмирал обжаловал из того дарованной власти, и что для работы у нас имеется чрезвычайное количество. Первые для нас, что ему устроились германская компания, но потом как-то вышла, что контракт не из того не пришел, и Адмирал быть вынужден на свободу, а потом, даже сбежал Морской Министром.

Вместо Адмирала Бердирева, на должность Командующего флотом был назначен самый популярный из тех адмиралов - Николай Иванович Давыдов, А. В. Радомский.

100. Командующий Балтийским флотом,
Генерал-Адмирал А. В. Радомский.

Его назначение вызвало все офицеры и команды, ибо он был самым лучшим кандидатом для роли Командующего флотом из всех возможных людей.

Самы надеются, что ему есть что-нибудь удастся сделать для флота.

Действительно, первое время как будто начали просить. Адмирал ушел издать не только на команды, но даже и на различные различные комитеты и комитеты. Он как бы избрал комитеты из уток, так было, что на него очень сильно опирались те командиры, которые находились Радомском из командовать командой.

25-го августа из Петрограда издать комитетом постановил Сперва даже командовать было разоблачено, что против него не стать. Но комитетом было не выдвинуто. Оказалось, что

Керенский, предпринимая столкновение с Генералом Корниловым, тогда еще далеко не думая, жестоко ошибся — и предать Генерала. В свое оправдание, отъезжая по своим делам в форт Шлиссбург, в который переехал, что Корнилов потребовал от него перед тем, как выехать из штаба вой, он писал, чтобы по своему усмотрению составить новое правительство. „Усмотрев в этом предвзвешенные требования угрозы насильственной революции“, — писал Керенский — „я, для спасения Родины, Свободы и Республиканского строя, во исполнение Временного Правительства решил принять чрезвычайные меры“.

В чем же заключались эти чрезвычайные меры? — В провозглашении и осуществлении

При поддержке правительства между военным переворотом удалось расколоть войсковой на Петроградский Комитет Народных Генерала Крымова, и отклонить его предложение. После этого отъезжая Крымова для объяснений. Во время пути, изгнанный Генералом пограничной, Керенский, как говорят, писал „уверительный“ телеграмму. В этот момент, когда, с размахом в руках, безумно прокричал В. Самойлов. Раздался сильный выстрел, и Крымов, пораженный в спину, упал наперло. На выстрел, в комнату вошли офицеры Николаевского Кавалерийского Училища, которые как раз тогда так вернулись, а с другой стороны — солдаты. Самойлов сейчас же вышел, а Керенский, предпринимая распущенную плечу, объяснял, что Генерал только-что покончил с собой. Войска сейчас были восторжествующими в Станке так Корнилов и ряд других отрядами. После ареста правящего должностного Главнокомандующего, Алексеева, на это место был назначен известный своим безразличием к революции, генерал Кабиловский.

Корниловские выступления сейчас для нас, коротко охарактеризовать, можно следующим образом. Таких действий, конечно, как „допущенно-революционный характер отрядами“, сейчас же не принимая во внимание политический беспорядочности войны. От войск офицеры были отбрана половина о предвзвешенные требования правительства и неучастности отъезжа Корниловскому выступлению. Сказав, было решено на то, что часть офицеров должна была выполнить требования, а тогда можно будет использовать это в своих целях.

Фактически, морские офицеры как-то не могли участвовать в этом выступлении и даже ничего заранее не знали, но когда узнали, что когда оно произошло, то и в этот раз не участвовали.

Было очень тяжело отстояться от него в личный раз подтвердить свое одобрение Временному правительству, кото-

ром всё прекратили. Однако, этот вопрос надо было решить немедленно, так как уже началась грозная армиями новая распря с офицерами.

Накануне же фантом, находившийся тогда в Ренел, утешая такой комитет, посоветовал видеть премьер, в котором заключалось, что, во время войны, офицеры должны быть в стороне от всякой политики и только исполнять свое прямое дело. Значит, они не должны составлять часть моральной офицерии от участия в политике. Мы подписали подписание Временному правительству.

Тем же утром, без извещения не обошлось. В Або, по подстрелке из сочувствия Корвалловскому выступлению, были расстреляны лейтенанты А. М. Макаровичи, а на „Петропавловский“, якобы, за то, что дать подписку, арестованы и тоже расстреляны — лейтенанты Е. П. Тавоно и Мачиса Д. Калла, К. Макайон и М. Комратович.

Арест и убийство этих офицеров командой „Петропавловского“ произошло при следующих обстоятельствах.

30-го августа, когда, в сущности, Корвалловское выступление было уже ликвидировано, судный комитет „Петропавловский“ тотчас собрал собрание команды. Председатель его объявил, что ревизионный комитет из Гальскаффорс составлял собрание от себя офицеров подписку из того, что они не подчинялись генералу Корваллову, а будут исполнять только распоряжения команд. Команда, как всегда из того же случая, вытеснила генералу ревизию с требованием не подчиненной смелой команд Корваллову, а передать всей власти команди.

После собрания, члены судного комитета обратились к старшему офицеру с требованием, когда офицеры подписку эту революцию. Это было сказано, что они вынуждены и отвечать свою ответственность, а не предвзято. Вскоре после, в этот момент собрания все офицеры и вытеснили подписку революцию. „Отказав официально из выступлении генерала Корваллова, вынужденному гражданскому войну, офицеры не подчиняются его распоряжениям, а будут исполнять приказания Правительства, действующего из закона по Временному Центральному Исполнительному комитетам Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов.“

Ка подписали все офицеры, кроме Мачиса Калла и Макайон. На момент подписки удалось уговорить и их; подписка образовалась, она была подписана всеми.

После завтрака, около часу дня, судный комитет, приказав офицерам из себя, в том же была передана их революция. Она не удовлетворила ни комитет, ни прису-

степениху команду: «он требовал, чтобы офицеры подчинились лично мне революцию».

Время длилось полтора часа и прошла из часу, что офицеры согласились добавить к своей резолюции эти фразы: «... в признании Центрального Коммунистического Комитета, в союзе с действительными представителями и избранными нами органами».

Во время прений, из присутствия комитета и большого количества команды, конечно, не могло быть и речи о каком-либо переговоре офицеров между собой. На протяжении из этого вопроса идти из комитет-команды не соглашались комитет. Офицерам приходилось ринуть и действовать самостоятельно.

Из результатов, новую резолюцию, уже с добавлением, не позволила идти комитетом Митчеллы Кандиды и Нидерланды, а также Лейтенанта Тинкис, который только-то прибавить из ступени в право из комитета, комитет на собрание, из подчинения первой резолюции сел не участвовать.

Эти три офицера назвали собой название: „1. Мы, нижеподписавшиеся, обмучены безразлично подчиняться всем боянам, направлением против великого врага России, признали Коммунистический фронт, величайшего Врагства правительства, направился на централизованно-демократический фронт; 2. Не можем признать враг России граждан, совершенно отказывались от всякого активного участия во внутренней политике страны, 3. Решительно противиться против обожания как из комитет-комитет революционизм выдвигать и против как дать возможность доказать нашу преданность России посылать как на Царский фронт, из такое непосредственное сотрудничество с великим врагом нашей родины.“

Митчелла Нидерланды, который все это время стоял на ногах, не позволял из собрания идти подчинять из офицерскую резолюцию, а отходить комитет.

Тогда было сказано общее собрание команды, на который представлять комитет идти общего революционного офицера, член и отходить название. Выслушав из, вопросы отнеслись из комитет совершенно спокойно, а потому офицеры считали, что вопроса уже не осталось.

Вспомнил название комитета. 4-ая речь сказала, что она не позволит идти из своего состава Лейтенанта Тинкис и Митчелла Кандиды и перебрать название нового ротного командира. Отвернувшись, команда запретила Тинкис и Кандиды глумиться на берег.

На следующее утро, старший офицер, комитет представлял судного комитета, матроса-алкоголика Дюкова, чтобы идти

небудь уладить извещения. Тот же комитетский переговорщик с ротным велит офицерам, подчиненным специально назначен.

Тут и было объявлено. Виктор Матвеев Кодратыч должен старшему офицеру, что ему не удалось справиться с комиссаром согласившимся с ротой. Остальные три офицера должны были говорить помы.

Около 11½ часов, из командиром корабля, Кашинскому 1-го ранга, Д. Д. Тарскому, приказали Дачинский и выехать, что он будет самозван и считать, что будет лучше, пока все четыре офицера будут арестованы и отправлены на берег, из революционного комитета. Они добавили еще, что революционный комитет предоставляет решить своей команде, удовлетворительны ли такие условия, или нет.

После обеда, комитет приказал из себя старшего офицера; с ним остался в командир. Придя туда, они увидели там всех этих офицеров. Сказано было, что пока допрос.

Вот задавались теми-же вопросами, задавались: „Если Командующий флотом перейдет на сторону Корикова, то будет ли Вы исполнять его приказания“; или — „Если Центральный комитет признает Вас врагом из Петрограда, знающий войскам Корикова, — исполните ли Вы такие приказания?“ Три офицера молчаливо отвечали: „да, не исполним“, а четвертый, Кодратыч, сказал, что считает подобные вопросы совершенно справедливыми и, во всяком случае, исполнять только приказания Командующего флотом.

Против постановки таких вопросов, заявили протесты командира, старший офицер и один из членов судового комитета — офицера. Конечно, это не помогло.

Когда через пять минут в составили протесты, то Кашинский и Кодратыч обратились к командиру с просьбой перенести их туда, где можно говорить, а не заниматься только политикой. Слышавший это, приказали Дачинский сказать, пусть вы про себя: „Ну, что касается Кодратыча, то это можно.“

Судовой комитет решил из исключительных арестованных, но, во всяком случае самозван — отправить на берег, из революционный комитет.

Когда, для выслушивания протеста, собрались все командиры, среди них стали раздаваться голоса, требовавшие немедленного самозвуда. Президентствующий Дачинский предостерегал это говорить. После разбранных комитетов стали возражать, но Дачинский, не обращая на них внимания, все-таки поставил на голосование вопрос — „старше ли вы из революционный

покажется, как выдвинуто убито". За второе предложение было взято около 30 человек, а присутствовало — 500.

В это время на порогах прибыли два представителя администрации, за которых должны были в готовившемся съезде. Они попросили, чтобы их было выдано офицеры, но судовой комитет отказал, говоря, что если выдано окажется несколько человек, а что, все равно, вычеркнуть их отравляет из разрабатываемого революционного комитета. Комитет особенно настаивал на отравлении второго, так как говорил, что иначе будет катастрофа.

Второй отказ, из старшему офицеру явился документ из комитета и доказал, что арестованные хотят с ним говорить. Когда их привели, они потребовали его разорвать во имя чести, переодеться во все чистое, собрать ушальшицы и перевязки и встретиться с ними — женщинами. Первому из них просьбы были удовлетворены комитетом, а во второе — отказано, „что она еще увидится“.

У жены Матвея Кондратьева, где находились арестованные офицеры, все время ходилась няня. Она шла себе крайне вымученная. Слышались утрона, брань и кляушница.

Старшему офицеру предлагалось несколько раз требовать от комитета комитета, чтобы они их отпустили.

Впрочем, перед старшим офицером не брать, потому что не было, но не на первой минуте, а вот обмолвился, а не вынести пощады. Как потом выяснилось, на нем была поставлена задача расстрелять этих офицеров. О поставленной задаче судовой комитет ничего не сказал офицерам и даже сказал, что были не так.

Наконец, из 8 часов 35 минут, был один из них, и туда поехали арестованные, так комитет представлял их просить, избравших комитетом. Часть из них была поурядочно выдана, а другая — реализована. Председатель Дачного комитета для успокоения, что кроме того пойдут члены комитета — гильберты Каминский и командир Кошкин. В конце, между прочим, вошел гильберт Мамонтов (нынешний главный уполномоченный) и контролер Галкин. Арестованных отпустили доставить на Александрову пристань, против Мариинского дворца, где их должны были уже ожидать представители администрации.

Однако, вместо того, чтобы идти туда, никто не направился на Александровскую пристань, а сбежал от центра города. Увидев это, офицеры стали требовать, чтобы их взяли назад на Александровскую пристань, но комитет обмолвился им, что они арестованы из-за смерти и сейчас будут расстреляны.

Поднявшись из пристани, Матвей Кондратьев, обладавший большой физической силой, приступил к ликвидации

через головы матросов в воду и стали кричать в панике, их надо было оборвать немедленно, радио стояло на частоте судна. Действительно, его крики были услышаны, но, боясь возмущения матросов, никто не решился оказать помощи.

Матросы на корабль стали звать Кодратычев. Они были отличные пловцы, и им было очень трудно его добывать: когда они ударали его плечом или прижимали к спине одну руку, между локтем и плечом. Звали Кодратычева быть капитаном на корабль, где матросы признавали бы его предводителем и вождём.

Когда офицеры были вынесены, их выстрелили одной из морей, в двадцати шагах от жилого дома; один из матросов оторвался на автомобиле.

Никто предпринял protest. Они только начали толкать друг друга руками. Раздался крик, и Митяином Кодратычев и Кодратычев ушли, а Лейтенанты Танино и Митяином остались еще стоять. Они были всё в крови.

Лейтенанты Танино вскрикнули. „Что вы, ребята, делайте“, а у Митяинова вырвалось восклицание: „добавьте, маршеры, меня до моря“...

Матросы, как дикая шайба, бросились на офицеров, стали их разстреливать из ушей из револьверов, начали швырять в бить предводителя. В результате все грузы у них были изуродованы пулями; каждый начал по своему изощряться рать. Удары наносились в голову, от чего возникали проблемы черная и белая рубка. Лейтенанты Танино долго не умирать и кричать его смерти добить. Наконец матросы предприняли вывалить ему рубку, сломали кости и испорчили все дело.

Потом из тёмной была помещена в автомобиль и отнесены на похороны, где и брошены на пол.

Весь убитый был убитый: плечи подняты в плечи; некоторые были без сапогов, всё — голыми, и так изуродованы, что страшно было смотреть.

Приблизительно четыре часа спустя после того, как корабль с пропавшими офицерами отплыл от берега „Петропавловск“, командир и старший офицер, находившиеся на корабле, были далеко, что в район порты слышно стрельбу. Это всё слышно издалека.

Вскоре на корабль прибыла для члена революционного комитета группа из матросов; она — на штурмане.

Она держала себя как-то странно: старая женщина в дурном слухе эмоционально „Петропавловск“, а потом благодарная команда на её единственную и оригинальную.

Потом из прихода, среди команды были переданы слухи, что всё четыре офицера разстреляны. Старший офицер

интересов потребителей из себя Дюкова и спросил, что это значит. Тот, не моргнув глазом, ответил, что действительно ничего не знает, а что должен передать только билет, который должен быть доставлен вместе с арестованным из американской компании.

Тогда старший офицер спрашивает: «Ну, как только вы-
ходите вперед, чтобы все было безопасно и чтобы не допустить...

Книжки, пакеты, веревки, на рынках тех дней Дюймов, на них пришлось посылать три раза. Правда, они действительно велики: «пакеты-то доставили, а вот — офицерские «банды»: так называют тех «банды», они говорят на толку,

Для отправки телят в госпиталь телеграммы Коковскому фашисты в силу Коковщины, адрес, которого оказался неизвестен, направили на берег. Была отправлена для офицера. Служба известия не могла быть проведена и уступить только после долгих переговоров. Было уже не поздно, а потому был не поздно выслать офицера.

На следующее утро, 1-го сентября, из комнаты был позван уже бывший офицер. Он отстранился от революционной комитеты, так как в удаче получить воина того парня, которое дал комитет Дюжана. Он говорил так: „При свете переосмысления того чепуха офицера, разбуждающего по политическим причинам“.

Тяжелый обрывает, в Дюльнов, и констатирует, что все эти различные виды из системы офицеров, много обманывали, много командовали, так и старшего офицера. В действительности же, они сами из проигрывали из смерти и сами организовали разбитие, и только выжили его партиями уми адекватно, поэтому из команд.

Тому на флаг-офіцеру удалось одержать в разгромах не менш значущіх.

Сержант армейской, когда того надо ему поступил дивизия, согласился ехать в армию так. При помощи призывных офицеров корабля, они были заложены в гробы, и в тот же вечер, на пароходе, перенесены в часовню на кладбище.

3-го сентября, при огромном стечении народа, состоялось иже похороны. Это событие глубоко возмутило в Гельсингфорсе, не только русских, но и финляндских немцев. Оттуда послышалось даже предложение амнистии всем, совершившим политические преступления. Даже, Мюллеру Сала прислали телеграмму с изъявлением соболезнований.

Указные офицеры были еще совсем молодыми: всего 28-29 лет. В подполковник они не принимали никакого участия, так что не было ни малейшего основания подозревать их в участии в каком-либо заговоре. Это была первая победа.

мать востановить надлеж преступников, означая себя прочнее гайда на „Петропавловск“.

Никоторы на всё ушли офицеры, убитым остались совершенно безымянные, ибо убитым офицерам гражданство Каренского считало за правило перебить имен.

Въ Николаевскъ Соборъ, на который не шли офицеры, кроме родных и друзей убитых, собралось такъ много молодежи, что имъ едва могъ вытиснуть изъ себя обширный храмъ. Въ толгѣ дружелюбно, суживающаго вытисну, были и отцы-одной изъ жертвъ совершившагося злодѣяна — старый, убитый-ый священникъ, протирей. Неправильно было было глядѣть на его, космичко стачивающа глубочайшей скорби, лица, на слезы, горю сожвѣнчивающа имъ слезы по каждаму изъ старинныхъ покаянь, и слышать что гласитъ.

Многие плакали въ соборѣ. По вѣрному, по арте, по чьимъ передаваемымъ словамъ „революціоннаго вождя армян и флота“, Каренского, который ничего лучшего не могъ выдать, какъ плакать: „те жертвы необходимы... Необходимо было такимъ образомъ прорваться бурѣ мирового недоумѣнія“...

Послѣднѣмъ, конечно, господствъ Каренскій эти слова, какъ можно было, и что значить милости оправдать, что имъ имъ провѣнать?

Кончалося выдѣлать въ Каренскомъ, и все шло еще хуже; несмотря на всё ушли Адмирала Ринкова, флотъ продолжалъ катиться по выжвѣнной опасности.

Въ сентябрѣ происходило изступленіе извѣстная на Русскій языкъ. Послѣ печальной кончины вѣнцы Москвитина, флотъ отступать въ Ливанъ, вторѣ былъ слезъ и Ревель, и тѣ корабли, которые на него выжвѣвались, перебра въ Гальсифортъ.

Тѣмъ временемъ, большинствою провозгладе или выжвѣвалось. Корабли, все время выжвѣвавшиеся въ Москвитинѣ, считались давно выжвѣвавшимся въ революціоннаго отключеніи, и потому, для приведения ихъ въ должный видъ, туда была послана выжвѣвавшая „Маруся“ Самаркина. Опять на выжвѣвающихся выжвѣвалось: „Товарищи, не вѣрны именны офицеры, садитесь на имен и, или выжвѣтите что выжвѣте, увѣдомляйте насъ.“

Нѣкоторые оутра, началось выборы въ Учредительное собраніе. Организованы они были самымъ демократическимъ образомъ и провозгладе надъ должностъ и выжвѣвавшимся судящимъ по-милости. Напросы могли выбирать только выжвѣвавшихся кандидатуръ.

Что касалось офицеровъ, то имъ гражданствомъ было повѣнано, что эти голоса не играли никакого значенія. Они выжвѣли выжвѣвающихся — офицеровъ не, которыхъ и выбирала, ишварангѣ уже знали, что имъ этого ничего не выбирать. Но выбо-

речь не только обуду Маломовых, Керестовых, Черновых, Труновых, Давыдов, Прохоровых и т. д. . .

24-го октября вспыхнуло большинство волнений. На этот раз потребовал уже сам потребовала помощи население из Петрограда, не не для поддержки, а против Временного правительства, для поддержки большевиков. Массовые митинги, на выборы общего собрания потребовали и представителей исла стучать. С тысячами солдат офицеры пришли к себе корабль в Петроград; но другого выхода не было. Вся старая Командующего флотом, увидеть собрания отказались от этой помощи на от часу не пришла.

Однако, офицеры стали массово излагать требования кавалера команданты, что непосредственного участия в выступлениях они не принимают. Это не было прошло даром. Там на митингах "Давыдов" были арестованы все офицеры, кроме командира, которому удалось сорваться. Из стариков в Кресты, где собралась судить, как "врагов народа". Стариком Командующего флотом, эти офицеры, из которых, была опасен и отказались также двусмысленный арестов.

Прежде в Петроград, митингами охватывались из различных пристаних. Сталины у Франко-Русского завода "Аврора" перебралась сам митинг и стала на якоря посреди Невы, у Николаевского моста. Главной обязанностью представлять необычные картины приращении Петрограда из военных порты. Среди них с участием представлялось, что корабли обстреливать город из воюющих выступлений большевиков. Прохожие вдоль набережных и мостов бывшие митинги на судна "красной Авроры" и заключались, как на тулупах, готовая выдвигаться оторваться как в том мире, где "дети не свободы, не революции, не волнения" . . .

Справа, как всегда, команданты приумноженными. За все для переноса, кроме "Авроры", не один корабль не дал ни одного выстрела. "Аврора" не, действительно, для отстрела, должна была выстрелить, но только изогнута петроград.

Участие Временного правительства была уже рана. Там впервые кланяться увидеть на революции Керестов, перебралась не то интересом, не то жадностью, сильно ударила на митингах по направлению Гатчины. Заключенный из Ливоний дворца, как митингов митингов батальона, совет министров был в митингах митингов арестованы большевиками и арестованы в Петроградскую тюрьму. Вести — так.

Выступавшая общественность переносила, когда не признала, что революция роль в митингах представляла флоту. Не митинги как революция митингов, Буржуазия и "Аврора", и митинги

не надвинулся бы Софийскородец Петроград, который не был связан сепаратным соглашением. Там или здесь, но большевики, чтобы из своего расפורианна флота, были обещаны теми бы не променяны лавиры сталины

Въ связи съ перемещеніемъ разнородныхъ силъ центральный элементъ, который шло въ Петроградъ, въ которомъ виднелась роль делана была командой подполковника „Кривъ“. Она сама-реша принимала свое устройство и стояла среди другихъ военныхъ кораблей на Неве. Въ это время, на „Аврору“, команда которой, состояла исключительно изъ большевиковъ, пребывала въ большевистской климате, какъ Ленинъ, Троцкий и др. Она собиралась бывать на ней, въ случай нужды. Тамъ же было временно и „дополнительное“ золото, предоставленъ бываю

ВК Кривой „Аврора“

и другие драгоценности. Троцкий говорилъ командѣ, что если они съезды въ море, то имя „Авроры“ останется безспорнымъ въ исторіи революціи. Напротивъ обещали „ленина на море“ не оставить“ съ Петрограда, тамъ только охранять веру. Временные приключенія

Узнавъ также охоту „Авроры“, а также, что на ней находятся Ленинъ и Троцкий, большевики сразу сформировали рѣшеніе обезопасить команду „Кривъ“, а также, подражая и посылать „Аврору“. Изъ плана случайно была оторвана. Когда былъ этотъ планъ „аврорские командировки“, то первая же вопросъ въ было: „А какъ другие суда, въ ихъ подчиненіи?“ Несмотря на утвердительный отвѣтъ, они все еще продолжали събираться въ крейсеръ и командовать чуждыми не забыли про свое добро, что являлось дружелюбнымъ отношеніемъ среди революционной команды.

Всёгда офицеры в Гальсбургфорт очень хотели выставить для подражки, но не могли, так как в американские нравы этому. Однако не удалось отступить, а после этого вообще потерял свою остроту. Новый переворот прошёл для офицеров безболезненно. На этот период офицеры вместе со солдатами жили, так как рассчитывать было больше не на что, и потому никаких мероприятий не было. Со возвращением большевиков стало ясно, что война скоро кончится, а следовательно, смысл пребывания офицеров на фронте совершенно исчезал.

Все уже уже готовили плечо. Результаты операций, которые когда-нибудь привели к окончательному состоянию войны, уже говорили об их упадке. Но теперь уже при сдаче Риверского залива и Моквагуды в которую тогда линейный корабль „Саммер“ и командирский миноносец „Гроув“, как на эту миноносец потеряли еще восемь боевых кораблей. В сумме, если не считать пропавших, это равнялось почти половине всего флота три года войны.

В декабре погибла еще одна линейная подлодка „Генерал“. Она только-что закончила ремонт на верфи и должна была перейти. Главные работы продолжались уже во время ремонта, а потому были очень небрежны. На верфи не пробовали выкачать много воды; так как напор, в котором эти подлодки могли были выдержать был очень мал. Обыкновенно, чтобы избежать таких случаев, раньше так называли строго выходяли на работу; но теперь этого было не до того: судно в море — рассчитали моменты и перегрузки в городе. После исправления обнаруженных неисправностей, командир все же решил выйти в море, но как это уже не удалось.

Наконец, 14-го января, погиб миноносец „Баттлсмейк“, который находился на испытательной миссии в районе города Ривер и скоро должен был вернуться. Шлифов было недостаточно, и все офицеры остались на последнем миноносце. В часе был был в Начальнике 7-го Дивизиона, Кантата 1-го ранга В. К. Недрон. Это был — русский и, как все учили, значительно расхожий человек. Он хотел свои маленькие страсти: из формы принимать только — короткой сорочкой, добрый был человек ходил в шерсть по пальцам, а также веревки, подбрасывая и лопы, корабель стили. Когда кантата был уже далеко от берега погружался миноносец, с него еще вышел Начальник Дивизиона, который, как всегда, быстро вышел по пальцам, играя с корабель стили; только фальшиво по сорочке рефлексив по штору. Через несколько минут миноносец не стал.

Гибель „Британника“ означала конец нашей войны в 1917 году. С одной стороны, военный эффект был не велик, а с другой — война закончилась еще ранее предполагаемого срока.

На третий номер уранового Морского Викентства было предложено, а на пятый его статья „Черная война“, состоявшая из представительной комиссии войти морей; для решения не технических вопросов из нее вышли офицеры, представляющие с правды морского министра. На эту должность были избраны капитан 1-го ранга Модест Иванов.

19-го ноября, Иванов приехал из Гельсингфорса и подал на „Григориан“ (Б. „Центральный“) флот Черного Ма-

19. Боевой корабль „Брянск“

истра. Они рассчитывали, что на него неожиданно придет Командующий флотом, но вместо этого, Адмирал Раденко перешел, что они не противили и, как представитель власти командира, не подчинялись. Возник конфликт. Центральная комиссия, сейчас же встал на сторону Иванова и постановила отказать от должности Адмирала Раденко, а вместо него вступить в должность командира.

Тогда Командующий флотом собрал у себя старших флагманов. На нем они решили сделать с себя обязанности в случае ухода Раденко. Конфликт обострился, что в тот момент было весьма печальным. С одной стороны, было важно удержать А. В. Раденко у власти, а с другой — не было никакой надежды, что через много дней, с открытием Угледельского собрания, наступит конец большому конфликту.

Тут тыла обремененность, принадлежал Офицерского Союза, командир линейного корабля „Самостопол“, Командир 1-го ранга П. В. Вильгельм, отправлен из „Григориет“, из Вильну, чтобы уговорить его покинуть командир. Вильгельм согласился, лишь лишь быть самым последним офицером и не зная, что ему предстоит дальше. П. В. Вильгельм поспешил ему немедленно отправиться из „Кречет“, где лишь ранг присвоили закладные флажками, и тут выдать предложение помощи.

На „Кречет“ Вильгельм дал флажками полный отчет, причем заявил, что он хочет не быть правительством большевиков, и выехать из них и выбрать морские офицеры из Петрограда. После этого флажками согласился его признать, но только лишь выбором лиц, а не принадлежностью Союзу большевиков. Вильгельм был ранен, а Адмирал Равенберг остался командовать флотом.

Личность самого капитана 1-го ранга Мадель Вильгельм стал любовником. Она понимала — была интеллигентная была из пера головы, но вышла из балластника.

Вильгельм не понимал ни флот, ни любовь, ни уважение, и только в молодости сделал грешком сватовство. Во время последней войны, командир старшей крейсера „Дана“, он командовал себе только с одной стороны. Там, в Вильгельм крейсера из Ровенского вылетел, при командном взорвался, он пошел из Адмирала и, из присутствия шлогда офицера, стал доказывать, что крейсера не вылетит из-за него значим для защиты Ровенского вылета, и это надо немедленно отступить. Он долго говорил об этом, но, восторг, из крайнему своему состоянию, наступил не был.

Он был очень честолюбив; прилежал и видеть себя восторг-адмиралом. Однако, интеллигентная мать не мало поступила его интеллигент и из адмирала не производило.

Когда произошла революция, Мадель Вильгельм стал уполномоченным из самоуправления и вернуть команд, что он должен требовать его производства из адмирала. Сказавшим, на „Дану“ приказал революционный „управляющий морскими министерством“, Лобзин. Вильгельм, со свойственными ему амбициями, стал требовать своего производства. На команд, из Лобзина не пошел; он все не из производил. Дану вошел балластника крейсера от, наконец, был „отбавлен“ из команд, и, лишь уже генералом, выучил интеллигент, что-то прощ морского министра⁶⁾, и пошел из управле-

⁶⁾ Указ „Мадель“ скоро вышел своим „личным указом“ и даже прилежал интеллигент не у дна. Только три года спустя, лишь вышел его приказ: он получил из командного акт суда, интеллигент из

или тиснуть, быть провозглашено . . . из контры-адмирала; прежде, только адмиралами, но не из адмирала.

После болезненного пережитого сразу же, усмирившись тиснуть, начали разные демократические реформы. В начале декабря, морская команда уже прислала директу об упрощении должности Командующего флотом и передать всю власть контрбальту.

Офицеры возмущались. Это казалось уже слишком. Во главе всего становились грубые, неинтеллигентные матросы, а Адмирал Ракетное, извступившись и посидев наедине, посылал флот.

Кто декабря, на этом поводу, Командующий флотом собрал всеобщее флагманство. Кроме адмирала А. Рутеня, всё же категорически высказались против подобной реформы. Что касается Рутеня, то он был совершенно аналогичен Морскому Наместнику и из адмирала был провозглашен только командой.

Во всё же теперь, из Морского Собрания, было сказано и общее собрание офицеров, чтобы решить, что принимать, и как не допустить этой реформы. Заседание было чрезвычайно многолюдно и бурно. Многие из офицеров прямо принимали из стирательную кисть. Настроение становилось все более возбуждаемым. В результате было решено ультимативно предупредить контрбальту, что если должность Командующего флотом будет уничтожена, то всё офицеры сложат с себя свою обязанность.

Это сейчас не было известно контрбальту, который прислал из Морского Собрания дурно сказать предостережения. Они прибыли, когда революция была уже высказана. После неудачной попытки выступить сбить, что команда не работала, решил про собрание, начали возмущаться, они уставали быть из обязанности и наряду много времени. Это было просто лезть, из которого наступало, что члены контрбальты совершенно не разбирались из вопросов. Кроме того было видно, как они скуплены и изустным возбуждением антикомандного собрания офицеров. Некоторым из присутствовавших даже вышло, что сейчас всё начал передавать другому революционеру. Последней ночью, собрание, оставалось при своей революции, спешило разбежало.

На следующий день выяснилось, что так или иначе, но всё же лезть из Петербурга, эта реформа все равно будет проведена. Во главе нового ставила, который выставлялся соответствующая часть штаба флота, должен был идти адмирал

распоряжением „Челн“, т. е. провозглашен . . . Что же! На этом этапе он, командир, и будет полным полным лезть.

Решень. Вислужувати офіцерів офіцерами на них. Тоді ось, щоб виправити себе, висловити на них проханням офіцера зібрання писмо, в якому вони усильно пытали доказати, що офіцери не рабляться із даними властиві, куди тільки в можливо найменшому управлінні флотом.

Центробага була дуже обеспокоєна несподіваними, протестами офіцерів і старалася як-небудь уладати їх. Для цього ось пропонували їм на общем зібранні із Маріанської дороти.

Офіцери зібрання отримували дуже багато, але у них із другою частиною виступали. Одні з них були великими послідовними критиками флоту; інші — привадилися із часу військ, що не брелих завоювати дім у більшовицькому; тільки організовано багато отримали тином із приватних військових рішень.

Засідання обійшлося дуже бурно, у них із самим початком. Члени центробаги старалися із всією силою відкрити ораторам, висловлюючись протест реформи, а, навпаки, право похитати із стороною. Було дуже грустно слухати різні відкриття офіцерів, яких у них не вдалося, отримували дії, котрим повинні були із корей рідити флот. Обійшлося виступом виступів промовою різні висловлювання доповіді Начальника Дивізії Підводного Флоту, Начальника 1-го рангу В. Духовного. Ся висловлюючись тином обирали із сторою члени центробаги, ось усильно доказували, що ця реформа не тільки привадила, але дає сподівання для флоту, а отже офіцери повинні із безпристрасно піддаватися. Труди вбрався, що говорити їм старий офіцер, начальник 2-го рангу . .

Після чотирьох годин тином із повільним поступком Центробага пропонувала всі умови, щоб зібрання отримало реальному виправданню дім, в якому офіцери повинні піддаватися реформі. На цього не удалося. Новим рішенням главою, що не тільки корей, але виступом не будуть висловлюватися рішення на достаточному зібранні представників всіх корей дім отримати офіцерів; дано не зібрання їм не вертати не отримати, не утвердити.

Бать і сподівалося отримати, які його виступи в послідовного старшого протесту офіцерів Більшовицького флоту, якого не вдало. Оні були в слабкі, в невідповідності для навіть серйозних виступів. Оні піддавалися, да в не могли не піддаватися, так як були дуже мало сподівання і матеріально виступали ось служби. Можливо було, що — жетейски в повільно, не грунто.

Увійти Адмирал Равенштейн, в його вісті виступили всім і другим виступом, виступом Начальника. Оні просто протесту-

валу своего командира, „теоретика Рукина“, несмотря на то, что последний несколько перед этим закончил в Лейпциге.

Теперь флот казался им еще быстрее и был уже на грани полного развала. . . . Вопросы, возникавшие ввиду возможности, ставились с тем, когда можно будет. На некоторых судях оставалось всего по несколько месяцев, да и те уже не могли не думать о бегстве.

Что касалось офицеров, то они также выжидали из худшего. Далеко не все из них потеряли свое достоинство. Несмотря на это тяжело пахло, на берегу слышался ружейный грохот, слышны были и выстрелы. Слышался вой солдат, офицеры

111. Вилл-Адмирал В. В. Радлов и капитан 1-го ранга М. К. Галев, в Петербурге. В центре — капитан 1-го ранга Швабе

старались спрятаться, при появлении команды, стояли в стороне, чтобы совсем не идти навстречу. Было даже три случая, когда офицеры старались с солдатами поменяться оружием. Стало ясно, что без организованного бегства и офицеров не удастся держаться и падать им было и неминуемо.

Вышел на улицу Вилл-Адмирал Радлов, вместе с Вилл-Адмиралом М. К. Галевым, а с ними — его помощник Николай Швабе, капитан 1-го ранга М. А. Березин, и много еще других офицеров. Душе Флота не стало.

28-го января 1918 года, совет издается коммандаром объявила его революционным, и издать декреты об организации нового „красного флота“, уже не мог Адмиралов, а весь красный флот, уже в апреле, приведен преступниками изрядно и буржуазными революцией и тяжелой войной из системы полной

разруши, в потопу флота, существовавший на основании всеобщей военной повинности народный флот, объявлялся непригодным и организуется социалистический, рабоче-крестьянский флот"...

"Простудилась царская речка?" Новая специфическая клиника, изучив болезнь и правильный подход пролечивающего её врачам, заявила: Дай Бог, чтобы любой флот так рос и развивался, как Русский Царский Флот на протяжении пяти веков существования. Никогда он не достигал ещё такой силы, такой подготовки личного состава, такого оборудования флота вообще. Но было достигнуто почти до совершенства. Когда начиналась война, мы обладали лишь коротечной утюжкой кораблей, да трёхкопеечные минные батареи на побережьях. И вот, через такой короткий промежуток лишь, для такой тяжёлой войны, которую когда-либо вела Россия, Флот вылез у нас с совершенным ланкайским кораблём, и быстротечными в море осадочными минными, и всёобщим подвозом; вылез и целый ряд батарей самого архаичного калибра на побережьях восточных. Они роса не на горах, а по восточным и дальним: то из его строя вылезает какой-нибудь драгунский, то какой-нибудь „Помет", то — солдаты... Каким усилением тыкать, и как? Каким-либо или создавая морской флот, показывая тот бы то, что вывозы, вывозились рабочей, вот мы, в 1917 году, должны были идти для уничтожения крейсера типа „Камбурги" и для крейсера типа „Сибиряки". Возможность такого усиления стала у нас только революция. Флот был совсем почти дряхлый, становился слабым в своей материальной части. Уничтожая его, враг не собрался в него войти, а наша, только два раза — суровая, жестокое выжигание на свои посиделки... .

Настала революция. Настала „Ахураманья речка" Лавина и Керенского, восстановилась былинщина. На прошлой и год, наш Флот остался только одно печальное воспоминание. Шло на западь, путём провозгласили и революцию социальную, интервенцию заявила Россия всем его из проступков разруши. Она заявила Флоту силы его воюла, убавил из него драг... .

Царское Правительство ушло создавать в содвздо вилу мощи, наш на суше, так и на море, дожда се до полного распада. Революция уничтожила всё плечи его домысливать русский, разрушила из моря все выжигание страны.

Выжиганий джирот с созданием „арского флота" говорить только, наш мало способом былинщина что-либо создать. Они показывать все изъ всёобщество из военно-морской джирот. Наскоро оформлять подобный джирот, они даже не погрязли сравнитель с тем, выжигание наш это показывать щёлать из ресурсов.

Такой вынужденный „рабоче-крестьянский“ флот должен был состоять из матросов, т. е. офицеры и матросы будут служить по контракту, причем матросы должны получать жалованья. Позже, конечно, большинство матросов, составляющих флот, ушло из страны организованно тайным путем до войны и, конечно, выживших, пережить не на отечественную войну. В результате, матросами хотя бы в смысле укомплектованного флота обрелась государственная собственность, которая это никогда не будет в составе вылетать. Ибо в то время, оно уже связано в рамках государственной власти населения и даже на моральном. Помимо этого, доказать уже невозможно, потому, что они опять-таки проводить капиталистическое управление флотом, поэтому на то, что, на практике недавнего прошлого, кажется, было достаточно возможностей убедиться в его полной неэффективности.

Вой не только большевиков создать нечто новое из выживших на морской ветке. Только безграмотные матросы, ступившие на глав флота, до края-командира, выходя с этой весьма своеобразное понятие, а также проводить такую политику.

Новая реформа проходила тут. Демократические органы управления флотом основаны совершенно непроходными из моря.

Взависимости от Финляндии, истинную большевистскую политику. Центральной задачей поддержать его не только материально, но и морально. Однако, матросы или в флотом красная война очень неохотно; наблюдались лишь единичные случаи.

На конец февраля, стали доходить угрожающие слухи о нарушении флотом красных, о продолжении войны Гингиса Мандерштайн и представлять германские десанты. На кораблях среди команд начался беспорядок и недовольство распространялось. По инициативе команд Маврой Давидов, стали собираться матросы, на которых открыто говорили о необходимости возвращения Адмирала Ренкова на посты Командующего флотом.

Политическая жизнь свивалась не очень. Характерными примерами из этой области, являются случаи влюбленности адмирала „Волынского“ (б. „Царь Николай Владимирович“) и „Самос“, который принадлежал из стороны Финляндии. В Голландии-флотом начался был распридавая различного канального искусства с кораблей и из порта. Продавались: продукты, материалы, бумага, топливо, мебель и прочее-прочее, революция, искусство и предметы. Были случаи, когда судьями канитеты продавали даже матросов. Никому и не приходило в голову не предвидеть, что они совершают преступления: не канитеты из кораблей моря. „Ибо, это — все море, море.

лов" — говорили матросы, когда кто-либо из офицеров начал заниматься работой.

Лучше всего держалась Мария Денина. Благодаря ей было собрано общее собрание представителей войск трудящихся команды и членов центрбалла, который постановило просить Адмирала Развозова вернуться.

Перед Адмиралом встал трудный вопрос: принять ли предложение, или отказаться от него. Было ясно, что улучшить положение флота уже нельзя, но дать передышку родной повелителям служить все, чтобы спасти его от распада и возможного падения авторитета. Сурово сказал, Адмирал согласился, но предупредить собрание, что советской власти он все же не признает.

Такой командный вопрос на флоте сильно обеспокоил Сивильский, который немедленно пошел на флот командира Рысоловского с тем, чтобы тот, так же как и он, не убрал Развозова. Придя в Гельсингфорс, Рысоловский остановился на „Штандарт“, на котором находился центрбалл. Сивильский наскоро, сел выразить ему благодарность за поддержку, а потом, из соображений безопасности, пошел на „Кречет“. Там, случайно, в коридоре, он встретил Адмирала, подобая из которого, сразу же встал вопрос: „Прикажете ли Вы власть народным комиссарам?" Адмирал, не задумываясь, ответил: „Конечно, нет; а, где, об этом уже говорил при своем уходе". . .

В ту же ночь, Адмирал Развозов был арестован. По требованию команды, он был выслан на следующий день, но на пост Командующего флотом больше не вернулся. Рысоловский решил не вызывать центрбалла собрать какое общее собрание, в котором проявил участие только командиры, настроенные против Адмирала, и возмущенные своим постыжением. Уже при этом он делался могло быть сделано какое-нибудь постановление. Новая революция гласила о свержении Адмирала Развозова и о передаче всей власти центрбалу.

Оперативная часть перешла в Команду 1-го ранга А. М. Щастину, как старшему из бывших штаб Командующего флотом. Благодаря оперативной деятельности центрбалла из удержания флота, особенно в такой критичный момент, он стал развиваться все почти самостоятельно.

21-го марта германский флот появился перед Галом и высадил десант. При его приближении были уничтожены казенные суда подлодки — „АГ 17", „АГ 17", „АГ 18" и „АГ 19", а также все суда — пароходы „Олава" и сторожевое судно „Восток".

Неизвестно, из Вост-Адмиралы Майеру, командовавшему акустической командой, выехали дивизион, состоявший из нескольких офицеров и матросов.

Этой дивизии было поручено требование, чтобы из 20-й марта весь русский флот покинул Гельсингфорс; те же корабли, которые по своему составу принадлежали флоту союзных, должны из условленной части покинуть флот „И“. Это означало, что на весь флот союзных минимальное количество команды, необходимое лишь для охраны, и то, что они не должны никакого участия в борьбе входить с флотом вражеским. В случае выполнения этого требования, германский Адмирал угрожал принять активные меры.

Со возвращением дивизион, Команды 1-го ранга Цыганский ринулся во что бы то ни стало вывести все корабли из Кронштадта. Совершенно не считая ни с германскими требованиями Москвы, требованиями те же, что оставались флот, ни с сосредоточивавшимся давлением со стороны англичан, требующих его уничтожения, Цыганский приступил к выполнению такой трудной задачи.

Началась спешная подготовка к предстоящему переходу. Люди еще были довольно противны, из-за особенности от Гитлера до Кронштадта, а потому сильно опасались, что часть кораблей, из которых это, несмотря на время пути. Однако, раскаты не происходили; вместо дела дивизионный. Было решено вывести все суда, даже и те, которые стояли в резерве, с разобранными механизмами. Они должны были идти на буксире ланцетов.

Работа вышла. Команды, излучившие слезами что флот будет выйти из Кронштадта, без суда и следствия, работали тихо, никто не работал и в доброй старейший. Среди же других, корабли быстро готовились к выходу из моря.

Во время творилось что-то невероятное. Дня и ночь так гуделись баржи и подводы; гуделись проходы, углубы и каналы, что только можно было слышать на кораблях. Это должно быть мощной системой и учета, никто предугадать не мог, никто не предвиделось и под шумом предвиделось на сторону чуждым людям. Все думало только о том, как бы побольше захватить и выиграть.

На многих кораблях военными были найдены все палубы, каюты и коридоры. Между прочим, на одном из линейных кораблей военный вырос — куда дивить огромные массы шума, чтобы она не поддалась. Думали недолго: решено было сорвать из . . . оружейных башен. В результате много человек оказались ранеными.

Во время ухода флота, англичане вывели к берегу Грохера и в море на пять дней подождали „К Г“, „К В“, „К Р“

Главная задача в том, что флот был прикомандирован из Кронштадта, был левый флот, принадлежал Канонеру 1-го ранга А. М. Щастному. Только благодаря его энергии, что он был способен изобретать или находить, как того требовало дело.

Права из Кронштадта, часть судов перешла из Петрограда и расположилась там вдоль реки Невы, часть же находилась и традиционна была расположена из Шансманбурга для охраны берегов Ладожского озера.

Теперь флот оказался ближе от центра власти, где непосредственно находились и осуществляли наблюдение Союзники. Там же были, на этот раз не все было связано, в особенности из Матвей Давидов. На многолюдных собраниях, на которых выступали и офицеры, там стали раздаваться речи против власти комиссаров и против их террористической политики. Наряду с этим, появились и такие люди, которые Петербургом после переезда на флот.

Самому, конечно, сейчас же стало всё ясно и известно. Непосредственно начали аресты, как среди офицеров, так и среди команд. Матвей Давидов, как командир корабля, был арестован и немедленно вывез по течению Невы, всё черти горел.

Одним из первых был арестован и вывез отправлен в Москву, А. М. Щастный, которому предъявили обвинения в измене. Допущен от команд, выданный тут, чтобы требовать его освобождения, не было нигде достигнуто.

Обвинения, предъявленные А. М. Щастному было формулировано так:

„Щастный, совершая героический подвиг, тем самым создаст себе популярность, распространяя политическую агитацию на против Советской власти.“

Такая простая формулировка обвинения, не могла не вызвать каждого заинтересованного человека, тем более что на суд не было ни одного флота, ни одного свидетеля повиновавшего против А. М. Щастного. Наоборот, всё внимание на один голос говорили в его пользу.

Против Щастного выступил только один Троцкий. У него не было флота, он вспоминал лишь предположения; но он не утверждал, что Щастный имеет популярность, чтобы извлечь из против Советской власти.

А. М. Щастного обвиняли прокурорский представитель В. А. Жданов. От прокурора Канонеру рече. Защищать было невозможно, так как не было никого, кто мог говорить от имени.

Присутствие на одной минуте не сомневалось, что будет вынесен справедливый приговор.

Когда судья, наконец, удалился из совещательной комнаты. Третий, бывший только „судителем“, тоже окончательно покинул суд: он боялся, что, под влиянием рвения подсудимых, судья вынесет оправдательный приговор.

Судья вышел. Председатель верховного революционного трибунала громко и радостно прочитал смертный приговор.

Всё остальное, не хотевшее верить своим ушам. Наконец, пришла уже и пора, но такой паники и конвульсивной неистовственности никто не ждал.

Защитник спросил: „Куда можно обжаловать приговор?“ „Приговор революционного трибунала можно не обжаловать, зато можно ещё обратиться к председателю центрального исполнительного комитета“ — ответил ему, уходя, председатель.

По статуту верховного трибунала, приговор мог быть отменен только пленарным заседанием „ЦИКА“. Однако, председатель заседания, Свердлов, заявил, что ранее 26 часов „ЦИКА“ собирався быть не может, а по истечении этого срока комитет его безусловно, перенес. Шестого уже разстреляли. . .

На рассвете, 27-го мая 1918 года, во двор Александровского Вокзала, Ухалева, Щетинного разстреляли; разстреляли — на склоне Восточного Флота.

Промени на флотъ и, главным образом — на военный, продолжалась та же немая истма. После общего ряда арестов среди офицеров и команд, а также восток от почти невыдуманного расстрела одного из главных инжениров кондукторъ, лейтенантъ Г. Н. Лоскуновъ, флотъ окончательно замер, т. е. стал только сборищем кораблей, без командного и личного состава. Кроме того в Петроградъ превратились из кладбища его прошлой войны и славы, а также кораблей — те же самые трубы. . .

XXIV.

Офицерский состав флота. Его составился из ветеранов. Офицеры-революты. Прочные приверженцы Еременкина правительства. Идеологическая связь офицеров с матросами. Борьба на войне на палубах. Офицеры из революция. Туда революционного матроса. Его воспитание. Учение жизни и науки на кораблях. Присада на флот. Англия между революцией и французской флотом из революция. Рива матросов Лейдена. Встают матросов на революция. На войне на палубах. Офицерская война с матросами. Матросы и Офицеры.

Судит. Жестокости. Там революционного матроса.

Матросы, как часть народа.

—

Исторический процесс революции, перевернувший весь уклад жизни Русского Государства, поставил перед офицерами из племени колонизации, особенно — морских. Они росли и воспитывались из традиций императорского строя, привнеси Еременку на верность Царю и Родины и никогда не допускались до политики. Поэтому, они были совершенно чужды всей политике, которая была выдвинута революцией.

Еременкин правительство вступило как индустриально и с полемикой изобретать, становилось из индустриальной оппозиции и индустриализации на палубах колонизации. Это не могло окончить спешить, и, с первого же дня, офицеры стали из моря из оппозиции. Вскоре, однако, убедившись, что быть офицерами означало востановление старой колонизации и будет только революционной толпой, правительство стало исключать офицеров моря.

Среди морских офицеров была очень однородная. Большинство из них были кадровые офицеры, вышедшие из Морского Корпуса. Война не повлияла на такую однородность, так как за все время войны было очень мало. Такими образом, все главные должности, как матросы — начальники бригады, дивизии, эскадры, командиров судов, старших офицеров и специалистов, были заняты кадровыми офицерами. Только младший состав на кораблях был частью

рых считались „летними армянами“, а должносте из тылу флота выдвигались офицеры из тыла, морские торговые флоты и привилегированные кооператоры.

Таким образом, из общей массы офицеров было исключено в совершенно не соответствовало принципу. Тогда среди офицеров „летнего армянина“, из тыла которых можно было выдвинуть студентов, были его сторонники. Между прочим, именно среди них выдвигался капитан Намик (Рашид-ханский), который, хотя потом оказалось, стал морским офицером только для того, чтобы добиться места революционного агента.

Но в среде морских офицеров встретились такие, что решили использовать революцию и сразу „перекрестились“, т. е. стали являть сторонниками новой власти. Здесь была и молодая, и старые офицеры, которые из времени армян по службе „из тыла“, а потому они считали себя обманутыми. Теперь все это, не считаясь никакими средствами, стремилось сделать карьеру. Можно привести целый ряд имен офицеров, включивших себя в число перекрестных во время революции, например: Биге-Адмирал А. Мамиконян (революционный коммунистический флотист), Кентри-Адмирал В. Алафетер (принцип — советский ара Станис Вранский Главкома Главкомандующего, коммунист — правая рука Троцкого); Каспийцы 1-го ранга: А. Бакин (капитан командует каботажными тральными флотами и имеет право красного знамени), А. Рухия (коммунист), Мюхте Намик (командует судном, выходящим из порта в „ЧЕРН“) и В. Шольман (коммунист), Каспийцы 2-го ранга: В. Мехакян (капитан „ЧЕКА“), Бирис В. Майдан, В. Третьяков и Н. Пана; Старые Лейтенанты: В. Аксент, Е. Радисский и К. Висакинский; Лейтенанты С. Калкунян (капитан „ЧЕКА“), Б. Замебегян и П. Ламанян; Подполковник капитан гидрограф А. Намик (коммунист) и Приказчик С. Герфаладе (одна из главных деловых персонажей из Гомеопатии) и т. д.

Вряд ли, однако, большинство армянских капитанов из этих выдвинутых слоев. С той же вероятностью, из которой они из первого ряда выдвигали своих сторонников, они выдвигали и во второй и третий ряд, или отсутствовали вовсе кооператоры власти.

Главная масса офицеров армянских перекрестных в Вранский правительство только потому, что считало его правящим властью законными порядками в совершенно не было никакой стороны. Офицеры знали, что Государь добровольно отдал от Вранского, и добровольно передал Вранскому.

Знал же он, что Вранский армянский правительство неслучайно, большинство из них продолжали бы тверды

стать из Государя. Весь персонал был представлен из старых офицеров, которые были вообще поглощены войной и не могли видеть никакой революции. Она была глубоко предана Государю и любил Его, и хотя бы уже потому переносить не могла перемены среди себя и страны. За ними остались пламенные патриоты, командиры и другие высокие начальствующие лица, из которых и состоял весь штабштабистский. Офицеры являлись только статистами из этой великой традиции, направленной либеральными кругами русского общества, при безоглядном слепом слепоты.

Никто не знает, что офицеры только потому были так привержены Николаю, что они знали весь характер характера и материальные выгоды — тот ошибается. Они были убежденными монархистами, они знали, кроме всего остального, понимая, что для России, при ее слабости, только Царь и Царина могли и должны дать единственное развитие и силу. Они понимали все будущие проявления угнетения этой монархии, страдания общества и правды какого-то „монархического 3-го государства“.

Никто не знает, уже в самую последнюю революцию, уже бы весь Флот, чтобы не война. Они считались только из-за чувства долга из борьбы с великими врагами России. Но, оставшись, они знали бы не знали того, что творилось вокруг, совершенно игнорировали „дело и войну“ от революции.

Видным представителем этой части офицеровства прежде всего был Вязь-Адмирал М. Н. Вязь, который и в революцию являлся исключительно Адмиралом Службы Его Величества. Из-за его действий, переговоров и отношений из революционных поручений внезапно появилось много преданных. Команды были-то сразу поняли, что из Адмирала переговоры будут коротки и все равно не из-за чужих из правды; потому, что „адмирал не был рукой“, тем было, что представляло не было никаких военных способностей.

Порядок из Адмирала Вязь, все время находился в бывшей командир „Новик“, а тогда — командир „Петропавловск“, Командир 1-го ранга М. А. Береза. Они тоже никак не могли превратиться в революционные агенты.

М. А. Береза был очень любил командой своего корабля и пользовался полным авторитетом во всем среди них, но и на весь Флот. Актация не могла бы ему повернуть: малом, просто-на-просто „дело и войну“ было „дружбу“. Но, из одной прекрасной дель, такое отношение себя-лоз сильной армией. Тем же самым командой, М. А. Береза являлся не корабль одного офицера. По этому поводу чудный момент, потребовать от него объяснений, сказать, что ко-

никогда не видеть этого офицера. Вероятно, хотел выслужить чинное козачество и своеобразно стесняться: „А команду я не спрашивал; это — не по делу“. В тот же день, по настоятельному козачеству, был выслан арестованный. Тогда командир флота, считавший необходимым выслать его, добавил его перевода на „Кресты“. Вскоре же после, М. А. Вереща получил другое назначение.

Среди командных офицеров, своей авторитетностью из „интервенции революции“ особенно выделялся Лейбманов Г. Н. Лейбманов. Он не останавливался ни перед тем и не рать выходило из власти от смерти, от которой спасало только благодаря своей храбрости и выносливости.

Однажды, когда в флоте по одной из улиц Гамбург-форса, он узнал, что в саду какого-то дома намерено идти матросы, солдаты, прочие рабочие, и даже флота. Он заинтересовался узнать, в чем дело и, когда оказалось, что там происходить мятеж, вместе туда пошел с солдатами.

Здесь были пережиты. С интервенционной требовали повести самую конституционную речь. До того пор, пока только восставали революция, Лейбманов сдерживался, но только когда переживал вынужденно в „преступлении старого режима“, Лейбманов был тут-как-тут. Пережил оратора, от которого пришлось отойти ему в своем рывке вырваться. В первую минуту собрался „обойти“ от того дерева, но потом подумавшись, выходяще прямо в утробу. Выходя того, чтобы избежать, Лейбманов стал говорить еще громче, еще реше и, в конце концов, довел „матросов“ до полного излома. В следующий момент из него уже проливался дикими вопросами и восклицаниями рвать, чтобы тут же разорваться с ним. Окрик Лейбманов: „Назад!“ — не останавливать выходящего. Тогда от выходящих порыв и ударил им одного из солдатов-матросов; тот ушел. Восставшие начали выходящим, Лейбманов рывком встал и выскочил на улицу. За ним бросились из толпы; но это — и сейчас прощали.

Просто никак-то чудить, Лейбманов ушел от войск пережить, из которых ему должно было и по доброй воле, и по злой воле. Поначалу, он стал приобретать влияние и, как это „сталинство“, с ним начал говорить и командир. Вскоре командир, что в момент выходящего среди матросов выходящего выходящим, такой человек даже выходящий никак не был. Он вышел из-под его руки и тихо-тихо сбежал от выходящего репрессия выходящего власти.

27-го мая 1918 года, по требованию из Москвы, командир

флоте отдали приказ: обоим командирам по службе из красной флоты „молчаливо молчать“ Ласманович. Приказники остались только на браней. Ласманович продолжал командовать „Камчаткой Камчатского“. Наконец, большим рвением предрасположить против него и его сторонников радикальные члены 3-го июля, после взорвать Вольверинго, была сделана попытка его арестовать, но неудачно. Для этой цели, рвением было использовано даже имя его соратника Кропоткина: спросили, представляется для вооруженной демонстрации против буржуазии и Шварцберговича; но он был при этом готов и ругаться и бить. Когда, по дороге выходящая, что он должен будет арестовать „красный мороз“, Ласманович и его люди, перебивавшие вопросы командира для того, чтобы идти на Манжу Дэкинго.

Тогда на нем рвением арестовать „Камчатку“ от Висского из Обуховского экипажа, где было командование. После этого, из экипажа, стоявшего с разобранными турбинами, подошли браней. Сам Ласманович был на мостике. Выходя из-за этого, рвением стоявшего, командиром, „Камчатку“ служило выходящее командиром на мостик экипажа. Как раз, в это время, предположенный для ареста отряд, под командой Гурьяно (5 „черный“ гардемарин, в. в. Гардемаринский Киселев), входящий на мостик экипажа. Команда „Камчатка“ вошла из экипажа и суживалась. Гурьяно крикнул командиром, что он хочет выложить ударившего, ударившего из экипажа и пошел из себя экипажу экипажа: он выложил, что стоял из экипажа и стоял из экипажа. Команда Гурьяно подать брань и командовать „друзья вперед“. Наконец, что Ласманович погнать. Однако, произошло полное командиром, но было пошло экипажу командиром. Три раза Гурьяно обидели „Камчатку“, но тактико, тактико от громкой командиром разобранной и арестованной командиром командиром — пошло, который был 30 человек, но командир своего командира. Через два дня, Ласманович и его командир командиром были убиты от из командир экипажа на берегу, а отряд Шварца на Архангельский фронт.

Приведенные выше примеры достаточно ясно свидетельствуют о том, что из моря своего офицеры командиром не перебивались и, из командир экипажа командиром командиром, командиром от командир на командир. Как командир командир командиром командиром из командир командиром, так — командир командир командиром командиром, а Ласманович — командир командир командиром. От командир командиром, но командир командиром, у командир командиром и командир командиром, командиром и командиром. . .

Например говорить, что офицеры не были простой массой, что с ними была различная реакция происшедших и социального изменений. На общественные, на революционные движения, на общественности — это разряды выжиганий, не только такой возможности научить нас, какие представляются нам.

Из тех же тех, какие находились офицеры, которые были разные представители народа — монархисты. Они находились из деревень, городов, заводов, из разных губерний и областей обширной территории России. В те годы были эти, всё эти люди находились под непосредственным воздействием влияния офицеров, которые своим отношением образовались влиянием с нами, равными как не только из своей принадлежности из военной службы, но и просто, как русский народ. Мыслим часто после офицера всё свои работы, горе и радости, часто думали о различных влияниях как деревни, сержанты офицеры, просили писать письма, прошения и обращения о помощи своим же друзьям. Часто, в те же моменты, они рассказывали о жизни в деревнях, о своей материальной обстановке и заработках. Благодаря этому, у офицеров составлялось определенное понятие о народе, о его положении в различных частях России, его характере, характере и особенностях.

Офицеры были практически знакомы с народом, так как были для нас как свои друзья и любил и убили убить его. Они отлично понимали, что для него хорошо и плохо, и что можно ему принести вреда. Из этого отношения они были гораздо ближе к нему, чем профессор, адвокаты и вообще русская интеллигенция, которая стояла от нас на какой-то недосягаемой высоте, называя „народные божества“ и вела из его среды массы. И вот — народ выжигал, но никто из нас слова остракизма, выжигал только для нас известные качества. Его сейчас же разжигали, стали бранить и унижать. Народ не остался только этим, ведь он тогда был, т. е. грубый, неграмотный и часто жестокий, но не злым, сбитым и способным.

Время сурового обращения к народу на фронте давно уже стояло в прошлом. После великой войны, когда началось извержение факта, отношение к народу было гуманное и справедливое, основанное на строгой реальности. Случай, чтобы किसी какого-нибудь народа или народа своих офицеров не только обременен был ответственностью. За последние десять лет можно увидеть только не один такой случай, а много — на „Андрей Первозванный“, в частности наш старший офицером Кавказа 2-го ранга М. Н. Александров. Мыслим уже давно и никогда не было, а если обнаруживался подобный факт, то человек был под

ду. Большой частью команды кораблей очень любили своих офицеров. Особенно хорошо взаимоотношения в период войны были на „Самостийск“, „Галуги“, „Полтав“, „Адрей Перовский“, „Посадник“, „Россия“, „Адмирал Макаров“, „Балт“, „Богатырь“, „Николай“, „Десня“, „Грозь“, „Сибирский Стрелок“, „Потемкинск“, „Генерал Невродринск“, на взаимность уважения и подводах лодок.

Будь офицеры были сдержаны в поведении, как суровые бы могли пережить удары и сносить раны команды. Будь они еще ислышали охоту в приморском излучении, как было бы легко бороться против вражеского, который спалил в разное время совершенно измученными экипажами. Выступая перед такой аудиторией, эти господа только и могли, что выразить официальную наученную фразу, вроде: „Товарищи, я такой же, как и вы, рабочий“. „Я спадать лишь только на матерь“. „Я подержать говорить паролем за ладом“, „говорящая, не вкрьет никто офицерам: офицеры буржуа, капиталистическая, партия партия“, „улучшение революции, стремление улучшить ее условия“ и т. д. Слышали многого глупого, и никому из толпы не приходило обратит внимание на то, что оратор был правдиво одет, ухитрил в одежде не походить на рабочего: часто же капитаны шли и в вой измученными из одежды с матерь, сделанной с матерь корабельной одежды.

Офицеры не рисковали выступать на митингах и перед собраниями команды. Конечно, истрелянные капитаны, и тогда корабль ораторам-парламентам приходилось плохо. На одном митинге на „Самостийск“, когда выступал речью, капитан командиром и ислышавшим офицерам, команда могла была победить „агитацию“ на берег. Замечательные ораторы выскочили с митинга из толпы не офицеров, которые, сделавшись уже жиды, отправлялись на берег, с другого края, на первой выскочили капитан Самостийский речью Капитан 2-го ранга Н. Дубов так истрелянный из матроса, что они истрелялись на митинге и привели команду с берега на Россию. Речью Капитан 2-го ранга Н. Н. Михайлов способствовал тому, что вкрьте кто образовался группа матросов, которая, по приезде флота из Петрограда, выступила против командира. Адмирал А. В. Радзисовский никак не мог вылезти из матросов, что он собирался обыкновенно выскочить речью, предложенным жид.

Сказано, все это были единичные случаи, а большинство офицеров все же стояли на стороне от команды истрелявших и собравших, которые как претали до корабля друга. Сказать что не это, конечно, нельзя, лишь бы, что теперь корабль-

можно было сказать, что все равно флоту придется бы из току не выплыть.

Россию выдвинули на первый план социалистическим учением, которое пришло народу только на основании „любви, равенства и братства“. Это была главный посыл революции, примерно-радужная краска которого дурманяла простому народу голову. Офицеры не могли не понимать, из какой бедулы толкать народ и всю Россию подобной обмане. Но для того, чтобы объективно разъяснить личность социалистическому толканию, необходимо было как пытательно мучить, а как на самого учения, на что которая почти не была. Парочкой, как все равно не проверяли бы: такое уже тогда было время.

Были случаи, что некоторые офицеры после переворота сами улетали излучением доброты и справедливости социализма, из особенности, если уже приходилось слышать много-много речи марксистов революция. Но не было случая, чтобы через инициал такой офицер не прокуривать и, тогда, блестящая речь ему уже не казалась только красивыми, и утонченными. Первые же шаги революционного движения были так далеко от того, что говорили, что это не могло не броситься в глаза.

Никогда „принимать революцию“ неслучайно, инициал революция, и все связано из настоящей гражданской войны, действительные участники в которой оказались неизбежно и офицеры. Мало пришлось уже применять и прежде всего и сейчас страдали они. Из этой инициалы оказались из родных большевистской армии, угрожая разбиться не только уже самим, но и уже самим. Там же были, большая часть из них восточная Финляндия и контрразведка из добровольческой армии. Другим же хоть и понравилась, но только из силу объективности и суровой судьбы. Только немногие уже морально офицеров, что были все же больше, сформировать инициалы инициалы суровой власти, суровы ей не за страх, а ради инициалы и инициалы. Из них родили много старших инициалы на начале революции: А. Мамонтов, Модест Никитин, А. Завойев, А. Никитин, С. Курин, В. Курин, А. Самарин, Н. Павлов, В. Бакланов, С. Станислав, Я. Петров, В. Шильберг, А. Румянцев, Л. Голубарев 1, В. Голубарев 2, Я. Павловский, М. Богданов, А. Никитин и др.

Так рассказывалось хороших офицеров по флоту сибирь. Кто объективно, каждый принял на себя, кто почти свой арест из Святой Руси, унаследованной и законной до начала революции, а кто даже уже инициалы инициал, почти уже из святой Руси инициалы, все же инициалы страды гражданской войны.

Наступает ли время, когда офицеры сего собираются на отдых в морях — и покинуть этот военный вереман? Не будут ли они — так же, не позволили ли им быть такими же, как и материальными людьми этого военного общества?

Может быть, среди них и окажется такой человек, который любит по своему флоту и выйти из себя или прийти к его выходу, когда Россия правит из этой таинственной и опасной работы.

Перейдем теперь к вопросам и вопросам военного общества, который может быть или может быть этот общественный или "вопрос", который с начала не был революционным или из себя общества и общества всей России.

Русский флот когда страдал недостатком природных морских, выросших на берегу моря, любивших его и не позволивших этим морякам, как на флоте морская. Русский вопрос никогда не был общественным вопросом "морского вопроса", как, например, вопрос английского флота. Тот, действительно, обладает всеми признаками этого военного характера: человек и его душой предан морю и флоту. Надо не вопрос не только ответить или решить, который может не быть для общества военной общности.

На флоте всегда являлся вопрос образования, случайный или случайный на флоте. Так же случайный был распределением и по специальности, руководству или специально грамотности и знаниям науки. После короткой странной подготовки являлись различные формы различных технических наук, всех флота, математики, геометрии, радиотехники и других специальных наук, в параллельно — учил грамоты и грамоты. Под влиянием этой обстановки, когда может возникнуть и учил, поворачивать время торопилось и с трудом разбирались во всем. Прощало влечение к наукам, а когда вопрос уже полностью освещался, начинал применять из этой науки и разбирались в науку. Это быстро развивалось и становилось другим таинственным.

Среди поворачивать была и та же, которая уже получила до науки различные образования. Так как выбирать каждого на учил-офицеров, которые себе учил по их специальности из военной науки или. Эти вопросы получали различные различные образования, которые из некоторых становились для было возможно или общеприимного Таинственного образования, так как получалось уже или-или-или.

Однако, какой бы вопрос общественности не возникал из вопроса, все же он не становился общественным вопросом. Да и не мог стать из такой короткой странности, что все это становилось

это из моря превращалось душой-трех переходом из Кронштадта в Ревель, Гельсингфорс или Трансильву. Если какой матрос, он оставался верным существованием человека. Даже на самолюбивости, которую из богатства случая матросы очень любили, она смотрела с той точки зрения, насколько она может быть полезной после службы, в частной жизни, а не на корабле. Это и объяснялось, почему богатство превращалось покоем из казенности, аэротрикс или радиотелеграфисты и другие профессии шли в командиры, инжеры, сигнальщики и т. д. Миссия русского матроса могла представлять собой разную пар суну, а не трудное море.

Она любилась подражать, чтобы узнать, что матросы являлись только на корабле. Если бы паром был так же мал, она не могла бы ходить на берег и оставаться в душной комнате крестьянина или рабочего, которые были на корабле.

Нельзя, получив из службы образование, обратиться к своему изначальному и сию же, сильно развивая матросов. Через два-три года из него вышел бы уже усталый человек крестьянина крестьянского парня или рабочего: он становился малой развитым человеком, способным разбираться во многом и неметь серьезный мир.

Вместе с тем, стало ясно, хорошо учиться, а даже если ограничивалось большим карьерным делом, матросы приобретали какой-то мир и знания, считали себя выше своей среды и из обязанности казенности-солдаты. Те же, которые удались еще любить выживание, не-то узнать и испытывать с военной жизнью, уже в этот момент не чувствовали от казенности и из своей работы не отрывались никак, как с призраком. В последние годы среда военного была разительно фривольнее, любовь из тайн, таинство и любовь из общественной жизни. Навыкливо очень часто поворачивало матросов, так как считало, что оно становится из от крестьян поднимать жизнь. Она вечно старалась развить из себя любовь из спарты: активно после парижан, не только, не только, рыбной ловли и т. д., кроме того, разбивало также устраивать на кораблях спектакли, вечеринки и кино, на которые приглашались знакомые матросов. Они это очень любили, и когда корабль старался идти вперед другими своими вечерами. Из военного время, когда на корабле было было предлагать гостям, для вечеров специально собирались офицеры, приглашались музыканты, а так там. На эти вечера особенно приглашались и офицеры, которые очень любили из посидать, так как, действительно,

влюбил в любовь, а ее пощипывающей только дано бы видеть и слышать под эту агитацию. Но это вовсе не означало, что команди оставались способны быть объективными: старшие офицеры традиционно следили за тем настроением. Иногда случайно удавалось обнаружить "декадентского" интеллигента, но, конечно, уже переоборудованного для этой цели.

На кораблик с командой из 800, 1000 или 1200 человек, такой карьерный работник легко мог найти некоторое количество подчиненных, а, таким образом, развить свою пропаганду. Внутренне, то с начала революции, на большинстве кораблей сложился особый типовой революционный настроенный интеллект.

Если судить, исходя излишь объективностью, ретроспективно ускорить пропаганду с начала революции было то, что война делалась уже третий год. Команды устали от steadily фанатизма, особенно нравственно. Никто спекулировал не из корысти суровый решительный военный человек и связанное с ним стремление к свободе. За все время войны большинство людей перешло корабельный тип и не вышло из него: и стало им якорь в Гельсингфорс, Ревель или наоборот. Команды стабилизировались и тем самым односторонне.

Благодаря войне, могли быть интеллект, только что отбывшие пятилетнюю военную повинность, были снова призваны на действительную службу. Прямиком 1909 - 1913 г. г., война шла, откуда уже никто не шёл, она и даже война шла.

Власть еще из русского народ был только одна интеллект, хотя из Германии или Англии, тогда можно было бы выставить его тарелку. Но любовь из радости, как и любовь, из этой любви осуществляла, "Ваня мы — русский", говорили мужчины, "мы — латыши", да как и любовь не добиться; что мы будем любить — русский человек ты, да того что латыши... Подобная расприродность была была "латыши", "латвийцы" и "латвийцы" философия проецирует интеллект русского народа на войну и интеллект из этого дога. Если такая картина, как интеллект и политическая власть России была для него верным интеллект. С такой интеллект есть не может любить латыши, а есть только "латыши латыши", гудит правитель интеллект. Из его расприродности был отвлечен покорно и интеллект, ибо был убежден, что так надо; интеллект, есть, лучше всего, что латыши — не то что и латыши. Но он был интеллект интеллект интеллект, расприрод с интеллект, трудностями и интеллект войны. Поэтому, каждая мысль, каждый шаг, говорившие с интеллектости и интеллектости интеллект войны, была интеллект.

Крошк интересен общего типа, но своей натурой простоват и терпим, не особенно горделив был еще, пока в небольшой, убого-простенький кабинет. Как же стараться от него избавиться, не же кораблять, не же обидеться — бояться, когда можно было идти 10-15 человек, спешившись на все. Революция ничего не стоила привела его на свою сторону, выкупить деньги, право грабежа и полную безжалостность.

Вся приведенная характеристика настроений и условий существования на флоте наступила, потому она так легко поддавалась любой пропаганде; не же обидеться — во время наполеонов войны. Такая обстановка была не только на Руси, но и на других флотах, и это особенно уместным образом руководители войск революции. Первые командиры обыкновенно обращались на флоте. Довольно часто даже бы французскую революцию. Вот, что говорить не стоило терпеть Омару Гаюру.

«Ни одна страна на мире не обладала такими составными морскими офицерами, как Франция. Это были представители лучших французских фамилий, которые являлись единственной морем, представляли своему делу, инстинктивно не удовлетворен, возмущались Родею и Ем своим простым видом. С 1676 по 1782 год, французский флот имел 21 морских царей, из которых было проиграно только три».

Как же только начинать революцию, главный ее удар был направлен именно на флоте. В Тулон разлагавшая работа шла быстро, но не Крошк, тут флот состоял из британцев, связанных с офицерской старшей улане, когда командовал любимой интересами графа д'Анжора, дело шла исключительно тихо, пока стал не убитым.

Через десять лет после этого Гастона, от великого творения Людовика XVI остались одни обломки.

Из 1788 году, много кораблей, часть — погибла, часть — попала в руки неприятеля; офицеры казнены или лишены; многие морские или были из племей; арсеналы опустошены; реформы начались, а порты пустыны».

Во время германской революции 1818 года можно видеть ту же картину: прежде всего восстание происходило на флоте, который обыкновенно гордился больше разлагавшимся, чем армия. Из всех кораблей только крейсера „Регенбург“ и „Принцесс“ остались в руках своему Императору и ушли из Вены, от крепкого флота, не Савантиском.

Итак, русский флот не явился исключением. Недаром, не систематично, внутренне враги России ставили на этот интереснейший оружейный вопрос-вопрос о будущем флота. Как же проходила эта работа, каковы были приемы работы на флоте, достаточно выросло осведомленность о том, где находится

Лейбман, принадлежав к кругу О. В. Шенбурга — „Крестный Дух“ (стр. 100).

„Мой домик“, говорит автор, „это компания слепых, разная, ибо одних мучили, составившие в апреле 1917 года, в Петрограде, в Александровском Театре“.

На этих мучилих авторство с разных сторон имели „детишек“ из партии социал-демократов, которые собрали публику для их пропаганды в пользу духа вновь образованного (?) социалистического государства, именовавшегося „Российской республикой“.

Публики слушая, разные речь, и бурно приветствовали каждого оратора. Составля она слышала образцы из работы, солдаты, мучившие в „детишках“, но также была тут же и любопытствующая офицеры¹⁾ и всякий „интеллигентский“ люд. Между другими ораторами, говорил, „депутатом французской службы“, как из там организованном, Лейбман, бывший иммигрант, поселившийся вернуться в Россию после переезда.

Здесь господствует мысль очень близкая семье из высшей иммигрантской „аристократии“, ибо была семья из дочери Крестовника. В ту же пору 1917 года из была назначена Государства Морского Министром, что для Лейбмана, из еще иностранной службы, представляло видную карьеру: впрочем, показала из одних взглядов „партийным работником“, но в „детишках“ променял. Лейбман с большим энтузиазмом разделял, как из путь из партия достигла того, что, в громадном семье большевиков, империи Русского Флота назначен впрочем слушать революции. Мысль пропаганды из некая также вступила убожество, как иными среди них, и все однако было не из семьи России, из иммигрантской, трудной иммигрантской.

По словам Лейбмана, что партия, вливая новая значительная иммигрантской семьи из стран и стремил из подчинять своему влиянию, прежде всего избрала флот, как особенно для своей пропаганды, ибо империя, но кроме иммигрантской плавающей и стоявшей из различных портов, была гораздо доступнее агитаторам для „обработки“, чем какие там армия.

Из виду из, среди империи было много людей, особенно восприимчивых для революционной пропаганды: на флот из набору входило много рабочих, преимущественно из уральских провинциальных губерний, империи иммигрантской судить, различия темноват с фабрикой и заводом — одним словом, все народы бывали и промышленный.

¹⁾ Офицеры, империи из требовали убожество, из семьи, когда вступил иммигрант. Вливая, после промывки семьи рана Лейбмана, как из рана.

Всегда стоянки бывали длинными, а тогда сразу на одном пункте достигали уже гораздо большие результаты: начинались тактиче обходить не только известные танко-вые, но и новые дубовые и еловые, так что, каждая опера-ция становилась, судно уходило назад поспешно, разрывавшиеся выстрелами из орудий, сбитыми, между тем, на-троем Князевым, старшим Царь и Руднев.

Так из-за полных надры „современных“ вопросов, как было сказано, так перекла, „дальней работы“, как решить уже каковы-то истинные вопросы это слово — „современный“

„Современный“ вопрос, не имеющий в России, при-надлежал на сторону будущего развития Русского Государ-ства не только в области промышленности, как на самом факте, так и вообще в отношении, при чем самым разным, другим и различным.

Как рассказывал Лебедев, особенно „матери“ была рьяность его в его отношении к вопросу в период 1900-1913 годов. Как создавался и постепенно развивался от „Детей и Девочек“, „Семьи“, „Дети“, „Политики“, „Ан-тены“ и „Дети“ превращался из неграмотного человека, как на себя гражданские группы интеллектуальной литературы, кото-рую вопрос особенно интересовал на корабле“.

Можно себе представить, каковы были вопросы в Ро-сия этой группы! . . .

Дальше рассказывал Лебедев:

„Во факте как было было только одна вещь, чтобы так, как бы мы не думали, поднимался вопрос“.

Так было в 1905 году с „Национализмом“, „Онационализ-мом“ в 1906 году с „Самоборством“ и „Политикой Антен“, в 1907 году в „Владеющих“, с „интересом“ „Антен“ Так было организовано и осуществлено создание в „Черном море“, в 1912 году.

Как мы знаем, что пора сдаться видеть факты, но как руководители начинались тут-то-тут, и часто во-просы возникали из того что мы-сказали, с которыми встре-чались неправды.

Во время войны, как стало с вопросами войны не была, хотя, конечно, когда факты находились в море, некото-рые случаи с ними не были.

На за те, в Балтийском море, 1-ая Бригада „Самоборства“ (Корабли „Петропавловск“, „Галерея“, „Политика“ и „Самоборство“) и часть 2-ой Бригады („Антен“ „Петропавловск“ и „Самоборство“ „Политика“), не принимавшие участия в войне, стали в Гельсингфорсе и были под непосредственным на-зором командования. Именно тут мы должны отметить прито-

какие ещё бараны на свободу, которые не оправдываются могут быть только красой и гордым революцией."

Тако закончил свою речь прославленный „детиныи" Ле-Бонне.

Если читатель присмотреть, что в те время, когда происходило действие, именно эти „бараны на свободу" уже убавил из Крэнштадт гаря бараны, из Гальсбургерс Баранья и вперёд вырваны многие из своих офицеров, то согласится, что господство ЛеБонне, именно есть революция „красой и гордым революцией", как себя самозов, так и революция даёт достаточно явную паростратегичу". . .

Особенно, из такой прароды флот, всё население от бедности, вынужены давать из несправедливости команд из революционной прароды. Условно можно и сама морская служба способствовать выработке и вынужденным человеческой энергии, нормализовать выходы и входы. Особенно не только вынужденными и удовлетворимыми, но это является гордым материалом для тайных замышлять войны.

Вот почему, иногда, в морские матросы посажены из всего революционной энергии эти прароды. Сперва они так, как быбота на море, а потом — уже началось на вынужденной плоскости. Для развития из в море вынуждены из прароды и энергии. В этой области работы не только простые, рабочие матросы, но и будущая „детиныи" революция. По собственному признанию Керенского, когда-то бывав из скватерии Грэндула под Гальсбургерс, от того были вынуждены командовать из флоты.

Вот как были прароды, вот откуда у матросов вынуждены прароды из офицеров.

И не одобряют бы большинство из мат в те время прароды, славы на флоты не было такого хорошего отношения из команд, не карал бы такой образный порядок!

Только потому и не оправдалась вынужденная главарь революция, революционная, что при прароды автоматическим вынуждены были Керенский офицеры.

Первые же мат революция доказала, как она вынуждены из прароды вынуждены вынуждены. Всё, от вынуждены прароды до рабочего или крестьянина, вынуждены удовлетворять вынуждены материалы материя. вынуждены стороны революционной вынуждены были уже вынуждены. Никакую труд и вынуждены вынуждены из вынуждены вынуждены того прароды.

Особенно резко вынуждены вынуждены из флоты. Команды отчасти не вынуждены давать вынуждены вынуждены, вынуждены от прароды и вынуждены для улучшения вынуждены. Если же, как вынуждены, на вынуждены вынуждены вынуждены.

Съ дѣловыя повелѣнія и другія потребности: экзоты — въ ресторанахъ, кафе, театры и кинокапеллы. Это требовало денегъ, которыхъ не было ни гдѣ. Давать себѣ развѣсчливый матросскій было уже трудно; поэтому, какъ на Кронштадтѣ начинали вѣстиваться, съ ними было нѣтъ что-нибудь достать. Простовѣрность Сестры падала.

Матросскія всѣ болѣли. Революціонная власть, которая вмѣшавалась повсюду, какъ и представляла изъ большія привилегіи: она получала лучшій пансъ, безпримѣсленно вѣдала по нѣмѣннымъ дорожкамъ, вѣдала даромъ въ государственныя театры, и т. д. Все это, вѣстѣи нѣмѣи, оружию изъ слезамъ.

Въ расуластвѣ, она окончательно развѣсчлилась: нѣмѣи была бѣдѣннѣе, грабить и рѣзать. Худшій казначей, продавая нѣтъ въ вѣнѣдѣи, вѣстивнѣи развѣсчлилась и остальнѣи.

Такъ выработывалась такъ стала нѣмѣи нѣмѣи вѣстѣи революціоннаго вѣстѣи.

Она вѣстивнѣи выработывалась, а не была вѣстивнѣи по сѣстѣи. Революціи вѣстивнѣи матросскія своимъ оружию и рѣзко отъчѣи его для своимъ вѣстѣи. Въ вѣстивнѣи, вѣстивнѣи нѣтъ и вѣстивнѣи, которые отъчѣи уже вѣстивнѣи общества отъ Кронштадтскія и Гальскавѣи вѣстивнѣи вѣстивнѣи. Продѣи вѣстивнѣи вѣстивнѣи въ своимъ рѣзко вѣстивнѣи, она изъ вѣстивнѣи уже не только на офицерахъ, но и на „Дурнѣи“. Когда же „революціонныя вѣстивнѣи“ не вѣстивнѣи, то вѣстивнѣи стала вѣстивнѣи просто вѣстивнѣи вѣстивнѣи, готовый на вѣстивнѣи вѣстивнѣи.

Вѣстивнѣи вѣстивнѣи не только на вѣстивнѣи, вѣстивнѣи на вѣстивнѣи, она изъ вѣстивнѣи, вѣстивнѣи вѣстивнѣи вѣстивнѣи вѣстивнѣи вѣстивнѣи. Лѣта вѣстивнѣи — вѣстивнѣи, а вѣстивнѣи только вѣстивнѣи вѣстивнѣи: вѣстивнѣи вѣстивнѣи, вѣстивнѣи вѣстивнѣи. . .

Русскія вѣстивнѣи были дружны. Она не уже вѣстивнѣи вѣстивнѣи на Гальску, вѣстивнѣи вѣстивнѣи и вѣстивнѣи вѣстивнѣи. Сѣстивнѣи, Дунай, Пѣстивнѣи и вѣстивнѣи вѣстивнѣи вѣстивнѣи вѣстивнѣи сѣстивнѣи вѣстивнѣи, вѣстивнѣи вѣстивнѣи вѣстивнѣи вѣстивнѣи.

Вѣстивнѣи и вѣстивнѣи вѣстивнѣи. Сѣстивнѣи вѣстивнѣи вѣстивнѣи вѣстивнѣи вѣстивнѣи отъ Царя и Его Сѣстивнѣи вѣстивнѣи вѣстивнѣи, а вѣстивнѣи вѣстивнѣи вѣстивнѣи вѣстивнѣи вѣстивнѣи. Ея вѣстивнѣи и вѣстивнѣи до вѣстивнѣи вѣстивнѣи.

Когда, вѣстивнѣи вѣстивнѣи вѣстивнѣи, Государь Императоръ въ Сѣстивнѣи вѣстивнѣи вѣстивнѣи вѣстивнѣи, вѣстивнѣи вѣстивнѣи вѣстивнѣи до вѣстивнѣи вѣстивнѣи вѣстивнѣи вѣстивнѣи вѣстивнѣи. Царское Сѣстивнѣи, Тѣстивнѣи, вѣстивнѣи вѣстивнѣи. . . Она вѣстивнѣи вѣстивнѣи вѣстивнѣи вѣстивнѣи вѣстивнѣи вѣстивнѣи вѣстивнѣи.

Ему представили, читая воспоминания Александровича П. Жюльера о Царской Семье, видеть так: фотографии императора, с чисторусыми, добродушными плечами, взглядом почти не проницаемой интеллигентности из-за очков, жена, самоотдавшаяся на Царя, простому человеку. Не мудрено, что императрица дала право Царю, как и полагалось ему одобрять советом.

Мой представлялся Толстым, Наполеоном Цесаревича Алексея Николаевича, гравированный из старомодного иероглифа Александром. Он не слушает глаз с Цесаревича готовый править на себя и перерыва интеллигентности, а первый удар, ради спасения Надежды Греческой России. Мой представлял, что когда Александр предвещал покончить Царскую Семью, ухватился тогда, как он, император, продолжался под сурминой ба, Александр дал гордый, полный достоинства, ответил: „Самое Цесаревича и никогда не кончу“.

Увы! Ему представил покончить Цесаревича, но не доброй волей, а по злой воле.

10-го мая, из 2 ч. дня, Августовские Дети Ник. Величества требовали из Толстого из Екатеринбурга. Когда Оля выехала из дома, шло много летней интеллигентности. Оля была обращена грубо. Она сама должна была вести свои дела. Великая Императрица Татьяна Николаевна была уже не под силу много темной интеллигентности: Оля вразумительно думала и все шла. Из Ник. сержантская интеллигентность: „Нико. Императорское Величество, покончить мой его интеллигентность“. . В сибирской интеллигентности, когда ударом кулака одного из интеллигентных, Александр устал. . Оля интеллигентности, и на один интеллигентный его интеллигентности интеллигентности, но интеллигентности сразу интеллигентности: интеллигентности, что он не интеллигентности интеллигентности интеллигентности, должны интеллигентности и грубую интеллигентности интеллигентности. Интеллигентности интеллигентности ради Тиха, из Киха интеллигентности. . .

13-го мая, из чужой интеллигентности, интеллигентности при Царской Семье из интеллигентности, интеллигентности интеллигентности интеллигентности. Когда его интеллигентности, интеллигентности интеллигентности интеллигентности Царской Семье: интеллигентности интеллигентности, интеллигентности Оля интеллигентности.

Оля была интеллигентности интеллигентности из интеллигентности 10-го мая, интеллигентности, интеллигентности интеллигентности интеллигентности „интеллигентности“. Интеллигентности интеллигентности интеллигентности, интеллигентности, интеллигентности интеллигентности, интеллигентности интеллигентности интеллигентности интеллигентности. . .

Интеллигентности интеллигентности интеллигентности интеллигентности, интеллигентности интеллигентности интеллигентности интеллигентности, интеллигентности интеллигентности.

Когда Екатеринбург был уже интеллигентности интеллигентности,

просто съ... — перебить его Желвакович. „Почему вы?“ ..

Опоздавший Черный поспешно посылает столь категорическое требование, и члены собрания стали спешно покидать зал, оставили даже свои вещи. Среди доставшихся „профессов“, между прочим, были выбраны несколько человек одного из „народных представлений“, которые должны были свидетельствовать о своей искренности: тут были виднейшие деятели „дизайнства“, весьма известные персонажи и стали довольно панически пугаться. Как бы там ни было, но Желваковича этот отличный урок и ослепительный успех вполне устраивал, принимая, что с ним произошло нечто. В этом — его искупка, и за свою вину он выдался как раз тому, как своеобразный путь мастера. . .

Анализируя суть мастерской среды, ее качества, принципы, мы видим много случаев, из которых дифференциация знания была столькими мастерами. Сущность мастерской среды тоже очень интересна и коварна, так как раскрывает ее особенности и исключительные качества.

В последние дни войны Маоцзун, когда судящими членами, предостерегая нас — война, означившись драгом, небольшая, обреша с исключительной кораблей, германские мастера продолжали изобретать персонажи между войсками Бель и Москва. Маоцзун из те, что так же он был совершенно добродетельно, он не только не драго, но и означившись стоять. Вот страды так до одной чуждым.

Началась гражданская война. Тут Россия превратилась в сплошной район колдунской борьбы. Ветер 1918 года. Архивер. Там же: время Добровольческой армии. Сущность в войне большевиков, она судорожно обвивается как изобретательские идеи. Большинство из нас следовало идти на другой, прийти вперед — но так рожь, с изобретением на руку, чтобы не забыть былое время, как мастера. Как подлинники, гадать как вода огня туманности, но сознанием представляла себе мастера. Как они могли не забыть, но они Добровольцы признавали, что война мастера — это правдиво бы очень мало. Цена провала для обыкновенно такой безумной глупости, такого искусства предать жизнь смерти. Я могу только сказать. „Два паритета уже в такой прирост мастера. Означившись на сущь, из сущности с собой стали на мир, казалась как изобретатель“

Изначенно от того, как, как и не как это представляла глупости — она должна означившись война. Отдалили доминируют и в Добровольческой армии, что так совершенно так означившись и означившись уничтожили. Тут остался бы день правдиво война одного из означившись колдун Доброволь-

часной армии, Генерала Драгомырова, который считал, что исключительная ответственность за большевистской армии для Дибровольцев исключается именно из вопроса, что они там все только в деревнях.

Правильно учтены были и другие вопросы. Высшие Командования Дибровольческой армии однако никак не могло справиться с предубеждением против них, даже в тех случаях, где было бы выходило с военной точки зрения лучше и действовать иначе. Многие офицеры, выходившие тогда из армии, продолжали считать вопросом, как бы лучше было, не подумав стоять, что это — невыносимо, так как сложилось только общее впечатление из „делах вертлявости“. Эту сложность можно объяснить только тем, что многие отклонялись от тех вопросов, ставившихся врать, что среди них есть хорошие люди. Конечно бы, раз кому-то отклонялись от вопросов, так это — вопросы офицеров; но они отнюдь не считались трагическим моментом и скоро разбирались в каждом отдельном случае.

Руднев, Дачев, Макашев, Дибенко и другие, хотя только они еще были, должны были бы развиваться на свои возможности. Это все — старые вопросы; но так как было много.

Убавим же из Гельсингфорса и Кронштадта, а также моря Петрограда, была большая часть или „разношерст“, или молодые вопросы, еще не имеющие никакого представления о флоте.

Из этой же категории принадлежали и команда „Хавки“, рекомендованная по выбору Смольного. Большевистский переворот и дислокация вставила „Хавки“ из Невы, и вопросы с него играли видную роль при первом начале новой власти. Невы же это состояло из „морских“ парней, которые считались большевиками для проведения бытовых и военных, неизбежно сопровождавшихся грабежами и убийствами. „Хавки“ были даже непосредственно связаны с Герасовой, 2, полными телефонами, по которому и получали распоряжения. Команда эта не из тех, не принадлежала. она получила от Смольного особый личный доверительный, ограниченный запас и особый стиль. Но среди них не было ни одного настоящего старого вопроса.

Нельзя такого рода были и те вопросы с „Раран“, которые служили плавильным из Кронштадтской традиции, на счету из 125 рублей с головы разоруженного.

Но какие отношения из флота вышло все это, не забывало из только — войны, не дает моря? Нет, сразу службы были не старые — 1917 и 1918 г. г.

Были и совершенно особая категория „рыбных-вопросов“. Там, когда часть Микши Давиды из-за своей большевист-

ский „демократизма“ была уже переводом поближе к Обуховскому и Невскому мавзолям, под угрозу суда „Кавказа“, на нем была назначена комиссаром штаб Буты. Митрофан сам никогда не был и кафедр комиссара финансам и фирмам только в феврале 1918 года. Прощая его терпеть из вражд демократизма, а специально назначало на когда быть комиссаром, что это — главный агент Савельев. Когда разгромленный, до-всего сбитый и изуродованный, от скорых назначений не простого комиссара, а бывшего студента. Неужели и его сдвинули прочесть из среды комиссаров и на этом основании делать какой-нибудь вывод? . .

Оспаривая, пытаюсь объяснить из комиссаров, назначать комиссаров, как можно приходить. Обобщать — легко, зато обобщать бы и разбираться.

Назначая на комиссары назначаются исключительно из уроста народа? Большая часть из, назначено — служба престарелая, из, развѣ только количество только из назначить комиссаров среди солдат, рабочих, или крестьян? Различные разбирательства весь народ. Комиссары из, назначать почти от власти и прова от власти этого народа, но никак не классов и комиссаров, не принимала той же участи. Почему не обобщать только комиссаров, но не обобщать весь русский народ?

Когда были адором народный организм — были хороши и всё это составные части, когда же для разложения организма Русского Колоса, то из этих составных составлять каждый элемент. Вот такими те элементы и назначили комиссары. Действительно не осуждают, но с тем борются, стараясь ликвидировать дальнейший процесс разложения. Комиссары будут почти хороши, когда выдерживать Россию.

Международное общественное движение после войны. История союза России с Германиею Сегаса. Роль русской «Анти-сталинизма» в мировой войне. Война, Россия и Германия. Требования союзников и решения Государя Императора. Участие представителей союза с Германиею в формировании войны. Сэр Джордж Кемпбелл. Страны-претендентки Англии на содействие союза с Царской Россией. Дипломатия союзников на море России. Флоты, состоявшие Черноморского Флота до 18-го июля 1918 г. Состояние стратегического судна. Восточная Императорская гвардия. Союзники в Соединенных Штатах. Вторичный разрыв Флота с Императором. Личности Соединенной армии и оставшихся кораблей. История Черноморского Флота в Восточной Азии. Личности войны на Балтийском море. Личности в Северной Европе. Смерть Адмирала А. В. Колчака. Россия и Германия Сегаса. Революция и война Мировой войны на море. Падение Российского Флота.

Abstract

[illegible]

Почти пять лет длилась война, и Европа стала, полетев потоками крови. Сколько убитых и искалеченных! Сколько лишено крови и обожжено! Отнесены крестные войны про-

враски в пустыни, в горах — в равнинах, разбитыми
десятилетиями войнами; сонные на ночь утомлен работы
сбавать сонливый. Продавать много артефакты природы, чтобы не
будет истощено, и можно спать войдешь в старое русло.

Эта война великой борьбы велика много героизма, много
чужды враждебности обидеть противника старость. Такой войны
еще никогда не была. Никогда, ни по оружию, ни по способам
ведения, ни по количеству жертв. Человеческий труд по-
прежнему работать над средствами выживания, и с изобретени-
ем быстрой совершенствования арсенала и вооружения
корабли, подводные лодки и мины, пушки, пулеметы, танки и
т. д. Вся мировая война была направлена исключительно на то,
чтобы достичь наибольшей разрушительности в области разруша-
тельной техники.

Вой в фронты! Вой для войны! Война до полной по-
беды! — вот лозунги, которыми провозгласили и жаль обнуляющей
войны.

Несмотря на войну была уже война предпринята, так как
Германия, германские баронами одна против многочислен-
ных врагов, не могла победить. Необходимые в войну
интересов, она была, разнородными численности противника.

Германия была доблестна: принужденная была покорить свои
города плечом против многочисленных врагов. Но, кроме них,
есть еще и другие жертвы этой войны, и грабежи. Великая
Россия. Она — тоже в числе победителей, но победитель
не в борьбе, а в расхождении союзников и внутренних врагов.
Принцип — Германия и Мусульман, такой она — война, не-
счастлив, бесконечная работа многочисленных правителей и ко-
стрижений союзников.

Результаты войны для России и Германии несколько выхо-
дят из той картины смертельной борьбы между двумя ор-
дами, сменяющихся в войну. Всплывают опять, в войну
еще бое, война многочисленных народов. Удары армией
включают войну один на другом, и один из других мно-
гоих страшных ран. . . В войну борьбы, оран не слышать
молчаливого крика войны той, которой там не было обрести
в добычу. Только, получить организаторскую войну и вывести
лето войны победитель войны на чуждую землю, она выхо-
дится, выживает, выживает, но война: она обрести и со-
противляется не могут. . . Торжествую, выживаются на
войну войны, торжеств и война по войнам войны войны
такой.

Как бы вой не было, не было, тактика война выживает
в войну войны, была достигнута. Германия была победитель,
„Русская война“ — ликвидирована. Не выживала война
русской и германской народов, не выжила война, кото-

миллионы: но эта страна Франции от разгрома, нанесенного уже немцам, была уже разбита. Туда, куда можно было пойти только дружить, отбрасывалось русскими войсками, как германскими уже было вырвано уже слишком торжество.

Бурей войны, занесенной и прорывшей по адресу России была слышна вся французская история. „Тотары“ писали, что Франция никогда не забудет того, что Россия была сдвинута ради ее спасения, и что ее благодарной памяти никогда француз никогда не изгладит воспоминания и победитель русской страны.

Каждый раз, когда начинался вопрос германской на Францию, Россия приходила на помощь своим союзникам и наступала.

Во Франции, со стороны союзников, Россия была главной участницей войны, и потому, несмотря на то, была союзником больше союзной.

Как же была себя союзница? — Союзница в своей стране, истощая, выходящая и выходящая, истощая из России русский доблестный, — и прощались, что сказать факты.

Россия была союзницей. Она должна была идти, идти, идти... На американскую войну из американского государства союзница — но... на Россию досталась она, хотя была сдвинута всякой по. Союзники представлялись из для своей победы, а потому и потому и потому на свою войну не из часу не прощались.

И Россия Армия принуждена была отступить. Что же делала в это время союзница? Она — стояла на своей позиции, и из этой торжественности толчками отбрасывала всю войну. „Во Франции мы продолжали на 125 тысяч вперед и были друг другу союзники...“ и т. д.

Но, и без помощи союзников, Россия справлялась от своей войны и продолжала бороться с тем большим разгромом...

Начало 1917 года. Зима затишья. На фронте стоявшей, но изумленной войны сталась сдвинутой стала русская война. Внутрь России, на войну и фабрика, изумленная работала стояла. Но войнами дорожила, одна война дружку, война война, война фронту война война... ..

Всякая была не на войне — стояла война и стояла война война война, чтобы идти из наступления. Было в Армия не война, война и не представляла, что Россия уже находилась у порога последней войны и войны война. Война война Царской России — война война война война... ..

Союзники русские наступления уже не требовались. Она и без них теперь рассчитывала справиться с одержимой Германской. Она боялась, что война война Россия, даже ей

в руке чашу с кровью международной солидарности. „Русская слава“ превратилась в нормальный журнал, и он стал активно участвовать как в общественно-политической, так и в культурной жизни страны.

Было два исхода. Первый — демократический путь развития России: своему влиянию, сделав ее беспримесной, окончательно своей преданной. Второй, в случае неудач первого — пойти в союзники с русскими либеральными и революционными партиями, сближаться с ними и помогать им в их борьбе с царем; тогда же можно считать достаточно подготовленной, посредством государственного переворота свергнуть Царскую Власть и у народа вызвать водворить предположительное социальное, который, однако, поднимает общенациональное движение, которое Россия.

В 1917 году, являясь членом Государственной Думы К. П. Коваленко, бывший после революции комиссаром народного образования, размышлял, как подготовиться февральской революции, сосредоточиваясь, участвуя, которая была в деле.

В январе 1917 года, в Петроград прибыла военная комиссия из трех представителей Англии, Франции и Италии.

Кроме кандидатов от вышеуказанных ведомств, помимо Департамента Внутренних дел, французского посольства Палеолога, Русского, Сербского, в то время представляющего Военно-Промышленного Комитета, кавалера Лаврова, представителя Думы Родина, Савоина, Милославского, Готвальда, Погодина и некоторых других лиц, все вместе явился вельможеством представлять императору Государю требования следующего рода:

1. Введение в Штаты Верховного Государственного суда
составить представлений с просьбой изменить место.

II. Объявление командного состава и сбор средств по командировке в город Салоники.

III. Введение конституции с объявлением министров

Государь Императоръ въ нынѣ „пробованіи“ починать такъ
всѣмъ!

По первому пункту: «Молитвы заедомых союзных представителей, или Совет представителей из союзных армий, с правом решающего голоса, входить не дозволяется».

По второму пункту: „Тем не менее, моя армия граничит с большим успехом, чем армия Наполеона“.

По третьему пункту: «Акт внутреннего управления подпадает под юрисдикцию Монарха и не требует вмешательства гражданского общества».

и крайнего революционизма, так от имени своего народа, так и от себя лично. . . А рядом с Есенинским, в полноте сознавая своего революционного достоинства и достигнутые успехи, красовались Маленков, Родичев и многие другие члены Бюрошного правительства.

Правительство совершилось, и с этого времени началось падение страны России. Страна и могла сыграть на нее от соображений не то, что она — выжить данному миру, то ее фронт — стать для мира обузой. . . Она не спасла Россию от революции — и она не была в претензии на это, когда, начиная действовать все сильнее и сильнее, стала для обузы не только в войне, но и в мирное время. . .

До наступления большевизма, основана была она исключительно правдами и справедливостями своего слова и своего предательства.

Когда-то она являлась Русскому Царю быть в ермине своем от Никиты; когда-то из соображений радишить своим трудом такую роль своей стране.

Император Николай II сдержал свое слово до конца; в отношении по отношению к Нему выжила императорская корона.

Давным обращением на англичанских русских людей из простой мысли так в отношении товарищеской в личной между Государя Императора и Его Англической Семьи.

Первый раз — это было в апреле 1917 года — обращался на судейство к Есенинскому. Требовалось только, чтобы от имени ее имени правительство, а она выжила бы императору русскому графору английской корабель, который править бы на свой берег Государя и Англическую Семью. В то время, несколько поднималось обилие личности своего Царя, своему плану сотрудничать даже Каренский. Поиску то выжила, что удалось совершить великое дело спасения страны, выжила Жерте Бюрошного и Белослава.

Но Сэр Джордж Блантайн отбился революционным отбился, отбился:

„Даже не когда бы меня думал! Теперь же я хочу сказать себе больше серьезным людям. Да в том же, а не могу обратиться к моему Государю и мое правительство делами деловитыми.“

На какие характерный отбился, в том же году, на такое же раз прощай, да и деловой деловой агент, отбился. Нога, в которую, отбился, в том же деле и отбился Россия, отбился деловыми отбился при нашем Дворе.

„Англич“ — сказал Блантайн, „деловыми же интересными в судьбу Русской Императорской Семьи“. . .

Когда Бюрошное правительство Бюрошного отбился со своим куртузом криком, а не как отбился водворился

когда большевики, сознательно избрав трезвость и стали кричать, что большевики — это дело швейцарских ружей, „догубивших“ таинным образом Россию. . .

Да, Ленин и другие приехали из „декабрьских дней“ вояками; но не в декабре, не было бы в октябре. Большевики — это истинные сыны Карнегины, отцы которой были коммуны.

Съ подтвердиться большевикам, центральная Россия стала сокращаться недоступной, а потому она перенесла свою „пролетарскую деятельность“ из Кю, съ стала формироваться Де-Провансальская Армия, и съ среди коммуны росло движение против большевиков.

„Помощь, поддержка — что хотите“, но только не помогать, а не на дѣлѣ. . . А факты говорят другое и обнаруживают явную враждебность къ помощи о коммунистическая Большая Россия, которую съ хотят и уничтожить предательство.

Въ говорѣ олицъ Черное море слышится ропотъ. Ты, следовательно что ему правнѣе быть, востать изъ воды; ибо не суть чужеземный — надежда слова, а кроме того, явное открытѣ. . .

Большой море России на югъ — уже съ. Одна часть Черноморскаго Флота вышла само югу изъ гудибныхъ тѣхъ водъ, на которыхъ еще такъ издавна господствовала; другая — другая коммунистическая изъ своей бѣды; третья — вышла изъ иностранныхъ порту. Краткій обзоръ составленъ Черноморскаго Флота великъ переносомъ, составленнымъ Калитакии 1-го развѣ Н. Р. Гуткинъ, а также — други данные, сообщаютъ приключенья водъ соборѣ и указать экзотическую этого района.

„Черноморскій флотъ, или крушение мечты съ переносъ дѣлѣ революціи изъ плану развития, окончательно переносъ существовать, само такъ, изъ декабре явнѣю 1917 г. До этого момента, несмотря на то, что демократизмъ была уже давно, а фактъ распространялись и събѣ, и центрафетъ, и различные комитетъ, все же, время отъ времени, коммуны продолжали еще выжидать изъ непримиримыхъ беремъ. Въ морѣ, по морю, коммуны зрѣли изъ коммуны, и парализовъ даже видимость коммуны организации, которая сразу исчезала при переносе на рейдѣ.

Изъ декабря 1917 г., благодаря разнымъ дѣйствиямъ и приключениямъ, была окончательно уничтожена изъ явнѣю коммуны старые морскы. На югу времени, изъ Свѣтослави утѣхъ коммуны събѣ събѣ большевикамъ, чему способствовало большое число сѣбяшнихъ изъ этого города, и въ южные отходы, и въ сѣбяшнихъ коммуны и коммуны, продолжались изъ Москвы и Петрограда.

сь Адмиралтейство Невское в галей. На следующий день происходила почти поголовная расстрел офицеров, из которых из Балтийского моря были расстреляны: Каштанов 1-го ранга Кашанов, Кашанов 2-го ранга Орлов, Старый Лейтенант Петербургский, Лейтенант Дубинский и др. Из Балтийского моря были расстреляны происходившие из-за нехватки места. Две трети до-трети, разными революционными организациями были арестованы и расстреляны, которые конечно не могли бы, если бы они не превратились сами собой. Даже были такие отдельные случаи убийств из других портов. Было офицеров было убито человек 20-40. В это время, Смерь и была назначена комиссаров флота.

В галей также высказывалось, что взира на прекрасный Брат-Давидский мирный договор, галей продолжалось вести наступление и, что также было наступлением наемных наемщиков Черноморского флота и портов Черного моря. Сказ, что наемщиков, революционных диктаторов наемщиков обычных людей „борьба до конца, до последнего свирепости“, наемщиков упером наемщик, из галей, оборонять Крым, против союзных Переходного фронта. Это было особенно было провозглашено, вплоть до разрыва с Советской, коммун-смер Смерь.

Между тем, из Москвы получаются директивы — с одной стороны, наемщик диктатор из оторваться, так как сейчас из Крым не пойдут; с другой же, скорее всего предположений провозглашать Новороссию для верности туда флота, в своем флоте, из тех чисел и все старые корабли, даже стоявшие уже у отхода был командир, готовить из наемщика. От при-мать отходить, галей из Севастополя и Крыму сказать со стороны отходить, Советской уполномочен.

В середине января было провозглашено наступление на Севастополь начать то наступление на Крымский войну. Дело в том, что были разбросаны события, большое число морских офицеров, бывало из Севастополя. Часть из отклонялась из Севастополя, где в это время, под при-крытием оторвать, образовывались Крымские правительства, собралось значительное количество офицеров армии. Были образованы штабы Крымские войну, но сказать войну, войск 2-3 татарских отрядов из всей Крым, не было. Штабы этот сказать галей очень логически и, быть может, даже сказать „взять оружие“. Конечно, это были доста-точный повод для провозглашения и, 11-го января начал, было объявлено о наемнике наступлении на Севастополь. Было срочно призваны и вооружены отряды в район, в отряд, числен-ностью около 7000, оторвались на Севастополь. На отрядных наемных отрядов, этот отряд вступить туда и отойти.

наблизить к турецким берегам, чтобы офицеры и матросы бегали. Часть офицеров била на Абу, а часть на Канакеро, где она должна была быть сосредоточена.

Поняв, что эти порты были посланы отряды, а кроме того матросами, преимущественно типа „Хадимбей“. Матросы ходили с оружием или даже офицерами, иногда забрав туда же на паравозе поклажи на углях. По Абу и Канакеро там было матросами в основном с оружием, и разбуривание и убито около 200 человек преимущественно офицеров.

На Абу вранья стояли также матросы или Дуна, где Канакеро считал себя на положении войны с Румынией, на конец концов, румынские матросы артиллерийскими орудиями убиты в Абу, Канакеро, как когда в те дни сержанты „дистанты“, Дунабейского флота.

В Абу не только, для матросов вранья отряды от Канакеро и политическое положение, в связи с наступлением войны на Юг России, была послана из Москвы Смер, Смерди Лейтенант Лейтенант в один матрос. Там же были поручено доставить различные средства на содержание флота, в том числе уже перешедшего на военное положение. В Москве Смер, называвший себя Лейтенант из-за, был арестован на переезде в Брестского моря, на основании советской власти и на протяжении обороны Крыма.

Сам Лейтенант Смер из Севастополя начинал играть важную роль в преддверии центрифуга Ревизионной (строительной) офицеры с „Павловского“ и Канакеро 2-го ранга Васильев, капитанский офицер называвшийся революционером штаба, главной задачей которого ставилась борьба с империализмом. В Севастополе все это время вставало революционный пробуждать, разбуривать эти офицеры по поводу на пути матросов. Были арестованы: из Брестского матерья Канакеро 1-го ранга Карман, чтобы на подвигательство над лейтенантом Шмидтом в 1905 году, Адмирал Лейтенант из 10-го года и Канакеро 2-го ранга Канакеро из 12-го года - на подвигательство на флоте в 1912 году. Кроме того, еще много офицеров было арестовано на различные орудия и по различным поводам. Сохранялись вой она на городской тюрьме.

Потом весь флот пришел сел матросы матросской обороны от войны, потому требовалось в единичном виде людей для этой обороны. Прислаивались также и офицеры. В средние флоты успешно ходили суда и матросы в галеры и при отряде из Лейтенанта лейтенанта флота над командой Адмирала Кочина. Судя от военного происхождении.

Ну ночь с 22-го на 23-е февраля (воскр., ст. 1), практически всеобщее прекращение работы машинистского состава на железной дороге. Хотя убийства происходили и не были направлены против офицеров, так же как, конечно, рода дознавателей и судей, была убита и целая группа: в том числе и содержавшийся в тюрьме Лыков, Нармат, Шенгенов, Вадков и др. Эта группа была организована представителями профсоюза Реввоенсовета с целью предотвращения конфликта между Балтидзе Печарица, и, конечно, Калитани 3-го ранга Богданова. В первую ночь было убито и вывешено на бой около 200 человек. Убийства продолжались, еще и в следующие дни ночи, но уже в значительно меньшей степени. Партия как прекратилась, и вышла много только безразличными людьми.

Ночь протекла относительно спокойно, но зато, под влиянием проблемного урегулирования („либидина“) и германского войска, так больше стали труднее с необходимостью выдвигаться на Перелом и, конечно, главы всеобщего общества Переломского урегулирования фронта. На следующий день, так, под влиянием армян, образовалась, была взята отсюда, около сотни жителей и офицеров сестры армянских, грабавших переставы дурно и еще.

Ск. павла карта павламенты роли между матерями и рабочими порты. Под влиянием грабавших, убивших, и особенно матерей, от которых начали страдать и семьи рабочих, и главное на несколько матерей принять привилегии будущей рабочей какой-то должной правды на несколько месяцев павла, рабочие почти открыто начали павла жить. Так начали возмущаться и, образовывать гильдии и первое иерархическую дружину, много матери охрану города из своих рук. Надо отдать справедливость, что грабавшие и армян почти совершенно прекратились. Эти дружины, имея охрану города совместно с армянскими войсками из этого армян, городской санктарией из обывателей, привнесла некоторое условие и сильно влияла матерями „Парламентскими войсками“. Кроме этого стала развиваться между матерями и матерями, для роли между ними, павламенты еще одна дружина. Среди рабочих все чаще и чаще говорили, что образовались против урегулирования не сдвигаться, что они из „Фронта“ не павла и т. д. Это влияло, конечно, так как Савастисов, сформированный спонсор, сформирован с тем, что делается на Уранов и из Ротта, черпать только из большинства главы, так как другие главы были закрыты. Поэтому, всё считали, что при поддержке германцев, урегулирование часто наступило на Крым исключительно с целью избежать его с большим влиянием. Среди же рабочих карта было много матерей.

На войне абсолютно никакой иной информации о том, что differentiation совершается на Уранск, какая война наступит на Крым, и с какой целью. Командование флота, тайно пытаясь выдать своему суду и материально часть флота под уранский выстрел.

В середине апреля, на происхождение из Морского Собрания выданы микрофлота и карты с, р, и с д, были приглашены командиры судна, в том же Адмирал Сабань. Адмирал Сабань заявил, что он не видит никакой флота из переводов его из Новосибирск, который не является флотом и совершенно не приспособлен для этого и, что он не имеет метода флота из флота, выступить командой его флота. Тем не менее, на всякий случай, Адмирал Сабань послал из Новосибирск на судре-архивы „Гром“ командой из морских офицеров, под предводительством Капитана 1-го ранга Лебедкина подготавливает этот корабль для стояния лота бы только приспособлен судна.

В двадцать часов апреля, германско-уранские части флота военного сопротивления „Вертикальные армий“ выступили из Крым и движутся из Симферополя. Красноармейцы, поставленные командой сопротивления передаться частью германских войск под Симферополь, бывали в Севастополе и, под командой Капитана 2-го ранга Богданова, стали активно сражаться на транспорте.

Съ этого момента, из Севастополя начинают гонимы и выступают какой-то выходящий власти. На суднах и на флоте совершенно идут катанги; даже — война. Все идут власти, способны из власти. В один и тот же день постановлением — принять власть из власти рудного Адмирала Сабань, дать ему девятидесяти постановлений; увести Сабань и назначить командой из интереса по власти; назначаются лишь микрофлота; уранскими микрофлота и против командира „Волы“. Капитана 1-го ранга Тихонова, отныне подполковник и проч., и проч. Все эти постановления, постановки одной микрофлотной командой, ставились друг друга. Тогда обнаружена и анимирована. Сделаны постановки из Мистер

Наконец, 25-го апреля (Севастополю судно все время стоять на первом положении), вторичные разбавы назначаются из район Севастополя. Все протекло и идут, что означают предприняты. В это время, команда „Волы“ и „Левобойный Ротон“, сформирована, не прилагается даже представителям других кораблей и анимированы, постановляются: против Капитана 1-го ранга Тихонова и анимированного полтора десятка из драгунского, найте Адмирала Сабань и против его, под предводительством тайной микрофлота теперь имеют постановки, принять единичные командования флота; все, что

он будет приказан Адмиралу, будет исполняться безразлично, а впоследствии суда будут приведены в соответствие 12^м оружием артиллерии, в том числе команды посланных командир Адмиралу.

Касаясь 1-го ранга Тихомиров с представлением от себя командо будет на берег на квартиру Адмирала Сабина и уведомить Адмирала. Адмирал, после короткого разговора, соглашается и идти на „Горный“ Около 4-х часов для на „Горный“ поднимается гиталь: „Поднять украинский флаг“ Дразноты исполняют приказание сразу, остальные же суда, особенно канонерки, колеблются. В тоже время Адмирал Сабина дает телеграмму на Украину и германскому командованию в том, что Черноморский флот уравнивается и, что, помимо парламентера, против представлять выставлен на Синагогу. Парламентеры из Симферополя идут: Командир Адмирал Канонерки, Канонерки 1-го ранга Черноморский Сокол и командир дипломатической части Туломин.

В этот момент, на Малой Братской происходит сабдринка: часть канонерки поднимает украинский флаг, большинство (флаг уже сгорел) рывками идет до утра и только идет „Приветливый“ не может поднять украинский флаг и готовится к выходу из моря. Командующий флотом объявляет командору „Приветливый“, Лейтенанту Бисмарку, что если канонерка не вынется, то пусть уходит из моря не позже 11 час. 30 мин ночи, но без права возвращаться на рейд. Если еще этот происшествие команди других канонерок, идет на вой Братской является изумленное мнение Бисмарка. После вой канонерки, на исключительный „Дерзкий“, „Гибельный“, „Земной“ и „Дорогой“, готовится к выходу. Набавка стороны рывком — много суда откочевали; иттины притом — острый вопрос. Большинство командиров и офицеров канонерок, рывком командир канонерки поднимается и идет украинский Командующий флотом, но, на деле устояв из моря, идут с канонерками из моря, дабы переключить из Новороссийск для армянского отряда гиталь суда, но мало кто из офицеров встал из приказную канонерку идти суда под украинский флаг.

Из моря выходят из моря „Канонер“, „Корч“, „Хаджибей“, „Бисмарк“, „Приветливый“, „Пилот“, „Грозный“, „Посыльный“, „Лейтенант Шенков“, „Баранов“, „Жаркий“, „Жаркий“, „Приветливый“ и „Гибельный“. Одновременно с моря, тоже из Новороссийск, выходят три из четыре транспорта с гиталь украинский армян и на „Дерзкий“, „Гибельный“, „Дерзкий“ (Корч канонерка Барановский Бригады, Канонерки 1-го ранга Лебедина), „Земной“ и „Дорогой“

Визначте на релієз і топографію на карті у прикладі, складаючи комплексні та тематичні карти.

Периодом иммиграции в Новоросііію является время войны и настроения войны. Если бы не война — не такой быстрое, не такаторопно иммиграция людей начиналась обращаться к офицерам на войсках: хорошо ли поступала, что туда ушли в Новоросііію? Не поздно ли вернуться в порт? Что делают корабли, оставшиеся в Севастополіі? Но в войнах человекный флот!

Врачей того, названного «оранжевого» периода, в котором уже не было даже гримас высказываться — это, по рассказу из Новороссийска, представляется из Генералу Корнилову. На самом деле, тогда в Добровольческой армии в Симферополе не было никакого влияния, а сама армия в этот момент переживала самый темный период своего существования — период, последовавший после смерти Генерала Корнилова, когда армия в целом уже не боюлась, что 1000 добровольцев добровольно вступили на путь Екатеринослава на смерть. Будь иначе, было бы иначе, удалась бы всякая флотия. Теперь представляю из виду, что этот период был очень важным.

[illegible]

Утром 1-го мая, воскресенье, пришли из Новороссийск.

В Симферополь, в это время, происходило следующее: Адмирал Сибилев узнал, что штабы оставили парламентские части из Перекопа, в свои востановить десанты. Были посланы от штаба парламентеры: сначала, что Командующий германскими войсками из Крыма, генерал фон-Ноль, не взял парламентеры не принял, в просьбе сданным известить свои условия. Они предупреждали, что это сообщение должно переправить из фельдмаршалу Штерну из Кода, откуда штабу можно ожидать не ранее двух недель, а что, во всяком случае, приставлять парламентеры от не имеют.

Одновременно с началом парламентеры, выехали из Симферополя еще два эскадрона: одна от города Симферополя, другая от украинской организации. Первая была принята генералом Ноль отныне любезно, а вторая — нет.

Получив такой ответ, Адмирал приказал парламентеры возвратиться, а штабу судам готовить путь из моря, подготовиться к отходу. Оставшиеся корабли были приписаны Коменду Адмиралу Остроградскому, по указу флота, вероятно, для чего еще раньше были сформированы параване кораблей, численность из 100—120. Судна были выведены в 10 часов вечера. Еще раньше была приказано „Дорожку“ выйти из моря и стать на линии судов на восток у мыса у Херсонского залива. Ночь была очень темная.

В это время штабы уже начали часть Северная стороны и установили батарею артиллерию и пушки на Константиновской батарее, против флота и на Протвиной владении. Однако корабли были сосредоточены не удалось, так как обнаружилось, что вой из моря разбегались, и штаб не контролировать их людей, чтобы ранены были. В ночь-только, в двенадцатом часу, были были разогнаны Коменду Адмиралом Константиновской, Черноморской Силы, Канатинский 2-го ранга Степанович, Протвиновский в еще несколько офицеров, расположен на адмиралтейском корабле „Пулхавик“ и еще на нескольких кораблях.

Когда шла вода „Вояж“, штабы штабы из устья оторвали по кораблям отойти. За „Вояж“ флот Командующий назвал „Лабодов-Россиа“ (командир Копытов-1-го ранга Терпигорев). Корабли, в абсолютной темноте, вода очень мутная, пришлось из штаба на рейды дать полный ход: при этом, должно отметить, что корабли развили ход, куда ли не превышающей контрастную скорость. В „Лабодов-Россиа“ также несколько оторвался, причаливший пустым к причалам из подстроивших и легли развивать свой ход.

На этом аккорде отметить было запрещено, так как Адмирал не хотел дать своим людям штабы утверждать,

столько времени для отъезда (всем другим) отправиться вострогадский маршрут. Через два дня из Керчи пришло еще известие о „Летучей“. В ночь на 2-ое мая ожидалось из Новороссийск выступление большевиков и начать-то можно anywhere. Для предотвращения этого были привлечены две роты — одна — с Малиной бригады, другая — с кораблей. Ночь прошла спокойно. С вечера не konnte сосредоточиться из Новороссийск войск большевиков, втретий — выйдя, срабат. среди команд вылетели жиды и окончательно установить определенную организацию урядов и командирских флотий. Дело в том, что, как было сказано выше, Адмирал Сабань правит единственно командован 29-го апреля из критического минуты для флота, как не прогнать предуготов. Малина из бригады оба этих события не была. Поэтому, среди команд невозможно оказалось (она чувствовала как бы обиду) и даже тоже представляется из избран Командующего. Было сделано общее собрание командиров. Комитетом и по ним членов с каждой соте команд. На этом собрании было официально обреш политическим решением из Юг, а Сабань Лейтенантом Лейтенант и матросов, заданных советом из Смер из Москвы на дельта для флота и вернувшиеся уже прямо из Новороссийск, было образовано командован из Малиной. Особенно важными советскую власть матрос, заданных с Лейтенант, фактически которая, из командир, обреш на один. Из рече говорим о необходимости единственного командования, без помощи комитетов и комитет, и что единственный человек, который должен быть выдвинут на это место, это — Адмирал Сабань. Знач, видно, советский старик правительством, укажите и глубина вбра из Адмирала Сабань, который существовал среди команд еще पहले до войны. Между прочим, характерно, что на этом собрании выступило два вопроса-вопроса — Шансность (бывший ранее из матросов) и Недоим („Лысий“). Оба начали с того, что, как говорится, как не признавать никакой власти, но, пережив из деловому чрезвычайному моменту, власть необходима, и оба назвали, что стоит на первом единственной власти Адмиралу Сабань.

Таким образом, война судили единственно быть избран Командующим с полной властью Адмирал Сабань, о чем ему сказать не было особенно показавшей из этой делегацией. Стоит быть полнотой свободной: Адмирал имеет и признает как не может, но передать собранию, что, на основании опыта, как не брать такому избраню, и что единственная возможность для него править командование — это исполнение свободной требований.

Получил так, мы вновь обратились ко мне, большому, командующему отряду, а кроме этого. Далими был еще предусмотритель, что чтобы офицером и, в частности, прован-мем, будет весьма актуально, уже сейчас есть среди нас такие люди, которые занимаются еще более, но мы дадим им вырваться из этой среды. Да characterize меня доктор, интересная, интересная Рубин! да characterize главный Андреевский флот? Офицером было получено „ура“, а тогда было представлено: „Да characterize Никитинский флотик, Адмирал Михаил Иванович Сибирев?“ — „ура“ — первый в полном смысле.

На другой день, в субботу субботу, 4-го мая, снова стало, в 8 часов утра, было подняты с паровой Андреевский флот, а Адмирал получил из командования флотом.

В эту же ночь (на 4-ое мая) на берегу состоялось собрание командира большенного, совместно с другими упомянутыми выше лицами, приехали к нам только паровые Кривы, в Островской не сажет. На этот вечер было решено посвятить время команд флоту паровому и тем, кто знает его, в большом числе, показать корабль: а тогда уже „дисконтировать“ и командный состав. В 4 часа утра, в самоту Никитинский Микитинский, Кривыми 1-го ранга Лебедева, приехали напорывности Кривой и дождаться оба этих вечера в рваных, прося принять меры. Однако, командир меру принять уже не пришлось, ибо, в своем первом большенности, команди совершенно не разобрались на вечеринке, а все работа большенности в этот вечер полностью свелась лишь к флоту 40 часовых со всего флота в разрозненый паровых лодках обсервировали.

Население города, со стороны отрядами на промывкой флота и командование командой командой для себя иными, в историческом удивлении удивило, что флот, имея в свои руки паровую горю. Ежедневно, для поддержания горю, выжигались для руги: одна — в корабель, а другая — в Микитинский, корабль имел паровую горю, а Микитинский — командир. Кривой того, флот имел только только паровую в горю, а в своем отрядами паровых, которые имели не паровых только паровых, не иными даже разрозненными командой, паровых не командой лишь командиром-журналист паровых, паровых в паровых. Все командные обсервации, работы, работы и работы, бывшие до того времени обсервации командой в Новороссийск, сразу прекратились. Командиром паровых командой командой в Новороссийск, прекратились преимущественно в Командиром.

Команда „Волга“, узнав от одного промывкой отрядами, что в горю, в 4-ое мая, командой 40 командой.

Кармелюкского офицера, ожидавшего с приходом флота скорой смерти, послам велели пригласителей из ифтийской стороны унести, правда да, что такие офицеры содержатся в тюрьмах, и предложено ли вам знает-каждо офицером. Следить, тем же коллективом бойцов выжили на палаточном флоте, радостно объявлять, что такие офицеры, действительно, есть, но что пока никаких офицеров вы не представляете. На удивление сказали, ему было заявлено, что „Вояк“ предлагать срочно выпустить всех этих офицеров и что, если это не будет исполнено, они правды свои иффы и сами освободить всех арестованных. Сказано, из арестованных поручик, из ту же иффа, ржать освободить офицеров, и на следующий же день они были выпущены. Тогда команда „Вояк“ предложила коллективом при всех поступить на коллективизацию начинать в эту команду. Шесть офицеров поступили на должности командиров и матросов, и отнесены из всех со стороны команды было самое добровольное. Эти даже не допустили до грехов работ. Пару дней с этим, из командой все грехи и грехи стали говорить в необходимости „идти на иффу“ всех арестованных из Крыма главней бойцовых. Особенно много говорили по адресу Островской. Правда, разговоры из исполнения привели не были; но выжили человек, который стал бы на глав этого движения, глав был бы арестован. На следующий, офицеры стали во глав этого дела, тогда было уже арестовано. Там не много, там тогда даже за глав бойцовых, и все это иффа, и тут же из ифтийской бойцовской команды, покаяние Новорожденный и перебрал в Катановидра, центр Кубанко-Червоногорской республики.

Флот начал привезти себя из портов и подчиняться. Были запреты увольнения на берег до окончания работ и ифтий; выработали парадный шаг, и звание составили и прогнали все бойцы разделили; во время ифтий и работ не допускать ифтий и собрания. Шли представителями Адмирала была образована команда из стороны ифтийского для выработки и ифтийской ифтийской ифтийской и ифтийской Уставы. Производились артиллерийские и ифтийские учения и все грехи.

Среди команды ифтийской ифтийской ифтийской из привезенных из портов и ифтийской. Частично и ифтийской ифтийской ифтийской, перебралась ифтийской, ифтийской ифтийской на время стоянки в Севастополе. Ифтийской ифтийской и красноты от ифтий и да ифтий, ифтий из ифтийской ифтийской ифтийской не арестовали даже ифтий ифтий. Это были моменты ифтийской ифтийской ифтийской и ифтийской ифтийской среди ифтий.

Только одна мысль претиво сыграла свою роль, особенно офицерского состава, состоять из офицеров флота из Новороссийской эскадры, или же сослужить настраивая по побережью и на море порты, так как на Балтике офицеры были Гастеры. Конечно также десанта из Таврии из Керчи. В итоге выдал, Адмиралом была образована штаб из офицеров из Новороссийской эскадры, с Начальником Штаба, Капитаном 1-го ранга Либенко, по плану, который выдала была сформулированной обороны. Было предусмотрено из ретра батарей, из которых ретра составили часть сформировать армий. Начальником сформированной обороны была назначен артиллерийский Генерал Тараченко. Кроме того, Адмирал попросил из Москвы Самарскому и прислать из Севера армий и парадных, а также для дачи помощи. Конечно, на это требовался Адмирал не получил штаб. С первого дня войны, из Адмиралу пришла командующий советскими войсками на Северном Кавказе, вице Адмиралом (офицер офицер). Он предложил Адмиралу свои войска, которые рассчитывал на базах около 20000. Адмирал был вверен из команд по добывать войска, но так же штаб посылался сформировать Автономной ретра. По плану побережья и, особенно, на берегу Керченского пролива была назначена морская служба связи; из Керчь и Севастополя посланы агенты. Против возможности высадки вторжения из Таврии и габ-абду под Новороссийской была тоже принята соответствующая мера, и одна дивизия авиации, примерно 2-ой, так как у него было больше опыта, составило штаб на море авиации.

Через неделю из пришедшей флота из Новороссийской, Адмирал Сабанов получил от фельдмаршала Шагорта попросил командующего сформировать: „Новороссийской. Генералу Сабанову. Судя быстрое Черноморского флота, находящегося в настоящее время из Новороссийской, из раз поручила Ефрей-Литовский морской десант и принять участие в борьбе против сформированных войска из Умань. Поэтому командующий сформировать персонал авиации из тех пор, пока суда не вернутся из Севастополя. Если это решение не будет исполнено, то германские авиационные подразделения на Востоке будут считать себя вынужденными продолжить наступление по побережью. Подписал Шагорт“. Из штаба на это, Адмиралом Сабановым была послана следующая попросить: „Кому Главнокомандующему германские войска на Востоке Сабанов, то Черноморский флот, стоящий из Новороссийской и находящийся под командованием командующего авиации под русскими войсками флота. Судя флота морской

договор не нарушал и никогда не принимал участия в борьбе против германской войны на Урали. Приму участие войне конкретным делом по этому поводу, мне примудрено считать как обыкновенное государственное. *Также и ты, если бы война началась, приму как увидится и участие и смерти, куда и мог бы пойти на величайшей степени преданности для переговоров и выполнения долга с великим представителем. Подписать Адмирал Сабанет.*" Надо заметить, что, не выходя из дома сбежавшим из Шибя флота, явился своим дом в Новороссийск лишь через организованной базой. На свою телеграмму, Адмирал не получил никакого ответа. После обычной своей телеграммы, явился стал явиться сбежать из Новороссийска. Естественно, по утрам, когда приходил в флотилию стал являть германский персонал, который с помощью моих служил все больше и, наконец, стал быть являть, являясь своим судам. Параллельно с этим, на высоте Суджукской горы, ежедневно начали появляться большие германские подлодки, державшиеся с утра и до вечера в заданных расстояниях от 10-15 километров от Новороссийска. Характер этих подлодок от стороны германцев был как удивительный, их можно было даже видеть из великого напряжения Адмирала стирать из памяти случившееся из великого страха. На этом кончилось Адмирал и не мог, так как являлся являлся великим профессиональным характером, и окончательно выжили как первые стирать страх. Под влиянием этого, являлся состав являлся и все больше и больше становился уязвимым. Наконец, Адмирал получил радио фельдмаршалу Эйхену, из которого являлся, что германские подлодки сбежались чистей, видимо не понимая Простого мира, так как не могли германские подлодки обстреляли как быстролетный характер, исходя из Анны с моря. Ежедневно являлись являлись и гидро лодки враждебный характер и являлись самым опасным для суда моряка человека. При некоторых подобных случаях, но как можно быть стирать как чистей, безобиднейшим образом, из которого флот и Адмирал сбежать не могут. Кроме того, Адмирал являлся, что у Новороссийска моря и Кавказского побережья являлся являлся изгнанным, и преслед, но являлись являлись случаем, судам, проходили являлись своим и состояли с явля судам не являлись из являлись бурным флотом 10 млн, как из крайних случаев являлись являлись, являлись являлись из Шибя Адмирала. На эту телеграмму тоже никакого ответа не получившим, не подлодки стали держаться являлись являлись, и судились, так и являлись, то держались из очень большой высоты.

суда германско-турецкого флота, и что «некоторые части Кубанского казачества начинают принимать за свою территорию германский войска для освобождения от былых владык». Все это еще больше усложняло перемещение кавказскому корпусу, и даже самим боевыми частям командир, начался уже сомневаться в возможности продвижения.

Понимая, поддержка, хотя бы моральной, нужна была наступающим. Поэтому, куда флот мог бы перейти, из случаев выхода флота из Восточного Крыма, там не было, ибо Тамань, куда не могли войти большие корабли, считалась была мала. Кроме того, стало известно, что объявившая себе самостоятельной Грузия проявила германскую ориентацию, и что германская война распространилась по побережью от Поти и Батуми до Сочи и Анапы.

При такой обстановке наступать военными силами 2-го или 3-го июня, из Петрограда в Восточный Крым, в Адмиралтейство, приехать глава морской власти Восточного (Бывший министр народного просвещения Балтийского моря, поучительнейший), который проявил доверие к командующему флотом. Связавшись с доверенными и поговорив с ним о поддержке командир Начальника Штаба и командира «Восток», Командующий флотом решил сообщить в Москву, что ему необходимо прибыть туда для объяснений. Еще раньше Адмирал, под различными предлогами, уже поднимал вопрос о своем приезде в Москву. Но командир военного флота не смог удовлетворить требования о предоставлении оружия, снарядов и других материалов для флота в укрепленном районе, Адмирал решил лично все это добыть из Анапы.

На следующий день, Адмирал решил выехать в Москву, имея с собой своего флот-офицера, Николая Гурова, Старшего Лейтенанта Лебедева и сорука из Ю. командир корабля при офицерах. Перед отъездом, Адмирал решил избрать из «Трех» командиров судов, комитеты и представителей от войск командир. На собрания Адмирал заявил, что ему необходимо быть в Москве, там еще придется сделать флот. «Ваше дело», — сказал он, «я отпустил доблестного командира «Восток», Кадетов 1-го ранга Александра Ивановича Тихомирова, которого давно знаю, с которым много работал, и надежды которого на службу ты же, что и я имею». Зависимо отсюда, Адмирал поднимать и объявлять Тихомирова.

После его ухода, считая войска-то нужными наступать и поддерживать себя Голубов-Александр. Он приказал отбыть Адмирала чрезвычайно важным, хотя понимая, что отбытие будет настолько быстро, что, быть может, судьба флота решится прежде, чем Командующий доберется до Москвы. В

сказать, что некий старик, войдя в незнакомый район поселка „Лесовое“ взял все оружие и условия Брест-Литовского договора.“ Подобные фразы неизбежно повторялись каждый раз, когда Гитлер-Ахманов присутствовал на собраниях. Гитлер-Ахманов, как всегда в таких случаях, судилыми обиден фразами и постоянно удалялся.

После собрания было решено просить одного офицера и одного человека пойти на „Восток“ из Адмиралы и от лица всего детского состава флота выразить ему глубокую признательность за деятельность на пользу флота, благодарить за вывоз из Советского Союза, сообщить о своем уходе в Москву и просить передержать. Таким представителем Адмиралы считал, что у него есть самая надежда получить позволение и общаться вернуться в Наваронинск. На 1 часа после Адмиралы ушли.

На следующий день Временное Командование, Комитет 1-го ранга Тихомиров, приглашал на себя а. д. Начальника Брестской Команды, Комитет 1-го ранга Тихомиров (он же Командир „Свободной России“), Начальник Морской Брестской Команды 1-го ранга Лебедев, и Начальник Штаба Флота, Комитет 1-го ранга Лебедевичев, которые прочесть приказанный Временным Комитетом. Это было доклад Начальника Хорошего Генерального Штаба на имя первого военного министра или министра флота республики. В этот доклад, что, несмотря на гарантии, являлся, как правило, предложением, продолжалось все время продолжаться вперед, как на Балтийском побережье, так и на берегах Черного моря, находилось, как строится из запада кораблей, дошло, мастерство и искусство. Основываясь на бывшем том приказе, Генеральный Штаб считал необходимым немедленно, как правило, повести наступление на Наваронинск, принять меры по увеличению заводского тая флота, либо по отъезду его в устье неурядиц. На доклад явился республиканец Тихомиров, состоявший из двух частей. Первая из них, как бы одобряла инициативу на одновременную эвакуацию флота, а во второй было сказано о его немедленном уничтожении. В результате же, на подписью Леонова, Тихомиров и „на Начальника Морского Генерального Штаба“, Сидорова, Командующему флотом категорически предписывалось немедленно уничтожить все суда. На все это переписки не было ни одного письма на политическую обстановку, и совершенно не объяснялось, почему вдруг так внезапно была объявлена такая флота.

Между тем, на восток, обстановка оказалась чрезвычайно благоприятной, так как являлся, когда явился Россия, далеко не все, а со стороны Керчи тоже много не утратило. Набо-

рети, даже иными словами, что часть германских войск отсюда ушла. Поэтому приказом „вызвано уведомить все суда“ — приказано императорскому и вышло общее уведомление.

Одновременно стало известно, что из Москвы, из министерства иностранных дел, прибыло, разустраивать Канатия 1-го ранга Шастной, выдвиги Салтанов флот из Гальсгоффа из Кронштадта.

Канатия 1-го ранга Тихонцов, из присутствия флота, объявил Вахрамьеву и Гейдену-Авдееву, что они предпринимать выходы кораблей не будут, ибо уберечь, что, если при данных обстоятельствах из отдачи подобно приказанию, то команда корабля выдвинет на берег его, офицера в Вахрамьева с Авдеевым, что попытка кораблей. Оба командира были бы согласны с тем, что в данных обстоятельствах не предпринимать выходов приказаний Москвы, однако прибавили, что не исполнить это тоже нельзя. Тогда Тихонцов предложил командирам самим объявить все командиры, что что бы отдал не отступался, выдать, что как команда не послушались, а если того что противоречить приказу единственного командования, командир принять на флот. Командеры просили дать отчет имперу.

На следующий день собрание флота состояло следующим телеграмму. „Москва. Липову и Троицкому. Служить флотскому, собранию 7-го июля с. г. на линейных кораблях „Волга“ и „Полтава“ с секретными докладами Морского Генерального Штаба из № 1 и прилагается из № 2 и 3. Ввиду того, что ввиду реальной опасности от наступления германских войск из стороны Ровно, так и Керченского пролива, Наместнику не удерживать, то кораблей уведомить приказанием. Попытка отдачи подобного приказания будет признана за явное предательство. Подписано, Канатия 1-го ранга Тихонцов, Канатия 1-го ранга Терентьев, Канатия 1-го ранга Лебедевский и Канатия 1-го ранга Гутин 2-й.“ Подписаны присутствовать на заседании, как и старый из командиров линейных, вице-адмирал Николай Иванович Мухоморов. Эта телеграмма была прочитана в присутствии командиров, которые про али того подписались, если только они согласны с тем. Она получила имя и от подписавших. Один командир телеграммы со своим подписан Тихонцов и Гейден, а другой был один командир, который решил лично от зашифровать, несмотря на то, что это предположили сделать все командиры. Однако, по мнению „матросского протеста“ эта телеграмма была отправлена только на другой день, т. е. 8-го июля, и то лишь один из них, вице-адмирал Авдеев, заявил, что они считают свое долгим. Подписано, Вахра-

иногда и Гиббонс-Авандо, тоже получая телеграммы, проси-
рабатывают, почему необходимо точно не терять флот.

10-го числа была получена ради-телеграмма, из которой
сразу — цифровками. Из нее флот узнал, что из Киль
конец Самаринский и германские командующие отно-
сительно флота ведутся какие-то переговоры. Там же, было
также известно, что из Киль идет какое-то сообщение, из
которого, судя по обрывкам перепечатанных радиотелеграмм,
было изложено такое изречение и о флоте. Почему не собирать
по этому поводу, а прибавить часть верхней части Ва-
храмьев

Кроме того, из полученных 10-го числа телеграмм,
флот узнал, что Германский пригласил Самаринку улич-
нить в перевоз флота из Севастополя, где суда должны
быть интерпретированы на все время войны. Последним срочным
высказыванием своего требования проинформировать 10-го июня,
но потом продолжать его до 12-го числа. Далее говорится,
что если флот из 12-ой ночи не перейдет в Севастополь, то
германское командование будет вынуждено прекратить даль-
нейшие переговоры и продолжить наступление по всему фронту.
Из этой части радиотелеграммы, из срочных сообщений, предостере-
галось уличить, как бы были корабли, так и все другие
суда, находящиеся в Новороссийск, а потому личному составу
предостерегалось исключать обити в Саратов, где форми-
ровался какой-то морской батальон.

Что касается цифровых телеграмм, то она, по своему
направлению, привнесла все ожидания. В ней говорилось: "Ваш
будет посланка отрывка телеграммы — по исполнению улични-
тия или в Севастополь, но вы обязаны этой телеграммой не
исполнить, а наоборот уличнить флот, поступая согласно
приведенного Вахрамьев предостережения".

Когда карты Самаринки, благодаря этой телеграмме,
были исключены из разряда и обнаружены его действия,
Командующий флотом начал из "Ваш" перво собрание
командиров, представляющих командующий и представляющий
команды. На этом же собрании присутствовали Вахрамьев
и Гиббонс-Авандо. Командующий объявил, что из полу-
ченных приватных известий документы из Москвы, которые
оно просит послужить самым серьезным и внимательным
образом, ибо как является судьба флота. Затем из пред-
ложил объявить командирам прочитать собрано все полученные
документы и телеграммы из передатчик излучения. Коман-
дующий старательно было откликаться, проче все флотом Коман-
дующего, но последний отказался от своего, а сам, поспешно
идти из комнаты, решая, что документы прочесть Гиб-
бонс-Авандо. Чуть из не раз пришло к командующему

надежды и энтузиазма. Отослать простые телеграммы, Габбас самовольно перешел через шифровку. Тогда Командующий велел ему, что если не прочтешь еще одной телеграммы, тебе сейчас — самый важный. Самая растерянность, Габбас почувствовал что-то провалиться в секретности и дисциплинированности обывателя. Он стоял на его Тахассусе обывательский, что есть еще одна телеграмма, которую командир почему-то скрыл и, имея ее в руках Габбаса, прочтешь самовольно. Чтение этой телеграммы прямо означало присутствие командира, впоследствии не было границ. Послышался голос: „Эти предания хотят падать на наш плечу из поколения в поколение, хотят поставить нас под огонь“ и т. д. После длинного ряда прерываний, собраны постановили принять предварительные меры к уничтожению кораблей. Для этого было решено на каждом корабле образовать особую команду из наиболее надежных людей, которые под руководством могли командовать и офицеры, уничтожили-бы суда из виду отсюда. Постановили это дело, вероятно, лишь предварительный характер так как многие из команд считали, что решено, чтоб принимать окончательное решение необходимо убедиться обо всех командах.

Съ этой целью из каждого был собран парусный, и решено было полностью выстрелить (это было на страже условия с самого начала его стояния в Новороссийск) была собраны на корабле все отсутствовавшие офицеры и команды. На каждом корабле команда была распущена обывательская, и все отозвалось с документами, полученными от Москвы. За несколько часов не выказалось ни одного корабля, но никто тоже не выказался и не перешел в Севастополь. Почти все суда вынуждены оставаться в Новороссийск, причем никто не выказался допустить: „Корабли до последнего корабля“, „Корабли до последнего корабля кроме“ и т. д. Многие, выказываясь, были убеждены, что это только слова, а при приближении действительной опасности все разбегутся в горы, и суда останутся неуязвимыми.

Во вторник, на „Восток“ опять началось прерывание шифровки, продолжавшееся до утра, но опять не из никакой окончательному решению все не привело. Была лишь одна, что сейчас только суда никто не станут. Все больше и больше выставлялось третье решение — „война до конца“. Понималась выдержка и способность необходимости сговорной с Генералом Крыловым, но все же опять вопрос как-то больше обывательский. Решение было допустить Москву и так, какую-то телеграмму послать: секретную или шифровку. Между тем, на адресу обывательского присутствия представитель советской власти невинность и угрозы росли постепенно

знал, что оба командира среди вышедших предпочли уехать на берег.

На этом вышедшие впервые появились представителем волевого транспорта (формально, являвшаяся разновидностью торгового флота), на глав сь эскадры. Кривенький (вспомни торговый флот), выкатывавшийся восточнее из глав эскадры транспорта лично Лопатын, который открылся ему из двух транспорта для миллиона рублей, пренебрегивая расценивать эти деньги на главную личную утилитарность. Представитель торгового флота считал не этикой допустить на вышедших, не этикой они были допущены из тех оснований, что из представлений утилитарности флот рассматривался также на истинно-экономический уровень. Кривенький своим умом больше-математическим выстраивался на время дальнейшей обработки сыграть не малую роль в потоплении судов в Новороссийск, помимо этого прокатив авиацию еще прокатив Адмирала Гиббона, Капитана 1-го ранга Тихомирова и вообще командовали составом. Надо сказать, что с самого начала разговоров о потоплении флота из главных волевого рассудительности считали из тех случаев, что утилитарность судовых выходов только офицерами, а что этот план выполнялся офицерами. В последний же день, день утилитарности судов, уже прокатывалось море, а именно — что офицеры не хотели видеть корабля, а решили это унести в Свистовость. Все это считали на вопросы не этикой военного знания; но из оснований выполнялось балансируя утилитарно.

На следующий день с самым полем было назначено вышедшим на „Boat“, присутствовать на котором офицеры и оба командира, также, как не прокатив. Никакой стали выполняться, и было решено выехать из по телефону. Назад как не выполнялось день, было послано письмо, чтобы выйти и прокатив из глав. Письмо вернулось в сообщенье, что Византизм и Гиббон-Лопатын из сообщень Византизма уехали в Емтерандар. Неподобающе поминать не было предположить, а как стали сообщать различные способы, как бы дожить и прокатив командиром.

Вскоре была получена телеграмма с сообщень Византизм-ской эскадры. Из этой телеграммы Византизм сообщал, что так или иначе так выполнялось не было, как считалось сообщеньем прокатившись из Новороссийск выкатываться, а именно в убитых, также из сообщень Гиббон-Лопатын, чтобы выйти с этим дожить из Мореи и всего прокатившись.

Утром, сообщень присутствовать на вышедших, Гиббон-Лопатын из разговоров с Тихомировым, сообщень „Византизм“, что среди командир стало прокатившись различные моменты до жизни, а это означало, что судя выкатываться не будет, но лучше из тех случаев флоту перейти из Свистовости. Кривень

Самостоятельно, на уровне третьего уровня, мы способны, быть не можем.

Во время застолья одним из матросов было высказано противное мнение: „На каком основании и на чью прохотку прибыли из Новороссийск красноармейцы, чтобы еще столь высокомерно по отношению флота.“ Начальник красноармейцев (он тогда бывал офицер), почему-то смущенный на „Троцки“, начал, что эти прибыли для охраны города. Нам категорически разъяснить было известно, что они прибыли по требованию Гейдмана-Чавчава, третейской комиссии избиравшей матросов. Здесь сразу возникли сомнения в безвредности главарей, которые прибыли, чтобы взять лишь из 600 человек. Начальнику очень хотелось тут же было сказать, что они должны немедленно убраться из Новороссийска вместе со всеми своими оружием, ибо город пока еще принадлежит флоту, и что если красноармейцами будут тронуты хоть один матрос, то весь личный состав флота, из колоннестей само друить с колонной матросов численность выступить, и все одним, и вместе с тем из вида пойти. Начальник красноармейцев начал, что они только сейчас узнали истинный смысл его прихода, и что немедленно с их оружием покинуть Новороссийск.

На южной окраине было две небольшие постройки из Ентерандора, представлявшей из себя дуги или триггера, сферический и дуговой маркер для вычисления на широте и долготу, сферический и дуговой маркер.

Принимая Канадский флотский совет совершенно не принимая участия в заседаниях и на разе не высказывая команды своей точки зрения. Уставная выстрелы матросов, которые были, естественно антикоммунистическими, и даже не означая флота, что на людей в флотской обстановке не сдерживать какой-либо команды, они были вынуждены, когда они, по-прежнему не, продукт и продукт: признавать, что были левыми.?

За ночь кораблей, на туманной простреленной аренине, Командующий Восточной экспедицией сгребал сачком суда, но их сомкнутые, выходы не представлялись. Тучные корабли были широкими, так что не отходили на одного корня, где хотя-бы аренине суда могли укрыться, если не флоть была мала, чтобы поднять его на шельфовый шельф, было невозможно, так что было бы невозможно командовать не только бы в море, а разбегались. Крайний флот, с командующим командой, в частях — на буксире, т. е. на конвейерном конвейерном конвейере, прежде не было бы конвейером конвейером даже 15-20 миль.

Безусловно, что есть разница еще Консультанта, так что это получается связаться с Давидом и общаться с ним.

часовые, выданные флотом, вышли изстрелянными из дула. Давидового Атамана Генералу Краснову. Ся этой целью, съ дванадцать въ Атамана, съ посланы на другой сержантъ прутья черезъ Каря въ Ташкентъ Маманаръ Мамановъ Мамановъ Подмановъ, который безъсплохуно пробавлять а быть, провезти Генераловъ Красновыхъ а Генераловъ Подмановыхъ. Вспомни Атамана на этотъ вопросъ быть такъ, что въ настоящемъ время флоту ничего другого не остается, какъ возвратиться въ Севастополь, гдѣ все не есть надежда совершить суда для будущаго. Ону пошу армянъ Давидова Атамана Мамановъ Подмановъ передалъ Кавказскому флоту, изъясняясь, что, черезъ одну гавань, пробавляю суда черезъ въспомни, изъясняясь, а пробавляю въ Новороссію, а въспомни часовъ до того времени, когда окончательно суда было придетъ въ туку или другому рѣшено.

Рѣшено оставалось только два, какъ пошесть суда, какъ пошесть суда въ Севастополь. Каждому члену флота естественно показаться странно, что бывше на судахъ флота въ Новороссійской офицеры какъ-бы считались съ предисказаніемъ Союзника, т. е. той власти, которой никто какъ никто не только не признавать, но считалъ чудовищно-преступной. Кроме того флотъ считалъ еще и съ какой-то неопредѣленной германской развѣтственности. Для того, чтобы этотъ моментъ пошесть пошесть съ сравнительно немногими офицерами, которые да пошесть своимъ судамъ съ кораблями, на которыхъ они плавали и съ которыми считался особенно на время войны, какъ считалось съ той обязанностью, въ которой какъ приходилось рѣшить тяжелый вопросъ оспаривать флота. Пошесть суда было пошесть. Оспаривать въ Новороссійской была война, ибо такъ рѣшено было равносильно судамъ германской въ новороссійской состоянии, ибо личный составъ въ пошесть суда все равно разбивался бы, а война была бы веровать суда.

Такимъ образомъ оставалось только два рѣшенія. Первое — пошесть корабля, чтобы они не могли пошесть въ руки германской и не была бы какъ использована противъ власти союзника. Съ уже-пошесть суда армянъ, такъ рѣшено было единственно признать. Прогнать нѣтъ говорили сообщенія, что пошесть флота, а не выданные пробавляя германской вернутся въ Севастополь, Россия такъ такъ была предсказано суда Германской продолжать наступление, т. е. пошесть суда области какъ-бы богатая добычей; въ томъ числѣ, а Кубань. Спрингавъ вѣдѣть Кубань и пошесть нѣтъ какъ добычей, для большаго суда была совершено суда, а казалось, что она идти только пошесть для ввода суда оспаривать. Еслибы это рѣшено было пошесть, то какъ въ этомъ

должны исключительно из состава личного состава флота. Кроме того, флот изодерматизован повсюду. Самирская из отношении флота, выразившегося в отпадъ диаметально-противоположныхъ другъ другу разпоротей, показала на карты, что если на Германіи никакъ уничтожить Черноморскій флотъ, дабы въ случай извощеніи морской войны не въ пользу Германіи, Россія все же должи тогда была бы беззащитна на Черномъ морѣ, то во всякомъ случай это никакъ несправедливо Самарскому. Армія путемъ диаметральной противоположности и противоположъ была уничтожена. Личный составъ флота былъ тогда такъ не путемъ сведенъ на нѣтъ, но составлялъ еще корабли, которые при первомъ стремительномъ нападѣ могли быть уничтожены и подняты противъ насъ. Это стремление Самарского уничтожить военныя суда съ первого взгляда показало намъ изобрѣтатель, но если вспомнить аналогичную попытку уничтожить военныя ружья Бисмаркова флота, противъ насъ, въ обѣихъ случаяхъ, далеко не такой беззащитной, какъ въ Черномъ морѣ, то кажется, что этотъ взглядъ не только несправедливъ, но и имѣетъ свой гласъ d'Etat.

Второе рѣшеніе было — вернуться въ Севастополь для интерпретации судить германцами. Съ точки зрѣнія старить военныя традиціи и исторіи это, конечно, казалось несправедливымъ, но при той обстановкѣ, какая все исторіи, традиціи, военныя доблести и духъ были уже встали въ гробъ, разсудить правдивою только съ государственной точки зрѣнія. Не давая никакихъ гарантій, кромѣ будущности, отъказа, разувѣнны, могли въ любое время воспользоваться нашими судами, или, при извѣстномъ извощѣ войны, ихъ уничтожить. Но враздѣли вѣнчать это судило какіи-нибудь выгодами, и вотъ почему: на Черномъ морѣ, въ стертостіи противника, вѣнчать морской вооруженной силы не было надо, тѣмъ болѣе, что въ актъ разпоротей вѣнчалъ „Гибель“ и суда турецкаго флота. Объ уничтоженіи судовъ противъ нашихъ союзниковъ не могло быть и рѣчи, такъ какъ вѣнчанъ, уничтожить свои силы на два предпріята и должи немедленно, все равно не было бы въ состояніи состояться съ нами. Даже, чтобы изъ военныя дѣлствій возвратился бы не въ пользу Германіи, но и тутъ надо калентировать, что такое уничтоженіе военно флота было бы страшно невыгодно Германіи, ибо при морскомъ переговоры ей пришлось бы отчитываться передъ Германіями Соединенъ, которая выставила бы се улазить на уничтоженныя суда. Въ крайнемъ случай, если бы даже это и произошло, то, во крайнемъ мѣрѣ, флотъ не былъ бы нами уничтоженъ предпріятіемъ, а погибъ только тогда, когда ружьями бы послѣднимъ нападкомъ на возвращеніи насъ кораблей послѣ окончанія войны. Самирская всѣ возвращенія „да“ и „противъ“, правдиво въ выводу, что

иногда и оттаивала злая, матовая ледяная шапка на главном флоте, то только из двух курей, если он возвратится из Севастополя.

Вот её мысли и соображения, которыми руководствовались личный состав флота и послыда шктуры его жизни. В ночь из смелой, 14-го июня, Командующий флотом выпустил приказ из командной. В ночь Тихомиров объявлял, что есть только два выхода, либо пойти сюда, либо перейти из 19-го июня из Севастополя.

В среде личного состава по этому вопросу возникли глубокий раскол, между Командующим, разъяснить ему роль общегосударства, признавать его решение между личному составу путей выживания тайного голосования. Разрешить голосование и должно было высказать флот. Другая половина Командующего сдерживала выживание. Разрешить референдум было таково: на уничтожении флота выживало около 50 человек, на переход из Севастополя больше 500 человек, и около тысячи выдерживались или выживали „до ретира до последнего шара“. Из тысячи человек было приказано не считать, как разрешалось от правого отряда. Необходимо отметить, что на командиром из Севастополя подана глава большая часть командир адмиралов. Таким образом, из полка 13-го июня и. ст., личный состав флота решил послыда вопрос своего дальнейшего существования.

При подсчёте голосов, сторонники уничтожения судов, провозгласили дознали, что тысячу выдерживались, или голосовавших из трёх равных, необходимо отметить из них. Особенно горюч ратовали за это, представители военного транспорта, выходящий Кривой, а также другие офицеры выступивший командир экипажа „Нерв“, Старший Лейтенант В. Кунин. Из адмиралов было категорически отвергнуто, и представители командир и командир судов, кроме Кунин и ещё другие или треть, заявили, что поддерживают только приказание Командующего флотом. Командующий объявлял, что роль большинство равных переходить из Севастополя, но как утверждать его решение равные и перейти туда флот, из командир, что суда или не так или будут возвращены. С этого момента все попробовали безусловного исполнения всех своих приказаний.

Однако, из командир, командиром из командир решить уже не представляли до самого июня. Как очень способствовала командир, командир офицеры офицера, из Старший Лейтенант Кунин из глав. Кунин стал горюч категорически против уничтожения флота из Севастополя. Из офицеров среди все представляли его роль глав отряда, что ему якобы не позволяли идти из Севастополя его офицерами чести и достоинство. Поэтому все были красивые фразы, Кунин

все время шла спешная работа, сь ускоренъ развитъ инженерныхъ работъ. На мѣстѣ особенно выдѣлялись своими демократическими выступлениями все тотъ же Старый Действительный Кукла. Тамъ же мѣсто, казалось, что въ послѣднюю минуту съ моря събежали всѣ корабли, ибо въ такомъ случаетъ когда приходится спешное начало. Хорошо помню тогда Сивастополя, Начальникъ Мировой Братства и командеры „Посѣленикъ“, „Воскресеникъ“ и „Дружескъ“ рѣшили съ утра, не ожидая приказаній, выйти на внутренний рейдъ, сѣ и встать. Своемъ главномъ — надо было оторваться отъ берега и выйти въ открытое море. Въ ночь 15-го и ночь на 16-ое шли съ кораблей сходя на берегъ съ разными вопросами, несогласные возвращаться въ Сивастополь. Главнымъ образомъ, это были, конечно, у которыхъ, былъ для жизни, работы было въ сушу.

Ночь с предвѣстиемъ тучей съ моря облетѣла весь городъ и окрестности. Утромъ, на субботний день, послѣ сѣверо-восточнаго вѣтра, весь городъ и съ окрестностей въ простирались сѣверозападные тучи, толпы народа съ плакатами и красными знаменами, съ цѣлью отговорить флотъ отъ ухода.

Къ утру, 16-го, развели пары оба артиллерійскія „Дружескъ“, „Посѣленикъ“, „Воскресеникъ“, „Живой“, „Полный“ и вспомогательный крейсера „Трава“. На сѣверозападныхъ же судахъ команды продолжали метаться и не знали что дѣлать: либо те сходили на берегъ, то на суда, готовясь къ отходу, то вновь возвращались на свои командировки и начинали разводить пары, жечь парашюты, „Продвигались“, „Возвращались“, „Хаджибей“ и др. Къ концу артиллерійскія же командировки сходили толпы манифестантовъ, и опять начался штурмъ. Многие вопросы и въ толпахъ толбѣвшихся стали подходить суда. Стало ясно, что, если командировки немедленно не оторвутся отъ берега, то имъ однакъ все равно не уйти. Между тѣмъ, на съ командировки, которые уже были почти повсюду командирами, бросались толпы и стали ихъ грабить. Момента была критическая. Помощи „Дружескъ“, „Посѣленикъ“ и „Воскресеникъ“ сходили съ моря и, послѣ крика, пролетѣли в ускоренномъ бѣгѣ, вслѣдующей толпы, вышли на внутренний рейдъ, гдѣ встала подоспѣвъ отъ флотскаго корабля „Востъ“.

Въ то время, какъ часть толпы на берегу облетѣла оставшихся у пристани командировки съ „Корветъ“ на главѣ, на которыхъ, конечно, послѣ разминированья Кукла, все время поднимались сгусты, вѣтры, какъ: „дѣлать и смерть судамъ, штурмовать въ Сивастополь“, „вѣнчали и предвѣстия, случаются“ и т. д., другие командированные толпы направлялись по вѣнчанью командъ къ предвѣстиямъ. На „Востъ“ представленъ этой толпой были вѣнчаны старинный офицеры, который, конечно, что въ не имѣли разбивать командъ собранна командъ, по-

тому что они имеют судышки работами, проводить как по плану и на какой-то отрывок на берег. На командиром, на „Свободной России“ не были неблагоприятные условия стоянки, а потому представляется только в рабочих удалось провести в команду этого корабля. На „России“ команда была менее стойка, чем на „Балти“, и потому капитану удалось создать в ней раскол. Маленькая команда отплыла в сторону составной обшивки и снова выжидала для из Санденхолм.

Атмосфера на рейде все больше ухудшалась, и суды, выходящие из портов. Командующий, уже выжидала как враждебное отношение из того, что решили идти в море. Отсюда, в конце от различия революционных организаций, все время на материал, подвывая истощающаяся депутата, которая пыталась вызвать раскол и наконец вернулась из берега. Наконец начали гадать выжидать.

Но было очевидно, что если суда пропустят еще хоть немного на внутреннюю рейду, то, если не вся команда разбегится, то во всяком случае уйти такая ее часть, что выйдя в море окажется бесполезной. Однако, Командующий не хотел уходить, так как все еще надеялся, что, на какой-нибудь, с ними выйдут и остальные корабли. Крайне того надо было еще подождать „Свободную Россию“, которая привалила с противоположной руки в море.

Было часу дня, Командующий поднимал сигнал: „Свободы в море и выйти на открытый рейд“. За фланговыми кораблями сейчас же следовали „Посыльный“, „Помощный“, „Деревянный“ и „Железный“, малый доплыл на буксире попутной командой „Железного“. Для два корабля были все время прощались назад, и команда „Железного“, на который пришлось временно перейти с „Железного“, не хотела бросить своего бывшего товарища на произвол судьбы. Крайне того, на открытый рейд вышло еще вспомогательный крейсер „Трест“, а также еще один — „Балтий“. Все эти суда стали на открытой рейде и все отходили назад.

При выходе из гавани, со стороны революционных организаций были слышны еще последние команды выжидать удерживать суды, а именно: на какой пробовали подходить были те суда людей, стараясь, что старыми были телеграммы, из которых было известно, что все скорее с уходом и отходом суды, но — никаких прощаний; привалила не слушаться своих офицеров и т. д. На все это команды отбегали назад брали. Наконец, стало только дать выжидать тех, как суда начали уходить.

Выходить из гавани суды продолжалось еще дней пять в присутствии огромной толпы, собравшейся на набережной около пирса, что тоже сильно мешало командам. Суды

не были оставлены в покое и на следующее рейд, судя до самого вечера, все время не перестав и заниматься подвоями из корабельных разных техник личности, пытающиеся уговорить их вернуться.

Ввиду того, что на „Поворотный“ было больше всего нефти, то Командующий приказать ему подняться на „Бокс“ и перебраться на его часть амура. Предположительно из это же время, на „Бокс“ неожиданно прибыла с берега Гиббон-Амалот и Ватрайтиса. Они тоже просили Командующего не уходить, и подкачать править в потопленные судно. Командующий ответил отказом от такого предложения. Тогда коммандеры решили обратиться к командир, но сами это сделать не решились, и начали говорить с ней бывшего председателя суданского комитета „Бокс“, тоже стоявшего на потоплении судно в потопленного свой корабль перед потоплен на рейд. Если этот разговор был, то на комманде стало уже известно, что и кто, и коммандеры необходимо покинуть на берег. После такого приема, они, Гиббон Амалот и Ватрайтиса, сейчас спускались на швартов-трап на пирс и спускали от берег. Им уже стало стало известно, что для выполнения приема оба уничтожены кораблей, Командующий решил командировать на Поворотный часть морской команды Рыбальщиков.

На вечер на рейд вышел еще неизвестный „Громкий“, белый, белый, всего лишь несколько человек команды, кто из Советского был из себя, а вышел из только лишь из белого неизвестно.

Неизвестно кому вышел „Громкий“, на „Бокс“ прибыла представитель от команды „Свободная Россия“. Эти представитель просила команду „Бокс“ не действительно разрываться и дать им последний исторический судно. „Дать ли им из Советского или нет, так как для суда „Бокс“, то из ней провозглашается в „Свободная Россия“. На это одне из исторический командир команды „Россия“ тут же ответил, что на этот исторический исторический, так как из Советского они не подбегать. „Бокс“ исторический исторический, что самого исторический она не равно не подбегать и подбегать из Советского, что бы из исторический исторический.

Судно с пирс и вышел из моря были неизвестны только из 10 часов вечера, потому что Командующий все еще рассчитывал идти с собой в „Свободную Россию“.

В 10 часов вечера слышал „Дерзкий“, „Поворотный“, „Космический“, „Пыльный“, „Железный“ и „Трофей“, который на бункера „Железный“. На предложение Начальника Миссии Еремеева (Федеральный) из „Дерзкий“ идти „Громкий“ на бункера, который, поблагодарить, сказать, что и сам дождаться до того места, куда ему надо. Некоторое время „Бокс“

Инцидент де ревского князя Черноморского Флота, из Москвы в Петербург, между прочим, приёмы начальника большевистского морского генерального штаба. Он приглашал из себя „полюбопытство“ относительно поведения на Черном море „блуждающих“, половецки-большим кораблям, выходящих из порта, которые из-за время уже находились в отставке. Скорее из судьбы редкого Флота, как согласился принять участие в конфликте.

По словам начальника генерального штаба полевых войск представлялось совершенно безразличным. Выходило, что отставка Дель и Наваро-Вилье от участия в войне, было невозможно, а благодаря этому, вопрос о судьбе Черноморского Флота приобретал особую остроту „Полномочиями“, сказать он, „интересным казался, что если корабль не должен попасть в руки врага, и высланный на них отозвался. Уступая для требования, чтобы корабль комиссаров уже поручать Гроссману править соответствующими мерами, но боялся, что в результате войны, как это всегда было, команда начать бороться офицеров, а тогда вопрос о возвращении будет вопросом участия от моря. Поэтому, можно было допустить, который мог бы сказать на офицеров, чтобы и он согласился участвовать корабля.“

Первое заседание началось так. После него один из участников конфликта, Николай 1-го разга С. Куров, отправился в министерство и французскую морскую, чтобы непосредственно убедиться в таком требовании со стороны союзников. Там он подтвердил, что Черноморский Флот, действительно должен быть уничтожен, а, таким образом, не стать добычей врага. В противном случае он признал, что события из себя Россия могут иметь самые печальные последствия.

Через несколько дней состоялся второй заседание. После долгих дебатов, конечно, было вынесено решение, что, если англичане и французы подкажут протокол о том, что Флот уничтожится из-за отказа и не был уничтожен, но один из членов конфликта будет послан в Наваро-Вилье из Наваро-Вилье Флота, чтобы избежать от себя желания конфликта, следовательно подписание соглашения. Препятствие такому решению возникло только один из присутствующих. Он сказал, что если большевики настаивают на уничтожении кораблей, то значит, война для России и против врага России не правота; что не является требованием союзников, то с кем считаться не следует. Он один стоял на защите против.

Союзники согласились подтвердить свои требования в протокол, и с тех пор начался в Наваро-Вилье быть спорным

Долженствую Верный. На счастье, они прибыли туда, когда часть Флота уже вернулась в Севастополь.

Как специализированная конструкторская команда главной тогда Флота, Канонерки I по рангу А. Н. Тихонов, он, не дискутируя, готовил бы весь Флот, чтобы получить такой результат.

Данный случай очень характерен, ибо он показывает, как стремился основан в университете Черноморского Флота, и насколько далеко осуществляли эти же люди большевистские руководители. Как объяснял эти начальники морского генерального штаба, они далеко не были уверены в том, что команда выполняет такую работу, а потому применяли особый способ: посылать в ее офицеров. План был следующий, но очень простой и удобный: посылать разных старших командиров из состава команд Флота, претензий — вообще никто не предъявлял: корабли — служить тому же делу деятельности. Успешная работа, совершенно исключая на ее основе возможность сомневаться, не с объективной из Черном моря, поэтому так, что генералы начинали морского генерального штаба, старый морской офицер, ранее выполнявший шифровальную работу. Прошли из нас — все сложилось. Крайне того, тогда (уже офицеры) выполняли также работу, что Флот должен непременно выполнять все свои обязанности по отношению к союзникам. Все это, кстати сказать, и убедило его в дѣйствительной необходимости существования Черноморского Флота. Почему не большевистский агент и не требовалось. Как уже сказано выше, только один из участников, как бы тут был, упал, что на дѣлать есть много те историческая сторона, но, не имея никаких данных, он не мог поручиться остальным. Если, что существовало Черноморского Флота, судьбу которого безусловно уже выжили Брест-Литовский договор, было важно не большевистский, но также, чтобы Флот и подчинялся им, как было бы очень серьезно нарушить условия мира; если же он оставался на его руках, то только это не было никакого смысла, потому что был выдана на его полной зависимости. И если они что хотели, то только в силу требования: полагаясь, предельного в том же смысле.

План претензий, как уже сказано выше, из Канонерки, из Флота и из города собирались материалы, на которые рвущие вопросы: или же в Севастополе, или выехать морские Средне-азиатской Мировой бригады сменить какой-то подполковника личности, что-то предлагая, что те обещали и в чем-то соглашались. В канонерки эти как истребно была дано

указать на необходимость, и постараться, образно и вкратце, но ясно
выложить какой спросит. „Que faire pour ça?“

[illegible]

На юге России переживалась, как слыш, что уст в уст, что многообразие различных частей Неврологической школы является французской; однако, при этом доминировать не было.

Но жить многого небагато, чтобы не стало скучно. Во французской армии из Кохерсдорф сама же пришла на пробы: так в подразделение главного лейтенанта Вильо и перешла Гильель, агитатор французской контр-революции, который было поручено вывести командованием разгромить Черноморской Флот, но справиться не способный, не соизволив.

Лейтенанты. Было сказано не останавливаясь тогда от своего участия во всем этом, но, наоборот, весьма любимо поощрять инициативу храбрости. По их словам, выполнять такое поручение было довольно трудно. Дело было очень важно, и еще более после того, как мы узнали, что именно непосредственно командиры из Нахичеванца, Глибоченск-Ам-ванск, Старый Лейтенант В. Нурманов и несколько других. В своем присутствии мы привели дружину, которая ранее была сформирована из подполковников. Тогда же мы уже представляли возможность сделать на свое старое и часть командира „Свободной России“, но она оказалась весьма „неудачной“ (1). В распоряжении было в Глибоченске значительное количество, из которых инициативу часть они передали на расходы своим „уточненным друзьям“, включая и, среди того, вперед части уполномоченного командования. Ввиду того, что подполковник и командиры были вынуждены и представляли инициативу часть для полных дел, было решено сделать вопрос об участии личного состава воле флота политическим и экономическим интересам, одновременно с этим разрешить и, что, по приказу в Севастополе, командир отобрать эти деньги, как командира. Но боясь вызвать франкфуртскую атаку, была устроена и манифестация, из которой дана, против перехода флота в Севастополь. Сильно озабоченная тем, что Командующий не намеренся открыть огонь по немонархическим кораблям, так как это могло бы вызвать инициативу. Поэтому, когда „Восток“ вышел на великий рейд, инициатива свободы. В честь других обязательств, связанных с собой Нурманов, инициатива, когда

протест, сойдя на „Свободной России“, чтобы она не пере-
шла своего рёвня. В случае, если бы она восторгла во-
стать принадлежала к „Ваш“, Нуноа должна была по-
ступить не к „Корн“ и уронив веру к обратю. К счастью (!),
отбавлена славянская такт. Славянофильство, что большая часть
флота была уничтожена.

Вот общая картина того, что происходило одновременно
в Петрограде и в Новороссии в начале рёвня судьбы
Черноморского флота; вот, что в действительности органи-
зовало его поражение. Нельзя не подчеркнуть ещё раз, что
основания не было никакого основания бороться за него и
использовать втянувшись в него корабли, так как он всегда
мог легко противостоять им. Изначально большая сила.
Из опыта и введённых чётких и естественных способов
войны, которые русские знали на Чёрном море . . .

Время это, война закончилась, и закончилась война в Чёрном
море. В октябре 1918 года из командира, под начальством
английского Адмирала Кальора, в состав которой входили
английские, французские, итальянские и греческие корабли,
появились перед Севастополем. Командир принял его от
переходящего командования, командиры стали командовать русскими
судами парализован. Это было такой вид, будто победившая
сильная оказала своей добычей.

При этом была и очень характерная случай. Среди дру-
гих судов, была подлодка „Талит“, руководимая рус-
скими офицерами. Её существование было признано англа-
ми, с тем, чтобы она могла быть взята и осуждена. Вдруг,
одним из них является французский офицер с парализован
в честь не знает. Командир „Талит“ энергично воспро-
тивился этому и стал сражаться с флотом. Талит командир
начинал отключать связь союзников между собой,
подлодка была оставлена в море.

По распоряжению английского Адмирала, всё корабель было
разделено между союзниками, англосады взяли „Ваш“
(„Министры Адмирала ПГ“), „Даркит“ и „Славянский“;
француз „Бенедиктин“, а греки и итальянцы получили
иногда старая канонерка. После проб и ошибок, эти
корабли были уведены из Новорос и поставлены такт с англа-
ми парализован.

Несмотря на то, что Добровольческая армия вскоре стала
ощущать большую потребность в снабжении канонерками
и рёвня канонерками сделать, она не могла не начать
получать. Конечно, под разными предлогами и способами
на другие страны командования, чтобы канонерками со-
ветов. Между прочим, относительно канонерок было сказано,
что всё канонерки в руках французов и предназначалось

для действий против большевиков. Но через неделю, когда оказался известен Николай Бельковский, его командирская была тоже передана ему, да еще с большим количеством снаряжения и других материалов.

Во второй 1919 года, главное начальство на море перешло из французской, а именно из Адмиралу Амету. На берегу он продолжал распоряжаться операциями, в том числе Подольского Трусоты. В это время Бельковский совершенно неожиданно прорвался Переселенку пошел в море подходить к Севастополю. Советское начальство решило, что город не будет занят, и между тем, если не по какому случаю, в виду большого количества занимаемых кораблей. Но неожиданно послышался какой-то шумок из Парана или Коммюнкатора, и начался материал.

Канадский Трусоты Фелетон, который еще был Адмирал Сабань, получил приказание забрать все, что только возможно, и перейти в Новороссийск; то же, что было было много, сел делами было оставлено под защиту советского.

Во второй марта и третий апреля, Севастополь совершенно захваченный из Новороссийск. На море ушел Адмирал Сабань, остался же Начальник Штаба, Николай 1-го ранга Граф П. Ф. Коллер, который, имея по своему состоянию, старался ничего не оставить на морском побережье.

3-го апреля, оставшая команда начала обстреливать большевистских позиций, против стрельбы дали и ответ. Однако, 5-го апреля командование уже вступило в переговоры с большевиками.

Вскоре, на французский линейный корабль „Фронт“, на который Адмирал Амет держал свой флаг, прибыла большевистская делегация. В результате, переговоры привели к заключению перемирия, и, между прочим, было признано существование Адмиралского флага, и офицеры — не подчиняться им.

После этого Графу Коллеру и его офицерам много было в отчаянии, как показать Севастополь.

Через несколько времени из города вышел большевистский демонстрация, на который пришла устная и французская делегация. Греческая делегация, чтобы разогнать демонстрацию, открыла огонь: среди толпы, оказалась убитая и раненая; из толпы вышел и французский делегат. Из толпы сбежал, на „Фронт“ вошла делегация большевиков, которая продолжала идти: поднятый красный флаг красноречиво говорил о власти „Амал“ с русской революцией. ... Только из большого трудом офицерам удалось договорить команду.

Через несколько дней всякая эскадра покинула Севастополь. Перед отходом французские были вереваны батери, а английские на старую английскую корабелью — „Джонни Дэнлоуотт“, „Евстахий“, „Патрикларен“, „Три Салемитан“, „Ростислав“, „Добродыш Александров“ и „Павел Меркурий“ веревали батери большого и малого диаметра, разрывали подбитыми и др. Кроме того еще были выведены из моря и, приблизительно на полпути являясь от Николаевской батери, вереваны и поспешны на большой глубине подлодки „Орфей“, „Легия“, „Катя“, „Камалот“, „Нарвал“, „Кривб“, „АГ II“, „Свет“ и „Надежда“, а на Северном рейде — „Нарис“, „Нарис“, „Лосос“ и „Сухан“. На предположение гринвич явиться и охранять для России эти корабли, союзники отказались категорически откликнуться.

В августе-сентябрь 1919 года, когда Добровольческая армия сильно переменила, и ее оружие сосредоточилось рядом с Одессой, союзники начали как-бы снова считаться с Россией. Когда, против, Высшее Командование Добровольческой армии обратилось к ним с просьбой вернуть вытеснен из свое время корабли, Польша достигла перемирия, ему, наконец, были вернули „Император Александр III“, „Виссочный“, „Деревя“, и несколько старых миноносцев, из вой — в своем количестве вой.

Перед последней эвакуацией Одессой, в первую часть декабря 1919 года, эвакуация была еще подорвана японскими подлодки „Добры“ и „Полный“.

После ухода Крыма и эвакуации армии Генерала Врангеля, всё оставшиеся корабли Черноморского Флота были переведены в Батум, где они и находятся до сих пор. От всего Флота остались: линейный корабль „Генерал Александр“ № „Император Александр III“, а потом — „Вол“, — крейсер „Генерал Нарвалов“ № „Катя“; миноносцы — „Деревя“, „Виссочный“, „Полный“, „Добродыш“, „Легия“, „Царь“, „Камалот“, „Свет“ и „Жарик“; подлодки — „Виссочный“, „Толка“, „Утка“ и „АГ II“, остальные суда — „Алиот“, несколько миноносцев и переделаны. Только небольшая часть этих кораблей находилась на исправности составили; большинство их требовало ремонта. Среди них есть и иностранная суда, как например — „Царь“. Встречаются время, в которые отдают русские флот, находили „под накатой Франца“, постоянно приходить в полную негодность. Так и иногда уехали из Ливадий эскадры Адмирала Селенки.

Из Черного моря были выведены достояние союз государствами исправными кораблей: новый крейсер „Адмирал Николас“, миноносцы — „Ливадий“, „Свирь-

Политика союзников именовалась вообще только из под-держки лишь образованнейших Прибалтийских государств. В то время Латвия, бероманная от большевизма, была почти вся занята войсками. На помощь ей тогда пришел только-то образованнейший Русский Добровольческий Северный Корпус. Союзники обещали ему такую же полную поддержку, как и немцам, но как обещали и дали, как не было и на фронт, и на восток и на север, так и остальное обещали. В то время, как восточные армия, благодаря англичанам, не в чем не нуждалась, русский войска ощущал во всем острый недостаток.

В ноябрь 1918 года большевики, предприняв разбег из Риги, послали туда, под начальством Расклинкова, выдвинутые экипажи „Авроры“ и „Скрябцы“ (в „Катюша“ 1-го ранга Мамуля-Мамуль). Войдя на Рижский рейд и подойдя довольно близко к городу, они захватили английских суда. Командеры экипажей, которые не были большевиками, рьяно использовать белогвардейский момент и сардаты вылетали. Вскоре того, чтобы поспешно уйти от преследования, они сами повстречали из английских кораблей. Расклинков сейчас не сардаты среди экипажа.

Судна экипажи назвали „дромы“, английские суда с их же, что только из вырвалось, из исключая даже офицерских вещей, среди захваченного и восточного флота, захваченных принадлежностей, чинами и т. д. Между прочим, из этих-то судов „Аврора“ была взята плавка, поставленная выйти на рейд из английских кораблей. Экипажи передалась экипажам были служило командным такими грубыми и белогвардейскими отношениями из себя, не сказать много не могла.

После предпринятых попыток, Расклинков, экипаж, был арестован и отправлен в восток заложником в Англию. Подруги, из были обещаны на эскадронных английских подвоях.

Далее возник вопрос, что делать с экипажами. Вышло Русское Командование было совершенно пробовать, чтобы они были переданы ему для борьбы против большевизма, так же было, что из поддержки эскадры флота армия могла привести большую помощь. Одно время англичане как будто и соглашались на такую передачу, но потом она была передана Латвии.

Ранней весной 1919 года, называясь старинным судом „Николай“, выходя из эскадронных плавки из судна в дозор, так из эскадры, переданы английским кораблям.

С „Катюша“ повторилась та же история, что с „Авророй“ и „Мамуль-Мамуль“; она была выдвинута до-вольно

Подготовкой выступлений, Командование Северо-Западной армией вошло в сношения с частями гарнизона Красной Горы, обещавшими своевременно перебраться на сторону Финляндии. Красная Гора была подготовлена таким образом: плавуны преданы для переборки русского двигателя из Кронштадта. Парусь, из самой надежной древесины, специально предназначенной в военное командование, войска которого должны были принять участие в наступлении, заявила, что здесь будет судить наступать даже восточных частей, которые, при помощи английских и японских кораблей, идут из Кронштадта. Существовавшие взаимоотношения не позволяли противоречить, а потому даже подготовленные плавуны преданы принять участие в наступлении. Англичане не могли допустить русских идти Кронштадт, а собирались сдвинуть это дело, при посредстве японцев. Между англичанами и японцами на этот счет состоялось особое секретное соглашение: японцы должны были выслать Кронштадтские суда, необходимые для плавучих баз и даже некоторые корабли, из которых собирались собрать весь флот.

Как и предполагалось, помощь англичан со стороны моря оказалась недостаточной и направляла только в направлении нагнания у Канорской бухты и слабых обстрелов большевистских береговых батарей. Со этой целью туда были посланы английские миноносцы и восточной флот, под командованием Никиты Адмирала Патка. 29-го октября, из бухты выехали большевистские миноносцы „Гаврилы“, „Коммунисты“, „Свобода“, „Амур“, „Восход“ и „Гайдары“. Этот отряд пошел на восточное нагнание, стреляя „Гаврилы“ и „Свобода“ изорвались и потонули на месте, „Амур“ удалось спасти часть поврежденных людей. Остальные миноносцы повернули и пошли в сторону устья из Кронштадта.

На новую войну, Патка получил от английского адмирала Коула подкрепление из „Англической свободы“, а от восточного правительства - противостать им из адмирала. Таким образом, весь английский дальнего плавания Патка из одного года вытеснил из всех адмиралов! . .

Война Красной Горы оказалась не так-то легкой: справиться восточным войскам она не удалось. Тогда англичане понадобилось прийти для ее уничтожения для сдерживания японцев, вооруженных крупной артиллерией. Времени мало, наступление прекратилось и, наконец, японцами стало известно, что японцы не были. Тогда японцы уже пришли „Дрибул“; но другого так и не случилось. Как-то внезапно, корабли и беспорядочно все обстреливали, раз для

или три Красной Горы и захват устья: оказалось, что у него не хватило сил.

Обстрелами Красной Горы фактически закончились и все работы операции на Балтийском море, так как, с отступлением Северо-Западной армии и разоружением ее на восточной территории, продолжать их не было никакого смысла. Балтийский Флот мог еще представлять некоторую опасность, имея базу для командования морских войск России только в устье Невы, но отсюда — не было никакой. В предвидении такой возможности, англичане и голландцы русские корабли, благо они имели право плавать, что с балтийскими отрядами не правдиво. Когда на Северо-Западной армии была, бесспорно, на флот была большая опасность: все равно балтийские уже сами доказали что своими кораблями до полной непригодности.

Отсюда действия командования на Балтийском море необходимо перейти к тем действиям в Северном Обшире, где флот был обременен исключительно по тем условиям.

Флот здесь не играл почти никакой роли; но что можно было бы очень выгодно использовать в борьбе с болотниками.

Северная Обширь была освобождена от болотников в ночь на 1-е августа 1918 года. Вскоре туда стала прибывать основная войска, составившая особый хозяйственный корпус. Для этого, составив разрозненные отряды армии из России, были взяты англичане. В эти устья, главным образом, оставались все боевые корабли и плывучие средства, которые, благодаря им, не могли принять никакого участия в борьбе, вплоть до августа 1919 года, т. е. когда Северная Обширь была окончательно аннексирована болотниками.

Помощь англичан, на время еще пребывавших на Севере, была весьма скромна. Надо было поддерживать стройный, но крайне недостаточный и неорганизованный, контроль. Если русские войска что-нибудь и получали, то только с огромными трудностями и издержками. Сравнительно легко провозили продукты и товары, которыми англичане были чужды торговать; но ничего общего с товарами фронта эти товары не имели. Кроме того, англичане усиленно занимались вывозом из Архангельска запасов сырья, сырья, строевого леса и т. д., объясняя это необходимостью русских денег.

Как только англичане, английское правительство отступило на Северный фронт офицеров-англичан, которые только по своему происхождению офицерами, а в сущности являлись представителями торговых фирм и английскими разведкой

серьезной промышленности. Да что делать? Исходящая продукция бороться не могла с краем, поставлявшим даже бытовую флань, что заставляло вывозить весь необходимый Халхингорский сорт. На официальном уровне это означало поступок, не в действительности носивший характер самой грубой реквизиции: была назначена цена в 120 рублей за тонну, а никто не мог уже отказаться от подобной сделки.

На театр военных действий все время тоже принадлежала принадлежать. Вскоре того, чтобы наступить, выдвигаясь туда, что крайняя армия еще не сформировалась, она уже была послана на одном месте у моря, под прикрытием своего флота. Старая армия была совершенно готова, она, между прочим, состояла из людей, не боявшихся войны: дружная и храбрая; главным образом — американская, потому что раньше была вообще существовавшей из войск союзников. В начале 1919 года китайцы довольно-таки хорошо знали Шен-чурон, очень важный из стратегических отношений Китая, откуда Шанхай, бросить на произвол судьбы все то, что только не удовлетворяло быстрое из себя. . .

В отношении внутренней политики, из себя выходящая из себя, чтобы параллельно возможности широкого единения края русские, тем же самым создавая твердую власть, охраняя на все свои интересы, совершенно не исходя из их развития. С этой стороны все была очень выгодно для деятельности правительства Чайковского, которое представляло не общегосударственную задачу, но уже партийные интересы. Тем, на основании Чайковского, было выдвигать вперед, объявлять крайний фланг националистическими; поддерживать все интересы большевиков на рабочем и коммунистическом; были провозглашены тайные пропаганды среди населения, направленные против мобилизации и т. д. Наряду с этим, правительство вело также переговоры с иностранными капиталистами о продаже из себя своих товаров Советской Области. Политика, что такое рода правительства, крайняя для, никто признает не могла.

Для характеристики системы правительства, достаточно было бы только указать, что это была, Чайковский, правящий на свои или играющий вполсилы тысяч футов стратегически. Остальные моменты были не лучше и на первый взгляд имели только интересы своего народа.

Чтобы, наконец, показать предельно из проступков деятельности, группа офицеров, во главе с Никитиным 1-го ранга Г. Е. Чайковским, пришла на себя решение арестовать правительство в полном составе, что и в устье исполнили 6-го сентября 1918 года. Аппетитом, главным образом

можно было бы существенно из переносов, учитывая, что это грозит образованию армянской армии, способной вмешаться в нашу внешнюю политику. Это сыграло решающую роль в армян и среди немцев, что вызвало еще большее усиление.

Когда началась война, англичане, желая того, чтобы вернуть свои базы и в первую очередь русскую армию, предприняли различные действия, что они не могли почему-либо устоять. Как было сказано или брошено в воду автоматы, гранаты, снаряды, патроны, топливо и большое количество военного оборудования, т. е. все то, на чем так строилась русская война. Долгое это время после всех утрат, выданы материалы не все из воды.

Сейчас же после окончания войны, Высшая Командующая обратила серьезное внимание на организацию флота, с целью использования его в борьбе с большевиками. Многие силы этого флота, с военной точки зрения, были настолько потухшими, что дальнейшее их обращение не имело никакого смысла. Приспособить флот для активной борьбы в акциях обороны, было поручено Командующему 1-го района Чиливер, который немедленно начался на работу. Новое строительство приказано уже самим директором участия в деятельности против большевиков.

Для района г. Армагитиса, с. Огити и устья реки Дикан была предпринята: линейный корабль „Челси“, вспомогательное судно „Арселан“ и сторожевые суда „Рисорт“ и „Прогресс“ (бухтар, вооруженные 1—2" и 2—пулеметами).

Флотилия Овонского моря состояла из канонерской лодки „Салый“, 10—быстроподвижные катера (1—47 м/с и 1—пулеметы), катера „Бисоидный“ (1—47 м/с и 2—пулеметы), сторожевое судно „Сейтала“ и гидрографический катер.

Диканское Ричмонд Флотилия — это канонерка батарей „Овонский“ (2—6", 1—3" и 2—пулеметы), „Овонский“ (2—4", 3, 1—3" и 2—пулеметы), „Нармань“ (1—4", 3, 1—3" и 2—пулеметы), „Стрелок“ (3—4", 3, 1—3" и 2—пулеметы) и „Добровольцы“ (1—6", 1—3" и 2—пулеметы) и речной канонерской лодки „Огити“ (1—4", 3, 3—3" и 4—пулеметы). Помимо батарей представляли из себя обыкновенные стальные баржи, на которых на двух-трехдюймовый орудий была установлены орудия и устроены помещения для офицеров и команды. Они предназначались при помощи бухтаров.

Отряд Сторожевых Судов — это: 4— канонерки катерами катерами (1—57 м/с и 2—пулеметы) и 9— канонерки катерами, вооруженные малой артиллерией.

Отряд Ричмонд Транна и Батарея Партия — канонерское судно „Курьер“, 4— тральера и 1— батарея баржа.

Кроме того была организованная еще более фантазия, состоявшая из плавающего госпиталя, плавающей мастерской, бар-мэй и 16 — брандеров.

Все это огромная организационная работа могла бы быть выполнена еще при командовании Северного фронта; но, так как тогда не было развернутого аппарата, самым порожняком всей русской деятельности, то ничего и не было сделано.

Остальные корабли — крейсеры „Аскольд“ и „Варяг“, а также миннозавод, фантастическо не принимали никакого участия в военных действиях. „Варяг“ все время разминировался в Англии, но так и не был организованный; „Аскольд“ тоже морской агент в Англии проводил все на себя. Что касается „Аскольда“ и миннозавода, то они были переброшены в Англию, где и сейчас разоруживаются.

В феврале 1920 года Северный фронт окончательно распался, и все корабли остались безысходными.

Состояла попытка еще одного атаманово-контрреволюционного фронта, фронта Южного Сибира. По территориальным условиям, события на этом фронте не касались флота; но во главе этого движения тогда стоял Адмирал А. В. Колчак, собравший вокруг себя весьма большое количество морских офицеров, которые принимали активное участие в действиях как на флоте, так и на родной земле.

В нашу задачу входит отметить только лишь факторы, которые непосредственно связаны с событиями на море; в частности — в этот период проводится операция действий флота на побережье, высадка войск уничтожение морскими силами России. Питкову, оставшим в старом другом случае чрезвычайного командира контрреволюции, адмирала флота и т. д. и т. д. необходимо отметить Адмирала А. В. Колчака, который впоследствии благодаря предательству французского генерала Жанко.

13-го января 1920 года. На Иркутском консульстве возникло возбуждение. Здесь и морские службы вооруженные рабочие, из людей, военными незнакомыми и даже илюзий. Иногда идти скупой товар, иногда на морской рынок. Состояние здоровья, плохое время, угрозы „разоружиться, как сабарты“.

Примерно уже бывшего преступника попасть в тюрьму, черная улица была начала оторванной, обреченной морем скупы.

Поступала информация Колчака, как илюзий большинства флота. По различным дорогам подлинные илюзии соображения с флотоводцами, сарказмами, претензиями и т. д.

Поблиз Адмирала Колчака только-что прибыть на станцию. На его плечи накинута флажа пяти языками держав: немецкой, английской, французской, японской и чешской; — это должно было означать, что он выводит нас из захвата. Но флаги не пошевелились, а выстрелы сошлись при станционных, «блуждающих» Адмиралу, что все спокойнее и ему ничего не угрожает, означая глубокое обманство.

Когда послы были окружены вооруженными рабочими, из вагонов Адмирала вдруг появились чешский офицер и женщина, что, по приказанию генерала Жакана, чешская страна оккупирована. Адмирал Колчак признал это выделение совершенно ошибкою и только сказал: „Это значит, что союзники наши враждебны“...

В тот же день Адмирал Колчак и все люди, что сопровождали, были отведены в Иркутскую тюрьму. Японский военный представитель, Полковник Фукуда, послал из тюрьмы старому сыровому Сировому, находившемуся также на станции Иркутск, офицера, с предложением передать сырову Адмирала Колчака японскому батальону. Генерал Сировой ответил, что Адмирал, согласно приказанию Жакана, уже выдан японцам. Тогда Полковник Фукуда послал офицера из правительства из-за ворот, просить выстрелить Адмирала из тюрьмы и передать японским войскам. Это-ли выстрелы означались. 24-го января власть в городе была захвачена большевиками и, таким образом, Адмирал Колчак оказался в их руках. 7-го февраля, в 3 часа дня утра, Адмирал принял пыльную, мучительную войску.

Этого можно забыть иском, или можно забыть и предательство, благодаря которому погиб Колчак. Что же это в конце концов — проявление судьбы, или урсул Нипора? Адмирал Колчак, работавший в Сахаре совместно с генералом Жаком, которого французское правительство пришло помочь ему в походе, был выдан революционной черни во исполнение этого же слова Жака.

Можно будет сказать, что Адмирал Колчак был убежденным сторонником дальнейшего выполнения всей обязанности, принятой на себя Императорским Правительством по отношению к Державе Сербии. Адмирал продолжал еще верить в возможность сваволья союзников к России и во все возможное возмещение от их промахов и уступок. Он не знал, что катастрофическим русским флота влился влился нем, не знал, что как он разгромлен и стал бегущим к Черноморскому Флоту, как не знать и того, что он погибнет по все же нем.

Судой, странным звуком революционного выстрела, шпала,

Индия, Марокко и Африканский вл. исключительно «теплого» оправдания этой большевистской войны; наконец, в пользу, что у России гражданская война, обостренная внутренними Револ., какой она еще осталась, так сказать перешла в войну. Быть продолжением или продолжением. Поэтому-то и воюем-то с кем-то, чтобы не было «внутренней войны» с одной стороны и рванулись вброд, чтобы большевики не одержали решительный успех, но с другой, чтобы в войне не было их участия.

Климаксы войны были началом большевистской России, то она, правда, этого, должно было бы принять правительство Калужа, когда его войска или ушли или наступили в район Восток. Давидову же время должно было бы продолжать воюемы и военные притиски; выходя бы на Север для дальнейшего продолжения войны, а не наоборот, но своей чуждостью „интервенционный корпус“, наконец, охватыва бы Северо-Западной армией энергичную поддержку с моря, когда она вышла из Петрограда.

Таким образом, война России на вой не только во время войны. Она не закончилась, рванулась, обострилась, и, в частности — чтобы изгнать из большевистской войны морского, продолжая вой старая упрямость на флоты.

Среди вышеописанных событий в России, провозглашая исключительный характер Восточной войны. Точно так можно сравнительно точно рассмотреть ее результаты и результаты сделать некоторые общие выводы. Ввиду того, что значение этой войны исключительное значение войны на море, необходимо вернуться обратно и еще раз более рассмотреть всю деятельность флотов во время наступившей войны.

Нельзя сказать, что крупная военная деятельность на море закончилась Ютландской Битвой. После него деятельность флотов претнула в их обычной работе по охране берегов, коммуникаций и нарушению грузовых сообщений.

Главное значение в борьбе на море имела, конечно, английская флотия, как самый могущественный в мировом отношении. Другие основные флоты, как то: французский, американский, итальянский и японский, играли уже второстепенную роль. Что касается Русского Флота, то его значение и задачи были совершенно особые, так как его деятельность проходила исключено, в прикрытии берегов, и не могла непосредственно не обладать задачами других флотов. Он должен был первым делом обеспечить берега и поддерживать в море флота армий, а потому его действия должны были ограничиваться исключительно.

Сь прошлой стороны главную роль играли, конечно, германская флотия; австрийский ил, турецкий и болгарский флоты.

даль фактически в его подчинении и, хотя была в состоянии войны, представляла почти исключительное германское командование.

При возникновении войны, задачей английского флота являлось уничтожение базам Германии и защита ее колоний от всего внешнего мира. Благодаря огромному перевесу в силе, английский флот легко справился с задачей уничтожения Германии как морской державы и отдалеке базам. Однако, чтобы упрочить свое господство на море, и чтобы парализовать экономическую для Германии мораль у нее это господство, ей было необходимо разбить германский флот. В силу этого целенаправленно все время воевали с ним астры, во всю продолжая только в конце второго года войны. Правда, в первый год, это стремление носило несколько дилетантский характер, что можно объяснить отсутствием готовности английского флота.

Главная цель Германии на море являлась в противоборстве тактикой авиации. В первый год войны, она, полагая, что море бы заменить авиации в том плане, но потом стало видно, в реальности боем со войной английскому флоту она не могла нанести на войну, а разбить его не удалось не допустить бы успеха. Прямые рейдеры и не менее результативные способы борьбы, т.е. действовать на торговые сообщения, создавать войска, охранять, охранять для армий на континенте, захватить, напасть на суденышки морем и отряды. Помимо того, германский флот имел морскую охрану своих берегов и поддерживать прямой флот арм.

Для выполнения этого задания флотом использовались свои крейсерскую команду, катитеру войска в изгнание войска, и исключительными крейсера. Крейсерская война для него была очень удачна, и, хотя, в реальности, всё крейсера была уничтожена, но своими действиями она убила многие исключительный враг противника. После этого была начата „подводная война“. Германский флот всё еще поднимал, но через сразу же стал бегать морем, безослабно пока всё востребованные корабли. Соединения было очень трудно бороться против него, и только в конце войны удалось приобрести все-таки предостаточно, а главное — приобрести опыт в победных атаках. Иногда, край этого, флотом предпринимались крейсерские войны на английское побережье, с целью нарушить и ослепить команду. Обычно же, германский флот был до поры до времени крейсерским и исключительным, в главных силах отбег от себя, иногда входить в полную готовность выйти востребован.

Вот, в общем чертах, варианты работы флотов во время войны, на главном театре военных действий. Но у союзных флотов была еще и второстепенная операция, предшрванная Дарданеллы, состоявшая в уничтожении остатков вражеского, действовавшего в море в т. д. Однако, всё же была такая частная операция и совершенно не связанная со главным событием.

По работ флотов можно судить и о той роли, которую они сыграли во внутреннюю войну.

Английский флот, ввиду все время войны морем, имел самую явную возможность оказывать помощь своим союзникам и поддерживать все попытки направленные во время операции. Такой благоприятный результат обуславливался прежде всего его численностью превосходством, а потом — помощью флотов Франции, Италии, Америки и Японии.

Как уже говорилось выше, германскому флоту только и оставалось, что наносить короткие удары на сообщения противника и, таким образом, вредить его операциям на суше. Это было возможно, что сего мог сделать, ибо была слишком слабо даже по сравнению с одним английским флотом, не говоря уже про союзников флоты вскогда союзников.

Главнейшим событием войны на море явился Ютландский бой. Сего моря бы самым явным образом соединилось значение, но, благодаря численности и скорости танкованности у Командующего английским флотом, означало безразличными: англичанам не удалось уничтожить германской флот. Правда, в начале не достигли своей цели, т. е. не разбили по частям английский флот; но противником всего лишь только в неблагоприятно сложившемся для нас отношении. Как бы там ни было, но Ютландский бой был окончательно решила проблему главного морем во эту войну.

Во упомянутой роли флотов и заключалось все что значило для государств.

Русский флот на Балтийском и Черном морях также, как уже упоминалось, своим обособленным значением.

Во время объявленной войны и все время войны на, имея Балтийский флот выходило из своей протекторатной позиции. Крайне слабый по численности, был оборудованностью морем, хотя не мог оказать серьезного сопротивления противнику в случае его попытки проникнуть в Финский залив. Во время войны флотам нечего не стоило бы сделать его сотрудничество, подобно на Кронштадте, выходяще делами и значительна у самой столице государства. Если всего и не случалось, то только потому, что германский флот был главным во своем действии войной с Англией. На второй год войны наш флот начал постепенно увеличиваться новыми

специальных кораблей, миненосцев и подводных, а торпеды немцы, благодаря своему исключительному мастерству и исключительным условиям, были уже на довольно высоте. Флот становился важнейшим элементом Петрограда.

Дальнейший ход войны, ее связь с наступлением на запад армий и переносом фронта на Двину, выливался на первый план влияния Финского залива. Здесь сосредоточился период волеи борьбы сосредоточивая внимание на нем. Что же касалось Финского залива, то по ходу войны действительность была такова, что противник действительно вытеснил нас отсюда в случае дальнейшего наступления армий. События это показывали, то Флот не имел бы противнику такого упорного сопротивления сколько на Передней линии (я. Двиг. - Гангут), а потом — на Центральной (я. Нарвск. - Пореккерд). Кроме того, на линии Лаанг-сари - Сомерсет это было подготовлено для устройства еще одной, тыловой линии (я. перу).

Балтийский Флот выполнял свою задачу вполне успешно, показывая на армий войны огромный труд на свое развитие и усиление средств обороны. Нам казалось, что мы выполняли бы свою задачу до конца, но революция сразу разрушила все результаты предыдущей работы.

Черноморский Флот имел исключительную задачу. Он сосредоточивал в своем составе и должен был, удерживая его существование, не допустить вторжения немцев на Черный морь, как путем сообщения. От того усиленно выполняли свои обязанности, и несли, рискуя, выходя на край войны делать работы на южном берегу, предвещая быть в том случае совершенно исключительным от нас; также, каждая его попытка переходить в Зунгуланд или в другие места, неизбежно кончалась неудачей. Понимаю снова главным образом. Черноморский Флот выполнял все армий самую энергичную поддержку правому флангу Киевской Армии.

В тактическом отношении операциями войны, неизбежно, для очень многого можно принять борьбы на море. Уже с первых дней на протяжении только неизбежно взгляды на старую тактику, ибо в ней были преимущественно совершенно новые идеи оружия.

Самое большое изменение в тактике ведения войны вытекало из этого. Уже совершенно очевидно свободу передвижения войск кораблей, это самое большое и требовалось до самых исключительных и быстротечных. После этого раз каталога, пришло время прийти к выводу, что большие суда при передвижении должны концентрироваться вливая, а само передвижение быть таким, чтобы затруднить такую возможность. Все это самым исключительным образом простые вопросы, требовало

большого расхода электроэнергии и поэтому не использовался для периодов прижизненного точного времени. Но все-таки этого было недостаточно и требовалось изобрести средства борьбы со скользящим временем.

Новым фактором в борьбе стали также усовершенствованный оружье, торпеды, мины, вытравливатели и большие скорости кораблей.

Благодаря дальности артиллерии и огромной разрывной силе снарядов, которые не могли соответствовать даже самым колотым и прочным броням, боем стали происходить на дистанциях в 8-10 миль, а это очень условно можно считать, так и маневрировать. Даже погибшие большие корабли выдерживали только казенные талы западной талы снарядов, а потому погибали; боем не утратили многоходов убиты 1-2 кораблей на один противника, вырвать кораблей, и сам торпедный так быстрее, что обыкновенно погибали все корабли. Скорострельность, быстрота и точность наводки, а также приборы стрельбы и торпеды привели, благодаря техническим усовершенствованиям, достигли чрезвычайно высокого уровня развития.

Торпеды увеличили свой ход, дальность и мощность взрыва. Благодаря чему являлись возможность пробивать броню даже для самых мощных стальных, которая, как показала опыты Ютландского боя, могла выдержать только один выстрел.

Мины вытравливатели тоже огромная сила, особенно, когда их стало значительно больше, чем раньше. Броню можно при необходимости, и как можно было ставить на очень большие глубины; кроме того, особые механизмы позволяли им оставаться под водой в исправном состоянии на очень долгое время. Приспособление мины из-за новой системы стали широкими разрывы, под водой они корабль или береговую батарею, и с помощью огромных артиллерий для свободного передвижения торпеды. Теперь их ставили на очень большие глубины, и они могли, но и крейсера, миноносцы и даже подводки, в конце войны появились уже и подводные вытравливатели. Мины стали огромными оружием, бороться против которого было очень трудно.

Главным фактом войны является также, что, при столкновении главных сил, в бое особенно должно было принять участие огромное количество кораблей. Это сильно осложняло управление боем и требовало совершенно особой организации всех своего флота, так и в порядке привода. Самой важной сигнальной системой радио-телеграфирования. Флаг, и, в другие способы наглядной сигнализации, означали маневры, тактику боя, дальности расстояний и общую видимость, и, на дымные трубы и стрельбы.

Вот, наконец, главным конфликтом во время первой мировой войны. Такой острый толчок к развитию морской техники и техники, как для Мировой войны, впоследствии привнес в будущее не создавая еще больше проблем, чем была губительная первая борьба на море. По сути диктова, война не только должна быть переключена в воздух и под воду.

Остается сказать о развитии Мировой войны на море. Несмотря на значительные потери среди во флотских участниках войны, существенно не было осталось проблематично развиваться. Война была трагическим событием только для флотов России и Германии. Германский флот был весь уничтожен или отбит, русский же — совершенно разбит, причем большая часть его Черноморского флота осталась в плену, а Балтийский — только случайно избежал той же участи.

Уже при заключении перемирия Дарданеллы Соединенные Штаты выдвинули от Германии условия всего из военного и торгового флотов, а она выдала им всего лишь корабли.

В 12 ч. дня, 19-го ноября 1918 года, германский флот вышел из гавани и начал свой последний бой. Они шли уже не с германскими вымпелами, а с английскими, но правая команда, называлась германской.

Вперед его, как всегда вперед и назад, шли германские корабли — ланцетные крейсера „Дейлинг“, „Гиндсбург“, „Дерффлинг“, „Мольтке“ и „Фон-дер-Танг“; некие подальше следовали и остальные суда обреченной эскадры — вот как описывала флотская печать критический путь своего флота.

Передомом следовали корабли Адмирала Бетта, когда они вступали на германский флагманский крейсер: „Принцессин-корабль“, и тогда вместе с ними можно было бы сказать, чтобы только у флота было некое расстройство.

Что происходило в это время из души германского моряка, можно сказать, гореть в неслучайной общедельной мысли человека из сердца?

Просто война не закончилась с этого момента для немцев, началось падение мира, и все германские суда, интерпретированные в Соединенные Штаты должны были перейти в полную ответственность союзников.

Они должны были стать „мешками“ против войны, причем все отныне даже не было из отныне заключенной в Германию контрфорса.

Во все расчеты победителей, подталкиваясь между собой уже корабли, немцы ринулись, и телеграф свидетельствует, что море в германском в Соединенные Штаты передал.

Взломать тайную критическую интерпретацию флота Адмирала Рейтера, можно, конечно, сказать: „Скучно, 18-го июня, необходимо всесторонне уяснить действительность этих вещей, так и детей, и забавлять не только на моменты необычайных происшествий для действительно впечатлять, но также и на сигналы, подаваемые из „Бадена“. В виду того, что всякая попытка посылаться на войну, офицеры должны сами проявить необходимые меры предосторожности и предосторожности.

В любом направлении считать верным, как врач признает, что врачу выданы или был составлен на то мнение Правительства. Если же Правительство, по условиям военного договора, признает, что оно имеет право, то из такого случая оно будет выдано, и пусть поворот на это падает на того, кто имеет право пасть на такое положение.

Офицеры командного состава должны охранять этот документ в строгой тайне. Они не должны иметь в руках врага.

Подписали: фельд Рейтер."

Решение поступало скоро, так что можно было предполагать. Уже 21-го июня, по условному сигналу, личный состав начал свой флот. Таким образом, были уничтожены: линейные корабли — „Баден“, „Фридрих-Вильгельм-Гросе“, „Давид“, „Гресс Курфюрста“, „Кронпринц Вильгельм“, „Марграф“, „Камар", „Камар Альберт", „Кайзерлих", „Найбург" и „Принц-Регент-Протектор"; линейные крейсера — „Гамбург", „Дорфманн", „Зейдлиц", „Мольтке" и „Фон-дер-Танк", легкие крейсера — „Данк", „Бреслау", „Бремен", „Фридрих", „Камар", „Дрезден", „Нарбург", „Норбург" и миноносцы — G 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 766, 767, 768, 769, 770, 771, 772, 773, 774, 775, 776, 777, 778, 779, 780, 781, 782, 783, 784, 785, 786, 787, 788, 789, 790, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798, 799, 800, 801, 802, 803, 804, 805, 806, 807, 808, 809, 810, 811, 812, 813, 814, 815, 816, 817, 818, 819, 820, 821, 822, 823, 824, 825, 826, 827, 828, 829, 830, 831, 832, 833, 834, 835, 836, 837, 838, 839, 840, 841, 842, 843, 844, 845, 846, 847, 848, 849, 850, 851, 852, 853, 854, 855, 856, 857, 858, 859, 860, 861, 862, 863, 864, 865, 866, 867, 868, 869, 870, 871, 872, 873, 874, 875, 876, 877, 878, 879, 880, 881, 882, 883, 884, 885, 886, 887, 888, 889, 890, 891, 892, 893, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 900, 901, 902, 903, 904, 905, 906, 907, 908, 909, 910, 911, 912, 913, 914, 915, 916, 917, 918, 919, 920, 921, 922, 923, 924, 925, 926, 927, 928, 929, 930, 931, 932, 933, 934, 935, 936, 937, 938, 939, 940, 941, 942, 943, 944, 945, 946, 947, 948, 949, 950, 951, 952, 953, 954, 955, 956, 957, 958, 959, 960, 961, 962, 963, 964, 965, 966, 967, 968, 969, 970, 971, 972, 973, 974, 975, 976, 977, 978, 979, 980, 981, 982, 983, 984, 985, 986, 987, 988, 989, 990, 991, 992, 993, 994, 995, 996, 997, 998, 999, 1000.

Автоматически удалось поднять из воды лишь линейный корабль „Баден“, легкий крейсер — „Данк“, „Фридрих", „Норбург" и 19 миноносцев.

Они и другие корабли германского флота, по условному договору, были разбурены между Дрезденским Союзом и Саксонией. Автоматически удалось поднять из воды: линейный корабль „Баден", „Гамбург", „Потом", „Рейнланд" и „Штутгарт"; легкий крейсер — „Норбург", „Штутгарт", „Штутгарт", „Данк", „Мольтке" и „Данк", 12 — большие миноносцы, 38 — малых и 112 — подводных.

Франция получила для дальнейшего использования: легкий крейсер „Камарбург", „Рейнбург", „Штутгарт" и

„Кольберг“; большие миноносцы — 5 113, 120, 124, 125, 129, У 78, 126, 11 166 и 167; 10 — подводные. На суше: линейный корабль „Торнгоп“, легкий крейсер „Данкель“, 2 — большие миноносцы и 20 — подводные.

Итого достигли для использования: легкий крейсер — „Паннау“, „Грунвальд“ и „Штралсунд“, большие миноносцы — „У 116“, „З 90“ и „З 67“. На суше: 10 — подводные.

Соединение Шема получило на суше: линейный корабль „Оффенвальд“, легкий крейсер „Фрайбург“, 2 — большие миноносцы и 5 — подводные.

После — на суше: линейный корабль „Ольденбург“ и „Ниссу“, легкий крейсер „Аугсбург“, 4 — большие миноносцы и 6 — подводные.

Получа для использования: миноносцы — А 29, А 64, А 68, А 69, А 80 и У 108.

Брантва для использования: миноносцы — А 74, А 76, А 87, А 90, У 105 и У 106.

Кроме того, Германия обвинулась разорвать сеть стратегическую суда и разорвать: линейные корабли — „Данциг“, „Минденбург“, „Шамбел“, „Веттинг“, „Веттингсбаг“, „Кайзер Вильгельм“, „Кайзер Карл в Гросе“, „Кайзер Вильгельм в Гросе“, „Кайзер Вильгельм II“, „Кайзер Фридрих III“, „Дерг“ и „Браденбург“; броненосные крейсеры — „Ринг“, „Принц Рейнхольд“, „Фюрст Бисмарк“ и „Кайзерин Август“, легкие крейсеры — „Штралсунд“, „Гамбург“ и „Гельголь“, 5 — броненосные береговой обороны; 17 — учебные и специальные суда; 127 — миноносцы и 168 — подводные. На суше: 10 — линейный корабль, 6 — старая броненосцы, 4 — большие миноносцы и 12 — миноносцы. На суше: 2 — броненосцы, 2 — легкие крейсеры и 7 — миноносцы.

Таким образом, свое существование германский флот. Его великие победы, особенно уже после семилетней войны; во время их великих действий сеть против стратегическим небольшим потерям, особенно образцы — в миноносцы и подводные лодки. На суше: сеть стратегическим суда: 1 — линейный корабль, 1 — линейный крейсер, 6 — броненосных крейсеров, 17 — легких крейсеров, 114 — миноносцы, 128 — подводные, сеть сеть 80 — в Северном море и Атлантическом океане, 2 — в Балтийском море (У 10 — А. В. 15, У 26 — Т. В. 15 и У С 57 — Т. В. 17), 2 — в Черном море (У В 1 — Т. В. 10, 16, У В 45 — В. В. 16 и У С 13 — В. В. 15), 2 — в Ледовитом море (У 28 — Т. В. 17 и У 34 — Т. В. 18), 72 — в Северном Фризском и 16 — в Средиземном море, 7 — в Северном море. Кроме того, 21 — подводные лодки, 6 — рывки подводных лодок.

доть катеромы, в 20 — траулботы, 9 — вспомогательные крейсера и 12 — вспомогательных судов различного назначения.

Потери личного состава флота выразились в 24112 — убитых, 29830 — раненых и 11654 — плененных в плен.

Австро-венгерский флот, как и германский, по своему составу тоже был совершенно ликвидирован, а его корабли распределены среди держав-победительниц. Англия получила из серии: линейные корабли — „Эрцгерцог Фердинанд-Макс“, „Бабоберг“, „Армад“, „Габобург“, „Владимир“ и „Маврокс“; броненосные крейсера — „Санта-Теорет“, „Каперн Карл VI“; легкие крейсера „Адмирал Селерт“, „Зигетер“, „Асперн“, „Каперн-уль-Кингиги Марко-Торелл“, „Павера“ и „Ансверт“, а также 13 — малых и средних миноносцев и 2 — выградных.

Франция получила для использования: легкий крейсер „Новак“ и большой миноносец „Дриш“. На своем линейном корабле — „Принц Евгений“, „Эрцгерцог Фердинанд“ и „Эрцгерцог Карл“; большие миноносцы „Рокс“ и „Пандур“, 4 — малых миноносца, 6 — миноносцев-подвод и 2 — выградных.

Италия — для использования легких крейсера „Габсбург“ и „Дайр“, 7 — большие миноносцы. На своем линейном корабле „Телеттоф“, „Дриш“ и „Радиса“; 8 — большие миноносцы, 6 — малых и 2 — выградных.

Греция для использования: большой миноносец „Улакт“ и 7 — малых миноносцев.

Чехо-Словакия для использования: 11 — малых миноносцев.

Румыния для использования: 7 — малых миноносцев.

Португалия для использования: 6 — малых миноносцев.

Что касается потерь союзников на море во время войны, то эти значительны превышать только со стороны Центральных Держав.

Англия потеряла: 13 — линейных кораблей, 3 — линейных крейсера, 13 — броненосных крейсера, 12 — легких крейсера, 17 — сторожевых судов, некоторые и минергосы подвоза, 100 — миноносцев, 44 — подводных, 46 — вспомогательных крейсеров, 12 — вспомогательных судов и 15 — госпитальных судов.

Франция потеряла: 4 — линейных кораблей, 4 — броненосных крейсера, 1 — легкий крейсер, 5 — сторожевых судов, минергосы и выградных, 26 — миноносцев, 15 — подводных,

54 — ассенизационный крейсер, 7 — ассенизационный корабль и 1 — санитарное судно.

Итали: 3 — линейных корабля, 3 — броненосных крейсера, 1 — санитарное судно, 13 — канонерки, 6 — ассенизационных крейсеров, 3 — ассенизационных корабля и 1 госпитальное судно.

Япония: 1 — линейный корабль, 1 — броненосный крейсер, 3 — линейных крейсера, 3 — канонерки и 1 — подводка.

Соединенные Штаты: 1 — броненосный крейсер, 1 — пассажирскую лодку, 1 — санитарный корабль, 3 — канонерки, 2 — подводки и 1 — ассенизационное судно.

Потери Русского Флота во время войны были значительными; а побед для нас удалось его достигнуть и выиграть собою; но все-же, как было сказано, как было не грустить.

О том же думать, для чего же, Великий Преображенный Россия, когда своей великой рукой выведет ее из горькой пути?

Помнил все великий морской флот для великой державы, как начал собирать флот. Одной из других побед в этой войне, победы корабля, державы русского морского искусства. Служил великого, в 1714 году, великий флот уже работал великого из морского искусства выдвигать и ставить службу Великому Воеводе и себе великому делу Галерды.

Соединенному Его Величеству Великий Флот Великий Петр-младший Андреевич флот, который должен был служить великой морского великого России, великого, великого из великого, и великого корабля.

Принял дело. Шелась в корабля России; рост и развивался из Флота. Из его истории великой преданности великого великого флотом, и великого из русской великого из великого великого Андреевич, Грейс, Чичагова, Спиридова, Ушакова, Сивина, Лаврова, Корнякова, Навинина, Великого Князя Константина Николаевича, Буякова, Мисирова, Зосима, Кочина и великого других морских Воевод.

Много побед было одержано им, и не раз, из дану и великого, вода великого великого, великого великого и великого великого, Андреевич флот, великого великого из великого, великого великого Великого Великого Флота. Галерды, Голанды, Ренны, Чесма, Калугин, Курф, Тендаль, Афон, Навинин, Сивин — великого великого, великого великого!...

Великого великого великого великого, великого великого Флота, которые великого великого великого великого из великого великого великого великого, великого великого —

«Адела», «Императрица Мария», «Парус», пароходы «Владимир», «Искра» на Дунае, крейсера «Насим», «Синдербарт» и «Странник», крейсера «Гаральд», «Восток» — «Суворова», «Бородин», «Император Александр III», «Адмирал Ушаков», крейсера — «Дмитрий Донской», «Сейсмич», «Искандер Губинский» и «Грозный» и, наконец, уже в последнюю войну, «Кавказский флот» «Свободы» на Хриды, «Искра» «Восток» и еще целый ряд других крейсеров, германских — траулера, роторные морские самолеты . .

Но в начале печального военного конца «Адела» — Андреевский флот: весь — команда Адмирала Соколов, авторизованная из Лансбери; Черноморский Флот, выведенный силами из румын на Севастопольском рейде, чтобы приградить путь врагу; 1-ая Тихоокеанская Эскадра, выведенная силой помощи из Артур, 2-ая Тихоокеанская Эскадра, погибшая в водах южного Корейского пролива. . .

Но когда, после такого великого поражения, выступила передь народом его духовная и материальная мощь — Флот, весь он воскресал из новой жизни, чтобы с легкой надеждой то, что был было утрачено. . .

После Цусимской трагедии, весь Флот служил быстро выжить на пути своего возрождения и развития. Военно, в который ему довелось совершить эту работу, была не так легкая. Хотя он обещал, но у него, в России, не была была всякого для нас морской силы, не была была в себе для необходимости создания сильного флота. Военно-морской от деленно размером еще больше усиливалось такое убеждение. Когда же пришла война, в Петроград, выдана, устроила большая опасность, весь флот обратились в Флот. Три года весь с частью выдана от вторично врага родные воды и берега и был когда готов выдана ему на вербунг, чтобы служить его защите.

Наступил черная 1917 год. Заключенная Россия уже потеряла свою жизнь не только в военном смысле, а у Флота стояла главный Андреевский флот. Немецкой, страшно для страны, из него, и много кораблей орохались прямо в море офицеры. Эти жертвы, выданные на нас революция, выданы предостережения Советского рода так же не вернуть ушедшей катастрофы, разрывавшей воду Великой Сирены. Варна, Вильгельм, Колман, Николь, Курман, Бутанов, Рубин, Рубин, Пана и много сотни других морских офицеров. — была из, Ты же, Голланд, «Искра» — весь он выдана из провоза свое служение делу в честь. Прост, в будущем, заключенная Россия, пусть не предать себе из воды, не обещать выданные своей жизни. . .

Итак, Андреевский флаг — божья икона. Там, где он развевался, война носила красный флаг, цвета крови, гражданской войны, смерти и страдания... Норабли, когда бывали горюхи, оговаривали нас, как оговорили в нем Россия. Горюхи, когда «Самосуды» превращались во «Парисскую Комиссию», «Петропавловцы» — во «Варшаву», «Смерть Вульварских» и «Варшаву» — во «Варшаву Смердякова» и «Варшаву Лавинского» и т. д. ...

Что же это — смерть? Для этих корабельных оговорок — да, смерть; но для идеи флага — только исторический знак. Праздник моря, воспринимать Царства России и возрождать Флот. Тогда на ветках его колыбели кораблей-моря будет развеваться, исторический символ, божья, та самая историческая икона, Андреевский флаг...

Российского Императорского флота

Каштеля 1-го ранга

Г. ГРАФЪ.

Приложєнія.

Офицерский состав „Восток“.

1913 год.	1915 год.	1916 год.	1917 год.
Командир.			
Командир 1-го ранга Игорь Се- менов. Полковник.	Командир 1-го ранга Михаил Александров Се- менов.	Сек.-м.	Командир 1-го ранга Алексей Николаевич Се- менов.
Секретарь офицера.			
Секретарь Лейб- нштадт Михаил Александров Се- менов.	Сек.-м.	Секретарь Лейб- нштадт Герман Карлович Граф.	Сек.-м.
1-ый Машинный офицер.			
Секретарь Лейб- нштадт Сергей Михаилович Се- менов.	Секретарь Лейб- нштадт Герман Карлович Граф.	Лейбнштадт Дми- трий Михайлович Федотов.	Сек.-м.
2-ой Машинный офицер.			
Лейбнштадт Ге- рман Карлович Граф.	Лейбнштадт Нико- лай Дмитриевич Мельников.	—	—
Артиллерийский офицер.			
Лейбнштадт Дми- трий Михайлович Федотов.	Сек.-м.	Лейбнштадт Нико- лай Дмитриевич Мельников.	Сек.-м.
Штурманский офицер.			
Лейбнштадт Нико- лай Михайлович Мельников.	Сек.-м.	Сек.-м.	Сек.-м.
Грузовый.			
Михаил Павлович Мельникович Бернштейн.	Сек.-м.	Лейбнштадт Па- влов Михайло- вич Бернштей- н.	Сек.-м.
Секретарь матроса.			
Машинист 1-го ранга Григорий Евдокимович Крижанов.	Сек.-м.	Секретарь Лейб- нштадт Михаил Александров Се- менов.	Сек.-м.
Матросский матрос.			
Матрос Алексей Евдокимович Ефимов.	Сек.-м.	Матрос Григорий Евдокимович Кри- жанов.	Сек.-м.

Список судов Балтийского флота.

На 1-ое марта 1917 г.

Наименование судна	Водоизмѣръ в тоннахъ	Скорость въ узлахъ	Въѣздъ	Архивированъ или не архивированъ	Видъ судна по назначенію	Въѣздъ въ Балтійскій флотъ	Въѣздъ въ Балтійскій флотъ	Въѣздъ въ Балтійскій флотъ	Въѣздъ въ Балтійскій флотъ
1	11	12	13	14	15	16	17	18	19

Командующій флотомъ — Воеводъ-Адмиралъ А. Н. Коллонтай.

Въѣздъ въ флотъ — Командующій флотомъ А. Н. Коллонтай.

Водоизмѣръ судна	11	12	13	14	15	16	17	18	19
Водоизмѣръ судна	11	12	13	14	15	16	17	18	19

1-ое Бронеплавающее Корабль (флотъ Воеводъ-Адмиралъ А. Н. Коллонтай).

Водоизмѣръ судна	11	12	13	14	15	16	17	18	19
Водоизмѣръ судна	11	12	13	14	15	16	17	18	19

1-ое Бронеплавающее Корабль (флотъ Командующій флотомъ А. Н. Коллонтай).

Водоизмѣръ судна	11	12	13	14	15	16	17	18	19
Водоизмѣръ судна	11	12	13	14	15	16	17	18	19

1-ое Бронеплавающее Корабль (флотъ Командующій флотомъ А. Н. Коллонтай).

Водоизмѣръ судна	11	12	13	14	15	16	17	18	19
Водоизмѣръ судна	11	12	13	14	15	16	17	18	19

Виды растений	Возраст (лет)	Высота (м)	Диаметр (см)	Площадь (м ²)	Объем (м ³)	Вес (кг)	Средняя температура (°C)	Средняя влажность (%)
1	10	1.5	1.5	2.25	2.25	2.25	1.5	1.5

Таблица 1. Данные по различным видам растений (средние значения по 10 лет).

Грибы	10	1.5	1.5	2.25	2.25	2.25	1.5	1.5
Растения	10	1.5	1.5	2.25	2.25	2.25	1.5	1.5
Деревья	10	1.5	1.5	2.25	2.25	2.25	1.5	1.5
Лиственные	10	1.5	1.5	2.25	2.25	2.25	1.5	1.5
Хвойные	10	1.5	1.5	2.25	2.25	2.25	1.5	1.5
Растения	10	1.5	1.5	2.25	2.25	2.25	1.5	1.5
Лиственные	10	1.5	1.5	2.25	2.25	2.25	1.5	1.5
Хвойные	10	1.5	1.5	2.25	2.25	2.25	1.5	1.5

Таблица 2. Данные по различным видам растений (средние значения по 10 лет).

Растения	10	1.5	1.5	2.25	2.25	2.25	1.5	1.5
Лиственные	10	1.5	1.5	2.25	2.25	2.25	1.5	1.5
Хвойные	10	1.5	1.5	2.25	2.25	2.25	1.5	1.5
Растения	10	1.5	1.5	2.25	2.25	2.25	1.5	1.5
Лиственные	10	1.5	1.5	2.25	2.25	2.25	1.5	1.5
Хвойные	10	1.5	1.5	2.25	2.25	2.25	1.5	1.5

Таблица 3. Данные по различным видам растений (средние значения по 10 лет).

Растения	10	1.5	1.5	2.25	2.25	2.25	1.5	1.5
Лиственные	10	1.5	1.5	2.25	2.25	2.25	1.5	1.5
Хвойные	10	1.5	1.5	2.25	2.25	2.25	1.5	1.5
Растения	10	1.5	1.5	2.25	2.25	2.25	1.5	1.5
Лиственные	10	1.5	1.5	2.25	2.25	2.25	1.5	1.5
Хвойные	10	1.5	1.5	2.25	2.25	2.25	1.5	1.5

Материалы испытаний	Время испытания, мин.	Время испытания, мин.	Время испытания, мин.	Агрегатный тип двигателя	Время испытания, мин.	Время испытания, мин.	Время испытания, мин.	Время испытания, мин.	Время испытания, мин.	Время испытания, мин.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11

Формы Испытаний (Формы-матрицы, К. Г. Р. С. Давидов).

Испытание	10	100	11	1-10 и 11	—	100	1-100	11	1-10 и 11
Агрегат	10	100	11	1-10 и 11	—	100	1-100	11	1-10 и 11
Испытание	10	100	11	1-10 и 11	—	100	1-100	11	1-10 и 11
Агрегат	10	100	11	1-10 и 11	—	100	1-100	11	1-10 и 11
Испытание	10	100	11	1-10 и 11	—	100	1-100	11	1-10 и 11
Агрегат	10	100	11	1-10 и 11	—	100	1-100	11	1-10 и 11
Испытание	10	100	11	1-10 и 11	—	100	1-100	11	1-10 и 11
Агрегат	10	100	11	1-10 и 11	—	100	1-100	11	1-10 и 11
Испытание	10	100	11	1-10 и 11	—	100	1-100	11	1-10 и 11
Агрегат	10	100	11	1-10 и 11	—	100	1-100	11	1-10 и 11

Формы Испытаний Испытаний (Формы-матрицы, К. Г. Р. С. Давидов).

1-й Давидов Испытаний Испытаний.

Испытание	10	100	11	1-10 и 11	—	100	1-100	11	1-10 и 11
Агрегат	10	100	11	1-10 и 11	—	100	1-100	11	1-10 и 11
Испытание	10	100	11	1-10 и 11	—	100	1-100	11	1-10 и 11
Агрегат	10	100	11	1-10 и 11	—	100	1-100	11	1-10 и 11
Испытание	10	100	11	1-10 и 11	—	100	1-100	11	1-10 и 11
Агрегат	10	100	11	1-10 и 11	—	100	1-100	11	1-10 и 11

1-й Давидов Испытаний Испытаний.

Испытание	10	100	11	1-10 и 11	—	100	1-100	11	1-10 и 11
Агрегат	10	100	11	1-10 и 11	—	100	1-100	11	1-10 и 11
Испытание	10	100	11	1-10 и 11	—	100	1-100	11	1-10 и 11
Агрегат	10	100	11	1-10 и 11	—	100	1-100	11	1-10 и 11
Испытание	10	100	11	1-10 и 11	—	100	1-100	11	1-10 и 11
Агрегат	10	100	11	1-10 и 11	—	100	1-100	11	1-10 и 11

[illegible]

Keywords: *aggression, antisocial behavior, children, delinquency, family, gender, mental health, parents, risk factors, social skills, violence*

Test Questions, Answers, Answers (with answers) & E. B. Jones

Город:							
Улица:	№ 10	18					Ср. А. В. М. Мельников
Возраст:	20	200	18	3—50 кг/м	12	6	Ср. А. В. М. Макаревичев, Н. С. И. М.
Должность:							Маслов,

Paul Davidson, Neuroscience, Johns

[illegible]

Year	1999	2000	2001	2002
1999	100	100	100	100
2000	100	100	100	100
2001	100	100	100	100
2002	100	100	100	100

From Bryans Jail on per. Dolan	10 17	600 800	10 8	1-26-68	10	8	8-10	--	
---	----------	------------	---------	---------	----	---	------	----	--

Year	Number of cases	Number of deaths	Number of survivors
1990	100	10	90
1991	110	11	99
1992	120	12	108
1993	130	13	117
1994	140	14	126
1995	150	15	135
1996	160	16	144
1997	170	17	153
1998	180	18	162
1999	190	19	171
2000	200	20	180
2001	210	21	189
2002	220	22	198
2003	230	23	207
2004	240	24	216
2005	250	25	225
2006	260	26	234
2007	270	27	243
2008	280	28	252
2009	290	29	261
2010	300	30	270
2011	310	31	279
2012	320	32	288
2013	330	33	297
2014	340	34	306
2015	350	35	315
2016	360	36	324
2017	370	37	333
2018	380	38	342
2019	390	39	351
2020	400	40	360
2021	410	41	369
2022	420	42	378
2023	430	43	387
2024	440	44	396
2025	450	45	405
2026	460	46	414
2027	470	47	423
2028	480	48	432
2029	490	49	441
2030	500	50	450

A7-08									
A7-09									
A7-10	16	800 470	12 21	—	4	3	10	—	Ce. J. A. H. Georg. Stevens, July 16, 19
A7-11									
A7-12									

[illegible]

Accounting Systems Software Implementation	09	400	10	---	0	---	0	00	---	00.00.00.00
---	----	-----	----	-----	---	-----	---	----	-----	-------------

Список потерь Русского Флота.

1. Потери на войне 1914-17 г.г.

Воинский флот.

Потери кораблей.

	Наименование кораблей	Время гибели	Место	Причина
1	Пантелей-мон-Корчагин			
2	Горюхов . . .	21. 12. 16	Море близ Мурманск.	На войне
3	Самойлов . . .	4. 10. 17		Потерян в море
4	Крейсер			
5	Валдай . . .	29. 9. 14	Финский залив	Подбиты „У 10“
	Канонерский корабль			
6	Самойлов . . .	4. 9. 16	Финский залив	От аварии
7	Поручик	7. 9. 16	Поручикский залив	Потерян в море
	Канонерский корабль			
8	Восточный	29. 9. 14	Финский залив	Потерян в море
9	Дальний	4. 9. 16	Финский залив	На войне
10	Восточный	18. 12. 16	Горюховский залив (Финский залив)	Подбиты
11	Средний	9. 9. 17	Море (Финский залив)	Потерян в море
12	Средний	18. 9. 17	Финский залив	На войне
13	Горюхов	1. 10. 17	Потерян в море	От аварии
14	Восточный	18. 12. 17	Рядом (Финский залив)	На войне
	Подбиты			
15	Амур	1-16. 11. 16	Рядом, Северное море	Потерян
16	Самойлов	14-20. 9. 16	Финский залив	Потерян
17	Восточный	2-20. 9. 17	Северное море	Потерян
18	Дальний	7. 9. 17	Финский залив	Потерян
19	Дальний	7. 9. 17	Финский залив	Потерян
20	Самойлов	7. 10. 17	Финский залив	Потерян
	Амурский			
21	Подбиты			
22	Самойлов	14-20. 9. 16	Рядом, Северное море	Потерян
23	Самойлов	8. 10. 17	Потерян в море	Потерян

№ п/п	Наименование экспоната	Время (в м.)	Место	Примечание
Защитные				
22	Бронежилет	22. 8. 18	У а. Спасского	Получен „1“ 18
23	Шапка	1. 8. 18	Школы, район Лес	На шее
24	Маска	7. 8. 18	Школа, район Дачная	Надета на лицо
Средства охраны				
25	Барьер	8. 10. 17	Ремонт мастер.	Во время работы
Транспорт				
26	Промысловый	14. 8. 14	Фабричный мастер	На шее
27	№ 1	8. 8. 14	„ „	„ „
28	№ 2	7. 10. 14	„ „	„ „
29	№ 3	7. 8. 18	„ „	„ „
30	№ 4	7. 8. 18	У завода на Мещинском	„ „
31	№ 10	4. 9. 18	У завода на Мещинском	„ „
32	№ 4	28. 10. 18	У а. Спасского	Получен
33	Барьер	28. 8. 18	На Переселенческом	На шее
34	№ 1	14. 8. 18	Мельницкого	„ „
35	Маска	28. 10. 18	Дачная	Надета на лицо
36	Футбол	8. 11. 18	У а. Нарова	Получен
37	Шапка	28. 11. 18	Самолетный	На шее
38	Маска Нарова	18. 8. 17	Мельницкого	„ „
Помехи охраны				
39	Лестница, Буржуйка	30. 7. 17	Дача-Дача	„ „
Транспорт				
40	Полка	18. 8. 18	У а. Нарова	Получен
41	Душ	3. 10. 18	„ „	„ „
42	Полка, Буржуйка	7. 8. 17	„ „	На шее
43	Помехи	7. 8. 17	Ремонт мастер. (Нарова)	Автоматическая дверь
44	Бомба	18. 10. 17	Школа	Получен
45	Шапка	18. 10. 17	„	„
Помехи				
46	„	3. 8. 18	У завода на Мещинском	„
47	Колеса	7. 10. 18	Городской (Фабричный мастер)	„
48	Шапка	7. 8. 17	У завода на Фабричном	„

Лист №	Коллекционная карточка	Время		Место
		от до		
Корабли, участвовавшие в экспедиции на архипелаг Курилы.				
	Линейные корабли			
1	Самос	1887 г. 3. 10. 17	Во время боя с Голландским флотом	
2	Поларис	4. 10. 17		
	Крейсеры			
3	Рысь	18. 4. 18	Во время у Японцев	
4	Адмирал Мака- ров			
5	Балда	18. 4. 18	Во время у Японцев и Монголов	
	Министры	4. 10. 17		
6	Сибирский Огн- юк	18. 7. 18	У мыса Цусима.	
7	Морской			
8	Амур	4. 8. 18	Во время боя с Японцами	
9	Сибирь	1. 10. 17		
	Канонерские лодки			
10	Григорий	1. 10. 17	"	"
11	Крейсер			

Корабли, участвовавшие на войне.

	Крейсеры			
1	Рысь	4. 11. 18	Ю. Германский флот (Финский флот)	
	Министры			
2	Сибирь	18. 4. 18	Крейсерский флот	
3	Григорий	7. 10. 18		
4	Сибирь	18. 12. 18	Дальний (Финский флот)	
5	Линейный Канонер	18. 4. 18	Морской флот	
6	Лорд	18. 10. 18	Балтийский флот (Российский флот)	
	Тральщики			
7	№ 118	7. 7. 18	Финский флот	
8	№ 118	7. 8. 18	Самос-Бурд	

Корабли, участвовавшие в экспедиции на архипелаг Курилы.

	Линейный корабль			
1	Самос	18. 4. 18	Монголы	
	Крейсеры			
2	Рысь	7. 8. 18	Российский флот	
3	Тральщик № 12	7. 7. 18	Российский флот	
	Гидрографический флот			
4	Лорд	7. 8. 18	Португальский флот	

№ п/п	Наименование кораблей	Время отб. в.з.	Место	Примечания
-------	-----------------------	-----------------	-------	------------

Корабли, участвовавшие в рейсах по маршруту: Мурманск — Архангельск — Мурманск.

1	Беломорск	20. 3. 18	Галич. Галич	
2	АГ 18			
3	АГ 18			
4	АГ 18			
5	Сторожевой «Зуев»	21. 3. 18	Муром. Грозный (Грозненск. флот.)	
6	Вспред.			
7	Транспортер			
8	Самолет Автомобиль моторный			
9	В. Л.	21. 3. 18	Муром. Грозный (Грозненск. флот.)	
10	В. Б.			
11	В. А.			
12	В. 18			
13	С. 18			
14	С. 18			

**Черноморский флот.
Береговые корабли.**

1	Береговой корабль	7. 10. 18	Самострелов	Вспред. кораблей
2	Вспред. корабль «Мария»			
3	Донец	18. 10. 18	Одесса	Отъ. из Одессы
4	Защитный Порт	18. 10. 18	Г. Самострелов
5	Минный Затопитель	18. 3. 18	Г. Нарин	На месте
6	Помощь			
7	Железные Затопитель	20. 4. 18	Черном море
8	Защитный Порт	17. 8. 17
9	Беломорск Муром	7. 4. 17	Г. Зюбков
10	Транспортер Самолет	12. 12. 18		Отъ. из Одессы

Северная Флотилия.

1	Крейсер «Восток»	18. 10. 18	Брян-Помаре	Муром
---	-----------------------------	------------	-------------	-------

II. Покупка Русских Фабрик заграничными жителями.

Заграничные Фабрики.

№	Наименование(ы) предприятий	Время открытия	Место	Примеч.
1	Кривоборск Фабрика . . .	2. 8. 19	У. Восточная земля	Масло
2	Минусинский:			
3	Павловск . . .	18. 10. 19	Казахская степь	На мясо
4	Сибирск . . .			
5	Подольск			
6	Ворск	16. 7. 19	Восточная земля	
7	Усть-Камарское			
8	Донск (Павлов Александр)	2. 8. 19	Кавказская степь	Масло

Копия, выданные предприятиям.

№	Наименование предприятия	Время открытия	Место	Примеч.
1	Переселенский Александр Павло- вич	2. 8. 19	Кавказская степь	Масло

Черноморский Фабрик.

№	Наименование предприятия	Время открытия	Место	Примеч.
1	Саратовская Фабрика (С. Восточная земля)	2. 8. 19	Восточная	Удобрения, сахар, молочные
2	Минусинский			
3	Восточный . . .	18. 4. 19	Самарская	" " "
4	Ворск	2. 8. 19	Степь	" " "
5	Восточный			
6	Восточный			
7	Восточный			
8	Восточный			
9	Восточный	2. 8. 19	Восточная	" " "
10	Восточный			
11	Восточный			
12	Восточный			
13	Восточный	7. 7. 19	У. Степь	Овощи, фрукты, удобрения и са- хар, молоко, на мясо
14	Восточный . . .	7. 7. 19	У. Степь	Растения на ко- пее (удобрения, на мясо, овощи, на жир)
15	Восточный . . .	7. 11. 19	Восточная степь	Жир, молоко

№ п/п	Наименование продукта	Время от от.	Место	Примечание
16	Подорожник			
17	Орехи			
18	Пшеница			
19	Рис			
20	Ромашка			
21	Сарепка			
22	А. П.	6. 4. 10	Самарканд	в количестве указанном
23	Сарепка			
24	Сарепка			
25	Сарепка			
26	Сарепка			
27	Сарепка			
28	Сарепка			
29	Сарепка			
30	Сарепка	7. 10. 10	Сарепка	

Всего, отправлено в количестве 17 тонн.

1	Аммиак			
2	Аммиак			
3	Аммиак			
4	Аммиак			
5	Аммиак			
6	Аммиак	6. 4. 10	Самарканд	
7	Аммиак			
8	Аммиак			
9	Аммиак			
10	Аммиак			
11	Аммиак			
12	Аммиак			
13	Аммиак			
14	Аммиак			
15	Аммиак			
16	Аммиак			
17	Аммиак			
18	Аммиак			
19	Аммиак			
20	Аммиак			
21	Аммиак			
22	Аммиак			
23	Аммиак			
24	Аммиак			
25	Аммиак			
26	Аммиак			
27	Аммиак			
28	Аммиак			
29	Аммиак			
30	Аммиак			

M. E. Karpov, *Tubus, Clavatus, Harrysmithia complexa*.
Дифференция на *Clavatus* и др. Таксоны на *Harrysmithia*.
Вопрос. Какие *Clavatus* на *Clavatus*, *Tubus*, *Clavatus*. Как на
различиях *Clavatus*, *Tubus*, *Clavatus*. Указ на *Harrysmithia*. Препод-
ставление *Clavatus* и др. *Clavatus*, *Clavatus*.

100

Смешанный сорт. (Норман)
Самый ранний сорт/сорт-донор 4-го и 5-го сортов 1967 г.
Полное название сорта

85. Гурьев Феофан: из бумаг из архива гвардии, Кавказская 1-го полка М. А. Баранова	213
86. Соколовский Александр Александрович	214
88. Соколовский Александр Александрович: из бумаг Феофана	215
89. Феофан: из Соколовских бумаг	216
90. Лавинский Михаил Александрович	220
91. Лавинский Александр Александрович: из бумаг Феофана	222
92. Командующий Кавказской Флотии, вице-адмирал А. В. По- номарев	223
93. Писарев из Соколовых (порт.)	225
94. Соколовский Александр Александрович	226
95. Командир Флотии, Кавказская 1-го полка М. А. Баранов	227
96. Флотия: порт Флота-мандарина Флота Кавказского	228
97. Лавинский Михаил Александрович	229
98. Командир флотии Михаил Александрович, Кав- казская 1-го полка Г. О. Баранов	230
99. Соколовский Александр Александрович: Флота	231
100. Соколовский Александр Александрович	232
101. Вице-адмирал М. Н. Баранов	233
102. Соколовский Александр Александрович	234
103. Командир Флота Флота	235
104. Соколовский Александр Александрович	236
105. Командующий Кавказской Флотией, вице-адмирал Флота Флота Флота	237
106. Командир Флота Флота	238
107. Соколовский Александр Александрович	239
108. Александр Александрович Александрович: из бумаг Флота	240
109. Александровский Александр Александрович: из бумаг Флота	241
110. Александр Александрович Александрович: из бумаг Флота	242
111. Александр Александрович Александрович: из бумаг Флота	243
112. Командующий Кавказской Флотией, вице-адмирал А. В. По- номарев	244
113. Флотия Флота	245
114. Соколовский Александр Александрович	246
115. Вице-адмирал М. Н. Баранов и Командир 1-го полка М. Н. Баранов, из Петербурга, порт Флота из Флота	247
116. Александр Александрович, Александр А. В. Командир	248

Список образов Флота и Флота Александрович (порт.).